

Олег ПЛАТОНОВ

МАСОНСТВО И РЕВОЛЮЦИЯ

Олег
ПЛАТОНОВ

Масонство и революция

Издательский дом
«Кислород»

МОСКВА
2016

УДК 94(47)
ББК 63.3.(2)
ПЗ7

*Памяти митрополита Санкт-Петербургского
и Ладожского Иоанна (Снычева),
благословившего мой труд*

Платонов О. А.

П 37 Масонство и революция. — М.: Издательский дом
«Кислород», 2016. — 464 с.

ISBN 978-5-901635-52-0

В книге рассказывается о связи масонских лож с революционными событиями в разных странах. Масонские ложи являются одной из главных движущих сил многих разрушительных процессов по всему миру. Масонские функционеры устраивают революции, создают марионеточные режимы, манипулируют средствами массовой информации, разрушают веру и нравственность, организуют массовые беспорядки и братоубийственные гражданские войны наподобие той, которая сейчас происходит в Украине.

Опубликованные в книге документы и материалы позволяют понять технологию современных «цветных революций», совершаемых масонской сверхдержавой США и ее западноевропейскими сателлитами во многих странах мира.

В книге использованы масонские архивы и редкие издания.

© Платонов О. А., 2016

© Издательский дом «Кислород», 2016

ПРЕДИСЛОВИЕ

Собранные мною документы и материалы из масонских архивов и зарубежных исследований по масонству свидетельствуют, что подавляющее большинство так называемых революционеров в XVIII, XIX и начале XX века состояли в масонских ложах и по своему менталитету были профессиональными разрушителями духовных ценностей и устоев.

Конечно, это не означает, что все революции делались только масонами, но в XVIII — начале XX века именно они являлись главной движущей силой разрушительных событий. После Первой мировой войны положение заметно изменилось. Наряду с классическими масонами масонские технологии насаждения революций стали применять государственные деятели и спецслужбы США и европейских государств.

В основе революционных масонских программ европейских революций, а позднее — революционных движений в России (декабристов, февралистов и т. п. вплоть до сегодняшней майданной Украины) — лежала идеология Талмуда, призывавшая к уничтожению Христианства. Их главная цель — установление мирового господства некой «избранной общности», имеющей особое право осуществлять террор, убийства всех несогласных, организовывать массовые беспорядки для захвата власти.

Позднее революционные технологии, выработанные в масонских ложах, использовались не только в христианских государствах, но применялись и в других странах мира. За сегодняшними «цветными революциями» в Ливии, Ираке, Сирии, Алжире, Египте стоят организаторы «экспорта» революции — «великие масонские державы» США и их западноевропей-

ские сателлиты, использующие масонские политические технологии. Возглавляют эту подрывную работу правительства названных государств, большинство членов которых состоят в масонских ложах и близких к ним организациях.

Масонство — антихристианская идеология тайных организаций, именующих себя масонскими ложами, объединенных в несколько соперничающих между собой орденов (тамплиеры, мартинисты, розенкрейцеры, Великий Восток и др.). Корни масонской идеологии уходят в глубокую древность, основываясь на идеях тайных сект талмудического иудаизма. Талмуд учит, что евреи — высшие существа, им принадлежит будущее, сам «бог» «дает им право» господствовать над человечеством. Все остальные народы являются неполноценными. Понятие «мораль» неприменимо к неевреям, которых можно безжалостно эксплуатировать, обманывать, грабить и убивать. Все, кто не признает «право» евреев господствовать над миром, должны быть уничтожены.

Подобно иудаизму масонство основывается на учении об «избранном народе», «имеющем право» на мировое господство. Масонство включает в себя не только иудеев, но все масоны по своей сути являются духовными иудеями. Члены масонских лож считают себя участниками строительства храма Соломона. Каждый вступающий символически преобразовывается в иудея, наружным показателем чего является символический процесс обрезания, производящийся над ним. Каждый вступающий должен символически «умереть», отрешиться от всех человеческих качеств, какие он имел до вступления в «вольные каменщики». Над ним производится церемония погребения, а затем в пышной и торжественной форме его вновь пробуждают («воскрешают») к новой жизни, где царствует закон Хирама — иудея, строителя храма Соломона.

Далее, при посвящении в более высокие степени пьют еврейскую кровь, хранящуюся для этой цели в вине. Этот ритуал крови выполняется не символически, а действительно — посвящаемый в высшую степень должен на самом деле выпить из сосуда с вином кровь «братьев» одной и той же (высокой) степени, как живых, так и давно умерших. Этот ритуал преследует установление братства с евреями по крови.

Как и талмудический иудаизм, масонство ставит своей целью уничтожение христианской Церкви и христианской государственности. На языке масонов это называется революцией.

В 1903 году Конвент Великого Востока Франции обратился к своим членам с заявлением об абсолютной несовместимости христианства и масонства. «Напомним, — говорилось в этом заявлении, — что христианство и масонство абсолютно непримиримы друг с другом, — настолько, что примкнуть к одному означает порвать с другими. В таком случае у масона долг один: надо смело сойти на арену и сражаться. Триумф Галилеянина длился 20 веков. Иллюзия продолжалась слишком долго». Эти решения масонского Конвента 1903 подтверждались и другими конвентами.

«Треугольник — взамен креста; Ложа — взамен Церкви», — провозглашалось в 1922 году во французском масонском журнале «Символизм».

Русский исследователь иудаизма и масонства В. М. Мокшанский писал в 30-х годах: «К антихристианским идеям приучают масонов постепенно и осторожно; сперва начинающим масонам говорят: “Масонство — не Церковь, не религия, и, чтобы быть действительно веротерпимым, оно должно избегать упоминания имени Христа”. Затем указывают, что “масонство шире любой Церкви, так как оно сводит все религии в единую, общую религию”. Следующим этапом является обожествление человека: “Мы боль-

ше не можем признавать Бога как цель жизни; мы создали идеал, которым является не Бог, но человек”» (Конвент Великого Востока 1913 года). Обработанный таким образом масон, потерявший своего Бога и сам обожествленный, представляет собой уже готовый материал для участия в активной борьбе с Церковью и Христианством. В книге масона Клавеля указывается и степень, которую приобретает такой брат в масонстве: «Рыцарь Солнца (28-я степень) имеет задачей установление натуральной религии (т. е. иудаизма) на развалинах существующих ныне христианских религий».

«Масонство, — утверждалось в одном из руководящих документов мирового масонства, — не признает ни монарха, ни священнослужителей, ни Бога... Масонство — это непрерываемая революция в действии, не что иное, как непрерываемая конспирация, направленная против политического и религиозного деспотизма... Для нас, облеченных высшей властью, человек сам по себе является одновременно Богом, первосвященником и монархом... Вот высшая тайна, ключ нашей науки, вершина посвящения. Т. о., масонство является совершенным синтезом всего, что человечесно, и значит — Богом, первосвященником и монархом человечества... Вот чем объясняется его универсальность, его живучесть и его могущество. Что же касается нас, великих начальников, мы представляем собой священный батальон величественного патриарха, который, в свою очередь, является богом, первосвященником и монархом масонства».

Революция, писал известный масон Папюс, «суть применения конституции масонских лож к обществу». Масонство сосредоточивает усилия всех революционных умов для свержения христианского миропорядка и ликвидации священников и монархов. «Настоящий масон не может быть монархистом». «Носители госу-

дарственной власти — враги масонства, так как государственная власть — более страшный тиран, нежели Церковь».

По заявлению масона Лемми, «необходимо, чтобы лица, составляющие правительство, были бы нашими братьями-масонами или были бы лишены власти».

Первые русские масонские ложи возникли как филиалы масонских орденов Западной Европы, с самого начала отражая политические интересы последних. Главный постулат новоиспеченных российских масонов — мнение о духовной и культурной неполноценности России, ее темноте и невежестве, которые необходимо рассеять путем масонского просвещения. Опорой масонского проникновения в Россию стала часть правящего класса и образованного общества, оторвавшаяся от народа, не знавшая и даже презиравшая его национальные основы, традиции и идеалы. Это предопределило антирусский, антинациональный характер развития масонства в России.

С масонства начинается сознательное повреждение русского образованного общества и правящего слоя. Оторвавшись от отеческих корней, они ищут «ключи к таинствам природы» в западных ценностях бытия. Эти люди, ориентированные на Запад, несчастны в своей беспочвенности. Стремление найти истину для себя в чужой жизни приводит к болезненному духовному раздвоению.

Новообращенным российским масонам внушались мысли о бесспорном преимуществе западной культуры и общественной жизни по сравнению с русской «темнотой» и «невежеством». Духовная сторона масонства заключалась в вытеснении из сознания образованного слоя России национальной духовной традиции и внедрения в него чуждых ценностей западной цивилизации. Именно масонские ложи дали первые примеры противостояния дворянства и интеллигенции госу-

дарственному строю России, от них идет начало революционного антирусского движения, направленного на разрушение национальных основ.

В масонских ложах вынашивались планы уничтожения Русской Православной Церкви, расчленения России, убийства ее царей и государственных деятелей. Масоны были главными организаторами убийства Павла I, декабристского восстания, участвовали в заговорах против Александра II, Александра III, Николая II. Главную роль масонские ложи сыграли в февральской революции и свержении русского государственного порядка.

Как враждебная христианству идеология масонство впитало в себя практически все антихристианские учения и доктрины от каббалы, гностицизма, восточных мистических культов, манихейства, поклонения сатане до современных «окультиных наук», теософии, «живой этики» и т. п. и поэтому представляет огромную опасность для современной православной России.

Масонство как антихристианская идеология осуждено Русской Церковью. Русские святые и подвижники, в частности св. Серафим Саровский, св. митр. Владимир (Богоявленский), подвергали масонство анафеме. В 1932 Священный собор архиереев Русской Православной Церкви за границей определил:

1. Осудить масонство как учение и организацию, враждебную Христианству и революционную, направленную к разрушению основ национальной государственности.

2. Осудить также и все сродные с масонством учения и организации: теософию, антропософию, «Христианское знание» и ИМКА.

3. Поручить епархиальным первосвященникам и начальникам миссий преподавать подведомому им духовенству указания, необходимые для борьбы с указанными вредными учениями и организациями и для

предупреждения православной русской паствы от увлечения ими или от участия в их вредной деятельности. Сделать это через посредство духовной проповеди, внебогослужебных бесед, печати, преподавания Закона Божия в учебных заведениях и особенно через исповедь.

4. Вменить в обязанность пастырям Церкви испрашивать приступающих к исповеди — не состоят ли они в масонских организациях и не разделяют ли этих учений, и если окажется, что состоят или разделяют, то разъяснять таковым, что участие в указанных организациях несовместимо со званием христианина — члена Христовой Церкви, что таковые должны или решительно отказаться от масонства и сродных с ним учений, или при дальнейшей нераскаянности будут отлучены от Святой Церкви.

Большая часть публикуемого мной в этой книге ранее не видела свет или затерялась в зарубежных архивах или малотиражных, преимущественно зарубежных, изданиях, совершенно не доступных не только массовому читателю, но и даже специалистам.

Особую ценность для всех интересующихся историей масонства представляют подлинные документы, найденные мной в архивах масонских лож (хранящихся в Особом Архиве СССР, ныне Центр хранения историко-документальных коллекций РФ), а также в личных фондах и редких изданиях историков масонства — Н. Ф. Степанова (Свято-Троицкий монастырь, Джорданвилль, США), Б. И. Николаевского (Гуверовский институт, США), Б. Башилова (М. А. Поморцева; Буэнос-Айрес, Аргентина), В. Д. Мержеевского (Сан-Пауло, Бразилия) и др.

В книге приводится множество масонских документов и материалов, составленных для сохранения тайны с использованием специальных сокращений и выражений, непонятных для непосвященных.

При сокращении масоны вместо точки ставят три точки в виде треугольника. Ниже приводятся главные сокращения:

В.: А.: В.: — Великий Архитектор Вселенной (Люцифер, сатана)

Мас.: — масон, масонство, масонский

В.: — Восток

Ог.: — Восток

Об.: — объединение

Л.: (л.): — ложа

ЛЛ.: (лл.): — ложи

Б.: (Бр.): — брат

ББ.: (Бр.:Бр.): — братья

Маст.: — мастер

Дост.: Маст.: — досточтимый мастер

В.: Ч.: Маст.: —высокочтимый мастер¹

Р.: Кр.: — розенкрейцеры

Ш.: У.: — шотландский устав

Рит.: — ритуал

В.: Л.: Ф.: — Великая Ложа Франции

В.: В.: Ф.: — Великий Восток Франции

В.: В.: Н.: Р.: — Великий Восток Народов России

посв.: — посвящение

раб.: — работа

раб.: раб.: — работы

откр.: — открытие

Гр.: — градус масонского посвящения

Гр.: гр.: — градусы масонского посвящения.

Часть приводимых в книге документов напечатана (написана) на бланках масонских лож, на верхней полосе которых даются их название, а также аббревиатура, означающая фразу «во славу Великого Архитектора (Строителя) Вселенной».

¹ Наименование «высокочтимый мастер» присваивается председателю ложи, работающей в третьем градусе. В остальных случаях к нему применяется наименование «досточтимый» (ОА, ф. 730, оп. 1, д. 27, л. 1).

Все документы публикуются без изменений и сокращений с сохранением особенностей и стиля подлинника.

Масонское выражение «под молотком», используемое на собраниях вольных каменщиков ложи, капитула, ареопага или конвента, обозначает понятие необходимого атрибута руководителей этих собраний, к которым относятся председатель и два стража, или надзирателя. Эти три так называемые офицерские должности используют деревянный молоток, которым они трижды ударяют по столу, начиная, а иногда оканчивая свою речь. Всякий обсуждаемый вольными каменщиками вопрос на масонском языке находится под молотком председателя. Выражение «оставить под молотком» означает отложить дело на некоторое время.

Слова «Оратор» и «оратор» в масонских документах имеют разный смысл. Оратор с большой буквы означает одну из официальных должностей любого масонского собрания, а оратор с маленькой буквы — каждого выступающего на собрании.

Олег Платонов

СТРАСТЬ К РАЗРУШЕНИЮ ХРИСТИАНСКИХ ОСНОВ

Н. Ф. Степанов

ВОЛЬНЫЕ КАМЕНЩИКИ И РЕВОЛЮЦИЯ

Из истории русского масонства¹

Предлагаемые очерки публикуются впервые. Они найдены мною в личном архиве известного специалиста по истории масонства Н. Ф. Степанова, сохранившемся в Свято-Троицком монастыре в Джорданвилле (США). По-видимому, Степанов готовил к выпуску книгу по истории масонства в России. Закончить ее он не успел, сохранились только незавершенные и не вполне обработанные фрагменты, которые, на мой взгляд, представляют большой интерес по богатству собранного фактического материала.

Русское масонство после запрещения 1822 года

1 августа 1822 года последовал Высочайший рескрипт Императора Александра I, которым предписывалось закрытие всех существующих в России масонских лож.

«Государь Император, обращая бдительное внимание, дабы твердая преграда полагается была всему, что ко вреду государства послужить может... признал за благо... Высочайше повелеть:

1. Все тайные общества, под каким бы наименованием они не существовали, как-то: масонских лож, или другими, закрыть и учреждения их впредь не дозвлять.

¹ Архив Свято-Троицкого монастыря (Джорданвилль, США, далее АСТМ, фонд Н. Ф. Степанова).

2. Объявляя о том всем членам сих обществ, обязать их подписками, что они впредь ни под каким видом, ни масонских, ни других тайных обществ, ни внутри Империи, ни вне ее, составлять не будут»¹.

Так окончилось официально разрешенное правительством существование русского масонства. Однако масонство на этот неожиданный, по их признаниям, акт ответило развитием тайных организаций уже с чисто политическими целями («Союз Спасения», или «Союз Благоденствия», Северный, Южный и Славянский Союзы). Из состава их и вышли главные участники восстания 14 декабря 1825 года, приговоренные Верховным Уголовным Судом к смертной казни: Павел Пестель, Кондратий Рылеев, Сергей Муравьев-Апостол, князь Сергей Трубецкой, князь Евгений Оболенский, Матвей Муравьев-Апостол, Никита Муравьев, князь Сергей Волконский, Иван Якушкин, Вильгельм Кюхельбекер — все это были старые убежденные масоны.

В своем показании князь С. П. Трубецкой заявил, что Ал. Н. Муравьев доказывал, что «тайное общество только и может существовать посредством масонской логи».

После окончания следствия над декабристами Император Николай I Указом от 21 апреля 1826 года потребовал самого строгого исполнения закона 1822 года, причем всякий служащий и поступающий на государственную службу должен дать подписку, что он не принадлежит и не будет принадлежать ни к каким тайным обществам, в том числе и к масонству.

«Несмотря на это, ревностные братья-масоны не переставали собираться тайно; от ордена отпали только те лица, которые не были масонами по духу и убеждению, а истинные братья сохранили верность

¹ Из письма министра внутр. дел гр. В. В. Кочубея великим мастерам Великих Лож гр. В. В. Мусину-Пушкину и С. С. Ланскому (Русская Старина. 1877. 14. С. 650—651).

масонству. После запрещения братья-масоны, напротив, сплотились еще теснее и сделали постановление о приеме новых товарищей с большей осторожностью». Так рассказывает б. в. барон А. Г. фон Криднер в своей брошюре «Кто такие были русские масоны и какие цели они преследовали».

Известный исследователь истории нашего масонства А. Н. Пыпин в труде «Русское масонство — XVIII и первая четверть XIX в.» (Птг., 1916) приводит «Постановление, принятое масонами 10 сентября 1827 года по случаю запрещения лож», найденное им в Московском музее.

Из самого содержания документа можно видеть, отмечает А. Н. Пыпин, что постановление это сделано было масонами, принадлежащими к Великой Провинциальной Ложе.

Начинается это Постановление с 1827 года с указания на пример работы лож в тиши после их закрытия при Императрице Екатерине II.

«Однако несмотря на сии, при самом начале постигшие братство несчастья, несмотря на преследования правительства, обращаемые на наружные собрания, несмотря на последовавшее от сего рассеяние многих братьев, внутренняя сила осталась непобежденною и наше начальство постоянно сохранялось даже видимым образом».

«Скажем чистосердечно: мы теперь лишены видимых начальников... Но мы не лишены руководства: мы находим его в истинных степенях, в правильных материалах... завещанных нам от отцов наших... Итак, будем в совокупности употреблять сии материалы. Будем общими силами продолжать сооружение стен того здания, коего основание столь превосходно и твердо положено было предками нашими».

«Поставим предметом сего нового между нами союза взаимное себя подкрепление и утверждение в

Enkix Schultis

[illegible]

Breeding

[illegible]

To which **De Augustin Drevost** has recently attached his name and offers as a
 guarantee for the third lot of paper, for use on the above where the greatest thickness is required, the following
 of which file in full, except for a few sheets, was the BB & CC of the
 month of
 1899 of the Canadian Standard of the Postage, for the 18 of August 1899.

1710) of the Creation & of the Virgin. On the 10th of August 1704

Aug 10th 1834

орденском порядке... не упуская из вида и того, чтоб нам не быть подобными неверному рабу, скрывшему талант; напротив того, стараться полученный нами... свет передавать другим...

Не будем никакого предпринимать действия, к братству относящегося, без взаимного согласия».

«Принадлежащими ныне к союзу нашему братьями признаются все те, кои прикосновенны были к Николаю Ивановичу (Новикову). Они должны оставаться при своих руководителях. Те же из них, кои таковых не имеют, должны быть поручены ведению опытных и знакомых им братьев».

«Вообще должно приступать с крайней осторожностью к умножению числа братьев и увеличению прикосновенных к нам... по причине существующего подозрения со стороны правительства».

«Если же, по каким бы то ни было причинам, не позволено было бы по актам сим работать... тогда... оставаться всем нам в настоящем положении и в тишине спокойно продолжать занятия наши».

«Мы, — добавляет А. Н. Пыпин, — не знаем, как оно (наше масонство) существовало потом в русском обществе... к нам доходили только неясные указания и предположения о том, что масонство имело у нас своих адептов до самого последнего времени».

В «Хронологическом указателе русских лож» (1717—1829), помещенном в книге А. Н. Пыпина, последняя (187-я) запись гласит: «1828 — 21 февраля начались собрания Теоретических братьев в Москве. В собрании участвовали С. С. Ланской, П. И. Шварц, В. В. Беликов и др. Последнее датированное собрание — 30 апреля 1829 года».

В «Заметках о масонстве», изданных в 1928 году в Лондоне «Кружком русских масонов в Англии», говорится: «Известно, что отдельные группы масонов, особенно розенкрейцеры, продолжали свою работу и

даже посвящали новых членов в течение всей остальной (после 1826 г.) части XIX века, причем в отдельных русских губерниях, особенно на Украине, существовали и секретные ложи».

«После запрещения масонства, — рассказывает б. . гр. Ф. П. Толстой, — многочисленные братья-каменщики рассыпались, но продолжали распространять свое учение» (Русская Старина. 1878. II. С. 209).

«Майор Королевский уже после декабристов вел деятельную пропаганду масонства в России и имел близкие связи с польскими ложами. Этому Королевскому приписывается знаменитое восклицание: “Пока кровь течет в жилах масонов, не будет спокойствия”».

«Сын знаменитого Ив. Егор. Шварца Пав. Ив. Шварц был масоном до самой своей смерти (1848), его никто не беспокоил и он пользовался большим влиянием в Петербурге. Жил П. И. Шварц в имении своей жены (урожденной Жеребцовой) в Тульской губернии. Через Ланского он проводил самые сложные и трудные дела своих друзей. В деревне у него были постоянные съезды и собрания масонов, которые обслуживал его крепостной лакей Николай, называемый дворней “фармазоном”. Собрания эти происходили в 30-х и 40-х годах. После смерти его все масонские документы и вещи были вывезены соседом его масоном Елагиным».

«В конце 50-х годов XIX века в Москве (где-то на Полянке) существовала тайная масонская ложа, в которой мастером стула был известный в то время проповедник одной из церквей на Арбате».

Б. . Борис Телепнев в своей брошюре, изданной в Лондоне в 1928 году, “An Outline of the History of Russian Freemasonry”, сообщает о русском масонстве следующее:

«...1 августа 1822 года Император Александр I постановил закрыть все масонские ложи в России... Указ

Александра I был подтвержден его преемником Императором Николаем I 21 апреля 1826 года.

Однако надо отметить, что розенкрейцерские ложи продолжали свою деятельность в тайне и тишине; они, очевидно, продержались в течение всего XIX века, неся великие традиции масонских и розенкрейцерских вождей блестящего периода русского масонства — эпохи царствования Императрицы Екатерины II.

Невзирая на свой роспуск, помимо розенкрейцерской деятельности, частные масонские собрания разрабатывали прежние ритуалы, продолжая масонскую работу и даже привлекая новых членов. Они хорошо обрисованы в русском романе Писемского “Масоны”.

С усилением строгости полицейского надзора деятельность розенкрейцеров ослабела. Немногие отдельные масоны продолжали практиковать “Королевское искусство” в тиши своих кабинетов.

К сожалению, другие тайные организации, появляясь время от времени в России, прикрывались почетной масонской мантией, хотя и преследовали исключительно политические стремления, часто вредного направления. Это обстоятельство, в совокупности с политической физиономией, принятой некоторыми масонскими организациями в Европе, особенно в латинских странах, постепенно восстановило русское правительство и общество против всего масонства... Поэтому к концу XIX века в России масонство стало рассматриваться как гнездо атеистов-революционеров или же как могущественный центр темных еврейских организаций, посягающих на Христианство и законных правительств...

На основании сведений, полученных от официальных делегатов украинских лож б.°. Шумицкого и б.°. Ситволя, есть основание полагать, что в глухих русских губерниях, особенно западных, ложи восстано-

вили свою деятельность вскоре после Указа о своем роспуске и продолжали ее тайно на протяжении всего XIX века. Предполагалось, что на Украине так работали следующие ложи: “Любви к Истине” — в Полтаве, “Бессмертия” — в Киеве, “Рассеянного Мрака” — в Житомире, “Озирис к Пламенеющей Звезде” — в Каменец-Подольске, “Эвксинский Понт” — в Одессе. Все они возобновили втайне свою работу вскоре после осуждения масонства и, работая каждая самостоятельно, поддерживали всегда братскую связь друг с другом».

В “The Freemasons Magazine and Masonic Mirror” (Лондон, 1857. 05.10.36) встречается указание, что «при вступлении на Престол Императора Александра I масонство в России вновь деятельно принялось за свою работу».

Очень любопытна рукопись раскаявшегося масона высшей степени середины XIX века Ал. Дм. Философова (брат статс-секретаря и члена Госуд. Совета Вл. Дм. Философова) — «Разоблачение великой тайны масонства», написанная в 1863—65 годах «по совести в назидание потомства». Рукопись эта была опубликована в 1909 году в Москве под заглавием «Из бумаг покойного Ос. Ант. Пржецлавского (тайного советника), у которого она хранилась с 7 ноября 1873 года. Бывший государственный контролер Тертий Ив. Филиппов, ознакомившись с содержанием этой рукописи, “высказал полную свою солидарность со взглядами автора”».

Ал. Дм. Философов описывает основы и организацию ордена масонов и доказывает, что масонство есть не что иное, как замаскированная деятельность еврейской секты саддукеев, учение которой, по убеждению автора, имеет основанием и конечной целью — уничтожение Христианства и монархии, ниспровержение всех христианских законодательств, всех властей, всех

государственных и общественных установлений с заменой их — исключительно неограниченной деспотией иудаизма.

Автор утверждает, что в годы «Великих Реформ» 60-х годов работала «правильно организованная у нас революционная пропаганда».

«Император Николай I прямодушно, по-рыцарски, крепко и честно охранял объединяющие и скрепляющие основы нашего монархического строя: нашу веру, наше патриархальное единство, наш патриотизм, которых так боялась завистливая Европа. Он ясно различал действительно государственно-благотворный прогресс от революционной интриги, прикидывающейся прогрессом.

В первые же годы царствования Императора Николая I выявилась откуда-то вдруг выступившая на всем обширном пространстве Земли Русской деморализация административного строя. Наряду с безукоризненным служением Отечеству, с подвигами высокого патриотизма, густым лесом выросла измена, продажность, казнокрадство, бездарность и интрига, презрение закона, отсутствие всякого нравственного и патриотического чувства.

Среди многообразных причин этого прискорбного явления выдвигается самая важная — это заразившее почти всех влияние тайной революционной пропаганды».

«Несмотря на самые гуманные и либеральные отношения Императора Александра I к народу, горизонт нашего общества становился все мрачнее и мрачнее. Настроение умов под влиянием искусно организованной пропаганды жадно упивается мечтательными стремлениями к революционному перевороту по французскому фасону».

«Если продолжится существующий порядок и революционная пропаганда восторжествует в России,

то при безбрежном разливе этого разрушительного потока в будущем произойдет непоправимое. Тогда нигде нельзя будет отыскать почву, на которой можно было бы возвести плотину, чтобы остановить его, пока он окончательно не унес бы с собою все основы, без которых не может существовать никакое общество, и не загубил бы безвозвратно все плоды многовековой, дорогою ценою купленной Христианской цивилизации. А тогда что смогут противопоставить жалкие остатки христианского мира, истекающего кровью лучших сынов своих, разоренного, голодного, без крова, без религии, без администрации, без семьи, без отечества и всех возможных нравственных интересов, кроме удовлетворения животных и продажных инстинктов?

Что тогда смогут они противопоставить одному, среди всеобщего нравственного потопа, деловитому, хитрому, мстительному, предусмотрительному и крепкому волею; умевшему сберечь среди всеобщего рассеяния и веру отцов своих, и строгость нравов, и могущество духовного единства, народу, впереди которого идет, ведомый им, могущественный и подобно ему рассеянный по лицу Земли масонский орден, этот подкупной развратитель и убийца Христианства?» Переворот, подготовляемый масонством, должен быть всемирным. Сомневаться в этом нельзя, если взвесить внимательно прочность его организации, огромность средств, энергии действия и единство цели ордена.

«Величина ложи, — говорит катехизис ученика, — есть величина вселенной; ее длина с Востока до Запада, ее ширина от Юга до Севера».

В катехизисе мастера указание:

«— Где хозяин (т. е. учитель) мастера?

— По всей вселенной.

— Для чего?

— Чтобы разливать свет».

Эти слова сами собою объясняют, что важнейшая обязанность масонских мастеров — тайная повсеместная пропаганда проводимых ими идей.

Масонство требует от желающих вступить в него клятву:

«Клянусь во имя Строителя всех миров никогда и никому не открывать без приказа от Ордена тайн, знаков, прикосновений, слов, доктрин и обычаев франмасонства и хранить от них вечное молчание.

Обещаюсь и клянусь ни в чем не изменять ему ни пером, ни знаком, ни словом, ни телодвижением, а также никому не передавать о нем, ни для рассказа, ни для письма, ни для печати или всякого другого изображения, и никогда не разглашать того, что мне теперь уже известно и что мне может быть вверено впоследствии.

Если я не сдержу этой клятвы, то обязуюсь подвергнуться следующему наказанию: да сожгут и испепелят мне уста раскаленным железом, да отсекут мне руку, да вырвут у меня изо рта язык, да перережут мне горло, да будет повешен мой труп посреди ложи при посвящении нового брата как предмет проклятия и ужаса, да сожгут его потом и да рассеют пепел по ветру, чтоб на земле не осталось ни следа, ни памяти изменника».

В 1896 году французский журнал “*La Revue Masonique*” (1896. X. 220) сообщал, что «масонство, наконец, находит в России гостеприимную страну. До сих пор оно не допускалось в ней, и если немногие последователи Хирама захотели бы посадить там почитаемую ими ветку акации, то они бы имели большие возможности быть отправленными на сумрачный восток в сибирские рудники — в тот ад, где заживо погребено столько благородных жертв».

В ряде масонских ежегодников встречается упоминание о Великой Украинской Ложы, время основания которой указывается этими официальными масонскими изданиями 17 января 1900 года.

В отчете Конвента Великого Востока Франции за 1903 год сказано: «Те несколько лож, которые существуют в России, хорошо изолированы и скрыты от посторонних глаз».

Таким образом, даже из приведенных выше немногих выписок, из сохранившегося исторического материала видно, что Указы 1822 и 1826 годов Императоров Александра I и Николая I русское масонство не уничтожили. «Они лишь положили, — как отмечает б. князь А. А. Лобанов-Ростовский¹, — только временно предел его развития на нашей родине».

Русское масонство лишь численно сильно сократилось и ушло в подполье, где тайно продолжало свою работу в течение всего XIX века. Отпали менее убежденные и деятельные, остались идейные ревнителы. Они сплотились, усвоив дисциплину тайной работы, и занялись в первые годы изучением наследия «Великой» французской революции 1789 года и проектов декабристов. Надо иметь в виду и то обстоятельство, что русские ложи никогда совершенно самостоятельны не были, а представляли собою лишь отделы иностранных послушаний.

Позже — с 40-х годов — отдельные масоны, по видимому, принимали участие в собраниях кружков для бесед на политические темы в Петербурге и Москве.

В годы Великих Реформ несомненно, что большинство масонов, прекратив работу лож, приняли деятельное участие в переживаемых событиях и не упустили из вида того, чтобы не быть «подобными неверному рабу, скрывшему талант», а постарались свой «свет» пропагандировать с должным усердием.

Декабристам был создан ореол мученичества. На культе пяти повешенных и сотни сосланных обосно-

¹ Anonimus — «К познанию первого символического градуса Ордена вольных каменщиков». Париж, 1926. С. 140.

валось политическое мировоззрение нарождающейся в эти годы русской интеллигенции.

Часть братьев вольных каменщиков и их идейных последователей вошла в состав законодательных комиссий, и идеи масонского происхождения отразились в ряде ультрапрогрессивных законопроектов, не осуществлявшихся дотоле ни в одной передовой республике.

Наполеон III, сам бывший масоном, приходил в ужас от некоторых реформ Александра II, повторяя не раз: «Что он делает? Он сознательно готовит у себя революцию!»

Возрождение работы масонства в России в XX веке

Свидетельства масонской литературы

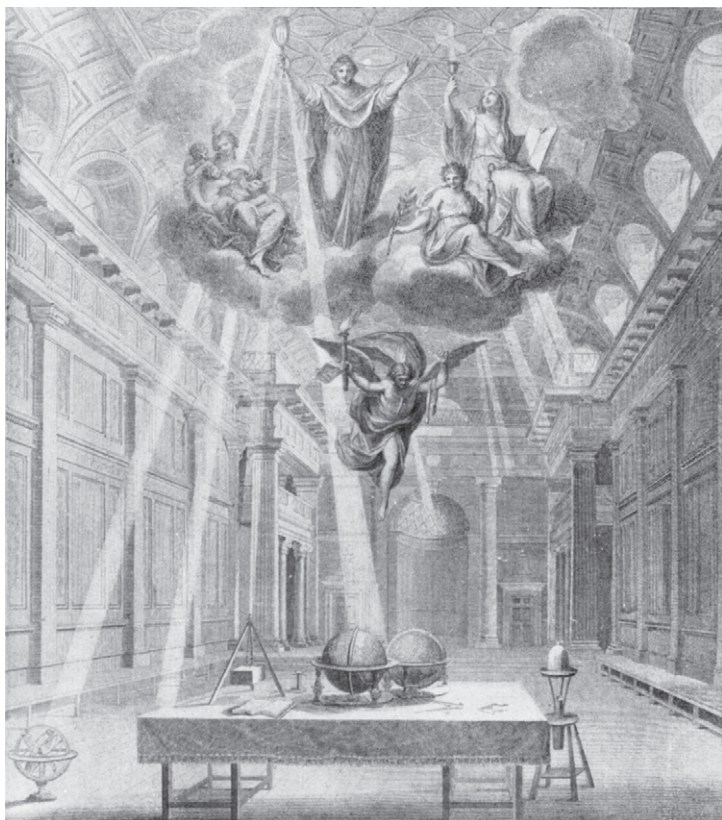
В февральском номере за № 16 официального органа французского масонства “l’Asacia” за 1925 год помещена статья под названием «Масонство в России за последние 25 лет», подписанная М. Маргулиес.

Что такое “l’Asacia” и кто такой М. Маргулиес?

“l’Asacia” сама себя рекомендует на своей обложке как «ежемесячное обозрение масонских и социальных учений и действий».

Администрация этого журнала находится на RueCadet, 16 в Париже, другими словами, в помещении Великого Востока Франции, а от себя мы добавим, что оно официально обслуживает интересы и нужды международного масонства вообще, а в частности Великого Востока и Великой Ложи Франции.

В руки профанов, т. е. непосвященных, журнал этот попадает нелегко, так как продается лишь по представлению доказательств о принадлежности к масонству подписчика, а для получения специального прибавления к нему требуются даже виза и печать досточтимого мастера ложи, который, давая свою подпись, обязуется «в случае смерти, выхода или изгнания из масон-

Гении масонов. А.Д. Бартолоцци. 1786 г.

ства подписчика поставить себе долгом предупредить о том администрацию журнала».

Характер журнала этими обязательствами прекрасно выявляется, развязывая иногда авторам языки, которые свободно позволяют себе говорить то, о чем они не позволяют себе и намекать в иной прессе, образом чего прекрасно служит указываемая выше статья.

Что касается М. Маргулиеса, то это не кто иной, как Мануил Сергеевич Маргулиес, старый масон, посвященный во французские ложи, деятельный участник возрождения масонских лож в России в 1907 году

и не менее занимающийся масонской работой в эмиграции, где, числясь в списках парижской ложи “La Clemente Amitie” в 1919 году членом 18-го градуса, перешел затем в русскую ложу «Северная Звезда», в которой в 1928 году был 1-м надзирателем, достигнув 30-го градуса рыцаря Кадош («Кадош» по-иудейски означает «святой»), а в 1930 году мы встречаем его имя в списках высоких масонских степеней, именно в списках высшего 33-го градуса. С 1931 года — досточтимый ложи «Свободная Россия».

Его деятельность в мире профанов в очень коротких чертах следующая: иудей, петербургский адвокат, во время войны близкий сотрудник А. И. Гучкова, с которым он вел революционную работу в Военно-Промышленном комитете. В 1919 году мы встречаем Маргулиеса министром торговли в Северо-Западном правительстве при армии генерала Юденича. Ныне Маргулиес служит личным секретарем и юрисконсульт у ловкого спекулянта Д. Л. Рубинштейна, более известного под кличкой «Митька Рубинштейн», обвиненного во время войны в шпионаже в пользу Германии и Австрии и прозванного за это Бурцевым «Дрейфус № 2». Этот «Митька» в эмиграции за спекуляционные проделки неоднократно сидел в тюрьмах этих стран¹.

Выяснив характер журнала и автора интересующей нас статьи, приводим ниже полностью ее перевод:

«Масонство в России за последние 25 лет.

(“l’Acacia” № 16. 1925. С. 288—292).

¹ Чтобы лучше охарактеризовать личность досточтимого брата Маргулиеса, приводится настоящая выписка:

Былое. 1917. № 1(23). Июль. С. 29.

Из донесения Евно Азефа Л. Р. Ратаеву.

Ницца, 28/1 1905 г.

«К Гоцу приехал некий Афанасьев, в Петер. живет на одной из Рождественских, сотрудничает в газете “Наши дни”, близкий знакомый петербургского присяжного поверенного Маргулиеса, с предложением, чтобы партия с.-р. оказала нравственное содействие образовавшемуся в Петербурге кружку (человек 15—18) крупной интеллигенции в террористических

Масонство в России получило в конце XVIII века неожиданное развитие под влиянием идей, распространенных французской революцией.

Я не намереваюсь писать историю масонства; я остановлюсь только на событии, знакомство с которым необходимо, чтобы понять условия, в которых находились инициаторы воскрешения масонства в России в начале XX века.

XIX век в России начался убийством Павла I, в котором принял участие его сын Александр I. Это событие отразилось затем на всем характере последнего, глубоко проникнутого политическими идеями своего воспитателя швейцарца Лагарпа. И в конце своего царствования Александр I подпал под влияние грубого животного, генерала Аракчеева, имя которого еще доныне служит определением узости ума, почти глупости, соединенной с варварской жестокостью и с глубоким презрением к человеческому достоинству. Это объясняет, почему Александр, начавший с либеральных грез, создавших для лучших умов его эпохи порыв исканий и нахождения идеалов человеческого единения в масонстве, закончил тем, что запретил под угрозой строгих наказаний создание масонских лож.

Однако этим он не достиг успеха, так как ложы, притаившись, продолжали свое дело. И задуманный масонами — гвардейскими офицерами — огромный заговор создал военное восстание 14 декабря 1825 года, во время которого едва не погиб только что вступив-

предприятиях, направленных против Его Величества и еще некоторых лиц (не названы). Афанасьев — сам член этого кружка. Кружок состоит из литераторов, адвокатов и других лиц инт. профессий (это т. н. левое крыло либералов из «Освобождения»). Кружок обладает деньгами. Афанасьев говорил 20 тысяч, и людьми для выступления. Афанасьев просил только, чтобы с.-р. оказали нравственное содействие, т. е. проповедовали эти акты. Мне кажется, что установить Афанасьева (настоящая фамилия) по моим данным легко, и так открыть весь кружок. Аф. теперь живет в Ницце и через неделю отправится в Питер. Прошу Вас с этими моими сведениями быть очень осторожным и не превращать это в Циркуляр».

ший на престол Николай I, наследовавший трон после отравленного Александра I.

Вполне понятно, что Николай I после этого восстания возымел неприязнь против масонства. Он подтвердил запрещение в России масонства, наложенное его предшественником. Строгие меры, принятые Николаем I против участников восстания 1825 года: казни через повешение некоторых из них, вечная каторга в снегах северной Сибири для большинства, — навсегда остались в памяти потомков мучеников, которые стали известны под именем “декабристов”.

В течение почти целого века масонство в России было придушено и до сего дня оно не может работать открыто: большевики, подобно царям, не допускают в своем царстве тайных обществ.

Только в начале XX века, точнее с 1907 года, обнаружилось воскрешение масонства в России.

Несколько человек, в том числе два старых масона, принадлежащих к французскому масонству — адвокат Кедрин (депутат от Петербурга в последней Думе) и профессор Николай Баженов, решили возродить масонские ложи в России. Они питали надежду создать среду, в которой люди различных политических убеждений, но объединенные одной и той же жаждой свободы для своей страны, могли бы встречаться и поддерживать друг друга. Первая основанная ими ложа была «Полярная Звезда» в Петербурге. Я подчеркиваю политический характер вновь созданного в России масонства, — это необходимо, чтобы понять особенный характер лож этой эпохи и их значение в политической жизни страны. Имея в виду строгость наказаний, понесенных членами военной ложи, от смертной казни до каторги в трущобах Сибири, которые угрожали и нам в царствование Николая II за одно только создание тайного общества и в особенности масонской ложи — нашей главной заботой было обеспечить себя

самым тщательным выбором сотрудников из всех являющихся кандидатов. Недостаточно было быть уважаемым и известным своими прогрессивными идеями, своей либеральной и гуманитарной деятельностью, проявленной в городском и земском деле или в Государственной Думе и Государственном Совете, необходимо было предъявить полные гарантии стойкости своих убеждений, чтобы обеспечить наше дело от невольного предательства или чтобы не попасть в ловушку, организованную царской полицией.

Приходилось работать в очень ограниченном кругу соучастников, и до 1909 года большинство возникших было лож временно закрылись; число же братьев никогда не превышало цифры ста. Но с другой стороны, благодаря такому вынужденному отбору количество было вознаграждено качеством. И я могу сказать, прося вас не принимать за недостаток скромности то, что является лишь заботой об исторической точности, что ложи этого времени включали наилучший отбор русской интеллигенции. Само собой понятно, что в состав их входили лишь лица с высшим образованием, за исключением, конечно, единственной чисто военной ложи. Более того, все члены лож были известными деятелями, как-то: депутатами, сенаторами, профессорами, адвокатами с именем, видными гласными и почитаемыми писателями. Все это следует иметь в виду, чтобы понять, почему посвящение и продвижение в степенях происходило быстрее, нежели у наших западных братьев. Не должно также упускать из виду в высокой степени интеллектуальный подбор членов первых русских лож XX века, вследствие чего мистическая и эзотерическая стороны масонства не пользовались большим успехом между русскими масонами. Я полагаю, что можно охарактеризовать стремление русских масонов этого времени так: в ложи вступали не столь ради морального совершенствования, сколь

ради того, чтобы сблизиться, слиться в братской связующей атмосфере доверия и симпатий и чтобы набираться храбрости, необходимой всем тем, кто считал своим долгом посвятить всю свою деятельность неустанной борьбе с царским абсолютизмом.

Точное исполнение ритуала не пользовалось большим успехом еще и потому, что самый характер работ носил оттенок заговора. Достаточно было малейшей несдержанности, чтобы направить тайную полицию на наши следы; достаточно было устроить три раза в одном и том же месте многолюдные собрания, чтобы вызвать внимание швейцара, который не преминул бы сообщить свои подозрения ближайшему городовому.

Поэтому не велось никаких письменных протоколов заседаний, не велось никаких заметок; более того: не было ни одного писанного адреса, ни одного имени. Вместо того было поручено двум лицам, обладающим хорошей памятью, запечатлевать в своей голове все сведения, касающиеся фамилий, имен и отчеств всех братьев, их адреса и время их посвящения. Членов никогда не созывали письменно. Приглашали по телефону, причем никогда не звонили всем из одного и того же места или же предпочтительно делали это устно. Кроме того, никогда не собирались вместе более 20 человек; как только в какой-нибудь ложе число членов достигало этой цифры, так тотчас создавалась новая ложа. Ложи собирались под каким-нибудь невинным предлогом приглашения в гости в домах, известных своим гостеприимством и достатком хозяев. По окончании работ лож садились за стол. Стол всегда заранее был богато накрыт для того, чтобы при малейшей тревоге участники собрания могли бы занять предназначенные им за трапезой места. И подумать только, что это делалось в России всего 15 лет тому назад, тогда как теперь, несмотря на то что революция свергла царей и старых правителей, до сих пор в Петербурге и

Москве приходится прибегать к подобным же уловкам.

Так как полицейский режим, как я уже сказал, не допускал исполнения масонского ритуала, то единственно, что оставалось возможным для соблюдения масонских традиций, — это надевание лент.

Иллюминат Адам Вейсгаунт, идеолог антихристианской революции

Как только число братьев достигло ста, соорганизованных в три ложи в Петербурге и две в Москве, найдено было необходимым создать центральный орган для руководства этими ложами, особенно в отношении политической их деятельности. Не имея возможности посвящать в высшие степени на месте вследствие того, что среди нас были лишь мастера французских лож и несколько посвященных в 18-й градус, мы, воспользовавшись приездом в Россию досточтимых братьев Сеншоля и Буле, разрешили этот вопрос так, как этого требовал политический дух нашего братства: мы на собрании братьев высших степеней всех лож выбрали Высший Совет из 6 членов: председателя, двух вице-председателей, хранителя печати и казначея. И первое дело, которое исполнил этот совет, было установление связи с масонством различных стран Европы путем послания специальной миссии. Эта миссия посетила, разумеется, прежде всего 16 ул. Кадэ в Париже. После этого мы отправились в Цюрих, Берлин, Будапешт, Рим, Венецию, Константинополь, где мы побратались с младотурками. Возвратясь в Россию, мы учредили две новых ложи: одну в Одессе и одну в Киеве.

Работа русских лож, созданных в 1907 и 1908 годах, продолжалась до 1909 года. Полицейский режим черной реакции (после японской войны) сократил горизонты и затруднил широкую и интенсивную деятельность, которая требовала сотрудничества большого числа последователей и поэтому легко могла создать опасность быть открытой полицией. Поэтому в 1909 году было принято решение о необходимости приостановить деятельность большинства лож.

Только через некоторый промежуток времени работа лож возобновилась снова благодаря могучему росту в стране политической оппозиции вследствие военных неудач в 1914 году.

Но этот период активной деятельности лож слишком близко предшествовал мартовской революции 1917 года, в которой всюду сказалось их влияние, что требует уже особого исследования, исполнение коего я не могу взять на себя за недостатком материалов и особенно личных наблюдений.

Во всяком случае, можно утверждать, что только стараниями братьев петербургской ложи «Полярная Звезда» было воскрешено русское масонство в XX веке. Результаты их усилий были значительны: воскрешенное русское масонство после периода сосредоточения достигло удивительного развития и в настоящее время число русских масонов значительно увеличилось.

Какова бы ни была точка зрения, с которой можно рассматривать и критиковать русское масонство начала XX века, во всяком случае, не помешает установить, что масоны этой эпохи были вдохновляемы лучшими масонскими традициями в своей пылкости преследования гуманитарных целей, патриотизмом, питаемым сочувствием к страданиям угнетенных и несчастных, высоким презрением к опасностям, которые их сторожили на каждом шагу, наконец, верой в силу великих

эгалитарных принципов освобожденного человечества.

М. Маргулиес».

В 1931 году б. . Маргулиес, уже достигший в этоу времени 33-го градуса, расписывается дальше, правда сильно повторяясь, но все же давая кое-какие новые подробности развития масонства в России, почему мы и приводим его вторую статью также полностью.

Эта статья на этот раз помещена в другом мас. . журнале под названием “Les Annales Maconniques Universelles” (1931. №№ 5 и 6).

Также продаваемый лишь с визой «досточтимого», этот журнал рекомендует себя как состоящий под покровительством группы масонских изучений и изысканий, входящей в Интернациональную Лигу масонов.

Вот эта статья:

«Русское масонство в XX веке. Сообщение, сделанное д-ром М. Маргулиесом, членом-основателем ложи “Полярная Звезда” Вос. . Петрограда, на Конгрессе Интернациональной Лиги ф. . м. . (стенографический отчет).

Человек двадцатого века нашел русское масонство погруженным в тот сон, к которому его принудили за семьдесят пять лет до того указы императоров.

Либерализм правительства императора Александра I, а также его роль в войне за реставрацию Бурбонов во Франции широко благоприятствовали распространению мас. . идей в России, и ф. . м. . в те дни было весьма популярно среди молодых офицеров императорской гвардии и членов лучших русских родовитых семей. В 1810 году орден даже получил официальное признание. Царь Александр I в 1814 году председательствовал в одной из военных лож и посвятил прусского короля Фридриха Вильгельма III.

Прием имел место в Париже, во время заседания, организованного в бывшем доме Талейрана. Благожелательное отношение к масонскому идеалу, к сожалению, должно было исчезнуть вместе с его покровительством, и со смертью Александра для масонства начинается пора притеснений. Его деятельность заглохла.

Вплоть до 1904 года, до русско-японской войны и до пробуждения национального чувства, ею вызванного, мас.°, весьма возможно, находилось в сонном состоянии. Мартинисты и прочие просвещенные утверждают, что никогда их работа не прекращалась, хотя о регулярных ложах ничего не слышно уже давно.

В середине 1905 года, когда борьба за свободу разрасталась в России, многие русские, носители громких имен и призванные играть главные роли в грядущих событиях, просили принять их во французские лл.°, возглавляемые В.°. В.°.

11 января 1905 года б.°. Ковалевский ходатайствовал перед В.°. В.°. Франции о полномочиях для создания в Москве или С.-Петербурге регулярной л.°. Л.°. эта была открыта 15 ноября 1906 года и приняла название “Возрождение”.

Б.°. Ковалевский своим авторитетом и популярностью широко способствовал успеху первых лож; он происходил из дворянской семьи крупных помещиков.

Сперва он посвятил себя научной карьере, но в 1885 году ему пришлось прекратить чтение лекций в Московском университете, так как правительство сочло его либеральные взгляды неуместными. Тогда он переехал во Францию и открыл свободный университет. Революция 1905 года снова открыла ему двери Петербургского университета. Будучи выбран в 1906 году в Думу, он председательствовал на всех социальных и политических собраниях. Он воплотил в себе умеренный русский либерализм. В 1908 году он был избран

членом Государственного Совета (соответствующего французскому Сенату) и вступил в число членов Академии. Умер он в 1916 году, не видав крушения России.

В 1907 году в С.-Петербурге создается новая лл. под именем “Полярная Звезда”, но на ее работы влияет общее внутреннее положение, мало благоприятное масонству.

Кандидатов на вступление в русские лл. приходилось подбирать весьма осторожно. Никогда число членов лл. не превышало двадцати. Но качество возмещало количество. Лл. в эту эпоху объединяли цвет русской интеллигенции. В это время в лл. вступали не для того, чтобы нравственно усовершенствоваться, а скорее, чтобы объединяться, чтобы ближе сойтись в атмосфере доверия и симпатии для беспощадной борьбы с царским самодержавием. Разные политические течения были представлены в ложе, от социал-демократов до монархистов-конституционалистов.

Собрания были затруднены. Никогда они не имели место два раза кряду в том же помещении. Невозможно было декорировать храм и лишь ленты бб. напоминали о том, что собрание мас. Повестки никогда не рассылались в письменной форме; приглашали по телефону или на словах. Протоколов не вели и надеялись лишь на память присутствующих членов.

Со временем лл. были еще раз разделены и собирались не более десяти или двенадцати человек.

Все это происходило в России не более 25 лет тому назад, но, несмотря на революцию, свергшую царей и их прислужников, в настоящее время пришлось бы действовать подобным же образом и с еще большим риском.

В 1908 году бб. Sincholle и Bouley были делегированы В. В. Франции для регулирования работ временных лл. С.-Петербурга и Москвы. Они возвели в 18-ю степень всех долж. лиц л. Б. Маргулиес в это

время был в тюрьме как редактор первой буржуазной республиканской газеты¹. Он был возведен в 18-ю степень в камере своей тюрьмы. Церемония, само собой разумеется, была чрезвычайно упрощена.

Русская политическая полиция была между тем поставлена в известность своими парижскими шпионами о путешествии представителей В.· В., знала, что им поручено учреждение лл.· в России. Будучи начеку, она усиленно за ними наблюдала, но ничего определенного достигнуть и узнать не смогла.

Несколько позже, в 1909 году, братья Маргулиесы и двое других основали две новые ложи в Одессе и в Киеве.

С 1912-го по 1915 годы русские масоны были принуждены принимать серьезные меры предосторожности, чтобы не быть открытыми. Они понизили число членов л.· до десяти, самое большее; бб.· одной ложи не знали имен бб.· соседней л.· так называемой Государственной Думы. Названная так из-за большого числа депутатов, входивших в ее состав, она сыграла важную роль в событиях 1917 года; потом наступил конец.

После 1917 года русское мас.· уничтожено, но оно вновь возрождается за границей.

Во время своего пребывания в Париже б.· Маклаков, русский посол во Франции, вновь создал русское мас.· Он собирает братьев, живущих в Париже, в л.· “Северная Звезда” в повиновении В.· В.· Франции. Новые лл.· с тех пор были открыты под покровительством В.· В.· Франции. Русское мас.· живет и развивается. Оно сумело сохранить целостность своего братского идеала, пронеся его через такие мытарства, которые мало кто из европейцев перенес. Это дает надежды на будущее.

Д-р М. Маргулиес».

¹ Газеты «Радикал».

9 ноября 1931 года в Париже открывается новая русская ложа — «Свободная Россия», досточтимым которой при ее основании оказывается все тот же б.°. Маргулиес 33-й.

Б.°. Георгий Воронов 30-й, член Совета ордена, был назначен представлять Совет при ее торжественном открытии, что он блестяще исполнил и о чем счел нужным 18 ноября того же года доложить на заседании Совета — 1—30 ноября 1931 года.

Из этого доклада мы возьмем лишь те несколько строк, которые нас специально для настоящего труда интересуют, а именно не в смысле масонства наших дней, а русского дореволюционного масонства.

Вот что на Совете докладывал б.°. Воронов:

«Досточтимый мастер л.°. “Свободная Россия” б.°. Маргулиес в своем приветственном слове напомнил, что ровно 25 лет тому назад, 15—28 ноября 1906 года, десять русских масонов, объединившихся в Петрограде, решили основать первую русскую ложу “Полярная Звезда”, работающую по французскому уставу и подчиненную Великому Востоку Франции.

...Один из подписавших этот протокол, б.°. Маклаков, присутствовал на Востоке¹ в день основания л.°. “Свободная Россия”».

Таким образом, уверенно можно сказать, что первая русская масонская ложа XX века была основана в 1906 году и ее основателями были 10 бб.°. масонов.

Кто же эти бб.°.?

К сожалению, назвать всех пока еще нельзя, но из того, что здесь уже установлено, можно безошибочно, основываясь на масонских же заявлениях, перечислить пять из них. Это:

¹ По-русски этот масонский жаргон означает: присутствовал на сем заседании на Востоке ложи.

- 1) Баженов Н. Н.
- 2) Кедрин Е. И.
- 3) Ковалевский М. М.
- 4) Маклаков В. А.
- 5) Маргулиес М. С.

Из отчета Конвента Великого Востока Франции за 1906 год¹

«6-й сеанс.

Четверг 20 сентября 1906 г. (вечером).

Работы возобновлены в 2 ¹/₂ часа под председательством б.: Альфреда Фора, первого надзирателя.

Б.: Альфред Фор, председатель: “Бб.:, перед тем, чтобы перейти к порядку дня, я даю слово б.: Мелье для предложения о порядке прений”.

Бб.: Мелье: “Бб.:, я просил слово вовсе не для предложения о порядке прений; мой мотив гораздо благороднее и в особенности гораздо более братственен; тут дело вовсе не в масонских процедурах, предложение мое касается проявления масонского братства, братства интернационального.

Благодаря счастливому случаю в обстоятельствах, пересекающих мировую историю, здесь находится один из наших бб.:, депутат русской Думы, член логи, который недавно томился в мрачной тюрьме Петропавловской крепости, изучая там, что значит, благодаря французским капиталистам (аплодисменты), защищать свободу и желать проведения в великом славянском мире франмас.: принципов.

Народный Конвент дал нам пример, который мы должны воскресить, так как исторические причины, создавшие Конвент, могут повториться в нашей истории и правильно было бы здесь, где мы идем впереди событий, ими повелевая, напомнить для будущего

¹ Comte Rendu du Grand Orient de France. 1906. P. 124—127.

эти великие дни прошлого, дабы воздать честь мас.: французскому, мас.: интернациональному и почтить человеческое усилие, самое великое, которое, может быть, еще никогда не отмечалось в анналах мировой истории; почтить и помянуть великое усилие русских республиканцев, социалистов и революционеров, которые вот уже три года как решили и приступили к выкупу плененных, чтобы показать, что мас.: остается врагом всякой тирании, какое имя она на себя ни принимала бы и каковы бы ни были случайности истории.

Я предлагаю, чтобы Конвент, верховный хозяин наш, порвал бы на один раз, в особенности в настоящих условиях, со своими неосязательными обычаями; я прошу, чтобы мы также, как и члены Народного Конвента, выразили бы в лице члена Думы б.: Кедрина, заслуженную честь, на которую имеют право все члены Думы, русскому народу, подставляющему свою грудь для завоевания своей свободы, предпочитающему смерть — жизни раба, но далеко находящемуся еще от подобного исхода, что он, благодаря своим усилиям, своей восхитительной твердости, несмотря на коалицию международных капиталистов, заставит царя и царизм отойти на великое кладбище истории (аплодисменты).

Я прошу, чтобы Конвент, не считаясь с нашими привычками и обычаями, постановил бы о приеме на этом же заседании нашего б.: Кедрина и чтобы это было произведено наиболее торжественно, в противовес той болтливости, которая грубо искажает в профанской прессе всю правду о происходящих здесь дебатах и которая умышленно заслоняет их величие и урезывает все их благородство.

Мы хотим, чтобы хоть раз эта пресса сказала бы правду и чтобы она донесла до слуха царя шум молвы, которая пронесется от торжественного приема члена

обезглавленной, удушенной царем, но все еще живущей Думы” (взрыв рукоплесканий).

Б.: Альфред Фор, председатель: “Бб.:, Вы слышали предложение нашего б.: Мелье. Кто хочет слова? Я жду заключения б.: оратора”.

Б.: Дебьер, оратор: “Вполне сочувствую” (аплодисменты).

Б.: Альфред Фор, председатель, представляет собранию эти заключения, которые принимаются единогласно и покрываются длительными рукоплесканиями.

Б.: Кедрин вводится и председатель обращается к нему со следующими словами.

Б.: Альфред Фор, председатель: “Мой б.:, специальным постановлением общего собрания Великий Восток Франции порвал на сегодня со своими традициями и единогласно постановил торжественно и помасонски принять мас.: члена русской Думы. Итак, мы принимаем вас как мас.:, но ваше положение мас.: усиливается еще тем, что вы являетесь членом такого собрания, к которому устремляются взоры не только всех республиканцев, но и всех тех, кто сколько-нибудь носит в своем сердце любовь к свободе и глаза которых были наполнены слезами при вести о роспуске этого собрания (аплодисменты).

Вы были, мой б.:, одним из тех, которые хотели для этой страны, находящейся еще, я не скажу — на точке зарождения свободы, а лишь на краю тьмы самодержавия, испытывать возможность торжества девиза: «Свобода, Равенство и Братство». Не будучи совершенно тщетными, ваши усилия до сих пор не увенчались успехом, и если при вашем входе в этот храм мы все почтительно поднимаемся, то это оттого, что в вашем лице мы приветствуем будущую победу русского народа, так как мы убеждены, что через короткое время Свобода, Равенство и Братство будут царство-

вать в этой громаднейшей стране, с которой тогда мы действительно сольемся как с нашими союзниками и друзьями (новые и горячие аплодисменты).

Позвольте мне от имени всех наших бб., столь торжественно вас принявших, братски облобызать Вас” (браво!).

Б.: Кедрин: “Я бесконечно благодарен всему собранию за неслыханную честь, которой я пользуюсь в настоящую минуту. Я надеюсь, что Дума, распущенная, но все же живущая, так как она жива в мыслях народа и в сердцах всех русских людей, которые знают и понимают, что значит слово «отечество», воскреснет вновь, даже не будучи созванной правительством, и что она осуществит идеи и надежды русского народа, который стремится, я вам в том ручаюсь, к Свободе, Равенству и Братству.

По мере моих слабых сил я буду стараться ввести в России масонство всеми средствами, которые окажутся в моем распоряжении, так же как и в распоряжении некоторых членов масонства, которые в настоящее время находятся в России и которые, надеюсь, создадут непреодолимую силу (аплодисменты).

Извините меня, если я говорю не подобающе для столь высокого собрания, но я прошу вас рассматривать мои слова как исходящие из самой глубины сердца всего русского народа без исключения” (новые и горячие аплодисменты)».

Бельгийская масонская литература бедна указаниями на русское масонство. Вот что могло быть у нее позаимствовано.

Бюллетень Верховного Совета бельгийского масонства за 1879 год (№ 21) приводит следующее сообщение:

«Вел.: Л.: “Солнца” на Востоке Байрета 1 мая потеряла одно из своих светил в лице б.: Пушкина; обычные почести были отданы его памяти».

Тот же Бюллетень от 1908 года за № 51 на стр. 228 в отделе хроники говорит:

«Россия. Студенты различных университетов создали объединение под названием “Тайны Острова”. Предполагают, что это объединение носит чисто масонск.: характер и имеет сохраняющийся в великой тайне ритуал (?)».

На следующий 1909 год тот же журнал пишет в своем № 52 следующее:

«В “Петербургской газете” под названием “Масоны в Петербурге” напечатано: “Несколько времени тому назад «Русское Знамя» утверждало, что Санкт-Петербургские фр.: мас.: агитировали в пользу присоединения Боснии и Герцеговины к Австрии и что во главе Санкт-Петербургских мас.: находится Е. И. Кедрин со званием мастера”.

Последний заявил корреспонденту “Петербургской газеты”, что утверждение, касающееся Боснии и Герцеговины, — неточно так же, как и то, на основании которого он стоит во главе Петербургских фр.: мас.:, по той самой простой причине, что в России не существует никакой мас.: организации.

“Я нисколько не скрываю, — заявил б.: Кедрин, — моего качества фр.: мас.: Я уже давно состою членом французской л.: Я присутствовал на Мас.: Международном Конгрессе 1906 года, где меня приветствовали в качестве члена первой Думы. Вполне возможно, что в России существуют несколько фр.: мас.:, но они не имеют никакого влияния на события по освободительному движению нашей страны, и я об этом сожалею.:”».

Официозная газета «Россия» опубликовала опровержение на заявление газеты «Вечер», утверждавшей, что русское правительство симпатизирует иностранным мас.: лл.: и что время недалеко, когда мас.: в России будет легализовано.

Она говорит, что политические цели масон.° со времени его запрещения в России в начале прошлого века нисколько не изменились.

Гуманитарные цели, объявляемые масон.°, могут быть обсуждаемы в открытых обществах, «под наблюдением правительства»(!).

В английском масонском журнале “ArsQuatnor-Coronatorum”, редактируемом Quatnor Coronati Loge № 2076, London, за 1922 год (Vol. XXXV. Part 3) была помещена статья о русском масонстве “Freemasonry in Russia” члена английской ложи б.°. Телепнева.

На последних страницах этой статьи приведены краткие сведения о русском масонстве XX века. Сведения эти были сообщены автору русским вице-консулом в Париже б.°. Л. Д. Кандауровым.

В 1928 году Борис Телепнев выпустил эту статью в несколько сокращенной и измененной редакции в виде отдельной брошюры “An Outline of the History of Russian Freemasonry”.

Ниже приводится текст журнальной статьи с небольшими дополнениями, вставленными из главы III — “Russian Freemasonry in the 20th Century” брошюры.

Автор, Борис Васильевич Телепнев, во время войны был правительственным уполномоченным по закупке шерсти в Англии, а ранее доверенным торгового дома Алексеева в Москве. В настоящее время он является одним из главных учредителей «Кружка русских масонов в Англии», находящихся в послушании Великой Ложи Англии.

Русское масонство в XX веке

В 1900 году состоялся Украинский Конгресс, основавший 17 января того же года Великую Ложу Украины. При учреждении недолговечной независимой

Украинской Республики в 1919 году Великая Ложа Украины была официально признана. Она объединяла семь главных лож, соответствующих семи украинским губерниям, и насчитывала, как предполагают, тысяч шесть членов. Эта молодая Великая Ложа вступила в братские сношения с Великим Востоком Италии и отправила своих делегатов в другие страны.

Появление злосчастного большевистского режима вновь принудило украинские ложи к замкнутому существованию. Все же они, по-видимому, стойко ведут свою деятельность и продолжают придерживаться старых масонских ландмарков.

В Великороссии розенкрейцерские ложи, или, вернее, частные объединения розенкрейцеров, продолжают, по-видимому, свою тайную работу после большевистской революции; стоя далеко от всякой политической борьбы, они ведут свою прежнюю деятельность на основах морального совершенствования, руководствуясь незыблемыми принципами братской любви, веры и правды, черпая свои знания в христианском мистицизме¹.

В начале 1906 года² человек пятнадцать русских, хорошо известных своей социальной и политической деятельностью, принадлежащих в большинстве к кадетской партии, примкнули к французским ложам: некоторые из них вступили в члены Великого Востока Франции, но большинство вошли в две ложи — «Космос» и «Гора Синай», подведомственные Верховному Совету Древнего и Признанного Шотландского Ритуала.

По возвращении в Россию они основали две временные ложи: «Полярная Звезда» в С.-Петербурге и

¹ Доказательством того, что в России действительно существовали в XX веке люди, понимающие и практикующие масонские принципы, мы находим в русском памфлете бар. А. Г. Криднера «Кто были русские масоны и какие цели они преследовали», изд[анном] в 1912 году в Москве.

² Многому из последующей информации я обязан г. Л. Кандаурову из Парижа. См.: А. О. С. XXXV. С. 291.

Символы разрушительных сил масонства, Хью де Райенс и Иосиф Аримати

«Возрождение» в Москве. В мае 1908 года обе эти ложи были торжественно открыты двумя членами Великого Востока Франции, специально командированными для этой цели из Парижа. В то же время Великая Ложа Франции основала две ложи: одну в С.-Петербурге —

«Феникс», другую в Москве. Русские ложи получили право основывать новые ложи без вмешательства Парижа и, соответственно этому праву, в 1908-м и 1909 годах были открыты еще две ложи: «Железное Кольцо»... в Нижнем Новгороде и другая в Киеве.

Существование масонских лож было обнаружено русским правительством в 1909 году. До сведения властей дошло также, что эти ложи французского происхождения. Русские ложи решили тогда прекратить свою работу и «заснули» вплоть до 1911 года, когда вновь некоторые из членов решили возродить, приняв всевозможные предосторожности, их деятельность. В сущности, деятельность эту едва ли можно назвать масонской, ибо главная цель ее была политическая, а именно низвержение Российского Самодержавия и установление демократического режима в Царской Империи; члены эти подчинились Великому Востоку Франции. Их политическая организация насчитывала в 1913–1914 годах до сорока лож.

В 1915–1916 годах между членами их, принадлежащими к двум различным партиям, «кадетами» и «прогрессистами», возникли на политической почве разногласия; десять лож «заснули», оставшиеся же тридцать лож¹ продолжали работать и приняли участие в Мартовской революции 1917 года и в образовании Временного правительства; когда их политическая цель была достигнута, движение начало чахнуть; все же 28 лож еще существовали вплоть до большевистской революции, после которой большая часть их членов покинула Россию.

Помимо этой политической организации, под видом масонской в России существовали несколько английских² и итальянских масонов.

¹ Интересно отметить одну из этих лож, составленную исключительно из членов Думы.

² Среди них были рыцари-храмовники.

...Были открыты мартинистские ложи: «Аполлон» — в С.-Петербурге (1910 г.), «Св. Иоанна» — в Москве (1911 г.) и «Св. Андрея» — в Киеве (1912 г.).

Очень оригинальная ложа существовала среди Русской Морской Лиги. Члены ее называли себя «филалетами» и помимо своей чисто филантропической и интеллектуальной работы пытались преследовать политическую цель противоположного характера ложам Великого Востока, а именно поддерживать монархический режим Николая II. Вероятно, это движение выросло в связи с парижской ветвью швейцарского ордена рыцарей-филалетов, основавшей в С.-Петербурге две ложи: «Северная Пирамида» и «Северная Звезда»; этот орден преследовал цель изучение символизма и мистицизма.

Отношение большевиков ко всякому виду масонства ясно иллюстрируется резолюцией, вынесенной 4-м Конгрессом Коммунистического Интернационала, созванного в Москве в 1922 году. Резолюция эта предписывает всем коммунистам, без исключения, принадлежащим к масонским ложам, немедленно прервать всякую связь с этой организацией или немедленно покинуть Коммунистическую партию. Ни один коммунист, когда-либо принадлежавший к какой-либо масонской организации, не может быть назначен на ответственное место в партии ранее двух лет после ухода его из масонства. Эта резолюция могла быть вызвана не только существованием остатков русских лож, но и попытками некоторых иррегулярных, так называемых масонских отрядов, проникнуть в Россию даже во времена настоящего режима¹.

Крупный интерес к масонству замечается в настоящее время среди русского беженства в Европе, что нам здесь известно.

¹ С тех пор некоторые масонские собрания в Москве были разогнаны большевистской полицией.

Уже во время Великой войны, но особенно после большевистского восстания, когда за границей встретились так много по числу русских оппортунистов, пришлось войти в связь с регулярным масонством, их предрассудки подверглись изменениям; несколько хорошо известных русских присоединились к масонским ложам в тех странах, в которые волна революции, выкинув из бури русский корабль, вынесла их разбитые тела к успокоению.

Статьи о русском масонстве аббата Ж. Турмантена

Аббат Жюль Турмантен был генеральным секретарем и основателем «Французского Антимасонского Объединения» и редактором журнала “*La Franc-Maçonnerie Demasquie*”. Сами масоны, всячески понося его за разоблачения их, признавали высокую степень его осведомленности.

Редактор масонского журнала “*l’Acacia*” Лимузен заявлял, что аббат Турмантен «несомненно, очень хорошо осведомлен. Мы прибавим, что это приносит нам пользу, так как только посредством его журнала “*La Franc-maçonnerie Demasquie*” мы знакомимся с секретными циркулярами, посылаемыми Советом Ордена досточтимых лож» (*l’Acacia*. 1906. VII–VIII. 33).

Другой редактор масонского органа “*Lumière Maçonnique Oswald Wirth*” говорит об аббате Турмантене, что «он относится с похвальной честностью к своим разоблачениям и всячески остерегается клеветы, ошибок и лжи, которые распространяются на наш счет» (*Lumière Maçonnique Oswald Wirth*. 1910. IX. 132).

За несколько месяцев до гибели португальского короля Дон Карлоса в журнале “*La Franc-Maçonnerie Demasquie*” 25 декабря 1907 года аббат Ж. Турмантен предсказал это событие, объявив, что если португаль-

Масоны в ритуальных одеждах

ский король немедленно не запретит в своем королевстве масонство и все тайные общества, то «нужно очень опасаться, что в ближайшем будущем Дон Карлос, сверженный, изгнанный и убитый, явится новым примером всемогущества братьев трех точек».

Точно так же тот же Турмантен уже 15 сентября 1912 года в своем журнале сообщал, что на одном масонском собрании масон высокой степени заявил, что «эрцгерцог Франц Фердинанд приговорен к смерти и должен погибнуть на ступенях Престола».

Император Николай II, сильно интересовавшийся масонским движением в России и его связью с рево-

люционерками, дважды обращался к аббату Турмантену при посредстве адмирала К. Д. Нилова, ездившего для этого в Париж. Последнее сведение, данное аббатом Государю накануне войны 1914 года, было, что «число масонских лож в России в короткое время возросло с 3-х до 59».

П. А. Столыпин следил за разоблачениями аббата Турмантена через русского иезуита А. Перлинга.

По сведениям аббата Турмантена, с 1905 года начинается вступление русских в ложи Великого Востока Франции:

— 13 мая были приняты в ложу “Cosmos” врач Лорис-Меликов Иван, Гамбаров Георгий, проф. Трачевский Александр и литератор Амфитеатров Александр Валент.

— 17 июня — проф. Аничков Евг. Вас.

— 8 июля — адвокат Кедрин Евг. И. — в ложу “Les Renovateurs”.

— 30 янв. 1906-го — ложа “Cosmos” возвела Лорис-Меликова, Гамбарова, Тамамшева, Трачевского, Амфитеатрова и Аничкова в 3-й градус посвящения — «мастера».

В это время состоят членами французских лож проф. Ковалевский Максим Максим. и около двух десятков других русских.

С 1905 года Великий Восток Франции начинает проявлять особый интерес к событиям, происходящим в России. Вот что, например, по этому поводу говорит итальянский масонский журнал “l’Acacia”: «Все республиканцы, и особенно французские масоны, должны выразить самые горячие пожелания для скорейшего триумфа русской революции» (1905. № 28. С. 253).

Очень ценные сведения о положении русского масонства перед войной приводит аббат Ж. Турмантен в своей статье *La Maçonnerie Française devant l’Alle-*

magne”, помещенной в №№ 1, 2, 3, 5 и 6 антимасонского журнала “La Franc-Masonnerie Demasquée” за 1920 год. Сведения эти основываются главным образом на докладе «О франмасонстве в России» члена Совета ордена Великого Востока Франции инженера б.: Сеншоля, сделанном им 22 декабря 1915 года на заседании ложи “Belgique” в Париже, где эта бельгийская ложа гостила временно по случаю войны.

Докладчик рассказывал, что однажды (в 1905 г.) явился к нему будущий член Первой Государственной Думы Е. И. Кедрин с просьбой принять его в ложу “Les Renovateurs”, мастером которой был Сеншоль. Кедрин затем вошел в частые и тайные сношения с главными деятелями Великого Востока Франции, результатом которых было решение Совета ордена организовать в России свои ложи, причем миссия эта была возложена (в 1908 г.) на б.: Буле¹ и Сеншоля.

Во время своего путешествия они получили в Берлине от немецких масонов особый пропуск, написанный на небольшом куске бумаги, и указание, как обеспечить свободу своих поездок в Царской Империи, не вызывая подозрений. На русской пограничной

¹ Личность Буле, отмечает Турмантен, чрезвычайно сомнительна. По-видимому, это был один из ловких, беспринципных аферистов неопределенной профессии, так как выступал на своем жизненном поприще и в роли инженера, и адвоката, и коммерсанта. Был судим за мошенничество и отбывал тюремное заключение.

Состоя б.: Велик. Востока Франции, он быстро достиг должности члена Совета ордена и 20 октября 1910 года масоны торжественно чествовали его избранием председателем Совета ордена, причем в хвалебных речах особенно превозносились его деятельность как организатора масонских лож в России. Между прочим, б.: Лантценберг выразился о нем так: «История скажет, что вы были первый, который открыл символические мастерские и у устья Невы, и у подножья покрытого снегом Кремля в далекой варварской Московии».

Позорное постановление суда и требование устава ордена об изгнании обесчещенного члена нисколько не отразилось на отношении к Буле ордена. Он только сам подал заявление о своем уходе. «Этот человек, — пишет Турмантен, — был слишком замешан в интернациональных и нечистоплотных делах Великого Востока Франции. Он хранил также слишком много тайн для того, чтобы кто-нибудь осмелился сделать ему неприятность.

станции они должны были найти жандармского офицера «высокого роста в сером пальто», к которому им следовало «безбоязненно подойти, положить на его плечо руку по масонскому обряду и передать свой пропуск». Все это они исполнили в точности, и без всяких задержек были пропущены дальше, получив паспорта, давшие им право на беспрепятственность разъездов по России.

Излагая эти сведения из доклада Сеншоля, Турмантен со своей стороны отмечает, что Российское посольство в Париже (в 1908 г. послом был Ал. Ив. Нелидов) было своевременно предупреждено друзьями России о цели поездки Буле и Сеншоля, но этому сообщению представителями Императорской миссии не было придано значения, хотя ясны были цели масонства — «минировать трон Царя», столь ему ненавистный.

Приехав в Петербург, Буле и Сеншоль встретили в среднерусской аристократии — “on l’a parlé admirablement le Français” — большую поддержку, сильно облегчившую выполнение их миссии. Здесь они посетили Петропавловскую крепость, где встретились с заключенными друзьями (за участие в Выборгском воззвании) и основали ложу. В Москве же, где была уже русская ложа, они открыли высший капитул “Role-Croix”, 18-го градуса. Пытались они основать тогда же ложу в Варшаве, но сделать это удалось лишь вскоре после их отъезда.

С тех пор, по словам Сеншоля, масонство в России сделало огромные успехи, и в 1915 году существуют 49 лож в России и 6 — в Польше.

Ввиду официального запрещения тайных обществ в России набор членов делался очень осмотрительно. Каждая ложа из предосторожности имела не более 15—20 членов. В состав лож входили, главным образом, лица из аристократическо-буржуазной среды.

«Если бы Царь, — восклицает Сеншоль, — увидел список русских масонов, то он нашел бы в нем имена лиц, очень близко к нему стоящих».

«Вокруг трона, — по словам Турмантена, — существовала даже своего рода оккультная полиция, образованная из масонов»¹.

Что касается ритуала, то русские масоны, по словам Сеншоля, «стремясь все делать поскорее, не интересуются лишними церемониями» и почти игнорируют символику в своих ложах. Храм, если только так можно назвать помещения, в которых собирались русские масоны, не содержит в себе никаких масонских эмблем». Русские масоны с началом войны занимаются почти исключительно изучением и наблюдением современных политических событий. Собрания их имеют скорее форму дружеских бесед на политические и экономические темы. Ложи приняли выжидательное положение, готовясь вмешаться в жизнь страны, как только потребуют этого обстоятельства.

«Это, — резюмирует Буле, — во всяком случае, образует нечто целое, хорошо подобранное, представляющее серьезную организацию, на которую можно положиться за будущее России».

На поднятый вопрос — организованы ли в России «ложи усыновления», т. е. ложи, доступные женщинам, б. Сеншоль ответил, что женских лож в России не было учреждено, так как русские масоны опасались восторженности своих женщин, безграничная экзальтированность которых легко могла бы быть опасной для всей организации.

«Всем известно, — пояснил он, — что женщины русской аристократии, захваченные революционными

¹ Швейцарский масон Karl Heise в своей книге "Die Entente Freimaurerei und der Weltkrieg" (Basel, 1920) на стр. 107 приводит следующий состав «Великокняжеской ложи»: вел. князя Николай Николаевич, Дмитрий Павлович, Александр Михайлович, Андрей, Кирилл и Борис Владимировичи, председатель Гос. Думы Родзянко, ген. Данилов, Чарторыжский и др.

идеями, вступают даже в публичные дома, чтобы совращать матросов и солдат».

Таким образом, по словам Турмантена, Великий Восток Франции «перелил в души бб.: славян дерзкие помыслы, исходившие из его конвентов, и подогревал усердие русских, принадлежащих к парижским ложам». В то же время, начиная уже с 1903 года, в отчетах конвентов Великого Востока появляется целый ряд вредных и губительных идей; среди них нельзя не найти принципы, осуществление которых в России выразилось в большевизме... Русские бб.: «стремясь все делать поскорее, не интересовались» миллионами жертв, загубленными ими при возведении храма Соломона.

В высшей степени осведомленный в отношении масонства, аббат Ж. Турмантен обратился уже в мае 1907 года к Государю Императору Николаю Александровичу с письмом, раскрывая Ему опасность для Трона и России возрождающегося в ней масонства. Письмо это было опубликовано в редактируемом им в Париже журнале “La Franc-Maçonnerie Demasquée” 10 мая 1907 года.

Письмо это гласит следующее:

«Ваше Величество,

Франкмасонство создало французскую революцию и погубило династию. Франция — жертва этой темной силы, испортившей душу нашего несчастного народа. Ныне фр.: масонство, по-видимому, направило свои усилия против России. Как человек осведомленный, я бью тревогу. Уже много лет парижские ложи гостеприимно открыты для приема в лоно масонства русских. Я уже указывал на это. Вот еще новое доказательство: 13 марта 1907 года на собрании парижской ложи “L’Avant Garde Maçonnique” (“Масонский Авангард”) чествовали одного из русских членов этой ложи, не-

давно избранного в Государственную Думу¹. По этому поводу председатель собрания заявил, что “в недалеком будущем в России будет учреждено много масонских лож”. Указание это заслуживает чрезвычайного внимания, вследствие чего друг России и ее Монарха позволяет себе писать, ГОСУДАРЬ, Вам эти строки в знак уважения и преданности Вашему Величеству».

В том же журнале от 25 марта 1909 года аббат Турмантен вновь, как бы обращаясь к ГОСУДАРЮ открытым письмом, писал:

«Я не хотел бы быть вторичным пророком, каковым я явился для короля Португальского, предсказав Царю такой же трагический конец. Но на Его месте я не был бы спокоен, зная о существовании в моем государстве масонских очагов революции, подобных тем, которые Великий Восток Франции внес туда, как бомбу, подложенную под изголовье мирного гражданина».

Пропаганда и успех распространения идей масонства в русском обществе перед войной 1914 года

Глава эта представляет собой хронологическую пестрядь краткого, возможно связного дословного пересказа статей и сообщений о масонстве, помещенных в современных событиям русских газетах за 1907—1914 годы. Кроме упоминаемых «Нового Времени» и «Гражданина» выдержки взяты из «С.-Петербургских Ведомостей», «Биржевых Ведомостей», «Вече», «Земщины», «Виленского Вестника», «Казанского Телеграфа» и др.

Затем использованы донесения из Парижа агента Департамента полиции Б. К. Алексеева, опубликованные в журнале «Былое» (1907. № 4. С. 108—145), и вы-

¹ В. А. Маклаков. — Примечание Н. Ф. Степанова.

писки из дневников А. А. Поливанова (Москва, 1924. Т. 1) и А. В. Богдановича («Три последних Самодержца». Москва, 1924).

Разговоры в обществе о появлении в России масонских лож возникли вскоре после назначения министром внутренних дел князя П. Д. Святополк-Мирского, объявившего лозунгом своей политики «доверие» к обществу и общественным силам. «Повеяло весною», и первыми цветами ее явились слухи о возобновлении у нас «золотого века масонства».

Уже 24 апреля 1905 года жена генерала Богдановича занесла в свой дневник: «Сегодня Стишинский (правый член Госуд. Совета) сказал... что теперь в Петербурге 8 масонских лож и к одной из них, которая помещается на Николаевской № 44, принадлежит Витте (председатель Комитета Министров), где тот играет большую роль».

В дневнике генерала А. А. Поливанова (помощника военного министра) записано 20 мая 1908 года: «После обеда у княгини А. Н. Нарышкиной (жена обер-камергера Е. Д. Нарышкина) говорили о масонах. Витте (бывший уже не у дел) считает, что таковые в России есть и сидят на скамьях Государственного Совета».

В Москве с 1 января 1908 года П. Чистяков стал издавать двухмесячный журнал «Русский франкмасон» («Свободный каменщик»). Журнал этот, как значилось в его программе, посвящался «всем ищущим справедливого ионического масонства в первых трех степенях его». В конце 1908 года, одновременно с прекращением издания журнала «Русский франкмасон», в издававшемся тем же Чистяковым еженедельном журнале «Ребус», посвященном спиритизму и оккультным наукам, появилось сообщение, что при редакции «Ребуса» предполагается организовать кружок лиц, интересующихся масонством, с целью его тео-

ретического и практического изучения. П. Чистяков предполагал легализировать этот кружок в порядке закона от 4 марта 1906 года об обществах и союзах, но, встретив отрицательное отношение к своей статье со стороны местной власти, заявил, что он решил «обождать». Фактически же кружок этот образовался.

Около 1910 года во многих изданиях — варшавской, столичной русской и балтийской, немецкой — повременной печати появляются передовые статьи, написанные стилем масонским и с употреблением лозунгов масонства, незаметных для рядового читателя, но легко узнаваемых не только каждым масоном, но и историком-дилетантом.

30 января 1910 года генерал А. А. Поливанов записывает в своем дневнике: «Великий князь Николай Михайлович говорил о масонах, о том, что 19 русских (М. Ковалевский, Кедрин и др.) состоят членами парижских лож, что есть подозрения на некоторых русских в России (генералов Куропаткина, Жилинского, Субботина); что евреи поставили себе задачей проникнуть в армию, и в частности в Генеральный Штаб, что в Генеральном Штабе уже есть евреи; евреи же проникают под самыми русскими фамилиями».

В начале 1910 года в Петербургском Художественно-Литературном театре Суворина ставится пьеса «Вольные каменщики», имевшая успех, несмотря на то что ни с идейной, ни с исторической стороны она этого успеха отнюдь не заслуживает.

Князь Мещерский в своем «Гражданине» помещает весною 1909-го, 1910-го и 1911 годов ряд статей о масонской опасности. Миссионер отец Апрасов своею докладною запискою в феврале 1909 года обращает особое внимание Св. Синода на масонство в России.

Лекции госпожи Соколовской, специалистки по истории русского масонства, читанные ею в С.-Петербургском Археологическом институте в

1910 году; лекция Максимова в Русском Собрании в С.-Петербурге и ряд других сообщений лиц в залах Тенишевского училища и других публичных мест возбуждали среди столичного общества весьма большой интерес к масонству.

В это время центром масонской пропаганды являлась В. В. Авчинникова-Архангельская. Она говорила, что приехала из Франции в качестве разведчика масонства. Почва для активной масонской деятельности в России, по ее мнению, уже достаточно подготовлена. По словам Авчинниковой-Архангельской, в июне или июле 1911 года должна прибыть в Россию из Парижа масонская экспедиция человек из восьми. Главную цель этой экспедиции является правильная организация масонства в России и вручение русским вожакам масонства полной инструкции для дальнейшей деятельности.

Русская публика на публичной лекции Авчинниковой-Архангельской, прочитанной в декабре 1910 года в зале Тенишевского училища, услышала, что масонство представляет собою социальную силу, которая всегда стремилась к «освобождению человека от уз», что она подготовила французскую и другие европейские революции, что Мирабо, Дантон и другие главы революции были членами масонских лож и т. д.

«Масонство давно уже стучится в дверь России, — воскликнула Авчинникова-Архангельская в конце своей лекции, — и мы надеемся, что, наконец, дождемся легализации, так как Россия — страна конституционная, в которой должна быть допущена свобода совести, слова, печати и собраний».

Активная деятельность русских лож, по словам все той же Авчинниковой-Архангельской, должна была начаться уже осенью 1911 года и будет находиться в большой зависимости от результатов всемирного масонского конгресса в Риме, назначенного на 20—

23 сентября 1911 года. На этом конгрессе под предлогом чествования юбилейного дня «возрождения» Италии будут подробно обсуждаться планы скорейшего проведения в жизнь конечных целей масонства: уничтожение монархий и церквей и установление всемирной республики.

В 1910-м и 1911 годах «Новое Время» поместило ряд статей, трактующих о фактическом возрождении у нас масонства под видом разных «лиг» и «обществ» — философских, теософических, оккультных и др. Наивность россиян доходила до того, что в 1909—1910 годах наглый проходимец доктор Персич собирал даже щедрые взносы с лиц, желавших при его помощи быть «посвященными в масоны».

Все петербургские масоны группировались в 1911 году около генерала по Адмиралтейству Ник. Ник. Беклемишева, Тиры О. Соколовской и В. В. Авчинниковой-Архангельской. Главным местом их собраний было помещение Музея Изобретений и Усовершенствований (Мойка, 12), где почти еженедельно происходили обсуждения всевозможных тем, касающихся масонства. Усматриваемые в этом помещении собрания не являлись, однако, собраниями по образцу «лож», а представляли собою подготовительную ступень вербования последователей масонства, выражающуюся в чтении пропагандистских лекций и докладов. Присутствовали на этих собраниях только лица, получившие особое приглашение. На собрании, например, 11 марта 1911 года присутствовали всего 20 человек, в числе коих находились: Н. Н. Беклемишев, Т. О. Соколовская, действ. статс. советник С. И. Афанасьев (врач Главного Инженерного Управления), Ю. В. Руммель, инженер-механик флота Н. И. Филипповский, отставной гвардии полковник Ф. Г. Козлянинов, писательница Ю. М. Загуляева, Буторина, Соколов, Ланин, Самохвалов, Шеповальни-

ков. Кроме того, были адмирал Добротворский и два генерала, а также некоторые члены Лиги Обновления Флота.

В последних числах апреля 1911 года частное собрание масонствующих имело место у журналиста инженера А. В. Зенгера (Фонтанка, 103), где в числе других присутствовали братья Алексей Алекс. и Борис Алекс. Суворины.

Несколько иначе развивалось масонское движение в Москве: внешне не так шумно — и серьезнее в смысле достижения более прочных результатов. Спекулятивно-политическое масонство гнездились в особняках московских толстосумов-либералов, где обсуждались планы необходимости переворота, а идейное масонство организовало целый кружок усердных сотрудников для планомерного изучения масонства. Они привлекли к себе историков из Петербурга и Киева. Результатом их работ явились в 1914-м и 1915 годах два тома ценных по содержанию и прекрасно изданных сборников статей под общим заглавием «Масонство в его прошлом и настоящем», выпущенных под редакцией С. П. Мельгунова и Н. П. Сидорова (издание «Задруга» и К. Ф. Некрасова).

В обращении «от редакции» говорится, что издание это преследует популяризаторские цели дать широким интеллигентным кругам представление о современном масонстве, о сущности «многогранного масонского учения»; дать образы наиболее выдающихся вождей русского масонства — «искателей масонского света». «В наше время западноевропейское масонство продолжает играть значительную роль и эта роль уже находит себе отклики в России... Значение масонской обрядности в жизни» ныне являются «для самих масонов лишь пережитком традиций, утеравших свой смысл... Бутафория масонской символики и обрядности не могут иметь научного значения для понима-

ния масонского учения». Таковы были предпосылки редакции.

В состав III тома предполагалось включить статью С. П. Мельгунова «Современное русское масонство», но революция прекратила это издание.

В составе кружка участвовали: Я. Л. Барсков, А. А. Боровой, Д. Г. Бурылин, А. М. Васютинский, проф. Г. В. Вернадский, С. П. Виноградов, Н. О. Гельшельзон, С. М. Горяинов, проф. М. В. Довнар-Запольский, С. А. Ефремов, проф. Н. К. Кульман, С. П. Мельгунов, В. П. Обнинский, В. Н. Перцев, Н. К. Пиксанов, И. Н. Розанов, Н. И. Романов, И. С. Рябинин, В. И. Семевский, А. В. Семека, Н. П. Сидоров, Т. О. Соколовская, Е. И. Тарасов, проф. Е. В. Тарле, В. Н. Тукальский, П. П. Шабанов, Е. С. Шумигорский, И. М. Херасков, И. М. Фадеева.

Таким образом, в общем, уже к 1910 году масонство пережило зачаточное состояние в России и все глубже и глубже укоренялось. В число масонов вступили сперва русские профессора, потом политические деятели. К концу 1910 года, по словам самих масонов, масонство распространилось у нас и в более широкие круги. С одной стороны, оно начало захватывать среду офицеров армии и флота (преимущественно высших центральных управлений) и русскую знать, а с другой — оно привлекает и приверженцев крайних левых партий. Центрами русского масонства в это время были правильно работающие ложи в С.-Петербурге, Москве и Варшаве. В последнем городе масонство состояло почти исключительно из поляков и евреев с сильно левым направлением. Насколько вся масонская деятельность велась умело и конспиративно, можно судить по тому, что за все это время ничто не подавало повода подозревать, что в России существуют масонские ложи и собрания. Работа русского масонства в эти годы была сложна и многостороння.

По мнению высших руководителей Великого Востока Франции, в это время каждое противоправительственное выступление или покушение на жизнь государственного деятеля в России возможно было лишь при содействии масонских сил, имеющих во всех слоях общества и высших правительственных органах таинственные нити, без помощи которых ни один революционный комитет не был в состоянии исполнить свое решение.

Следя за политическими партиями, русское правительство было лишено средств борьбы только против масонства, ловко ускользающего из-под самого бдительного надзора благодаря своим связям и сотрудникам, вкрапленным во все почти учреждения, ведущие охрану существующего порядка.

После Февральской революции 1917 года в документах Департамента полиции было найдено донесение агента колл. асесс. Б. К. Алексеева из Парижа, полученное после убийства П. А. Столыпина, в котором он пишет: «Покушение на жизнь г-на Председателя Совета Министров находится в некоторой связи с планами масонских руководителей. Обрывочные сведения об этом сводятся приблизительно к следующему:

— Мало рассчитывая на то, что масонству удастся склонить премьер-министра в свою пользу, масоны... начали смотреть на г-на Председателя Министров как на лицо, могущее служить им препятствием... для прочного укоренения в России... Это последнее убеждение на Верховном Совете Ордена (в Париже)... побудило руководителей масонства прийти к заключению, что г-н Председатель Совета Министров является для Союза... в настоящее время, — когда масонство собирается нажать в России на все свои пружины, — лицом вредным для целей масонства. Такое решение Верховного Совета было известно в Париже еще несколько месяцев тому назад... Говорят, что тайные руководи-

тели масонства, недовольные политикой г-на Председателя Совета Министров, воспользовались тесными сношениями, установившимися между Великим Востоком Франции и русскими революционными комитетами и подтолкнули исполнение того плана, который у них только был в зародыше. Говорят также, что чисто “техническая” сторона преступления и кое-какие детали обстановки, при которой возможно было совершить покушение, были подготовлены через масонов» (Былое. 1917. № 4. С. 141—143).

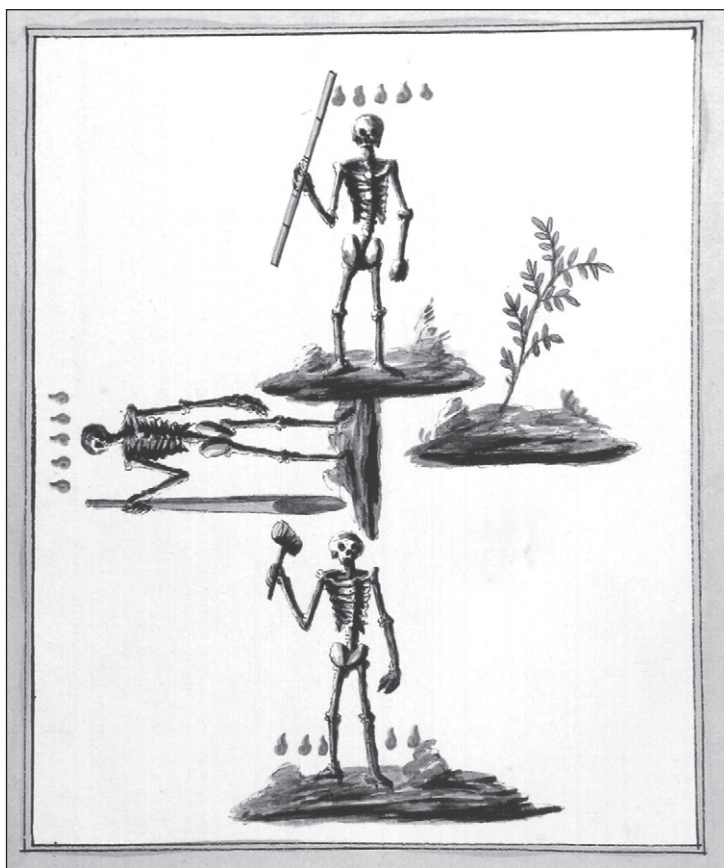
Как я чуть не сделался масоном

(свидетельство князя Д. Д. Оболенского:
1883—1884 гг.)¹

В коротком очерке князя Дмитрия Дмитриевича Оболенского рассказывается о его встречах с одним из руководителей французского и российского масонства, личным другом А. И. Герцена и крупнейшего масона-декабриста Н. И. Тургенева, Г. Н. Вырубовым. Открывается также важный факт, что бывший учитель французского языка в русском городе Туле занимает важный пост секретаря парижской ложи Великого Востока Франции.

Зиму 1883 и 1884 гг. я проводил в Париже, где в это время уже жил постоянно двоюродный брат моей жены Григорий Николаевич Вырубов, человек ученый, кончивший курс наук в Александровском лицее с золотой медалью и выдержавший экзамен на магистра при Московском университете, где ему была обещана кафедра профессорская. Но в силу каких-то интриг он кафедры не получил и переехал в Париж, где пользовался репутацией ученого и вместе с известным ученым Литтире редактировал журнал “La Revue

¹ Новое время. 23.10.1926.

Убийство Хирама Абиффа

Politike”, а впоследствии читал и лекции в Сорбонне. Он был франмасоном, вице-президентом парижской ложи dn Grand Orient (в rue Cedet 16), а президентом — Кобе (Coabet), начальник всей муниципальной полиции Парижа — что у нас обер-полицмейстер в столице и у г-на Кобе тогда был более 14 000 городских в распоряжении. Я довольно близко сошелся с Г. Н. Вырубовым, которого до этого мало знал, т. к. он почти не жил в России, а через него и с Кобе, который был

очень любезный человек. В 1883 г. было 35 театров уже тогда в Париже, и в каждом у Кобе было кресло в первом ряду, а в иных театрах и по два кресла. «Я не могу на всех этих креслах сидеть одновременно, да и вообще редко посещаю театры, — сказал мне как-то М-г Кобе, — а потому, пожалуйста, располагайте когда хотите моими креслами, только заявляйте мне в начале недели запискою, где желаете побывать, и я вам буду посылать билеты на свои места». И вот в течение двух сезонов, признаюсь, я-таки широко пользовался его любезностью. Уврезы (Ouvreese) предполагали, что я, вероятно, служащий в полиции, т. к. сию всегда на кресле шефа парижской полиции.

Знакомство с Кобе, президентом Grand Orient, и мое сближение с Г. Н. Вырубовым, его вице-президентом, сблизило меня с масонами, I

Вырубов стал меня уговаривать баллотироваться в члены парижской ложи. Я все добивался узнать подробно идеалы масонства, но получал всегда лишь довольно неопределенные ответы. Как-то предложили мне посетить само помещение Grand Orient в rue Cedet. Особенно хорош, говорили, громадный зал, где происходят заседания ордена масонов, — потолок расписан одним из лучших французских художников, чуть ли не Carolus Dursut? Меня интересовало помещение, т. к. я читал довольно подробно о разных тайнах в помещениях и обрядах при приеме в орден новых членов. — Таинственные ворота, свет, проникающий через человеческий череп, бряцание оружия и т. п. Вошли мы в почти темную залу, так что глаз не сразу мог увидеть обстановку — картины, потолок, — с непривычки и со света дневного. Но каково мое было удивление, как я вдруг услышал за собою голос: “Tieus mais e’est Dmitri Dmitritch Obolensky!” (да это, кажется, Д. Д. Оболенский). — «Откуда мне сие?», — подумал я и обернулся. За мною стоял М-г Rojet (Роже), учитель

французского языка в Туле, в мужской гимназии, которого я и встречал в Туле. Оказалось, что он вернулся во Францию, и состоит секретарем в Grand Orient, т. е. при парижской ложе, куда его и определил Г. Н. Вырубов.

Г-н Роже мною занялся и показал во всех подробностях учреждения масонской ложи и орденового Храма, и вся таинственность сводилась к бутафорским разным принадлежностям, как напр., особая трещотка, которая представляла якобы скрип ворот, дверей, отворяющихся для приема у входа в храм вновь принимаемого в члены масона. А выходил он с завязанными глазами, так что ему скрыты все эти таинственные знаки, как мне запросто показал г-н Роже, и для меня вся эта таинственная обстановка потеряла всякую таинственность. Я был назначен кандидатом к избранию в члены парижской ложи Grand Orient по представлению президента ордена масонов Кобе и вице-президента Вырубова, так что мое избрание было обеспечено вполне, и кандидатура моя была выставлена, а мне присланы вопросные пункты (печатанные), на кои я должен был словесно ответить публично в собрании членов ордена, которые меня должны были избрать...

Между другими вопросами стояло: деист я или атеист? При этом мне объяснили, что атеисты всегда имеют больше шансов на избрание, чем деисты. Этот вопрос, конечно, мне был не по вкусу. Давать отчет в многолюдном собрании незнакомых мне людей о моих верованиях было совсем не по мне, да и вообще, обдумав еще раз серьезно, взвесив значение моего вступления в масонство, я от баллотировки за несколько дней до собрания, на котором должен был произойти прием мой в орден, отказался. Не желая обидеть моим отказом Кобе и Вырубова, я представил благовидный предлог, что, возвращаясь по серьезным делам в Россию, я на предстоящем собрании лично предстать не могу

и потому отвечать на вопросы не имею возможности, почему и прошу мою кандидатуру с очереди снять. Друзья мои, конечно, остались недовольны мною, но все же отношение мое к ним осталось вполне хорошее. Г. Н. Вырубов прямо политикой не занимался, однако на его пребывание в Париже все же косо смотрели в высших сферах Петербурга (т. е. тайной полиции). У Вырубова были все же значительные имения в России, и он собрался посетить Родину; зная и по истории с кафедрой о неблагоприятном к нему отношении, он просил меня узнать в парижском Русском консульстве относительно паспорта и др. Консул наш тогда, Карцев, милейший человек, ответил мне, что ничего предосудительного о Вырубове и не может быть, т. к. он исключительно живет из-за научных целей в Париже, а потому может спокойно вернуться в Россию. Разговор мой с Карцевым я передал Вырубову. Но вот на другой же день Карцев меня вызвал в свой кабинет при посольстве [на] rue Grenelle. «Вообразите себе, — заявил мне Карцев при входе к нему, — что Г. Н. Вырубов числится в Черной книге, да какая глупая отметка: Г. Н. Вырубов — не нигилист, но друг [Н. И.] Тургенева, а значит, его на границе задержат...»

Откровения Е. Д. Кусковой¹

В 1929 году умерла быв. Председательница Кауфманской Общины сестер милосердия баронесса Варвара Ивановна Иксуль фон Гильденбант. Вся зарубежная либеральная и социалистическая печать с удивительным единодушием посвятила покойной прочувственные статьи. Н. Н. Чебышев в «Возрождении», Милюков в «Последних Новостях» восхища-

¹ Печатается по: Двуглавый Орел. 1929. № 16. С. 34—35.

лись умершей. Торжественно отпевали на рю Дарю. Митрополит Евлогий участвовал в богослужении¹ и, понятно, произнес прочувственное слово. На похоронах, по сообщению «Возрождения» (№ 997), присутствовали: гр. Коковцов, М. Н. Гире, В. А. Маклаков, Милюков, М. Л. Киндяков, Ковалевский, Никаноров, ген. А. М. Кауфман-Туркестанский, Б. Е. Иваницкий, Н. Н. Чебышев и др.

Приходилось слышать недоуменные вопросы о том, отчего покойной оказано такое внимание прогрессивной общественностью с ее запрещенным митрополитом во главе?

Ответ последовал скоро. Дан он Е. Кусковой в № 1344 газеты «Дни» от 29 февраля. Г-жа Кускова рассказывает, как в 1899 г. после ареста ее мужа С. Н. Прокоповича ей посоветовали обратиться за помощью к баронессе Икскуль фон Гильденбант. При первом свидании последняя, обещав помощь, поразила ее своим сочувствием партии социалистов-революционеров, соединенным с отрицательным отношением к другим социалистам.

«Я люблю народников, — говорила баронесса. — Это почвенная, русская, не Ваша заморская партия. Да, они — круглые, уютные, свои какие-то...

— Но Вам не кажется же “уютным” бросание бомб, баронесса?

— Бросание бомб, убийства... Да, это тяжело и вовсе не уютно, — снова засмеялась она. — Но знаете, я считаю, что моральней отстранить человека с его поста, если он идет против народа, чем поднимать класс на класс».

При втором свидании баронесса Икскуль передала известные ей от директора Департамента полиции Зволянские секретные сведения о деле Прокопови-

¹ Богослужения митрополит Евлогий в то время совершать не мог, находясь под запрещением — *О. П.*

ча, которому в итоге и помогла. Кускову поразила эта женщина, и она ей сказала:

«— Зачем Вы это так делаете? Заступаетесь за нас — в качестве кого?

— Ах, вот как!.. Вот что Вас интересует... А между тем, друг мой, это так просто, так естественно...

— Естественно жить в двух мирах?

— Не знаю... *Естественно повиноваться моему второму правительству* (курсив Кусковой), — подчеркивая, сказала она.

— Это кто же, Ваше второе правительство?

— Как Вам сказать? Имени у этого правительства нет. Есть только символы... Вы любите Н. К. Михайловского? — задумчиво спросила она. — Мне кажется, что он и ему подобные имеют силу приказывать... Да, я не ошибаюсь. Это — безусловно второе русское правительство... И мое первое правительство, — смеясь сказала она, — совершенно правильно считает эту невидимую силу своим врагом.

— А Вы? На рубеже двух миров.

— Я? Я не политик... Но с точки зрения просто человеческой второе правительство нравится мне больше, много больше...»

«А затем, — пишет Кускова, — я и муж мой снова встретились с ней в ее салоне в 1905 году в период революции, на собрании, уже явно революционном: офицеров, собранных у нее по инициативе Союза Освобождения. Это собрание и хозяйку этого удивительного салона я уже описала в “Современных Записках”. Устройством этого, безусловно опасного, собрания она снова как будто подчеркнула свою верность “второму правительству”».

Таким образом, масонка Кускова ясно открыла принадлежность баронессы Иксуль к масонству и сообщила о существовании второго (тайного) правительства.

Мое пребывание в масонской ложе¹

Не помню точно, где у Тургенева, а справиться не могу: продан! — одного почтенного старца просят рассказать, как он был масоном. Старец благодушно отвечает: «А известно, как: носил чугунное кольцо на правом мизинце».

Я должен сознаться с прискорбием, что в своих масонских трудах отстал даже от этого наивного старца, так как никогда никаких внешних знаков масонского отличия не носил. Да и из ручных и ножных знаков усвоил только самые первоначальные, без которых, предполагается, уже никак невозможно масонское общение. «Предполагается», потому что я очень редко замечал, чтобы ими обменивались в обществе люди, взаимно осведомленные о своей принадлежности к масонству, — разве что в шутку. Мне лично, по моей неспособности к балету, эти журавлиные танцы и азбука глухонемых не дались. Я вечно их путал, и хотя месяца через три после посвящения был возведен за что-то в третью степень мастера, так и не выучился входить в ложу иначе, как обыкновенным шагом, и до сих пор сомневаюсь, правильно ли я топырю руку пятернею у горла, свидетельствуя тем свою готовность пожертвовать жизнью за тайны масонского союза.

Вне ложи мне случилось пустить в ход знаки только дважды, оба раза в довольно курьезных обстоятельствах. Однажды, проездом через Мюнхен, город тогда мне совершенно незнакомый, хотел я навестить проживающего там дядю Александра Ивановича Чупрова, а он, как на грех, оказался уже выбывшим с семьею на дачу. До ближайшего поезда на Верону, мне нужного, оставалось четыре часа. Убивая время скитанием по

¹ Печатается по: Сегодня (Париж). 6.7.1930.

улицам, зашел я в знаменитый Ратскеллер. Сижу, пью изумительное мюнхенское, как черный бархат, пиво. Публики не очень много. Но вот заметил я, что какой-то вновь пришедший средних лет господин, приличнейшей бюргерской наружности и очень хорошо одетый, занимая столик, сделал как будто масонский знак мастера, так, в пространство, ни к кому не обращаясь. Я с одинокой скуки: «А что? — думаю, — отвечу-ка ему? Посмотрим, что выйдет?»

Вышло, что он очень обрадовался, пересел за мой столик, и из Мюнхена я уехал не через четыре часа, но лишь послезавтра. А два дня новый мой знакомец, оказавшийся местным одновременно коммерсантом (по шелковым изделиям) и художником-портретистом, с компанией других, приглашенных им, «братьев», водили меня по мюнхенским достопримечательностям, благодаря чему я неожиданно узнал чуждую мне столицу Баварии чуть не лучше, чем родную Москву. И, конечно, здесь — Августинербрей, там — Паулинербрей, дальше — Левенбрей... Так что, очутившись после трогательного прощания с «братьями» в вагоне, я имел полное право воскликнуть подобно купцу, об анекдотическом путешествии которого по Европе забавно рассказывал в былые времена Шаляпин: «Но где пьют, так это — в Мюнхене!..»

Второй обмен масонскими знаками совершил я столь же неожиданно с одним итальянским врачом, большим моим приятелем, которого масонства я никак не подозревал, равно как и он моего. Так как было это на морских купаньях в Сестри Леванте, и оба мы стояли по грудь в воде, то взаимное открытие вышло весьма комическим.

Года два тому назад, разбирая старую рухлядь, жена моя нашла лоскут белой лайки с тесемками, вроде тех слюнявочек, что повязывают малым детям, чтобы они не мочили грудки. Это был, каким-то чудом «от тленья

Великий мастер первой Великой Ложы Энтони Сейер

убежавший», мой масонский «закон», т. е. фартук. Я живо вспомнил, как эти слюнявочки болтались и топырились в вечера торжественных собраний ложи на животах огромных людей вроде Ковалевского, Тамамшева, меня, пишущего эти строки, и др., и опять, хотя и далеко задним числом, не мог удержаться от смеха.

Этих торжественных праздничных лож я помню три. В одной чествовали как приезжего гостя довольно известного в свое время русского социолога и земского деятеля Евгения Валентиновича де Роберти (Ла Серда). В другой, на том же основании, знаменитого русского беллетриста, и поныне, слава Богу, здравствующего, так что, ежели захочет, он и сам о том расскажет. Гран-метр Николь произнес блестящие приветственные речи. Чествуемые отвечали. Де Роберти — пространно и на великолепнейшем французском языке, а беллетрист кратко и на языке *des anges*, как, по уверению Тургенева, определяют вежливые парижские насмешники наше франко-русское наречие. Зато в масонском облачении и регалиях он был очень эффектен и, чуть ли не единственный в собрании, потрясал обнаженную шпагою, не производя и тем комического впечатления. Давал фигуру романическую, словно бы и впрямь розенкрейцер 17—18 веков, а не опереточную или фарсовую, как большинство остальных, словно сбежавших со слюны театрала Ключи, где как раз тогда давали пресмешную комедию «Фрамасоны».

С беллетристом мы были старые друзья, каковыми остаемся и по сие время. Де Роберти я знал очень мало и, признаюсь, не очень-то он мне нравился, как, вероятно, и я ему, хотя любезен со мною он всегда был весьма. Странна была судьба этого человека, несомненно талантливого, энциклопедически образованного, блестящего оратора, неистощимого занимательного говоруна. Может быть, виною тому было предубеждение, порожденное убийственными сарказмами Маркса и

Михайловского (последний ведь даже не постеснялся однажды зло поиграть второю частью фамилии де Роберти, которую он пользовался как псевдонимом для своих публицистических работ, — «Ла Серда», что по-испански значит, увы, «свинья»); но к де Роберти установилось в обществе какое-то недоверчивое отношение — мало кто брал его всерьез. Играл он на большого ученого, но ученые считали его легковесным дилетантом, а для дилетанта он был слишком тяжеловесным эрудитом. Так и застрял он на середине с половиной — ни рыбой ни мясом, под пикантным соусом неистощимо звонких фраз “d une langue bien pendue.

Человек был показной, созданный для трибуны. Типичный оппозиционер, «тверской земец», значит, — о, ужас, по тогдашним временам! — чуть не революционер. В искренности его нельзя было сомневаться. Он же и «страдал за убеждения», хотя и не очень. Словом, снаружи совсем хорош: «лидер» — хоть куда. Но жила в нем некая внутренняя хлыщеватость, которая, прозрачно сквозя через его ораторский пафос, заставляла худшего слушателя почти улыбаться.

— Ах, мол, ты актер, актер!

М. М. Ковалевский дружил с де Роберти и любил его, но, что в глаза, что за глаза трунил над ним довольно жестоко. Рассказывал, например, что на каком-то из многочисленных в предреволюционные годы политических банкетов де Роберти произносил пламенную речь о наделении крестьян землею, Ковалевский, сидевший с ним рядом, насмешливо шепнул:

— Супесок и за приличное вознаграждение?

— Ну, само собою, разумеется! быстро шепнул ответную реплику тверской Мирабо и, как ни в чем не бывало, продолжал «греметь» дальше.

Именно торжественные ложи, да еще один парадный обед, когда я имел случай видеть в сборе весь «Космос», разочаровали, расхолодили меня в масон-

стве. Может быть, попади я в какую-нибудь мистическую ложу (две-три таковых еще влачили существование в Париже, хотя и весьма захудали), любопытство задержало бы меня в ней дольше. Но здесь, как откровенно объяснил нам, посвященным, на первых же порах, М. М. Ковалевский:

«Вот вы допытывались у меня, в чем тайны масонства. Теперь вы сами масоны и можете видеть собственными глазами, что никакой тайны нет. В том и тайна, что нет никакой тайны».

Было остроумно, а в устах масона 31-й или 33-й степени («Рыцаря Храма») даже и весьма выразительно. Но раз нет никакой тайны, то для чего же и таинствовать? Масонская ложа превращается просто в клуб общения людей большего или меньшего политического единомыслия. Ложа «Космос» считалась демократической, и мэтр Николь старался крепко держать и высоко поднимать знамя «принципов 1789 года». Но подавляющее большинство «братьев» принадлежало к богатой промышленной буржуазии, для которой из этих пресловутых принципов давно выветрилось содержание и остались лишь «слова, слова, слова». Красноречие лилось реками, но дел, — может быть, такое уже было мое несчастье — не видел я ни одного.

Впрочем, нет: одно видел. Ложа вступилась за некоего бельгийского «брата», литератора. Угодив за свой роман под суд, он предпочел переселиться из Брюсселя в Париж, а Брюссель настойчиво приглашал его пожаловать обратно на скамью подсудимых. Вступилась и отстояла брата, доказав тем справедливость обещания Ковалевского насчет оборонительной полезности масонства. Но так как роман гонимого бельгийца был из самых, что ни есть, порнографических (уж, значит, хорош, если даже Бельгия не вытерпела!), то представлялось довольно недоуменным, какое дело

до этой истории масонской ложе, предполагающей целью своего союза взаимное «нравственное совершенствование»?!

Политическое значение ложа, несомненно, имела, но узкое, местное, чисто французское, - даже, пожалуй, теснее, парижское. Это был хорошо организованный и дружно сплоченный кружок умеренных республиканцев, отлично выдрессированный для выборных кампаний, преимущественно муниципальных. И больше ничего. Мэтру Николу, полному честолюбивой энергии, было тесно в русле «Космоса», хотелось вывести ложу на пути большой политики. Этим объясняется его усердное внимание к нашим русским революционным делам и привлечение в ложу, через посредство Ковалевского, русских эмигрантов.

Мэтр Николь вспоминается мне симпатично — лицом, отчасти как бы трагическим. Умный и даровитый, он стремился оберегать поколебленное масонское предание и выявлять непоколебимую масонскую силу. Но в предании ему с трудом удавалось охранять даже обрядовую внешность, а сила ложи упорно не желала выходить за черту мещанского политиканства. Характер он имел диктаторский, но для фактической диктатуры ему не доставало воли, а может быть, и талант. Поэтому и диктаторствовал он внешне. Помню, как после одной ложи когда «мастера» остались одни, чтобы принять очередной «пароль», Николь властно призвал к порядку и отчитал влиятельного брата из коммерческой аристократии, вздумавшего отнестись к этой церемонии с шуточками. Нам, русским, он наши небрежности спускал, скрепя сердце: что-де с них взять? Варвары, да еще и в несчастьи! — но французов подтягивал весьма. И, так как французы по национальному характеру вообще очень склонны к внешней дисциплине, то охотно позволяли себя подтягивать. Но «в самой вещи» ложа шла все-таки не как

Николь хотел, а Никола тащило за собою, как хотело, ее капиталистическое большинство.

Поэтому на попытке втянуть ложу в помощь русской революции Николь срезался. Русское правительство искало тогда во Франции нового займа. Было совершенно ясно, что для подавления революционного брожения. А потому эмиграция и сочувствующие ей французские интеллигенты развили довольно сильную контрпропаганду. Не хочу писать об этой кампании подробно, потому что архивного документального материала у меня под рукою нет, а по памяти боюсь напутать: вопрос же ответственный. Возлагались большие надежды на масонство, что оно как принципиальный враг самодержавия не допустит займа, а как сила капиталистическая сумеет сделать свое вето не только действительным, но и выразительно демонстративным.

Мэтр Николь был из главных агитаторов противодействия и хлопотал очень. Вопрос обсуждался во всех ложах. Конечно, и в нашем «Космосе» и, по обилию в нем русских, может быть, даже напряженнее, чем в других. Торжественное собрание, посвященное дебатам о займе, очень многолюдное, и было тем третьим, о котором я упомянул выше. Оно оставило во мне очень тяжелое впечатление. И не тем, что дело протеста провалилось — этого я заранее ожидал почти наверно, так что ничуть не удивился и мало огорчился, — но тем, как оно провалилось.

Мэтр Николь был пылок, напорист, говорил красноречиво, с искренним одушевлением, убедительно, со знанием наших русских дел, с хорошим осведомлением о планах «царизма», — на французские деньги раздавить нарождающуюся русскую свободу. Но огненные слова его падали как будто в мокрую подушку: пламенели без последствий. Николь ораторствовал и срывал аплодисменты, по опытный сосед мой, офрануженный русский еврей, доктор Клейн, вздыхал:

- Не соберет голосов!
- Однако сильно хлопают?
- Что хлопки! Вы посмотрите на рожи!

Действительно, лица слушателей хранили опасное выражение чуждости, а иные и недовольства, словно пред ними свершалась некая досадная бестактность. Николь переоценил свое влияние, рассчитывая вырвать у ложи, по требованиям масонской этики, резолюцию, противную коммерческим интересам большинства братьев: чуть не все были держателями русских бумаг! Надеяться на французскую поддержку ими русской революции могли только наивные идеалисты, одаренные «славянской душой» или воспринявшие от нее заразу чувствительности, как Николь.

Ответы ему блистательно оправдывали злое суждение, будто французский язык создан для того, чтобы красиво скрывать истину, приятно говорить неприятности и, насказав много и значительно, в конце концов не сказать ничего. Николя не опровергали, его благодарили, ему выражали сочувствие, «благородное негодование» на царский деспотизм лилось рекой, память Великой Французской Революции и принципы 1789 года висели в воздухе, что называется, хоть топор повесь. Но международный смысл получался все-таки:

— Не наше дело — с чего это вы вздумали бить нас по карману ради каких-то северных варваров, которые не умеют ладить со своими правителями?

Один из ораторов даже так прямо и рискнул напомнить, что хороший масон обязан соблюдать законы и обычаи страны, им обитаемой.

Словом, провал был полный. В банальной резолюции, выражавшей сожаление об ошибочном направлении русского царского режима и надежду, что молодая Россия рано или поздно обретет свободу, которой она достойна, и станет на уровне культурных европейских

государств, вопрос о займе был обойден скользким упоминанием, словно не из-за него сыр-бор горел.

Ковалевский приписывал этот провал отчасти внутренней интриге в ложе: братья, наскучив диктаторскими замашками Николя, захотели дать ему щелчок — ты-де нам не Наполеон, — осади назад!

А Николь сердито обвинял русских, что это они провалили свое собственное дело, не поддержав его личными выступлениями. Это правда. Но те, кто из русских хотел бы говорить и имел что сказать, в развитии речи Николя не решались выступить, смущаясь ораторствовать перед парижскими говорунами па великорусском наречии французского языка. М. М. Ковалевский, блестящий оратор на всех европейских языках, по-французски же наипаче, и другие, ему подобные, сыдеальничали: нашли, что, так как интересующий нас заем хависит от французского капитала, то французам и решать вопрос, а нам, мол, будет приличнее воздержаться от давления на их волю. Не помню, кто тогда говорил из русских, кроме М. М. Ковалевского, но и он, избегая «давления», ограничился общими местами, а остальных — вот, я даже не помню: так были бесцветны.

Это собрание весьма размагнитило второй магнит, тянувший меня к масонам: упование поддержки от них русской революции против забиравшей силу реакции. Я охладел к масонству и перестал бывать в ложе. Безответственной-то политической болтовней можно было утешаться — и гораздо интереснее, без ряженья и условных жестов — также и в кафе «Суффло» или кафе «Пантеон». Но однажды я получил приглашение с обязательной явкой на банкет по случаю какой-то знаменательной годовщины. На этот раз я задумал выступить. Написал речь и, боясь за свое французское произношение, просил И. З. Лорис-Меликова прочесть ее от моего имени. Но тут меня постигла неудача,

в самом деле, «из Пьера Безухова». Лорис, было, согласился, но, ознакомившись с рукописью, взял слово назад: «В своем ли вы уме? Разве таким резким языком можно говорить с французами вообще, а в этой среде в особенности?! Это будет неслыханный скандал, и, прямо вам скажу, нам превредный! Я ответственности за него взять на себя не могу».

Ковалевский тоже подтвердил: «Да, речь жестокая. Скандал будет. Лучше ее не произносить».

Я возразил: «А не думаете ли вы, М. М., что встряска некоторым русским “скандалом” была бы полезна нашим французским “братьям”? Уж очень они замшились».

Он отрицательно мотнул своей большущей головой.

— Нет. Я не скажу, как Иван Захарович, что скандал был бы «превредный», но... Слыхали ли вы, что был в Петербурге профессор политической экономии Вреден? Так о нем студенты острили, что он не столько вреден, сколько бесполезен. То же самое скажу и я о вашем спиче. Это плод обычного русского, извините, дон-кихотства. Вы воображаете прошибить броню буржуазного равнодушия и вызвать если не сочувствие, то негодование уязвленных самолюбий. Напрасно: это народ стреляный. Не доставят вам удовольствие видеть их уязвленными, но просто постараются вас не заметить, на что они мастера первоклассные. А согласитесь, что подобный результат...

— Хуже всего, — прервал я. Вы правы, М. М., беру свой «спич» обратно.

Вскоре мой главный масонский магнит, т.е. М. М. Ковалевский, уехал в Петербург и, с его отъездом связь с ложею потеряла для меня уже всякий интерес. Много другого, настояще живого, дела было. В братях числился, бюллетени ложи получал, взносы платил — и «без меня меня женили»: неизвестно за ка-

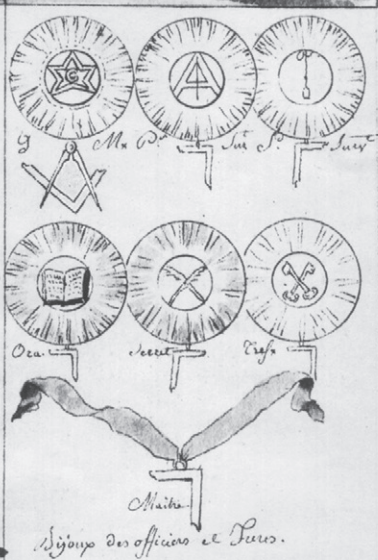
G. M. Passant le signe de M....

Compagnon faisant le signe de L...

Apprentif garde faisant le signe.

кие заслуги повысили из «учеников» в «мастера». Это автоматическое производство мне тоже очень не понравилось. Ближайшим затем летом, как я уже говорил, мы с женой переселились из Парижа в Италию, и здесь мое французское масонство поросло четвертьвековой травой забвения, сквозь которую теперь докопался до него в Петрограде архивный крот Щеголев, а в Риге огласил его раскопки г-н Вельский.

Устав Великого Востока народов России (1912 г.)¹

1. Задачи и цели ордена

Создание связанного моральной общностью и взаимным доверием братского ордена; братья сохраняют свободу политического действия, стремятся к утверждению и защите прав человека и гражданина. Обязанности братьев изложены в формуле обещания, даваемого при посвящении.

2. Состав ордена

Орден состоит из братьев и сестер, посвященных одной из лож, или делегаций Верховного Совета.

3. Орденские степени

Орден имеет две степени: ученика и мастера. Братья посвящаются первоначально в степень ученика. Братья, доказавшие на деле свою преданность ордену, усвоившие его традиции, проникшиеся его духом, могут быть впоследствии посвящены в степень мастера.

4. Посвящение

А. Посвящение в степень ученика:

¹ Архив Гуверовского института, фонд Б. И. Николаевского; общие пояснения к этому документу см.: Тайная история масонства 1731–2000. М., 2000. Гл. 7–8. — *О. П.*

а) кандидат предлагается в ложе одним из братьев;

б) по обсуждении кандидатуры и с согласия всех братьев, открыто подающих свои голоса, может быть постановлено о поручении одному из братьев выяснить, желает ли кандидат вступить в орден. При исполнении этого поручения брат не должен открывать кандидату орденской тайны и не называть ни ордена, ни членов ложи, не должен он и признавать существование братства;

в) о результате опроса брат сообщает ложе, которая может по единогласному решению избрать двух анкетеров для более подробного опроса кандидата и подготовки его к посвящению. Анкетеры также обязаны не раскрывать орденской тайны. При выборе анкетеров один из них должен быть возможно близок кандидату;

г) по заслушании и обсуждении доклада анкетеров ложа может или постановить о прекращении анкеты или о продлении ее, или единогласно признать желательным посвящение кандидата и назначить день его испытания;

д) испытание производится во время заседания ложи. Оно не должно быть прерываемо. Испытуемый не должен общаться с непосвященными во все время обряда испытания.

Доставив испытуемого в назначенное место и вне ложи, анкетеры предлагают ему письменно ответить на следующие вопросы:

— Каковы Ваши требования к самому себе,
женщине (мужчине),
семье,
отечеству,
человечеству[?]

— Каков Ваш гражданский символ веры[?]

Затем анкетеры удаляются и возвращаются по зову испытуемого. Если испытуемый изготовил письменные ответы на поставленные ему вопросы, анкетеры

передают документ в ложу, которая немедленно по оглашении сжигает документ. Затем братья могут единогласно постановить о переходе к изустному испытанию в ложе.

По принятии этого постановления анкеры возвращаются к испытываемому, завязывают ему глаза и приводят в темное помещение ложи. Братья задают испытываемому вопросы, какие найдут нужным. По окончании опроса анкеры уводят испытываемого обратно в помещение вне ложи. Братья снова обсуждают вопрос о том, достоин ли испытываемый посвящения, или постановляют прекратить обряд, или продолжить испытание, или приступить к самому посвящению. Постановление о посвящении требует единогласного решения ложи;

е) по принятии этого последнего постановления анкеры снова вводят испытываемого в темное помещение ложи с завязанными глазами. Венераль объясняет испытываемому цели ордена и обязанности брата и затем спрашивает испытываемого, все ли желает он быть посвященным в братья ордена;

ж) в случае положительного ответа венераль предлагает испытываемому поднять правую руку и повторить слова орденского обета:

«Обещаю любить братьев моих м-в. Защищать их в опасности, хотя бы жизни моей грозила смерть.

Обещаю хранить орденскую тайну. Не раскрывать существование братства, хотя бы я был спрошен об этом на суде, не раскрывать ничего, что я узнаю как брат.

Обещаю исполнять постановления своей ложи и высших м-х властей»;

з) после произнесения формулы венераль берет посвящаемого за руку и спрашивает анкеров: «Чего хочет испытываемый[?]»

Анкеры: «Света».

Венераль: «Дайте испытываемому света[!]»

Помещение ложи освещается, с испытуемого снимается повязка.

Венерабль: «Именем Великого Востока народов России посвящаю Вас в братья ложи... в степени ученика».

Затем братья дают новому брату поцелуй;

и) посвящение может быть также совершено делегацией Верховного Совета в составе не менее трех мастеров.

Б. Посвящение в степень мастера.

Посвящение в степень мастера производится либо ложей в степени мастера по единогласному решению братьев ложи, либо делегацией из трех мастеров по постановлению Верховного Совета.

Посвящение не сопровождается новым испытанием. Венерабль указывает посвященному на его обязанность с еще большей строгостью выполнять долг м-на и затем произносит формулу посвящения: «Именем В. В. Н. Р. посвящаю Вас в степень мастера».

Венерабли, наблюдатели, ораторы, делегаты на конвент, избиратели Верховного Совета и его члены могут избираться лишь из числа мастеров.

5. Ложи и офицеры

А. Основной орденой организацией является ложа.

Б. Ложа состоит из 7—14 братьев.

В. Ложа, в которой присутствуют ученики, работает в степени ученика; ложа, в которой все братья — мастера, работает в степени мастера.

Г. Верховный Совет может создавать ложи особого назначения, объединяя в них братьев, принадлежащих к различным ложам.

Д. Каждая ложа избирает сроком на один год следующих офицеров:

Венерабля

1-го наблюдателя и 2-го наблюдателя (из мастеров)

Оратора

Казначея

Секретаря (из мастеров или учеников).

Должности наблюдателей могут и не замещаться.

Обязанности секретаря и казначея могут быть совмещаемы.

Венерабль руководит работами ложи. Через него ложа сносится с секретарем Верховного Совета.

Наблюдатели замещают венерабля.

Оратор разрешает возникающие при работах ложи вопросы устава.

Решения его принимаются на заседании как окончательные, но правильность их может быть оспорена на ближайшем заседании и отвергнута на будущее время.

Секретарь — хранитель истории ложи. Никаких записей секретарь не ведет и по памяти восстанавливает отдельные события из жизни и деятельности ложи.

Казначей производит установленные ложей сборы и хранит средства ложи.

Е. Ложа, состав которой превысит 13 братьев, может выделить из своего состава 7 братьев, образующих новую ложу.

Ж. В местности, где лож нет, но где имеются не менее 7 братьев, по постановлению Верховного Совета может быть инсталлирована новая ложа делегацией в составе трех мастеров.

З. Каждая вновь образуемая ложа избирает себе особое наименование и избирает должностных лиц.

6. Работы ложи

А. Работы ложи открываются венераблем или наблюдателем по прибытии в назначенное время 7 братьев.

Венерабль: «Все ли присутствующие м-ны[?]»

Наблюдатель (или секретарь): «Все присутствующие м-ны».

Венерабль: «Заперты ли двери[?]»

Наблюдатель (или секретарь): «Двери заперты».

Братья, которым до конца работ предстоит удалить-ся, предупреждают об этом венерабля.

Первым разрешается вопрос о времени и месте следующего собрания.

Затем принимается порядок дня.

Братья просят слова, единожды ударяя в ладоши.

Во время работ братья не курят.

По истощении повестки венерабль обращается к наблюдателю (если в ложе нет наблюдателей, то к секретарю):

— В котором часу братья кончают свои работы[?]

— В полночь.

— Который час[?]

— Полночь.

Затем ложа кончает свои работы.

7. Орденская тайна

а) братья обязаны хранить в тайне как самое существование ордена, так и все, что касается его состава, планов и деятельности;

б) братья обязаны хранить в тайне все сообщенное им в братском порядке или ставшее известным на заседаниях ложи;

в) братья знают лишь членов своей ложи;

г) венерабль знает секретаря Верховного Совета;

д) все, относящееся к орденской тайне, не должно быть излагаемо на письме;

е) письменные ответы испытуемого и баллотировочные записки немедленно сжигаются в самой ложе.

8. Усыпление

а) орденское звание сохраняется братьями пожизненно;

б) каждый брат вправе «уснуть», сообщив о своем решении своей ложе;

в) «уснувший» брат, пожелавший вернуться к участию в работах братства, может быть принят по единогласному решению одной из лож. Принятию решения предшествует анкета, какую найдет нужным произвести ложа;

г) ложа может «усыпить» нарушившего обязанности ордена брата. О соответствующем постановлении ложа сообщает Верх. Совету;

д) Верховный Совет может «усыпить ложу», нарушившую орденские обязанности. Верховный Совет может «усыпить» и отдельных братьев;

е) «уснувшие» и «усыпленные» братья с момента усыпления освобождаются от исполнения орденских обязанностей, но они остаются связанными обетом хранения орденской тайны.

9. Конвент

а) не реже раза в год Верховный Совет созывает конвент ордена;

б) на конвент каждая ложа посылает 1—2 представителей, избранных ложей из числа ее братьев мастеров;

в) конвент является высшим законодательным органом ордена; он устанавливает основные положения работ ордена на предстоящий год;

г) конвент избирает выборщиков в Верховный Совет;

д) в состав конвента входят помимо представителей лож члены и секретарь выбывающего состава Верховного Совета.

10. Верховный Совет

а) верховным руководителем орденских работ, хранителем орденских традиций, высшим судьей в ордене

и исполнителем решений конвента является Верховный Совет, избираемый на срок до ближайшего годового конвента и состоящий из 6—18 членов, включая секретаря;

б) порядок избрания Верховного Совета таков: большинством $\frac{7}{8}$ голосов конвент избирает трех выборщиков. Секретарь В. С. последнего созыва подсчитывает голоса и, не оглашая результаты голосований, сообщает выборщикам о состоявшемся избрании. Выборщики избирают затем трех членов Верховного Совета и по избрании таковых слагают с себя полномочия. Избранные три члена Верховного Совета немедленно доизбирают еще трех членов Верховного Совета. По избрании первых 6 членов Верховный Совет открывает свои работы и избирает секретаря. Имена членов Верховного Совета конвенту не сообщаются;

в) Верховный Совет работает в порядке ложи;

г) с ложами В. С. сносятся через секретаря и вене-раблей;

д) часть средств ложи, определяемая конвентом, поступает в распоряжение В. С-та.

Н. Ф. Степанов

Военная ложа¹

Говоря о роли отдельных военных в Февральском перевороте, мы не хотим совершенно утверждать, что якобы революция сделана армией. Подкоп под Россию велся в течение десятилетий. В русской революции принимали участие различные деньги: еврейско-американские, английские и германские. Подробно о том, кем и как финансировалась русская революция, мы поговорим в другой раз, но необходимо отметить,

¹ Печатается по: Владимирский Вестник (Сан-Пауло, Бразилия). 1953. Май. № 23.

что революция не была просто сделана деньгами. Многие были втянуты в революционное движение не ради денег и к числу этих необходимо причислить, в первую очередь, военных, без помощи которых переворот все же произойти не мог. Так же и общественность шла против исторической власти «бескорыстно», ради амбиций (некоторые), по глупости, по наивности, из идеализма и многие в силу зависимости от тайных обществ, ролью которых нельзя пренебрегать.

Историк революции И. П. Якобий в своей книге «Николай II и революция» говорит: «Ни коноваловская группа, ни Родзянко, ни даже социалисты не питали надежд на возможность совершения переворота без согласия и реальной помощи военачальников. Было совершенно очевидно, что Государь неуязвим среди армии, пока высшее командование остается Ему верным; только предательство генералов могло поставить армию перед совершившимся фактом: отречение или даже смерть Государя.

Поэтому с самого начала войны революционный центр пытался обеспечить себе содействие генералов: были начаты переговоры, нащупывалась почва, возбуждались честолюбивые мечты. Таким путем понемногу образовалась ячейка военных, согласных оказать помощь предстоящему перевороту. Во главе этой организации стоял Гучков. Вокруг него — блестящий штаб “героев тыла”: Якубович, Туманов, Энгельгардт, Гильбих, Туган-Барановский. Но все это мелкая сошка; в заговор необходимо было втянуть крупных военных начальников... Мало-помалу и в Петрограде, и на фронте удалось выделить группу генералов, на которых заговорщики могли рассчитывать: помощник военного министра генерал Поливанов, Крымов, Хагандоков, главнокомандующие фронтами Брусилов и Рузский и начальник штаба Верховного Главнокомандующего Алексеев».

Мы имели возможность ознакомиться с трудами, еще не опубликованными, оставшимися после смерти генерала Николая Александровича Степанова, почти весь 1916 год проведенного в ставке Верховного Главнокомандующего в должности дежурного генерала. В самом талантливом исследовании, «Работа Военной ложи», генерал Н. А. Степанов говорит следующее:

Теодор (Биньямин Зеэв) Герцель

«Началось с приглашения, разрешенного военным министром генералом Редигером, офицеров в Государственную Думу в качестве специалистов по техническим вопросам военных кредитов. Но вскоре бр. А. И. Гучков негласно образовал постоянный кружок для обмена мнениями по военным текущим вопросам, в состав которого вошли члены Государственной Думы Савич Никанор Васильевич, Крупенский Павел Николаевич, гр. Бобринский Владимир Александрович и некоторые офицеры, преимущественно Генерального штаба (Н. Н. Янушкевич, А. С. Лукомский, Д. В. Филатьев и др.), из служащих в Главных Управлениях Военного министерства во главе с генералом Василием Иосифовичем Гурко. К этому кружку примыкали свыше генералы Поливанов Алексей Андреевич и Мышлаевский Ал. Зах.

Конституционные собрания происходили сперва на квартире генерала В. И. Гурко. Особенным внима-

нием хозяина дома пользовался Ген. штаба полковник Василий Федорович Новицкий, который в составе небольшой группы революционно настроенных офицеров издавал в 1906 году газету “Военный Голос”, закрытую после обысков и арестов членов редакции».

Работу Военной ложи необходимо сопоставить с возобновлением в начале XX столетия масонских лож в России. Основываясь на статье М. Маргулиеса «Масонство в России за последние 25 лет», в № 16 за 1925 год официального органа французского масонства «Акация», можно сказать, что в 1909 году в Петербурге были организованы три ложи: «Полярная Звезда», «Феникс» и «Военная ложа». Этот Мануил Сергеевич Маргулиес, старый вольный каменщик французского посвящения, в котором достиг 18-го градуса, был деятельным участником возрождения масонских лож в России. В петербургской ложе «Полярная Звезда» он быстро достиг 30-го градуса, а затем уже в эмиграции в парижской ложе «Свободная Россия» мы встречаем его в высших орденских степенях. По профессии он присяжный поверенный, во время войны был ближайшим сотрудником Гучкова в Военно-Промышленном комитете, а в 1919 году у генерала Юденича состоял министром торговли. После эвакуации был секретарем у известного спекулянта Д. Л. Рубинштейна, неоднократно обвинявшегося в шпионаже и сидевшего в тюрьмах за темные дела.

Н. Д. Тальберг в статье о Гучкове (см. № 21 «Владимирского Вестника») описывает встречу Гучкова с тремя русскими в Константинополе, ездившими туда, чтобы познакомиться с техникой младотурецкого переворота. Цели поездки не совсем понятны, если не принять во внимание, что и Гучков, и трое «русских», о которых говорит Маргулиес, ездили в Стамбул в качестве делегатов от русского масонства к турецкому. Об этом Маргулиес на страницах указан-

ного нами журнала «Акация» говорит откровенно, что после учреждения в России Высшего Совета была организована миссия, которая была послана за границу и посетила Цюрих, Берлин, Будапешт, Рим, Венецию, Константинополь, где она «побраталась с младотурками». «Возвратясь в Россию, — говорит Маргулиес, — мы учредили две новых ложи: одну в Одессе и одну в Киеве».

Вот эта любознательная поездка и привела к организации в Петербурге чисто Военной ложи, учредителями которой генерал Степанов называет Гучкова и генерала В. И. Ромейко-Гурко.

Члены раньше существовавшего кружка либеральных военных, преимущественно генштабистов, образовали готовое ядро организаторов этой ложи, согласованной с поучениями, воспринятыми от младотурок. Так в 1909 году бр. Гучковым создан был независимый штаб, собиравшийся на квартире генерала В. И. Гурко на Сергиевской улице. В его состав вошли главным образом молодые карьеристы Генерального Штаба, располагавшие всеми секретными сведениями Главного Управления Генерального Штаба Императорской Русской Армии.

Штаб этот установил живую непосредственную связь с оппозиционной Государственной Думой и корпусом офицеров Императорской Армии. Постоянно осведомленные из первых рук обо всех недочетах, промахах и предположениях военного и морского ведомств, руководимые Гучковым, заговорщики искусно и широко сеяли в войсках семена недовольства и подрывали авторитет не только начальства, членов Императорского Дома, но и самого Государя Императора.

В своих «Воспоминаниях» генерал В. А. Сухомлинов рассказывает так: «Когда я принял министерство (1909 год), мне и в голову не приходило, что вне этого ведомства народилось еще какое-то учреждение вне

ведения военного министра, состоящее из военных чинов под председательством А. И. Гучкова. Совершенно случайно я узнал об этом; список участников постоянных, 9 или 10 человек, был вскоре у меня в руках. В нем, между прочим, значился генерал В. И. Гурко, редактор истории японской войны, полковник барон Корф и другие члены военного ведомства.

Я доложил об этом Государю как о факте ненормальном и о том, что все эти чины давно уже состояли во главе списков кандидатов на различные должности, а потому просил разрешения... всех их выпроводить из столицы... Государь улыбнулся и сказал: “Вполне одобряю — так и сделайте”... Открывшаяся вакансия начальника 1-й кавалерийской дивизии в Москве была предоставлена генералу Гурко, первый открывшийся стрелковый полк — полковнику барону Корфу и т.д....».

«Одновременно, — отмечает генерал Н. А. Степанов, — собрания Военной ложи были взяты под надзор полиции, в военных кругах Петрограда пошли разговоры “о наших младотурках”. В правительственных кругах генерала Гурко называли “красным”. Вследствие этого работа народившихся масонских лож, в том числе и Военной, замерла — ложи “заснули”. Но это не помешало существованию младотурок среди офицеров, главным образом Генерального Штаба».

В 1915 году после крупных неудач на фронте Военная ложа в Петрограде проснулась и вновь принялась с удвоенной энергией за свою разрушительную работу, уже явно связанную с изменой долгу присяги.

Нужно думать, что затишье на фронте способствовало встрече Гурко с Гучковым, так как состоявший при ставке Михаил Лемке, ведя свой в высшей степени интересный дневник и как-то странно проникая во все события ставки, 1 марта 1916 года заносил, что «по цензуре в Петрограде приказано вскрывать все письма командующего V армией генерала Гурко».

Тем более непонятно назначение его 8 ноября 1916 года личной телеграммой Его Величества временным заместителем заболевшего генерала Алексеева. Генерал Н. А. Степанов говорит, что «генерал Алексеев якобы сам активно не участвовал в военно-масонских организациях заговорщиков, но, сочувствуя их идеям, постоянно был в курсе этой работы». Встречи кн. Г. Е. Львова с генералом Алексеевым, безусловно, его компрометируют, так как кн. Львову приписывается главенство в русском масонстве, а письма к нему Гучкова рассылались в копии в громадном количестве на фронте. Во всяком случае, в своих показаниях Чрезвычайной Следственной Комиссии Временного правительства А. Д. Протопопов говорит: «Донесение о посещении в январе 1917 года А. И. Гучкова генералом Гурко, полученное мною через агентуру департамента, мною было предоставлено Царю; с Царем же я имел разговор по поводу писем Алексеева к Гучкову и его ответов. Эти факты были уже известны Царю из другого, известного мне источника».

Генерал Степанов объясняет, что при выборе временного заместителя заболевшего генерала М. В. Алексева «оккультные влияния» будто бы выдвинули генерала Гурко как своего человека, с обязательством для него — «беречь кресло» начальника Верховного Главнокомандующего для М. В. Алексева и не допускать возможности появления на этой должности генерала Рауха или, еще того хуже, какого-нибудь генерала с сильной волей из «независимых политически».

«Устроители Великой Бескровной» ставят В. И. Гурко в особую заслугу его деятельность в должности начальника штаба Верховного Главнокомандующего.

При нем была произведена коренная ломка организации в спешном порядке всей армейской пехоты и кавалерии, создавшая административный хаос на фронте, совпавший как раз с началом Февральской

революции. Собирались в новые полки и дивизии неизвестные друг другу начальники, офицеры, батальоны, создавались новые штабы, хозяйственные и продовольственные учреждения. Вся эта неминуемая неразбериха с первых же дней революции была использована большевистскими агитаторами для дискредитирования командного состава, натравливания солдат на офицеров и положила начало развалу армии.

Второй заслугой перед революцией было уменьшение генералом Гурко $\frac{1}{3}$ боеспособности кавалерии, сохранившей еще свой отборный, кадровый, преданный долгу присяги и испытанный в боях, состав, одновременно с включением в кавалерийские дивизии полков пеших стрелков численностью, превышающей число всадников. В состав этих стрелков, опять-таки, большая половина вошла из распропагандированных в тылу маршевых команд пехоты. Полки пеших стрелков и сыграли роль гнойных очагов заразы большевистской пропагандой и агитацией во всех кавалерийских дивизиях.

Такая реформа сразу же лишила не только армию, но и всю Россию единственных в то время настоящих надежных войск, тесно в боях сроднившихся в своих полках и горевших высоким воинским духом.

В результате реформа эта расчистила путь надвигающейся революции, обеспечив свободу ее распространения.

Далее при генерале Гурко на важные должности в штабе Верховного Главнокомандующего — помощника начальника штаба и генерал-квартирмейстера — были назначены сторонники революции: генералы Клембовский и Лукомский. Оба они в первые же дни революции усердно содействовали генералу Алексееву в предательстве своего Государя Императора и Верховного Главнокомандующего.

Не менее необъяснимо избрание (в январе 1917 года) на должность товарища министра путей сообщения, на театре военных действий, определенно левого генерала Кислякова. Через месяц он проявил энергию и распорядительность в исполнении приказов революционных комиссаров Бубликова и Ломоносова во время захвата революционерами железнодорожных узлов на путях с фронта на Петроград.

Наконец, не менее важной заслугой генерала Гурко перед революцией была самовольная отмена приказа Государя о присылке в Петроград с фронта гвардейской кавалерии как надежных частей для охраны порядка в столице.

А. Д. Протопопов в своих показаниях Чрезвычайной Следственной Комиссии показал: «В половине февраля Царь с неудовольствием сообщил мне, что приказал генералу В. И. Гурко прислать в Петроград уланский полк и казаков, но Гурко не выслал указанных частей, а командировал другие, в том числе моряков гвардейского экипажа (моряки считались революционно настроенными)...»

Великий Князь Александр Михайлович в книге «Воспоминания» отметил: «Каким-то странным и таинственным образом приказ об их отправке (гвардейской кавалерии) был отменен. Гвардейская кавалерия и не думала покидать фронт. Позднее я узнал, что изменники, сидевшие в Ставке, под влиянием лидеров Государственной Думы осмелились этот приказ Государя отменить».

Содействие генерала Гурко успеху военного бунта в столице выражается в том, что как раз перед самой революцией он не протестовал выделению из прифронтовой полосы г. Петрограда с его важнейшими государственными и военными учреждениями и резиденцией Царской Семьи. Выделение это, совершенное накануне революции, было равносильно лишению

столицы Империи всякой военной помощи со стороны настоящих боеспособных и верных долгу присяги войск с фронта в случае готовящихся, как тогда уже было известно, революционных беспорядков.

Равно генерал Гурко не нашел нужным принять самые решительные меры для рассредоточения из Петрограда 160-тысячной толпы запасных батальонов, заведомо распропагандированных врагами России. Даже главнокомандование, получившее самостоятельную изолированность Петроградского военного округа, не было обеспечено, как того требовала ужасающая обстановка, назначением энергичного и решительного генерала с большими полномочиями. Между тем, генералу Гурко хорошо было известно, что в Петрограде среди военных начальников не имелось ни одного генерала, способного применить военную силу для подавления беспорядков.

Как уже говорилось, не исполнил Гурко и личного приказа Государя прислать с фронта гвардейскую кавалерию.

Сторонники русской интеллигенции, полвека подготавливавшие революцию, стремятся провести в русской общественности мысль, что в феврале 1917 года она «отошла в сторону, склонившись перед невиданным в истории бунтом солдат».

Но это неверно: военный бунт запасных батальонов не выходил из рамок обычного военного бунта, подлежащего разгрому, но бунт этот отказалось потушить Главное Командование Русской Армией, а Государственная Дума воспользовалась поведением военных начальников, действовавших по ее же указанию, и превратила уличное, разношерстное и неорганизованное движение в революцию, которая и свергла старый режим и Династию.

Бывший профессор военной академии генерал Д. В. Филатьев, сам перенесший эти дни в Петрогра-

де, свидетельствует, что «подавить бунт, начавшийся 27 февраля, необученных, не бывших в боях, несорганизованных толп запасных войск Петроградского гарнизона в дни Февральской революции легко можно было с помощью одной кавалерийской дивизии, быстро переброшенной из-под Пскова».

Революционный комиссар Бубликов, говоря о разнужданности Петроградского гарнизона, свидетельствовал, что «достаточно было одной дисциплинированной дивизии, чтобы восстание в корень было подавлено».

Эта дивизия из Пскова не была брошена в столицу. Главнокомандующий Северным фронтом генерал-адъютант Рузский, как мы уже сказали, был связан с революционерами. У Государя не было подозрений, что его генерал-адъютант способен изменить Ему и России. Только постепенно Он увидел, что верность и преданность присяге всех, на кого Он мог рассчитывать, перестала существовать.

«Не прошло и сорока восьми часов со времени Его отъезда из Ставки, — говорит Якобий в книге “Николай II и революция”, — где, окруженный верными войсками, Он повелевал двумястами миллионов подданных, как Ему уже приходилось слышать дерзкие ответы, почти приказания своих генералов об отречении от престола.

Он, соединявший в себе двойную и могущественную власть Самодержца и Верховного Главнокомандующего, ясно сознавал, что генерал Рузский не подчинится Его приказу, если Он велит подавить мятеж, бушующий в столице. Он чувствовал, что тайная измена опутывала Его как липкая паутина, но назвать прямо некоторые имена Ему было слишком тяжело».

Таким образом, утверждение, что «историю России» в 1917 году «делала армия», фактически не со-

ответствует истине. Эту «историю России» произвели Государственная Дума и часть высшего генералитета армии, связанного с деятельностью Военной ложи.

Работа Военной ложи, во главе которой стояли Гучков и генерал Ромейко-Гурко, сделала то, что Русская Императорская Армия потеряла свое определенное политическое лицо и в опасный момент лишена была возможности защитить престол и самобытность Отечества.

М. Маргулиес

Таалат и Гучков¹

В статье одного из главных руководителей масонского движения в России М. Маргулиеса рассказывается о встрече в 1908 году российских (Великий Восток Франции) и турецких масонов («младотурков») в Стамбуле. Главная цель визита вольных каменщиков из России — ознакомиться с техникой государственного переворота, который незадолго до этого совершила масонская партия «младотурков». С этой же целью в Стамбуле тогда находился и представитель другого «масонского рита» (Шотландского) А. И. Гучков. Несмотря на противоречия двух соперничающих «ритов», их усилия объединились в революцию 1917 года.

В 1908 году, если не ошибаюсь, трое русских, я в том числе, решили съездить в Константинополь, чтобы познакомиться с техникой турецкого переворота, заставившего Абдул-Гамида дать туркам конституцию. Неудача нашей революционной попытки 1904—1905 годов, удача турецкой делала поездку поучительной. Мы запаслись в Париже рекомендательными письмами к Ахмет-Риза-Бею, председателю турецкого

¹ Печатается по: Последние новости. 1921.15—30 марта.

парламента, к Таалат-Бею, видному руководителю комитета «Единение и Прогресс».

Ахмет-Риза-Бей принял нас с сопровождавшим нас Таалат-Беем в своем председательском кабинете в Парламенте. Был обаятельно любезен, как умеют быть культурные турки, прекрасно говорил по-французски и приказал подать нам в своем кабинете черный кофе, конечно, приготовленный по-турецки. В разгаре оживленной беседы открывается дверь, в кабинет, где мы сидели, вкатывается юркий молодой турок, а за ним выступает массивная фигура А. И. Гучкова. Для понимания дальнейшего нужно припомнить, что в то время имя А. И. Гучкова связывалось со Столыпинским режимом, что даже для кадетов его имя было одиозным и символизировало реакцию, политику виселиц.

Ахмет-Риза-Бей, обращаясь к нам, говорит с приветливою улыбкою: «Вы, конечно, знакомы друг с другом».

Знакомым был один из нас, князь Урусов, поздоровавшийся с Александром Ивановичем. Я поклонился с своего места. Третий наш спутник, крайне экспансивный к. д., выбегает из кабинета, откуда только что вышел Таалат-Бей. Урусов и я прощаемся с Ахмет-Риза-Беем, также выходим и застаем в приемной комнате перед кабинетом нашего спутника, петушком на скакивающего на Таалат-Бея, растерянно что-то ему возражающего на ломаном французском языке: «Как вы могли допустить к председателю г-на Гучкова. Ведь это глава реакции, главная опора правительственного гнета», — кричит наш спутник. Тихий Таалат-Бей с робкою улыбкою вежливо отвечает: «Извините, мы не знали, кто такой г-н Гучков, к сожалению, теперь уже поздно, он уже в кабинете Ахмет-Риза-Бея и отсюда увести его я не могу, но кофе он ни в каком случае не получит».

Книга масонских уставов. Джеймс Андерсон

На следующий день после визита в Парламент, где мы сидели в политической ложе и любовались белыми и зелеными чалмами депутатов духовного звания, мы вечером обедали в ресторане Текалиана с Таалат-Беем, Энвер-Беем (оба не были тогда пашами) и салоникским депутатом адвокатом Эмануилом Карассо. Таалат, тогда молодой еще турок, с мягкими приветливыми манерами, умеренный во взглядах, все время сдерживал порывистого Карассо, который отличился во время руководимой Хивер-Беем атаки на Илдыз-Киеск, где жил Абдул-Гамид. Карассо вбежал к султану одновременно с Энвер-Беем и, держа в руках револьвер, потребовал от султана конституции. На парламентском заседании тот же Карассо своею непоседливостью, суетливостью резко отличался от флегматичных турок: аплодируя ораторам, он вертелся во все стороны, наблюдая все ли аплодируют и кто не аплодирует — как заправский шеф парижской клаки. Таалат рассказал, что, будучи почтмейстером в Салониках, он перехватывал всю переписку между командующим 3-ей армией и султаном и, до передачи ее по назначению, знакомил с ее содержанием комитет «Единения и Прогресса». Это перехватывание писем оказало огромную услугу революционерам, т. к. дало им возможность определить момент восстания до того, как нити заговора попали все в руки правительства и были приняты меры к раскассированию заговорщиков. За эту услугу Таалат был назначен Министром Внутренних Дел нового Прав-ства.

Энвер-Бей, молодой, изящный, красавец капитан, держал себя еще скромнее, чем Таалат. С трудом говоря по-французски (он воспитанник Берлинской Академии Генерального Штаба и из иностранных языков хорошо владеет только немецким), он, отвечая на наши вопросы, сказал много глубоко интересного. «В нашем заговоре было 3000 офицеров, — рассказывал

он нам, — и среди них не оказалось ни одного предателя или провокатора (мне вспомнились длинные списки наших предателей из военной среды с Майбородой и Шервудом, в деле декабристов, во главе). Это объясняется двумя причинами: во-первых, Кораном: хотя мы его и не соблюдаем полностью, но все же трезвость, вековая трезвость у нас общее правило, а у вас молодежь наследственно настоена на спирту; во-вторых, мы в заговор принимали офицеров в чине не старше капитана». На наших лицах недоумение, которое с улыбкою тотчас же рассеивает Энвер: «Молодые офицеры, как не женатые и, тем более, не обремененные семьею, меньше думают о карьере, меньше задумываются о последствиях возможной неудачи заговора, которые могут пасть на него лишь одного. Единственное исключение, которое мы допустили в нашем заговоре, — это было по отношению к подполковнику, мужу моей сестры; и это единственное исключение подтвердило правильность нашей тактики: благодаря Таалату в наши руки попал донос моего шурина по начальству, разоблачавший заговор. Донос мы задержали, а с шурином решили расправиться мы с сестрою, его женою, — спокойно продолжал Энвер, — мы в него стреляли. К сожалению, только ранили. Вечером в тот же день началось восстание 3-ей Салоникской армии, приведшее к падению абсолютизма в Турции». «Почему Вы, — не утерпел я, обращаясь к Энверу, — после утверждения конституционного строя в Турции, покинули Константинополь, где играли первенствующую роль, и уехали в Берлин?» «Из-за поддержания дисциплины в армии. Свержение абсолютизма сделало меня первым лицом в глазах народа. Я был только лишь армейским капитаном, но генералитет, особенно придворный, распластывался у моих ног. Вы понимаете, что пример этот мог растлевающе подействовать на дисциплину.

Я должен Вам сказать, что силу нашей революции мы строили на тесной спайке солдат с офицерами. Все офицеры, входившие в наш заговор, обязывались вести с солдатами одинаковый образ жизни: спать в общих казармах, в солдатских палатках в лагерях, есть из одного с солдатами котла: многие из наших офицеров к другой жизни и не привыкли, будучи часто такими же бедняками, как и солдаты, немало неграмотных среди офицеров».

И мне вспомнилась работа партии С. Д. и С. Р. в военной среде в 1904 и 1905 гг., задачей которых было отделить солдат от офицеров, избавить солдат от офицерской опеки и руководства, и каждый штабной писарь считался ценным приобретением для дела революции.

Беседа происходила в задней уединенной комнате ресторана, куда заботливый и предупредительный Текалиан проводил нас по черному ходу.

Наши гости турки и мы, трое русских, из внимания к гостям сидели в турецких фесках...

Г. Аронсон

Масоны в русской политике¹

Настоящая статья — первая публикация в открытой либерально-масонской печати, признающая факт существования масонства в предреволюционной России. До этого обнародование любых сведений в нашей стране объявлялись выдумкой черносотенцев и reactionеров.

1. Конспираторы

Существовала в России, может быть, немногочисленная, но политически влиятельная организация,

¹ Печатается по: Новое русское слово. 8—10, 12.10.1959.

представители которой играли весьма видную роль в переломные годы русской истории — 1915—1917 годы, в эпоху Первой мировой войны и февральско-мартовской революции. Особенностью этой организации была прежде всего ее засекреченность, доходящая до того, что спустя много десятилетий ни один из ее участников не разгласил ни тайны ее состава, ни тайны ее деятельности. Другой отличительной чертой этой политической организации является пестрота, разномастность, разношерстность деятелей, которых она объединяла, — людей, принадлежащих к разным, подчас враждующим между собой партиям и группам, но стремящихся несомненно создать активный политический центр, не межпартийного, а надпартийного характера.

Таковы были русские масоны, члены последней по времени — до октябрьского переворота — масонской организации, сведения о которой могут быть собраны не без труда из разных рассеянных то тут, то там фактов или намеков. Достаточно привести десяток имен известных русских политиков и общественных деятелей, принадлежавших к масонской элите, чтобы подчеркнуть, что в данном случае мы имеем дело не только с существенным фактором русской политики указанного времени, но и с редким феноменом, мимо которого, однако, прошли почти все историки эпохи и о котором ничего не знает, кроме вызывающих скепсис слухов, рядовой читатель.

Вот несколько имен из списка масонской элиты, которые на первый взгляд кажутся совершенно не укладывающимися в одну организацию, на деле, однако, тесно связанных между собой на политическом поприще: князь Г. Е. Львов и А. Ф. Керенский, Н. В. Некрасов и Н. С. Чхеидзе, В. А. Маклаков и Е. Д. Кускова, великий кн. Николай Михайлович и Н. Д. Соколов, А. И. Коновалов и А. Браудо, М. И. Терещенко

и С. Н. Прокопович. Что поражает в этом списке, это буквально людская смесь, в которой так неожиданно сочетаются социалисты разных мастей с миллионерами, представители радикальной и либеральной оппозиции с лицами, занимающими видные посты на бюрократической лестнице, — вплоть до... бывшего директора Департамента полиции. Что за странное явление, особенно непривычное в русской общественной жизни, для которой всегда бы характерны полярность воззрений, сектантское начало во взаимоотношениях, взаимные отталкивания!

Неудивительно, что многие, краем уха услышавшие о масонах, берут под сомнение сам факт их существования, во всяком случае, не без недоумения встречают сообщения об их роли. Как? Масоны? — говорят они. — Мы знаем в годы Первой мировой войны о распутинской клике, имевшей связи при царском дворе, мы слышали о великих князьях и генералах, пытавшихся уговорить Двор пойти на компромисс с Государственной Думой. Широко известно было о политических домогательствах кадет, о выступлениях трудовиков и социал-демократов. В газетах мелькали имена ведущих русских политиков: А. И. Гучкова, П. Н. Милюкова. Но о масонах ничего не приходилось ни слышать, ни читать. Может быть, только о... «жидо-масонах», об этой фантазмагории, сочиняемой в черносотенной печати и в тайной полиции, над которой принято было смеяться?

Для того чтобы никому не было обидно, что он что-то важное упустил, чего-то существенного не заметил в русской политике, стоит привести успокоительное сообщение, что мы, ничего не знавшие в свое время о политическом масонстве, находимся не в плохой компании: П. Н. Милюков в своих воспоминаниях, написанных в начале 40-х годов и изданных в 1955 году, сознается, что он ничего не знает

о масонах¹. Касаясь ряда явлений этого порядка, он не решается и сейчас называть это масонством и прибегает к довольно странным, окольным определениям. «Если я не говорю... здесь ясно, — пишет он, — то это потому, что, наблюдая факты, я не догадывался об их происхождении в то время и узнал об этом из случайного источника лишь значительно позднее периода существования Временного правительства». Иными словами, такой осведомленный человек, как Милюков, стоявший в самом пекле политической и общественной жизни России, даже не догадывался о деятельности и роли масонов и только случайно, только много позже Февральской революции узнал об этом. Так основательно была, по-видимому, засекречена, законспирирована деятельность масонов! Так тщательно скрывали они факт своего существования и так усердно прятали концы в воду!

Надо сознаться, что читатели мемуаров Милюкова не без удивления отметили его странную манеру выражаться, ни разу не упоминая имени масонов и ограничиваясь какими-то намеками. Это тем более необъяснимо, что задолго до Второй мировой войны в печати говорилось о масонах, назывались многие имена. Милюкову, несомненно, была известна работа С. П. Мельгунова, печатавшаяся отдельными главами в газетах и вышедшая в 1931 году отдельной книгой («На путях к государственному перевороту»), в которой немало говорится о масонах. Он знал и мемуары И. В. Гессена «В двух веках», вышедшие в 1937 году, в которых дан конкретный материал о масонах. Сами масоны, говорят, связанные клятвой, молчат, но по-

¹ Милюков лукавил. Не состоя ни в одной российской масонской ложе, Милюков занимал высокое положение в системе французского масонства. Об этом свидетельствуют целый ряд документов. См.: ОА. Ф. 1. Оп. 27. Д. 11843. Л. 27; там же. Оп. 2. Д. 38999; там же. Оп. 27. Д. 12497. Л. 233–241. — О. П.

чему Милюков чувствует себя связанным в этой области — непостижимо.

2. Из истории масонства

Прежде чем перейти непосредственно к интересующей нас теме — о масонах в Первую мировую войну и февральскую революцию — будет уместно коснуться вопроса о русском масонстве в XX веке вообще. Правда, заметной политической роли оно не играло, хотя вполне возможно, что масоны пытались организовать какие-то кадры политической оппозиции. Это было так понятно в России, только что пережившей бурную эпоху 1905 года и первых двух Государственных Дум. Характерной чертой русского масонства тех лет был, по-видимому, факт связанности его с французскими масонскими ложами. Русские масоны как бы светили заемным светом с Запада. Так, по данным, опубликованным в печати (особенно Мельгуновым и некоторыми другими), в Москве в годы 1906—1911 существовала Ложа Астрея, связанная с именем психиатра Н. Н. Баженова, а в Петербурге — «Северная Звезда», возглавлявшаяся «оратором» М. С. Маргулиесом и «секретарем», кн. Д. Бебутовым. По тем же данным, в Петербурге существовала ложа «Космос», в которую вошли, возможно, еще во Франции, — профессора Русской Высшей Школы в Париже 1906—1907 гг. Максим Ковалевский, Е. Вл. де Роберти, Е. Аничков, Ю. Гамбаров. Среди масонов этой французской школы называли также Вырубова, Кедрина, Амфитеатрова. Об участии В. А. Маклакова уже в этот ранний период в масонском движении мы время от времени наталкиваемся в печати. Так например, А. Тыркова-Вильямс («На путях к свободе») описывает свою встречу с Маклаковым в Париже в 1905 году: «Маклаков в первый раз меня видел. Но это не помешало ему как-то незаметно сделать масонский знак. В Париже я смутно

слышала, что проф. М. Ковалевский открыл в Париже русскую ложу. В нее вошли многие мои знакомые, включая Е. В. Аничкова».

Это происходило за границей. Но вот И. В. Гессен, касаясь этого вопроса, приводит некоторый материал уже о русском масонстве. «Насколько мне известно, — пишет он, — Ковалевский (М. М.) был родоначальником русского масонства конца прежнего века. Русская ложа, отделение французской Ложи Востока, была им торжественно, по всем правилам обрядности, открыта, а через несколько лет, ввиду появившихся в “Новом Времени” разоблачений, была за нарушение тайны “усыплена” надолго и вновь воскресла уже в нынешнем веке... Замечательной для России особенностью было, что ложа включала элементы самые разнообразные — тут были и эсеры (Керенский), и кадеты левые (Некрасов) и правые (Маклаков), которые в партии друг друга чуждались, и миллионеры-купцы, и аристократы (Терещенко, граф Орлов-Давыдов), и даже члены ЦК эсдеков (Гальперн), которые открыто ни в какое соприкосновение с другими организациями не входили».

Последняя часть цитаты из воспоминаний Гессена подводит нас ближе к участию масонов в русской политике в 1915—1917 гг. Между тем, есть кое-какие упоминания о масонах более раннего периода, представляющие некоторый интерес. Так, заслуживает внимания — под углом зрения изучения масонства — известный эпизод с разоблачением главы эсеровской боевой организации Азефа, провокаторскую роль которого раскрыл не кто иной, как бывший директор Департамента полиции Лопухин, сосланный за это по приговору суда в Сибирь. Есть книжка, посвященная Александру И. Браудо, вышедшая в Париже в 1937 году, в которой ряд русских политических деятелей посвятили статьи ему как общественному и

культурному деятелю. В этой книге напечатаны статьи В. Бурцева и А. Аргунова, устанавливающие место А. И. Браудо в деле разоблачения предательской роли Азефа. Оказывается, что А. Аргунов, прибывший в Петербург нелегально по поручению заседавшего в Париже суда над Азефом и имевший поручение лично получить подтверждение из уст Лопухина, б. директора Департамента полиции, о роли Азефа, благодаря А. И. Браудо мог встретиться с Лопухиным на частной квартире адвоката С. Е. Кальмановича, и б. директор Департамента полиции сообщил делегату ЦК эсеров все нужные сведения.

Как мог А. И. Браудо, сотрудник Публичной библиотеки, еврейский общественный деятель, устроить эту встречу? Только по масонской линии. Как мог решиться Лопухин пойти на свидание к Кальмановичу с делегатом ЦК эсеров? Только по масонской линии. Как мог Лопухин выдать эсерам государственную тайну о провокаторской роли Азефа? Конечно, только по масонской линии. И хотя в упоминаемых эпизодах масоны ни разу не называются, совершенно очевидно, что Лопухин и Браудо были связаны по линии масонства. Иначе даже нельзя понять этот эпизод, в котором скромный общественник-еврей Браудо мог располагать непосредственным контактом с главой политической полиции (см.: «Александр Исаевич Браудо», сборник очерков, воспоминаний).

3. Тайная полиция и масоны

Нет сомнений, что задолго до Первой мировой войны политическая полиция время от времени проводила наблюдение над масонами. Результатом этих наблюдений явились статьи и заметки пресловутого Манасевича-Мануйлова («Маски» в «Новом Времени») — конечно, о «жидо-масонах», на основании почерпнутых им сведений в недрах охраны. О возника-

ющем порой интересе к масонам даже у Царя рассказывал генерал Герасимов, начальник Петербургского Охранного Отделения.

Для установления связи между русскими и французскими масонами был послан в 1910 году Департаментом полиции в Париж коллежский асессор Алексеев, донесение которого, кстати, дает возможность установить, что ген. Курлов и некоторые другие лица пытались (правда, неубедительно) через своих агентов записать убийство П. А. Столыпина в 1911 году за счет масонов, якобы заинтересованных в его устранении. Красочное донесение Алексеева стоит частично процитировать, чтобы ближе ознакомиться с нравами охранки и, в частности, с той инфомацией, которая была представлена Царю. Вот что доносит Алексеев генералу Курлову:

«От лиц, стоящих близко к здешним масонским кружкам, удалось услышать, что покушение на г-на председателя Совета Министров находится в некоторой связи с планами масонских руководителей... Уже с некоторых пор к г-ну председателю Совета Министров делались осторожные, замаскированные подходы, имеющие склонить его высокопревосходительство на сторону могучего сообщества. Само собой разумеется, попытки эти проводились с присущей масонству таинственностью и не могли возбудить со стороны г-на председателя никаких подозрений... Масоны повели атаку и на другой фронт, стараясь заручиться поддержкой какого-либо крупного сановного лица. Таким лицом, говорят, оказался П. Н. Дурново, который сделался будто бы их покровителем в России, быть может, имея на это свои цели. Когда масоны убедились, что у них есть такая заручка, они уже начали смотреть на председателя Совета Министров как на лицо, могущее им служить скорее препятствием... Масоны были обеспокоены тем обстоятельством, что

у власти стоял г-н председатель Совета Министров. В печати проскользнула однажды статья, заявляющая, что его высокопревосходительство находится “под влиянием масонов, действующих на него через его брата А. Столыпина” (Гроза. № 153; Русская Правда. № 13)... За границей же на премьер-министра смотрят как на лицо, которое не пожелает принести масонству ни пользу, ни вред. Это последнее убеждение побудило руководителей масонства прийти к заключению, что г-н председатель Совета Министров является для союза лицом “бесполезным” и, следовательно, в настоящее время, когда масонство собирается нажать в России все свои пружины, — даже вредным для целей масонства... Масоны ожидали в июле месяце каких-то событий. Тайные парижские руководители не сообщали о том, в каком именно виде события эти выльются, и только теперь, по совершении факта, здешние масоны припоминают о кое-каких слабых намеках на г-на председателя Совета Министров, политикой которого верховный масонский совет был недоволен. Говорят, что руководители масонства... подтолкнули исполнение того плана, который был только в зародыше. Чисто «техническая» сторона преступления и кое-какие детали обстановки, при которой возможно было совершить покушение, была подготовлена через масонов. При теперешней постановке этого дела (охраны) покушение возможно лишь при посредстве масонских сил, без помощи которых ни один революционный комитет не сможет ничего привести в исполнение».

Этот пространный документ, извлечения из которого мы цитируем по книге П. Щеголева «Охранники и авантюристы», не имел, конечно, прямого отношения к масонам, но он проливает свет на попытки Департамента полиции по свежим следам убийства П. А. Столыпина направить внимание влиятельных кругов и Царя на масонский след, якобы причастный

к этому убийству, и тем отвести усиленно циркулировавшие слухи о прямой ответственности ген. Курлова, на которого молва указывала пальцем, который был предан суду, отмененному по личному приказу Царя.

Мы указывали на тщательную засекреченность масонского движения в России, особенно в период, когда масоны стали активизировать свою деятельность. Но, конечно, трудно было бы предполагать, что для Департамента полиции эта деятельность оставалась тайной. На деле оказалось, что среди русских масонов действовало полицейское око.

А. Тыркова-Вильямс в своих воспоминаниях довольно подробно характеризует кн. Бебутова, кадета и масона, освещавшего деятельность и тех, и других по поручению тайной полиции. «Когда весной 1906 г., — пишет Тыркова, — понадобились деньги на устройство клуба, Бебутов привез Петрункевичу 10 тысяч рублей. Как выяснилось после революции, деньги дала охранка, чтобы ввести Бебутова в кадетские верхи». Он издал по-русски за границей огромного размера сборник «Последний самодержец» (это было примерно в 1910 г.) и ему удалось ввезти и распространить его в России, вероятно, тоже при содействии охранки.

Бебутов играл своеобразную роль в русской общественной жизни вообще. Пишущему эти строки известно, что он основал довольно обширную русскую библиотеку в Берлине, которую передал на хранение Правлению Германской социал-демократической партии (по договору, подписанному с А. Бебелем, Германом Мюллером и др. в 1911 году, о том, чтобы библиотека после освобождения России была передана русским социал-демократам, но при условии, если большевики объединятся с меньшевиками в одной партии). Бебутов был уполномоченным графа Орлова-Давыдова, члена Государственной Думы и масона, в своем дворце, по сообщению Мельгунова, собирав-

шего заседания военной масонской ложи. На средства Орлова организован был в Берлине Комитет по оказанию помощи русским, находившимся там во время Первой мировой войны. Словом, это была пестрая и даже загадочная фигура.

В Февральскую революцию, когда обнаружилась его связь с Департаментом полиции, по требованию известных адвокатов Зарудного и Соколова, он был подвергнут домашнему аресту (один из масонов, М. Маргулиес, считал недоказанным его службу в охранке, хотя Бебутов не отрицал, что он не то информировался, не то информировал Манасевича-Мануйлова). В. Л. Бурцев, со своей стороны, считал Бебутова немецким агентом, что недавно получило подтверждение в вышедших в Англии документах из архива германского Министерства иностранных дел: "Germany and the Revolution in Russia 1915—1918". Edited by Z. & B. Zeman. London, 1958.

4. Ритуал. Политический смысл масонства

Да будет позволено здесь в порядке личного отступления дать пишущему эти строки свидетельское показание об одной провинциальной ложе масонов, рассказ о которой мне привелось слышать осенью 1918 года на нарах большевистской тюрьмы от приятеля, ночему-то решившегося нарушить тайну и исповедаться. Для меня этот рассказ прозвучал фантастически.

«Помните, — рассказывал он, — как в 1915 г. к нам приезжал по дороге на фронт член Государственной Думы, кадет Колюбакин. Он уж оттуда не вернулся, — кажется, пал жертвой несчастного случая. Провел он у нас два дня, и за это время основал у нас масонскую ложу.

Я не был приглашен на заседание, и в ложу не вошел, — продолжал мой сосед по нарам, — довольно

скоро после того к нам приехал другой член Государственной Думы К., с которым я был знаком с 1913 года. Вот тогда я был приглашен на собрание, и К. был тот, кто вводил меня в ложу. Я был к этому подготовлен. Один из друзей, обычный участник наших политических совещаний тех лет, запрашивал меня предварительно, согласен ли я вступить в ложу масонов. Не помню, какие мотивы он приводил. Он только, во-первых, требовал от меня обещания держать в секрете и, во-вторых, спросил меня, “готов ли я всем пожертвовать, вплоть до самой жизни, в борьбе за истину и свободу”. Когда я дал ему положительный ответ, он сообщил мне о предстоящей встрече с К.

К. принял меня в кабинете хозяина квартиры, служившей местом наших обычных политических совещаний. Меня удивил прежде всего ритуал приема в ложу. Я читал об этом и думал, что ритуал давно отменен. К. повязал мне глаза, поставил мне ряд вопросов (содержания их не помню), прочел формулу присяги, в которой были сакраментальные слова о готовности отдать жизнь за истину и свободу, и я вслед за ним повторил эту формулу. По окончании присяги он вручил мне перчатки в знак посвящения, поцеловал меня и за руку ввел в другую комнату. Тут сняли повязку с моих глаз, и я увидел десяток своих старых знакомых, местных деятелей, ранее меня уже введенных в ложу. Мне было не по себе, когда эти люди, которых я обычно называл по имени-отчеству, величая меня “братом”, говорили мне “ты”, целовали и поздравляли с посвящением в ложу.

Спустя некоторое время, — закончил мой сосед по нарам, — стали появляться другие люди, не состоявшие членами ложи, пришли и вы, — открылось наше обычное политическое совещание: доклад прибывшего из Петербурга депутата на актуальные темы и оживленная дискуссия, в которой приняли участие присут-

ствовавшие в качестве представителей той или другой партии или политической группировки».

Под впечатлением этого рассказа и некоторых других информации не раз я задумывался над политическим смыслом существования масонских лож. В основе их деятельности лежал принцип объединения, принцип коалиции разнопартийных сил. Но наши политические совещания, по общему решению, строились на этом принципе, который и немасонами также разделялся. В России в годы Первой мировой войны влияние партий (не только в массах, но и среди интеллигенции) было невелико, их авторитет довольно-таки поблек, — почему созыв коалиционных совещаний не встречал ни с какой стороны возражений. Не случайно даже немногие большевики, действовавшие в Петрограде или Москве, не говоря уже об эсерах и меньшевиках, охотно являлись на пестрые совещания, происходившие незадолго до революции у Коновалова, Горького, Кусковой.

В 1915—16 гг. все в России предчувствовали приближение великих канунов, грядущих исторических событий. Редко произносилось слово «революция». Ее призрака во время войны боялись, да кроме того, среди либеральных и радикальных политиков преобладали оптимисты, весьма прекраснодушно смотревшие вперед и в душе, несмотря ни на что, надеявшиеся на «эволюцию». Двор и партия оголтелой реакции были изолированы в стране. В бюрократической твердыне были пробиты крупные бреши. Каждый офицер, кружок, каждая редакция либеральной газеты представляли собой очаг недовольства и требовали перемен. В этих условиях масоны как политическая беспартийная организация абсолютно ничем не отличались от других.

Единственное, может быть, что в глазах масонов оправдывало их существование, это засекречен-

ность организации, которая была продиктована, по-видимому, своеобразной философией масонов, «теорией элиты», которую они разделяли, воззрениями, в которых, если угодно, даже были элементы вождизма. В обоснование этой теории был положен довольно верный факт весьма низкого уровня политической культуры в России, молодость, слабая организованность и незрелость политических партий.

Но вот с наступлением Февральской революции, казалось бы, должно было прекратиться засекреченное существование конспиративных кружков. Создавалась обстановка, при которой на политической арене действуют открыто, под контролем общественного мнения легальные политические партии, со своими ЦК, с ежедневной печатью, со своими фракциями и представительством в муниципалитетах и земствах, в органах революционного самоуправления, таких, как Советы, наконец, во Временном правительстве и во всех созываемых им совещаниях или учреждениях со всеми их исполнительными органами. Зачем же и в этой обстановке сохранили свое существование масоны?

Естественно возникает у немасонов вопрос: почему в 1917 году сохраняли масоны свои конспиративные кружки при свете дня, как это было во мраке ночи? Неужели они видели корректив к слабостям и недостаткам русской политики в том, чтобы закулисная и не носившая никакой ответственности «элита» взяла на свою совесть судьбы страны и революции и в своих засекреченных кружках решала и вязала все трудные вопросы о войне и мире, о власти и анархии, корниловщине и большевизме [?] Вопрос этот не лишен значения в историческом и политическом разрезе. И теперь, когда все тайное постепенно становится явным, особенно остро этот вопрос задает и волнует русских политиков, которые не принадлежали к ма-

сонским кругам, но, бесспорно, играли роль в русской политике в эпоху Первой мировой войны и февральской революции.

И если мы начали изложение — для конкретности — со списка деятелей, вошедших в русскую политику с позиций масонства, то, пожалуй, будет уместно привести перечень русских деятелей разных партий, которые никогда не были масонами. А ведь удельный вес их в русской жизни был не мал! Достаточно назвать П. Н. Милюкова, И. И. Петрункевича, В. Д. Набокова, М. М. Винавера, П. Б. Струве, Ф. И. Родичева, И. В. Гессена — из кадет; Г. В. Плеханова, А. Н. Потресова, И. Г. Церетели, Ф. И. Гурвича, Ю. О. Мартова — из меньшевиков; В. М. Чернова, А. Р. Гоца — из эсеров; С. П. Мельгунова, Л. М. Брамсона, В. Мякотина¹ — из народных социалистов, чтобы понять, какой фактический раскол вносили масоны в русскую политику, во все партии в эпоху войны и в Февральскую революцию.

5. Дворцовый переворот и массы

Возрождение и активизация новейшего масонства относятся, по-видимому, к 1915 году, когда все политические противоречия старого режима, особенно в связи с войной, военными поражениями и экономической разрухой, достигли большого напряжения. Пользуясь работой С. П. Мельгунова, в которой собрано много данных об общественных настроениях этого времени, о планах, возникших в разных кругах, упиравшихся на первых порах не столько в революцию, сколько в идею государственного переворота путем дворцового заговора, — можно установить, что

¹ Г. Аронсон либо не располагал сведениями, либо сознательно вводил в заблуждение читателей. Из приведенного им списка только Плеханов, Дан, Мартов, Гоц и Мякотин не числились в списках масонских лож. Все же остальные были видными масонами. — О. П.

работа масонов шла двумя каналами, не всегда соприкасающимися между собой, хотя, может быть, имевшими общее, разумеется, тайное руководство. Один из каналов шел в направлении объединения элементов, могущих совершить сам «акт», поддерживавших связи в дворцовых кругах и контакты с военными (гвардия, генералы). Другой канал связывал общественные круги, проникал в Государственную Думу, оказывая воздействие на печать.

Хотелось бы тут подчеркнуть, что, несмотря на разнокалиберность и разнопартийность составов масонских лож и даже несмотря на то, что многие масоны были в рядах противников или критиков Прогрессивного Блока, сумевшего под руководством П. Н. Милюкова пробить существенную брешь в цитадели бюрократии, вплоть до министров и великих князей, — в общем масонов, как и Прогрессивный Блок, характеризовало стремление не доводить неизбежно нарастающий политический кризис до революции во время войны. Так или иначе между этими обоими каналами общественного недовольства масонство пыталось действовать в качестве «связующего звена», пыталось стать «закулисной дирижерской палочкой», чтобы «управлять событиями».

С. П. Мельгунов считает, что в основную головку политического масонства входила тройка, состоявшая из следующих лиц: Н. В. Некрасова, А. Ф. Керенского и М. И. Терещенко. Эта тройка в 1916 году, по его данным, превращается в пятерку — к указанным лицам прибавляется А. И. Коновалов и И. Н. Ефремов. На основании воспоминаний Керенского, вышедших на французском языке, Мельгунов рассказывает еще об одном кружке масонов, «левом центре» в Государственной Думе, в составе четверки: Керенский и Чхеидзе — трудовиков и с. д. меньшевиков и Некрасов, и Колюбакин — от левых кадет.

Посвящение в масоны великого герцога Бейрейха Фридриха. Инициацию осуществляет

Но ни думская четверка, ни центральная пятерка, по-видимому, не играли той руководящей роли, какую играло основное ядро, первоначальная тройка: Некрасов, Керенский, Терещенко. Насколько

представляет король Пруссии Фридрих Великий. 1740 г.

можно судить, функции между членами этой тройки распределялись таким образом: в то время как Некрасов держал связь с либеральным кругами, земцами, членами Государственной Думы, Керенский об-

рабатывал и втягивал в сферу масонского влияния радикалов и социалистов разных мастей, Терещенко вел работу среди военных. Во всяком случае, к кружку А. И. Гучкова, о котором было рассеяно столько слухов и с которым молва, в первую очередь, связывала всякие планы о дворцовом перевороте, о пронунциamento, — Терещенко имел непосредственное отношение. Если прибавить к этой тройке А. И. Коновалова и (уже значительно менее известного) прогрессиста из Государственной Думы И. Н. Ефремова, влиятельных в торгово-промышленных кругах, то мы получим, что все нити возможных перемен в политическом режиме России, — во всяком случае, по масонской линии — были сосредоточены в руках пятерки.

Вопрос об отстранении Царя и Царицы возникал не раз в течение войны. Князь Г. Е. Львов на совещании земских и городских деятелей, среди которых известны имена Н. И. Астрова, А. И. Коновалова, В. А. Маклакова, М. М. Федорова, М. В. Челнокова, С. А. Смирнова, Н. М. Кишкина, И. П. Демидова и др., — неоднократно, исходя из чисто патриотических побуждений, восклицал: «С таким царем победить немцев нельзя!» В этих же кругах окрепла мысль о необходимости во всяком случае отстранить молодую Императрицу, «немку», ставшую особенно опасной под влиянием Распутина, в период, когда на фронте и даже в ставке заговорили об «измене». Шедшая по рукам переписка между Гучковым и генералом Алексеевым подливала масло в огонь, а ноябрьские речи 1916 года в Государственной Думе Милюкова, Шульгина и др., вымаранные цензурой, имели оглушительный успех и вызвали самый широкий резонанс в стране и особенно среди военных. Мельгунов отмечает в упомянутой своей книге, как ген. Алексеев постепенно втягивался в конспирацию, и приводит запись, сделанную М. Лемке в ставке еще 9 ноября 1915 года:

«Между Гучковым, Крымовым, Коноваловым, Алексеевым зреет какая-то конспирация, какой-то заговор, которому не чужд [еще] кое-кто».

Кто только тогда не говорил о дворцовом заговоре, о планах отстранения Царя? Кулуары всяких съездов не меньше, чем кулуары Гос. Думы, были полны разнообразных слухов этого рода. Известно было о совещании великих князей (их собралось 16) с целью побудить Николая II решительно переменить политику и об интервенции великого князя Николая Михайловича в этом направлении. Мемуаристы рассказывают о миссии тифлисского городского головы Хатисова, беседовавшего с великим князем Николаем Николаевичем о необходимости низвержения Царя. А Родзянко передает, что великая княгиня Мария Павловна столь откровенно в беседе с ним высказалась по этому вопросу, что он просил считать этот разговор «несуществующим».

Среди планов заговора того времени существовал так называемый морской план, о котором сообщил впоследствии Шульгин: предполагалось пригласить Царицу на броненосец и увезти ее в Англию. Возможно, что заодно намечалось увезти туда и Царя. Вообще мысль у потенциальных заговорщиков не останавливалась перед далеко идущими выводами, и вопрос об изоляции Царя от Царицы перерастал в вопрос о добровольном и принудительном отречении Императора. Тень Павла I встала над тронем Николая II, и в случае дворцового переворота, судя по намекам, дело могло закончиться цареубийством.

С. П. Мельгунов, пытавшийся докопаться до сути, пришел к выводу, что кроме такого рода разговоров были и люди, непосредственно причастные к заговору. Воспоминания А. И. Гучкова, частично опубликованные незадолго до Второй мировой войны, хотя и не дают оснований считать, что он сам был масоном,

но допускают возможность того, что примерно к ноябрю 1916 года существовала находившаяся в прямой связи с масонским центром тройка в составе Гучкова, Некрасова и Терещенко, — два последних, как выше указано, были руководящими членами масонской организации. При этом можно считать установленным, что один из них, Терещенко, был связан с кружком, в который входили тот же А. И. Гучков, ген. Крымов и князь Д. Вяземский, — кружком, откуда мог выйти и непосредственный исполнитель.

Как известно, с заговором, с планом дворцового переворота в разных его вариантах — опоздали. Он намечался, по разным сведениям, после убийства Распутина, на январь или февраль 1917 года. Но, по-видимому, уже шла скачка на приз, кто придет раньше к финишу: дворцовый переворот, который должен был предотвратить революцию, или революция. В этом историческом поединке заговорщики опоздали, и пришла революция. Одна из задач масонства, упиравшаяся в идею заговора, таким образом, не получила своего выполнения.

Биографии почти всех промелькнувших здесь деятелей масонства широко известны. Стоит только напомнить о двух лицах, входивших в кружок заговорщиков: ген. Крымова и князя Д. Вяземского. Последний погиб 2 марта 1917 года от шальной пули, попавшей в его автомобиль во время объезда им казарм вместе с А. И. Гучковым. Что касается ген. Крымова, то он ранней осенью 1917 г. примкнул к выступлению Корнилова и после неудачи его покончил самоубийством.

6. Временное правительство и масоны

О деятельности масонов по общественно-политической линии до сих пор ничего неизвестно. Вполне возможно, что они сами (и их деятельность) растворились в бурном море политической активно-

сти, которую в эти годы представляла собой Россия, особенно в ее интеллигентской части, и очень трудно будет будущему историку установить, что именно специфически масонского было внесено в оживленную работу Земского и Городского Союзов, Военно-Промышленного Комитета, в Государственную Думу и в Особые совещания при Думе, которые привлекали к себе общественное внимание. В конце концов, цели масонов совпадали с целями политических деятелей немасонов, да и методы работы были те же, если не считать конспиративность организации, созданной масонами. Чем, в самом деле, отличалась в период существования Прогрессивного Блока деятельность немасона П. Н. Милюкова от деятельности масона В. А. Маклакова? Или деятельность С. П. Мельгунова от деятельности Е. Д. Кусковой? Или А. Ф. Керенского — от А. Н. Потресова?

Насколько можно судить по мемуарам, один из вопросов, которым масоны особенно интересовались, был вопрос о составе будущего правительства — министерства доверия, или ответственного министерства. С. П. Мельгунов приводит в книге «На пути к дворцовому перевороту» личное письмо Е. Д. Кусковой, в котором она рассказывает, как 6 апреля 1916 года в ее квартире в Москве было созвано совещание представителей разных партий, которое занималось составлением списка членов будущего правительства России, — за год до революции, — причем, в этот список вошли почти все имена, составившие в 1917 году Временное правительство. Но дело-то в том, что списки, подобные Кусковскому, в те годы циркулировали повсюду, ибо все это были депутаты и лица очень популярные в России, — ничего не было легче, как таковой список составить. Тем более, как пишет Кускова, при составлении списка «вращались в пределах к. д. и октябристов. О Керенском тогда никто и не вспомнил», как

не вспомнили о Чхеидзе, Скобелеве, Гвоздеве, хотя на собрании были и социалисты. Возможно, что о социалистах не говорили потому, что считалось, что социалисты, особенно социал-демократы, не войдут в коалиционное, с преобладанием буржуазных элементов, правительство. С некоторой натяжкой можно допустить, что собрание у Кусковой состоялось по масонской линии. Это было «собрание из всех партий», причем не из представителей, а персонально приглашаемых.

Но, как не без иронии заключает Мельгунов, «предусмотрительные люди», заготовлявшие впрок правительство, были повсюду, и «политические лаборатории» функционировали в разных окружениях. Милюков в своих мемуарах приводит список членов будущего правительства, составленный на квартире П. Рябушинского еще 1 августа 1915 года. М. Алданов пишет, что в 1916 году в кабинете князя Г. Е. Львова в гостинице «Франция» был составлен список членов будущего Временного правительства Февральской революции (за исключением Керенского): в нем фигурировали Милюков, Гучков, Львов, Набоков, Шингарев, Маклаков, Коновалов и др. Если попытаться понять роль масонов в этот период канунов февраля, то надо прийти к заключению, что они склонны были держаться в тени, и главные их фигуры еще не выдвигались как претенденты на власть: Керенский, Некрасов, Терещенко. Их час наступил с первыми трубными звуками Февральской революции.

Когда пришла Февральская революция и Комитет Государственной Думы вместе с «контактной комиссией» Совета рабочих и солдатских депутатов в ночь на 3 марта выработал список членов Временного правительства и П. Н. Милюков ночью выступил в Таврическом дворце перед народом на митинге, представляя первых министров революции, — его положение

оказалось нелегким. «Всего труднее, — пишет Милюков в своих мемуарах, — было рекомендовать никому не известного новичка в нашей среде, Терещенко, единственного среди нас «министра-капиталиста». В каком “списке” он “въехал” в Министерство финансов? Я не знал тогда, что источник был тот же самый, из которого был навязан Керенский, откуда исходил республиканизм нашего (т. е. кадетского) Некрасова и Ефремова. Об этом источнике я узнал гораздо позднее».

И. В. Гессен освещает этот вопрос в своих мемуарах более подробно, припоминая свои тогдашние беседы с Милюковым. «По-видимому, — пишет он, — масонство сыграло некоторую роль при образовании Временного правительства. Недоуменно я спрашивал Милюкова, откуда взялся Терещенко, никому до того неизвестный чиновник при императорских театрах, сын миллионера, да притом еще на посту министра финансов, на который считал себя предназначенным Шингарев, смертельно предпочтением Терещенко обиженный. Милюков отвечал: “Нужно было ввести в состав правительства какую-нибудь видную фигуру с Юга России”, и потом эта фигура вытеснила Милюкова и сама заняла его место министра иностранных дел. А когда это случилось, Милюков говорил: “При образовании Временного правительства я потерял 24 часа (а тогда ведь почва под ногами горела),] чтобы отстоять князя Г. Е. Львова и регги в кандидатуры Родзянко, а теперь думаю, что сделал большую ошибку. Родзянко был бы более на месте”. Я был с этим вполне согласен, но ни он, ни я не подозревали, что значение кандидатуры как Терещенко, так и Львова скрывалось в их принадлежности к масонству».

Во Временном правительстве Февральской революции, как мы знаем, исключительная роль выпала на первых порах на долю князя Львова, а затем Ке-

ренского. Некрасов и некоторые другие тесные единомышленники его составляли бессменное основное ядро. Если до революции роль масонского руководства была завуалирована, то в Февральскую революцию в правительстве члены этого руководства под другими личинами или в персональном плане заняли весь фасад. Милюков уделил в своих воспоминаниях немало места и много желчи для характеристики масонского курса во Временном правительстве.

«Когда дело дошло до моего ухода из правительства, — пишет Милюков, — именно Керенский на заседании правительства предоставил себе удовольствие объявить мне, что “семь членов правительства» решили... переместить меня в Министерство народного просвещения” (неприемлемое для Милюкова). Кто были эти семеро? Конечно, прежде всего “триумvirат” из Керенского, Некрасова, Терещенко. Затем два правых — Влад. Львов и Годнев. Кто же были остальные двое? А. И. Коновалов, личный и политический друг Керенского, и князь Львов».

И Милюков обобщает наблюдения, сделанные им в правительстве: «Я хотел бы подчеркнуть еще раз связь между Керенским и Некрасовым и двумя названными министрами — Терещенко и Коноваловым. Все четверо очень различны и по характеру, и по своему прошлому, и по своей политической роли, но их объединяют не одни только радикальные политические взгляды. Помимо того, они связаны какой-то личной близостью не только чисто политического, но и своего рода политико-морального характера. Их объединяют как бы взаимные обязательства, исходящие из одного и того же источника... Из сделанных здесь намеков можно заключить, какая именно связь соединяет центральную группу четырех».

Как мы уже выше указали, Милюков в силу разных соображений не хотел называть кошку кошкой, а масо-

нов — масонами, и ограничивается, как говорят, прозрачными намеками, но их вполне достаточно, чтобы получить представление о месте и влиянии масонов в Февральской революции и в событиях 1917 года.

Стоило бы остановиться еще на одном моменте — поговорить о нитях, связывающих в этот период русских масонов с французскими. Ведь Франция, можно сказать, это прародина русского политического масонства. К сожалению, по литературе трудно проследить эту сторону вопроса. Однако сам факт взаимовлияния довольно бесспорно вытекает из ссылок того же Милюкова на соглашения Керенского с Альбертом Тома, эмиссаром Франции, которые имели значение и в вопросе коалиционного правительства, и о направлении внешней политики.

Не будем здесь углублять анализ деятельности конспиративного кружка масонов и руководящей элиты в Февральской революции. Мы знаем, что имена кн. Львова, Керенского, Некрасова, Коновалова, Авксентьева, Чхеидзе и др. носили самые ответственные деятели этой эпохи. Мы можем только ограничиться недоумением: как это могло случиться, что после жестокого поражения, которое потерпела русская демократия, масоны не сочли нужным поделиться своей, масонской, интерпретацией событий и объяснить, что дало им право, моральное и формальное, ставить перед свершившимися фактами общественное мнение?..

7. Большевики и масоны

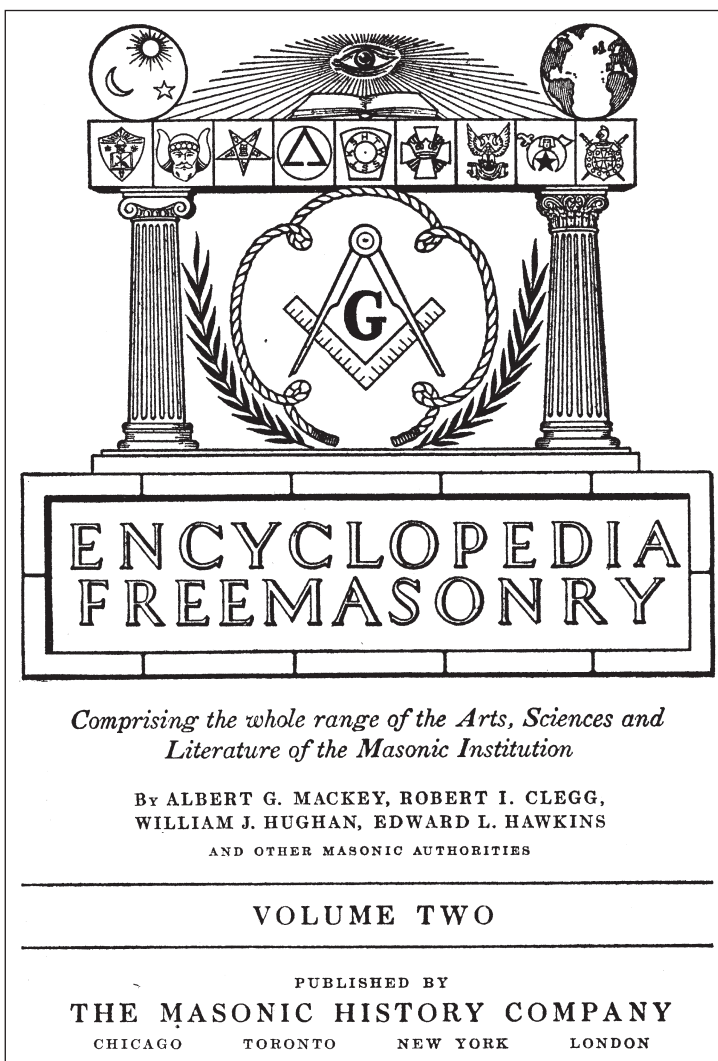
В сумме вопросов и загадок, связанных с масонским движением, некоторый интерес представляет собой вопрос: были ли масоны среди большевиков? На этот вопрос следует ответить положительно. Среди большевиков, как и среди социалистов других толков, были масоны. Об эсерах-масонах свидетельствует факт видного участия Керенского в масонском движе-

нии. Из меньшевиков-масонов названы имена Чхеидзе, Гальперна. Между прочим, И. В. Гессен именует А. Я. Гальперна членом ЦК эсдеков, что неверно, ибо Гальперн был членом партии, но никогда не входил ни в какое руководящее партийное учреждение. В порядке восстановления истины отметим здесь, что Милюков в своих воспоминаниях, говоря о совещаниях у Кусковой, где составляли правительство, упоминает среди присутствовавших двух социал-демократов и обоих относит к большевикам. В отношении Эм. Л. Гуревича-Смирнова это абсолютно неверно, ибо он всегда был меньшевиком довольно правого, ревизионического толка, участником всяких общественных и газетных начинаний Е. Д. Кусковой и С. Н. Прокоповича, и Милюков только по необъяснимому недоразумению приписал его к большевикам.

Что касается подхода большевиков к масонскому движению, то об этом очень трудно сказать что-нибудь определенное. В советской литературе, исторической или мемуарной, редко можно встретить упоминание о масонах. Разумеется, никакой попытки осветить это явление и внести в него новые данные там не было сделано. Любопытный образчик того, что допущено в этой области, представляет собой следующий отрывок из мемуаров Андрея Белого, который также характерен для всего облика этого сумбурно-пламенного поэта, в последний период своей жизни подыгрывавшего коммунистам своими антикапиталистическими настроениями. Вот цитата из Белого о русских масонах, в которой собран подлинный букет и неосведомленности, и злобы¹.

«Есть еще, стало быть, что-то присевшее за капитализмом, что ему придает такой демонский лик; мысль о тайных организациях во мне оживала; об

¹ Белый А. Между двух революций. М., 1934. С. 316.

Масонская энциклопедия

организациях каких-то капиталистов, вооруженных особой мощью, неведомой прочим; заработала мысль о масонстве, которое ненавидел я; будучи в целом неправ, кое в чем был и прав, но попробуй заговорить в

те годы о масонстве, как темной силе, с кадетами? В лучшем случае получил бы я дурака: какие-такие масоны? Их — нет. В худшем случае меня заподозрили бы в бреде Шмакова. Теперь, из 1933 года, все знают: Милюков, Ковалевский, Кокошкин, Терещенко, Керенский, Карташев, братья Астровы, Баженов, мрачливший Москву арлекинадой “Кружка”, т. е. люди, с которыми мне приходилось встречаться тогда или позднее, оказались реальными деятелями моих бредней, хотя, вероятно, играли в них жалкую, пассивную роль; теперь обнаружено документально: мировая война и секретные планы готовились в масонской кухне».

Цитату продолжать не стоит. Нужно только подчеркнуть, что замечания Андрея Белого, будто к 1933 году «обнаружены документы», по меньшей мере, преувеличено. Никаких документов большевики не опубликовали и, разумеется, меньше всего данных об участии большевиков в русских ложах.

Впрочем, из того, что известно до сих пор, можно с определенностью утверждать, что известный адвокат Н. Д. Соколов, всегда тяготевший к большевикам и находившийся с ними в связи, был масоном. Можно предполагать, что участник совещания у Кусковой по составлению Временного правительства, названный в воспоминаниях Милюкова И. И. Степановым-Скворцовым, старым большевиком, никогда не изменившим Ленину, был также масоном. И тут, в сущности, следует поставить точку, ибо слухи о масонстве некоторых большевиков относятся не к русским ложам, а французским — вопрос, которого мы коснемся ниже.

Сейчас мы задержим внимание читателя на эпизоде, относящемся к периоду до Первой мировой войны, в котором замешан Ленин и который имеет некоторые признаки, дающие возможность отнести его к масон-

ству. Мы имеем в виду неожиданное сообщение, появившееся в коммунистическом журнале¹.

Речь идет о письме из России, полученном Лениным в бытность его в Галиции 22 марта 1914 г.: «По своему содержанию оно (это письмо) настолько конспиративно, что долгое время не удавалось установить ни автора письма, ни места его отправки». Теперь установлено, что автором письма является большевик Н. П. Яковлев, бежавший из ссылки в начале 1914 года. А содержание его письма, приводимого только в скупых цитатах, весьма заинтриговавшего Ленина, таково. Яковлев сообщает Ленину, что «в либеральных кругах намечается поворот влево», что отдельные представители этих кругов — «экземпляры, социальный вес и влияние которых измеряется многими миллионами рублей», делают попытку устроить нелегальные «встречи» общественных деятелей из кадетов и прогрессистов совместно с представителями левых партий с целью информироваться о настроениях в различных социальных слоях, чтобы «подготовиться к грядущим событиям». Текст письма не опубликован полностью, но из него, по-видимому, ясно, что речь идет о приглашении, идущем из кругов ненавистных Ленину либералов, и более чем вероятно, что инициатива «встреч» либеральных и социалистических кругов принадлежит масонам, возможно, начавшим проявлять политическую активность: в связи с распутинщиной и конфликтами Государственной Думы с правительством в стране было достаточно горячего материала для политического оживления.

Ленин клюнул на это письмо прежде всего потому, что со свойственным ему практическим нюхом он почувствовал, что можно получить деньги, и прямо поставил вопрос корреспонденту: «способны ли дать

¹ Вопросы истории КПСС. 1957. № 3.

деньги» те группы, с которыми тот вступил в отношения. К сожалению, ответное письмо Ленина тоже дано с купюрами и не дает полного представления о его содержании. «Дорогой коллега! — писал Ленин. — За сообщение очень благодарю. Оно очень важно. По-моему, на указанных Вами условиях (каких — неизвестно!) Ваше участие было вполне правильно и для дела (т. е. для большевиков) полезное. Вашу просьбу (заявить в случае надобности, что Вы не вели никакой игры за спиной единомышленников) я охотно исполню, разумеется, рассчитывая на подробную информацию с Вашей стороны». Далее Ленин интересуется, «насколько откровенно» можно говорить с отдельными участниками этих «встреч» как в отношении их тактических планов, в частности, по вопросу «что способны они внести во “внедумскую” борьбу», так и в отношении того, “способны ли они дать деньги”.

Повторяем, самый текст писем не опубликован. «Что касается содержания писем, — комментирует свое сообщение М. В. Стешова, по-видимому, сотрудник “Краковско-поронинского архива В. И. Ленина”, — то в них речь шла об участии Н. П. Яковлева в конспиративных совещаниях представителей либеральных кругов в Москве, созывавшихся в марте 1914 года для выработки плана “решительного отпора правительству”, вплоть до массовых выступлений “вне Думы” в связи с назначением председателя Совета Министров Горемыкина и поворотом правительственного курса вправо». Независимо от того, в какой мере правильно здесь оцениваются задачи и характер совещаний либералов (вряд ли кто-нибудь из них разделял мысль о внедумских, да еще массовых выступлениях), и независимо от того, подозревал ли Ленин, что инициатива «встреч» идет из масонских кругов (да и знал ли он что-нибудь о масонах!), — можно допустить, что попытка, о кото-

рой рассказывает Яковлев в своем письме Ленину и которая встретила положительное отношение Ленина, была акцией масонов...

Проф. Н. Первушин

Русские масоны и революция¹

Николай II очень интересовался вопросом о нелегальной деятельности некоторых масонских лож. Полковник Герасимов, начальник Петербургского Охранного отделения, в своих воспоминаниях писал: «Царь слышал, что между масонами и революционерами существует тесная связь, и он ждет от меня подтверждения этого слуха. Я возразил, что в России, по моим сведениям, отсутствуют... масонские ложи, и вообще масоны никакой роли не играют. Эта моя информация не показалась Царю убедительной», и он потребовал представить исчерпывающий доклад о русских и заграничных масонах. Эта беседа с Царем происходила в начале 1907 года.

Масоны сыграли как будто известную роль в разоблачении провокатора Азефа. Подтверждение провокаторской роли Азефа удалось получить от бывшего директора Департамента полиции Лопухина благодаря масонским связям последнего.

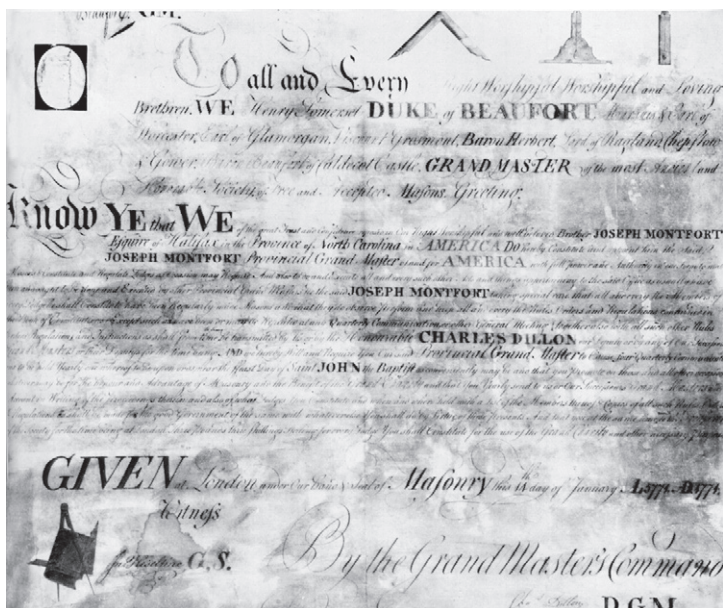
В 1912 [году] масонская деятельность оживилась. Существовали маленькие ложи — по 6-7 членов. Уже тогда членами таких лож («Малая Медведица») были А. Ф. Керенский, И. П. Демидов. Это был уже период действительно политических лож, образованных с революционной целью. Военные в них не принимались (исключение было сделано для генерала Теплова); некоторые ячейки состояли только из членов Государ-

¹ Печатается по: Новое русское слово. 1.8.1986.

ственной Думы. Это «думское» масонство имеет очень мало общего с прежним масонством с его обрядами как в России, так и во Франции. Одним из основателей «думской ложи» был И. Н. Ефремов (кадет); в ложи теперь принимались и женщины.

В ложах периода 1915–1917 годов никакой обрядности не соблюдалось. Цель их была сугубо политической — добиться в России режима свободы и справедливости, как они это понимали. У них, так же как и во всех других масонских ложах, должна была соблюдаться строжайшая тайна существования организации и членства в ней. В 1915 году, когда создавалось новое русское масонство, в эти организации привлекалась самая разнообразная публика: преобладали левонастроенные журналисты, профессора университетов, адвокаты, но были также люди старых аристократических фамилий и даже один великий князь. Кроме того, привлекались люди из делового и финансового мира (напр., Терещенко), высшие чиновники и руководители таких организаций, как Земский и Городской Союзы, Вольное экономическое общество. Были попытки привлечь крупных военных.

Период 1915–1916 годов был ознаменован чрезвычайно напряженными политическими маневрами в разных областях русской политики. С одной стороны, готовились дворцовые перевороты (одним из главных вдохновителей переворота был член партии октябристов А. И. Гучков). Цель заговорщиков состояла в том, чтобы убедить Царя отказаться от престола в пользу великого князя Николая Николаевича, либо брата Михаила, либо, наконец, в пользу сына Алексея, но при полном исключении всякого влияния Императрицы на ход государственных дел. Участники заговора полностью отрицали цареубийство и надеялись, поставив Царя перед свершившимся фактом, убедить его удалиться из страны.

Масонский документ

Масоны в этих заговорах прямого участия не принимали, но, очевидно, Царица их в этом подозревала.

В 1915–1916 годах в «прогрессивных кругах» стал распространяться совершенно необоснованный слух о «черном заговоре» — объединении крайне правых групп при участии Императрицы, ставившем целью распустить Думу, упразднить все демократические и общественные организации и установить в России неограниченную Монархию и твердую диктатуру. Этот слух, упорно распространявшийся в кругах Земского и Городского Союза, дошел до Думы и способствовал резкому обострению позиции оппозиционных партий.

Никаких фактов, говорящих в пользу такого заговора, нет. Но нужно сказать, что политика Царя и Царицы способствовала тому, что многие уверовали в этот слух, так как министерские назначения делались одно хуже другого.

Императрица возлагала большие надежды на назначение члена Государственной Думы октябриста Протопопова на пост министра внутренних дел, пожалуй, самый ответственный во время войны ввиду растущих трудностей, связанных с ней. Протопопов оказался совершенно неподходящим человеком; к тому же он лишился поддержки своей партии и считался в Думе ренегатом, прельстившимся властью. Назначение генерала Хабалова командующим войсками Петроградского округа оказалось также чрезвычайно неудачным ввиду его неподготовленности к этому ответственному посту и растерянности в критический момент.

Нужно подчеркнуть, что масоны как таковые активного участия в развале Российской Империи не принимали и революции не хотели. Но они чувствовали, что скоро настанут грозные события, и считали, что русская общественность должна быть к ним готова, поэтому установили связи с самыми разнообразными влиятельными элементами в русском обществе и правительстве.

Во время войны, в 1915 году, многие общественные деятели почувствовали, что положение в России становится очень серьезным и нужно принимать какие-то чрезвычайные меры для объединения людей, стремящихся к благу России и видящих главную опасность в политике правительства. Тогда и создавалась довольно крупная масонская организация, тщательно засекреченная, причем каждый член ложи клялся соблюдать тайну и не сообщать ни о деятельности, ни о составе масонских лож никому. Эта тайна продолжала сохраняться долгие годы и после переворота. Потом в печати появились имена влиятельных масонов этого периода, причем в глаза бросается разношерстность лож — их члены, казалось бы, ничем друг с другом не были связаны. Вот имена наиболее видных русских масонов того периода: А. Ф. Керенский, Н. В. Некрасов,

В. А. Маклаков, Н. С. Чхеидзе, вел. кн. Николай Михайлович, Н. Д. Соколов, Е. Д. Кускова, С. Н. Прокопович, А. И. Коновалов, А. И. Браудо, М. И. Терещенко, кн. Бебутов, граф Орлов-Давыдов.

Роль русского масонства в событиях февраля — марта 1917 года выяснилась гораздо позднее. Такие выдающиеся деятели той эпохи, как П. Н. Милюков, М. В. Родзянко, не знали ничего о роли масонов в этот решающий момент русской истории.

Когда Царь отрекся от престола и решался вопрос о судьбе династии, к великому князю Михаилу Александровичу пришла делегация Думы, чтобы получить от него ответ, принимает ли он на себя верховную власть, как об этом писал в акте отречения Николай II. Милюков был единственным членом делегации, который поддержал кандидатуру великого князя и советовал ему вступить на трон, чтобы избежать хаоса в стране во время войны. Другие члены делегации возражали. Они убедили великого князя отказаться от престола, и масон Н. В. Некрасов представил великому князю уже подготовленный текст отречения.

Когда был опубликован первый состав Временного правительства, всеобщее удивление вызвало в нем имя М. И. Терещенко — человека совершенно неизвестного ни по работе в Думе, ни по общественной деятельности. Богатый человек, сын известного сахарозаводчика, он, очевидно, был одним из видных русских масонов, финансировавших деятельность масонских организаций и устанавливавших связи их с русскими деловыми кругами. Удивительна полная осведомленность по этому вопросу известных русских общественных и политических деятелей, которые все слухи о масонстве объявляли «сплетнями».

Если мы проследим все составы Временного правительства с февраля по август 1917 года, то увидим, что главную роль в них играли три основных масона

—Керенский, Некрасов и Терещенко, а между тем такие видные государственные деятели, как председатель Государственной Думы Родзянко или специалист по финансовым вопросам Шингарев не были привлечены ни к какой правительственной деятельности. Не бывшие масонами, Милюков и Гучков вскоре устранились из состава правительства.

Можно предположить, что такое влияние масонства, предопределившее левый курс, все больше и больше принимаемый правительством, и привело к катастрофе в октябре.

Начиная с февраля 1917 года самую крупную роль среди масонов играл А. Ф. Керенский. Он стал сначала министром юстиции в первом составе Временного правительства, но своим влиянием уже тогда был обязан еще и тому, что в то же самое время был членом Совета рабочих и солдатских депутатов и даже товарищем (заместителем) председателя его исполкома. Кроме него, из видных масонов в правительство входил министр путей сообщения Некрасов: он пользовался влиянием в Государственной Думе, товарищем председателя которой он был. В Думе ошибочно считали, что он близок к Милюкову и что, поскольку оба — кадеты, эта партия будет иметь большой вес в правительстве, тем более что и министр промышленности Коновалов был членом партии кадетов (и в то же время видным масоном). Таким образом, во Временном правительстве первого состава из десяти членов пять были масонами, хотя, впрочем, в отношении князя Львова существуют сомнения, входил ли он формально в масонскую ложу. Но, во всяком случае, он был под сильным влиянием масонов и поэтому в критические минуты делал то, что хотели влиятельные их круги. В апреле Львов пожертвовал Гучковым, дал должность военного министра Керенскому и тем в известной мере предопределил дальнейший ход событий. В июле же он отказался от

поста председателя и члена Временного правительства, передав власть Керенскому.

Дальнейшую политику Керенского нельзя иначе назвать как политикой эмоций, громких фраз и полного провала в качестве государственного деятеля. Вполне отчетливо обнаружилось это на знаменитом Московском совещании в августе 1917-го, когда Керенский кричал в полной истерике: «От меня требуют, чтобы сердце мое стало как камень! Меня хотят принудить вырвать из души и растоптать цветы души моей».

Русские масоны растерялись в эти судьбоносные месяцы августа и сентября, а правительство Керенского даже не собралось устроить поскорее выборы в Учредительное собрание. Большевики устроили свой переворот за три недели до дня выборов в тот законодательный орган, который мог бы спасти Россию, будь он избран вовремя.

К октябрю 1917 года в России действовали 28 лож Великого Востока народов России. Большая часть их членов эмигрировала, потом некоторые члены были признаны Великим Востоком Франции в высоких градах (Авксентьев, Переверзев, Кроль). В начале Первой мировой войны во Франции русские масоны были членами французских лож. Л. Д. Кандауров и В. Д. Аитов решили возродить регулярную русскую ложу; в начале 1922 года эта группа стала называться «Временным комитетом российского франкмасонства».

По слухам, ЧК заинтересовалась этой организацией и завербовала в ней несколько агентов.

В 1922 году в Париже открылась ложа «Астрей», в которой участвовали многие видные в прошлом общественные деятели, в том числе Борис Савинков. Потом начала функционировать ложа «Северное Сияние», затем ложа «Гермес» (1924).

На улице Иветт, в собственном помещении русской масонской ложи, проходили собрания масонов,

и много было таких собраний, пока в годы Второй мировой войны ложу не разгромили немецкие оккупационные власти.

Замечу в скобках, что еще в 1922 году масонство безоговорочно осудил Коминтерн.

Впервые я услышал о масонах в Париже в 30-е годы. Я работал тогда в редакциях разных экономических журналов, и мне приходилось бывать в типографиях и помогать верстке материалов. В одной из типографий работал пожилой русский эмигрант. Мы с ним не только познакомились, но и подружились, и однажды за чашкой кофе он мне рассказал, что главным интересом его жизни является участие в русско-французской масонской ложе. Он упомянул об идеях масонов, об их стремлении к общему благу и о влиянии, которым они пользуются в различных кругах Франции.

Он предложил и мне вступить в масонскую ложу, сказав, что, кроме всего прочего, это поможет мне в жизни и даст возможность познакомиться со многими интересными и влиятельными людьми. Зная меня, он с удовольствием даст мне рекомендацию, а его рекомендация будет иметь решающее значение, так как он является масоном очень высокого ранга. Я его поблагодарил, сказал, что подумаю, но решил про себя, что не стану пользоваться никакой протекцией и вообще не хотел бы быть никому обязанным. Кроме того, обрядность ложи казалась мне чем-то несерьезным, вроде игры взрослых людей. Скоро начались крупные события — вспыхнула война, и я потерял из виду моего милого знакомого.

В 50-е годы я часто ездил по делам ООН в Женеву на разные конференции и там познакомился с очень интересной парой — Е. Д. Кусковой и С. Н. Прокоповичем. Они мне были известны по различным книгам и статьям — он как специалист по российской экономике, главным образом в области сельского хозяй-

ства, а она как общественная деятельница, игравшая в прежней России крупную политическую роль.

Е. Д. Кукова рассказала мне как-то о том, что она состояла в русской масонской организации перед революцией и во времена февраля — октября. Я помню, как веско она ответила на мой вопрос, почему теперь, после стольких лет, нельзя опубликовать полный список русских масонов. Многие имена уже опубликованы, сказала она, но всех опубликовать нельзя, так как в Советском Союзе остались члены этой группы и, в частности, в самых высших партийных кругах(!), и она не вправе поставить их жизнь под угрозу и нарушить масонскую клятву о сохранении тайны.

В связи с этим мне вспоминается еще одна встреча с видным русским масоном, игравшим крупную роль после Февральской революции. В 1919—1920 годах я работал в Казанском союзе потребительских обществ в качестве экономиста. Членом правления там был в то время Н. В. Голгофский — прекрасный оратор и организатор, выделявшийся на сером фоне провинциальных кооперативных деятелей и членов правления — коммунистов. Он был беспартийным, но всегда говорил на собраниях: «Мы должны танцевать от советской печки». Между прочим, он увлекся одной моей знакомой, служившей машинисткой, на которой в дальнейшем и женился.

Однажды он не явился на работу, и о нем некоторое время ничего не было известно. Потом выяснилось, что он был арестован ЧК, которая обнаружила, что под именем Голгофского скрывался бывший министр Временного правительства Некрасов. Впрочем, вскоре его освободили и даже допустили к работе в Центральном союзе потребительских обществ в Москве, со значительным повышением по службе. Некоторое время он благополучно жил и работал, пока не настали сталинские чистки и ликвидации. Советская энци-

клопедия утверждает, что Н. В. Некрасов умер в 1940 году, — по-видимому, в тюрьме.

Теперь, думая о судьбе этого человека, я считаю, что именно масонские связи его с крупными коммунистами и помогли, должно быть, ему сначала устроиться в провинции под вымышленной фамилией, а потом, после разоблачения, занять видное место в центре русской кооперации.

Некрасов был первым русским масоном, с кем мне привелось познакомиться лично.

ОФИЦИАЛЬНАЯ МАСОНСКАЯ ИСТОРИЯ

Л. Д. Кандауров

Записка по истории российского масонства, 1731—1936¹

Это один из самых ценных документов по истории российского масонства. Он найден мною в Особом Архиве КГБ СССР. Его автор, царский дипломат в Париже и высокопоставленный (33°) масон Л. Д. Кандауров (1880—1936), составил эту записку в середине 30-х годов, незадолго до своей смерти. Документ носил секретный характер и предназначался для ознакомления в среде масонов высшей степени посвящения.

В первой части записки Кандауров опирается на известные источники, а также на масонские предания и мифы. Сведения этой части имеют во многом фантастический, выдуманный характер. Масонский летописец бездоказательно относит к числу масонов известных исторических лиц — Петра I, Александра II, Николая II, А. В. Суворова.

Зато во второй части Кандауров дает богатый фактический материал о развитии российского масонства в начале XX века и в эмиграции.

По живому среди русских вольных каменщиков преданию, нашедшему отклик и в специальной литературе, но не обоснованному документально, первым русским франкмасоном был Император Петр Великий, получивший посвящение во время первого своего заграничного путешествия, в 1697 году, в одной из английских лож, собиравшихся в Амстердаме. Петра посвятил известный английский масон, строитель

¹ ОА. Ф. 730. Оп. 1. Д. 172. Л. 1—46.

храма Св. Павла в Лондоне, Джон Верн. По возвращении царя в Россию была основана ложа в Москве, Д.°. маст.°. которой был Лефорт, ор.°. — гр. Брюс, 1-м блюс.°. — Гордон, вторым — сам Император.

Как бы то ни было, первые сведения о русских ф.°. м.°. относятся к 1731 г.; в Петербурге собиралась тогда ложа, состоявшая под юрисдикцией Великой Ложи Англии; председателем был англичанин Джон Филипс, полковник русской службы. В герцогстве Курляндском ф.°. м.°. английское уже имелось, и потому Бирон, если сам не был ф.°. м.°, то, во всяком случае, ему покровительствовал. В 1741 году во главе петербургской ложи стал Джеймс Кейт, также англичанин, находившийся на русской службе. Около этого времени имелись уже ложи в Архангельске и Риге, состоявшие преимущественно из иноземных купцов и нескольких русских офицеров. Участие некоторых из последних в перевороте 1742 г. обратило внимание правительства Елизаветы Петровны на ф.°. м.°. Хотя ни выработанного ритуала, ни организации, подобной современной, русские ложи тогда не имели и характера политического не имели, а имели характер благотворительный и мистический, — как и вообще все европейское ф.°. м.°. первой половины 18 столетия, — правительство пожелало иметь над ними контроль и придать им более национальный характер. В 1750 году во главе Петербургской ложи «Молчаливость» был поставлен по желанию Императрицы Елизаветы Петровны близкий к ней гр. Воронцов. К этому времени относится основание в Риге известной в русском ф.°. м.°. ложи «Северная Звезда». Петр III, друг и поклонник Фридриха Великого, известного масона, заявил себя по восшествии на престол покровителем ф.°. м.°; была основана ложа в Ораниенбауме, сразу привлекавшая все, что было влиятель-

ного в армии и при дворе. Положение изменилось в 1762 году, так как правительство Екатерины относилось подозрительно ко всему, что носило на себе отпечаток предыдущего царствования. Масоны на время замолкли.

Оживление снова началось с конца 60-х годов, когда в России (в остзейских провинциях) уже действовали несколько лож системы *Stricte Observance*, начавшей тогда распространяться в Германии и отчасти во Франции; логи эти состояли, впрочем, почти исключительно из иностранцев.

Истинным организатором и основателем русского ф. . м. . должен считаться Иван Перфильевич Елагин, посв. . в конце 60-х годов в петербургской ложе Св. Екатерины и основавший в Петербурге в 1770 году Великую русскую Провинциальную Ложу, признанную в 1772 году Великой ложей Англии, которая и назначила тогда же Елагина провинциальным гросс-мейстером под своей юрисдикцией. Около того же времени появляются в России логи так называемой Циннендорфской системы, учрежденные известным прусским ф. . м. . Рейхелем, специально приехавшим в Петербург и поселившимся там для распространения в России ф. . м. . . Надо думать, что правительство Фридриха Великого не было чуждо инициативе Рейхеля; действительно, никто лучше этого монарха не мог понимать важности для Германии распространения в России немецкого влияния и тех результатов, каких в этом направлении можно было надеяться достичь при помощи ф. . м. . ; один из многочисленных тому примеров был дан судьбой г. Кенигсберга, который во время Семилетней войны не пострадал вовсе от занятия его нашими силами ввиду ходатайства тамошней л. . «Трех Корон» перед комендантом города полковником Суворовым, будущим фельдмаршалом; Суво-

ров был деятельным масоном и членом петербургской Ложи «Молчаливость»¹.

Первое время ложи Елагинские и Рейхелевские не признавали друг друга. Благодаря стараниям Рейхеля, бывшего уже тогда начальником Шляхетского кадетского корпуса, произошло 3 сентября 1776 года соединение обеих систем (одна из причин соединения была следующая: В.· Л.· Англии не имела писанных рит.· и запрещала их иметь. Обстоятельство это при необходимости перевода рит.· на русский язык вызывало много недоразумений и ошибок. В Циннендорфской системе с самого начала были печатные ритуалы всех трех гр.· гр.·). Это соединение вызвало неудовольствие Великой Л.· Англии, будучи совершенно без ее согласия соединенные, ложи стали под юрисдикцией Берлинской ложи «Минерва». Рейхелевская л.· «Аполлон» в Петербурге, пред. Чаадаев, не пожелала присоединиться и осталась особняком. Ее примеру последовала московская ложа «Озирис», пред. кн. Трубецкой (ложа эта называлась «княжеской», т. к. все основатели имели княжеский титул, и отличалась высоким уровнем своих членов; протоколы велись по-латыни), и несколько других лож, образовавших вместе Великую Национальную Ложу. В 1777 году в Петербург приезжал король Густав III Шведский, стоявший, как это принято в Швеции до сих пор, во главе ф.· м.· своей страны. Он основал в Петербурге ложу под юрисдикцией Великой Ложи Швеции и посвятил в ней Цесаревича Павла Петровича. К вновь учрежденной ложе присоединились еще несколько лож, недовольных соединенной Елагинско-Рейхелевской системой, и с этого времени в России

¹ Один из характерных примеров масонского лукавства. На самом деле комендантом Кенигсберга, захваченного русскими войсками в 1758 году, был не будущий фельдмаршал А. В. Суворов, а его отец В. И. Суворов. Чин полковника А. В. Суворов получил в 1762 году, когда Кенигсберг был уже возвращен Пруссии. — О. П.

Приглашение на масонское собрание

стали одновременно действовать три ф. м. системы: 1. Соединенная Елагинско-Рейхелевская система, гроссмейстер Елагин; 2. Шведская Провинциальная ложа, гроссмейстер кн. Гагарин; 3. Великая Национальная Ложа, гроссмейстер кн. Трубецкой. Центром первых двух систем был Петербург, третьей — Москва.

Все эти организации, признавшие друг друга, развили, каждая по-своему, кипучую деятельность, — новые ложи основывались по всей территории государства, многие из них, однако, быть может ввиду трудностей сообщения, работали совершенно самостоятельно, не подчиняясь ни одной из существовавших систем. По сведениям правительства, общее число лож, действовавших в России в начале восьмидесятых годов восемнадцатого столетия, было 145. Судьба всех трех указанных систем была следующая.

1. Елагинско-Рейхелевские ложи имели распространение преимущественно на севере и в прибалтийских провинциях. Имелись три Ложи в Петербурге, три ложи в Риге, две — в Ревеле, по одной — в Дерпте, Либаве, Киеве, Архангельске и Могилеве. Было основано много лож, впоследствии работавших самостоятельно, о чем сказано выше. Ритуал был осложненным английским и приближался в некоторых отношениях к современному нам шотл. рит. При путешествиях посвящаемого, так называемых мытарствах, допускались устрашающие эффекты — «убиенный в окровавленной срачице», «смешение крови с кровью братьев наших» и т. д.; в особенности сложен был рит. при посвящ. в 3-й гр. Внутренне Елагинская система была чужда политике и стремилась к познанию и сохранению «некоей важной тайны, дошедшей к нам от первых веков», а также к самопознанию и нравственному самоусовершенствованию и к борьбе на почве морали с вольтерьянством французских энциклопедистов. Но в общем можно сказать, что серьезные этические, религиозные и социальные вопросы оказались руководителям Елагинской системы не под силу. В Петербурге ф. м. быстро стало модным, в ложи стало поступать множество народу, и дело кончилось тем, что фран-масонами оказалось чуть ли не все население города. В ложи стали принимать кучеров и лакеев, чтобы дать

пример бр.: любви к низшему; кучера и лакеи вскоре стали основывать свои собственные ложи. Последний удар Елагинскому ф.: м.: был нанесен похождениями Калиостро, принесшего в Россию основанное им «Египетское Масонство», допускавшее женщин и собрания которого имели иногда сходство с радениями некоторых сект. После того как Императрица Екатерина осмеяла Калиостро в комедиях «Обманщик» и «Шаман Сибирский», влиятельные круги в Петербурге от мас.: отвернулись, и Елагинская система в середине 80-х годов сошла на нет. Не помогло и состоявшееся незадолго до закрытия лож Елагина подчинение всей системы снова юрисдикции В.: Л.: Англии.

2. Шведская Провинциальная л.:. Ложа эта, имея общемасонские идеалы, выражала прежде всего стремления мас.: Шведского. Тогда, как и теперь, шведское ф.: м.: носило религиозный и мистический характер (Сведенборгиянский), но также не было чуждо вопросам магии и оккультизма. В России Шведская Провинциальная л.: выделялась порядком своей внешней организации. Кроме 3 симв.: степеней имелись еще 4 высш.: гр.:, по которым работал капитул «Феникс» в Петербурге. В этом городе имелись 9 лож, 3 — в Москве, по одной в — Ревеле, Кронштадте, Кинбурге и Саратове. Имелась Военная л.: при южной армии. В 1782 году эти ложи присоединились к елагинским и разделили их судьбу.

3. Великая Национальная Ложа. В начале под юрисдикцией ее были всего 4 л.: — 2 в Москве и по одной в Петербурге и Риге. Но, имея в числе руководителей людей, вдохновлявшихся высокими патриотическими и нравственными идеалами и понимавших также толк в мирских делах, Великая Национальная Ложа сыграла крупную роль в истории русской культуры, общественного самосознания. Во главе ее стали два замечательных бр.: бр.: Новиков, посвященный в 1775 году

в Елагинской Ложе «Астрей» в Петербурге прямо в 3-й гр.:, и профессор московского Университета Шварц. Уже в конце 70-х годов ими было учреждено в Москве для просветительных целей «Дружеское ученое общество». Так как наука в России была исключительно немецкая, а отчасти верно и под влиянием Шварца, в Великой Национальной Ложе возникла мысль о необходимости теснее связаться с немецким ф.: м.:, в котором тогда преобладающее влияние имела система “*Stricte Observance*”. В 1782 году Шварц был командирован на Конвент этой системы, созванный в Вильгельмсбаде герцогом Брауншвейгским, ее гросс-мейстером. На Конвенте, где были представители и Швеции, Великая Национальная Л.: была признана независимой от Швеции, неосновательно желавшей ее себе подчинить, и вошла в систему “*Stricte Observance*”, и образовала восьмую ее провинцию (4 области: 1. Север (С.-Петербург); 2. Центр (Москва); 3. Юг (Киев); и 4. Сибирь (Иркутск)). Она получила организацию так называемого теоретического гр.: Соломоновых наук, который предоставлялся с большим трудом бр.: бр.:, преуспевшим в знаниях вольных каменщиков. Организация была установлена следующая: был учрежден капитул для высшего руководства и обсуждения догматических вопросов, в который могли входить лишь братья обоих теоретических градусов (их полагалось 2). В принятой русской В.: Н.: Л.: системе имелись и другие гр.: гр.:, следовавшие за теоретическими; никто из русских их не достиг. Должность пред. капитула не была замещена, предполагалось, что ее займет Цесаревич. Прочими должностными лицами капитула были Шварц, Новиков, кн. Трубецкой, Татищев, кн. Черкасский; Приор — гр. Татищев, канцлер — Шварц, казначей — Новиков. Далее, для отправления текущих дел, была выбрана Директория, в которую вошли председ. Но-

виков, Чулков, Тургенев, Ключарев и др., гроссмейстером был назначен Шварц. Имелись высшие Ложиматери, председатели которых должны были быть из ф.·. м.·., имеющих теоретический градус. Эти л.·. были: «Коронованное Знамя» (Татищев), «Латона» (кн. Трубецкой), впоследствии «Озирис» и «Сфинкс». В общем, организация, схожая с нашей.

Здесь надлежит сделать отступление и сказать несколько слов о розенкрейцерстве. Сведения об этой организации появились впервые в 1615 году в изданной в г. Касселе анонимным автором книге “*Famafraternitatis Rosecruciana*”. Автор сообщал устав этого ордена, основанного, по его словам, в 15 столетии Христианом Розенкрейцом, обладавшим всевозможными алхимическими и магическими знаниями, которыми обладал орден, включавший большинство известных лиц той эпохи. Как ни старались после появления книги многочисленные лица, желавшие вступить в такую интересную организацию, что-либо о ней узнать, что им, однако, не удалось, и уже тогда само существование ордена подверглось сомнению. Около 1750 года в Германии был основан, кем именно — не выяснено, орден «Злато-Розового Креста», притязавший на преемство с розенкрейцерами и получивший окончательную организацию в 1757 году во Франкфуртена-Майне. Центр деятельности находился в Вене, близкое участие принимал Месмер, покровительствовал ордену австрийский император Леопольд Второй; после смерти его в 1792 году орден объявил о своем закрытии, но, по мнению некоторых, существует и до сих пор. По-видимому, остатки этой организации вошли в 1802 году в Ш.·. У.·., где и образовали один из высш.·. гр.·. гр.·.. Многочисленные Р.·. Кр.·. организации открыто существуют в разных странах, в том числе и в Англии, с орд.·. «Злато-Розового Креста» никто преемства не имеет.

Розенкрейцеры писали вообще о себе очень мало, старались пользоваться для лучшего сокрытия другими организациями, и сведения о них неполны. Во всяком случае, известно, что розенкрейцерство имело две стороны: духовно-нравственную (самопознание и самоулучшение) и научно-философскую, познание мира через те тайные науки, которые, имея положительный характер, могут, ввиду соединенных с их применением возможностей, сообщаться лишь людям высокой морали, т. е. посвященным (взгляд древних). Розенкрейцеры были организованы в десятистепенное мас.°, причем, однако, градусы, следовавшие за тремя символическими, давались с большим трудом. В Москве розенкрейцеровские организации появились в конце 70-х годов; путешествуя в Вильгельмсбад, познакомился с розенкрейцерами Шварц, проникся их учениями и развил имевшиеся в Москве их ложи, которые, хотя и не слились с ложами Великой Нац.°. Ложи, но стали работать параллельно, что облегчалось тем, что мас.° теоретического градуса были все одновременно и розенкрейцерами. Всех объединенных лож в Москве было 20 и около того же количества в провинции, исключительно Центральной России. Началась напряженная мас.° и культ.-просветительная работа, ставшая возможной благодаря значительным денежным пожертвованиям, поступившим в орден. В 1783 году была основана «Типографическая Компания» для издания просветительных книг для народа. Были учреждены в Москве три типографии — две для этих изданий, одна для специальных мас.° целей. В разных городах было учреждено значительное количество богаделен, больниц и школ. Во ф.° м.° поступили видные лица; масоны старались приобретать влияние и ставить своих членов на влиятельные места в администрации, в чем и преуспевали. В 1787 году филантропическая деятельность московского мас.°.

особенно ярко проявилась в помощи, оказанной им во время голода того года, но тогда же начались и преследования. Насколько можно судить по дошедшим до нас мас.· и проф.· источникам, главными причинами преследования были следующие: 1) влияние ордена иезуитов, появившегося в России после первого раздела Польши в 1772 году; 2) недовольство представителей официальной науки научными работами розенкрейцеров, лечивших также больных; 3) всегдашний разлад между бюрократическим Петербургом и его новым придворным дворянством и независимым богатым дворянством московским, хранившим традиции; 4) то обстоятельство, что начавшиеся тогда в Европе волнения многими приписывались масонам и иллюминатам. Следует также заметить, что Екатерина вообще косилась на все, с чем был связан Цесаревич Павел Петрович, который, хотя активного участия во ф.· м.· не принимал, но, будучи посвященным в 1777 году, считал себя принадлежащим к ордену.

К этому времени, т.е. в конце 80-х годов, московские масоны, из которых некоторые уже получили высшие розенкрейцеровские градусы, предались исключительно умозрительной деятельности и утратили способность сопротивляться нападкам: некоторые ложи даже закрылись. В 1787 году последовал указ, запрещавший печатать духовные книги в других типографиях, кроме синодских, а в 1791 году, с назначением московским главнокомандующим князя Прозоровского, преследования приняли крутой характер — «Типографическая Компания» была закрыта, принадлежащие ей типографии конфискованы, мас.· издания опечатаны; всего было опечатано 461 издание, причем, однако, к продаже были запрещены лишь 20. В том же году мас.· благотворительные и просветительные учреждения были переданы надлежащим ведомствам. Многие масоны лишились мест, которые занимали

по государственной службе, или высланы в свои деревни. Новикова еще в 1790 году по распоряжению правительства испытывал в Православии Митрополит Платон и нашел его верующим; тем не менее, в начале 1792 года Новиков был арестован и заключен в Шлиссельбургскую крепость. Архив, хранившийся у Новикова, был заблаговременно передан им бр. . бр. . Лабзину и Поздееву. Шварц лишился места и выслан был за границу. Елагин избежал преследований, так как умер в предшествующем году. Указом 1794 года Имп. Екатерина окончательно запретила мас. . собрания в России: все имевшиеся в наличии мас. . издания были конфискованы и сожжены. Император Павел по восшествии на престол немедленно освободил Новикова (Новиков после освобождения держался в стороне от ф. . м. ., умер в 1818 г. в своем имении в Калужской губ. В своем орд. . он носил имя Коломир), а коронуясь в Москве в 1797 году, пригласил к себе на собеседование Матеи, бывшего Д. . М. . л. . «Три Шпаги», а также братьев этой ложи, к которой принадлежал сам Павел. Облобызал каждого, обменялся мас. . рукопожатием и обещал отменить указ Екатерины. Однако в том же году последовал указ, предписывающий применять указ 1794 г. «со всевозможной строгостью». При переменчивом характере Павла это мало кого удивило; позволительно думать, что Мальтийский орден, звание гроссмейстера которого принял Павел и который издавна борется с ф. . м. ., мог сыграть тут известную роль.

Ф. . м. . пробудилось и расцвело в России с восшествием на престол Александра Первого. Как известно, тотчас по восшествии на престол Император составил Комитет из четырех доверенных лиц, которому и поручил выработать план либеральных реформ. Трое из членов этого Комитета были братья: кн. Чарторыжский, Новосильцев и гр. Строганов; последний был

посвящен в мас.° в Париже, в л.° “Les Neube Souers”, к которой принадлежали в свое время Вольтер и Дидро; Строганов прожил в Париже без перерыва с 1781-го по 1796 год, и через его посредство в русское мас.° впервые проникло и утвердилось французское влияние. Следует отметить, что пробудившееся к жизни с начала царствования Александра I петербургское ф.° м.° приобрело резкую общественно-политическую окраску, расхोdivшуюся совершенно с настроением прежних новиковских лл.°. Эта двойственность продолжала с тех пор существовать в русском мас.° и резко выявилась во ф.° м.° организациях, действовавших в России перед войной. Она менее заметна в русском заграничном ф.° м.°, в русских лл.° парижской организации Шот.° Уст.° (и в берлинской л.°), старающихся примирить эти противоположности (русский ф.° м.° кружок в Лондоне старается следовать новиковским заветам, Обр.° л.° «Максим Ковалевский» в Белграде носит чисто общественный, а не посвящ. характер). В самом начале царствования Александра в Петербурге и Москве открылись 3 новые и пробудились 3 прежние ложи: в СПб 15 января 1802 года л.° «Умиравший Сфинкс», д.° м.° Лабзин; там же (вскоре перенесена в Москву) в 1803 г. л.° «Нептун», д.° м.° П. И. Голенищев-Кутузов; в Москве в 1803 году л.° «Гармония». С 1810 года разница настроений особенно сильно выявилась в обеих группировках лл.°, и лл.° новиковского настроения стали группироваться вокруг Москвы и сделались вскоре совершенно конспиративными, благодаря чему и смогли, в виде, впрочем, весьма слабых и малочисленных группировок (см. ниже), уцелеть после разгромов 1822-го и 1826 годов. Надобность в масонстве, по-видимому, была действительно настоятельная, ибо ко времени его официального разрешения, в 1810 году, действовала в России уже 31 ложа, не считая пробудившихся

к жизни лож розенкрейцеровских и нескольких лож системы “*Stricte Observance*”, уже приходившей тогда в упадок как самостоятельная система. Как было указано, официальное разрешение ф. . м. . последовало в 1810 году, но уже в 1802 году д. . м. . ложи «Коронованное Знамя» в Петербурге, директор Первого кадетского корпуса генерал-майор Бебер, испросив аудиенцию у Императора, обратился к нему с ходатайством о разрешении ф. . м. . в России; подробно расспросив Бебера о целях, об организации и истории ф. . м. . в разных странах, Александр заявил, что не только готов разрешить в России столь полезную организацию, но и сам готов к ней примкнуть. Посвящение Императора состоялось через несколько месяцев; однако до сих пор не установлено, в какой именно из русских лож.

Александр принимал деятельное участие в жизни русского ф. . м. . и оказывал ему энергичное покровительство. Понятно, что при таких условиях в ложах скоро оказалось все, что было влиятельного в стране, и что ф. . м. . приобрело крупный политический вес. Пока ф. . м. . этой эпохи не было официально разрешено, оно было в России самостоятельным, тем более что постоянные войны не облегчали международных сношений. В 1810 году для признания иностранцами пришлось образовать Великую Провинциальную Ложу — «Владимир к Порядку», поставленную в зависимость от Швеции; однако сношения были оживлены не со шведским, а с французским ф. . м. . Войны 1812—1814 годов вызвали к жизни множество военных лл. ., между прочим, во Франкфурте-на-Майне, в Мобеже и Реймсе. В одной из таких военно-походных лож, собиравшейся под председательством Александра I в доме Талейрана, где Император жил в Париже, каковой дом теперь принадлежит Ротшильду и помещается на углу ул. Риволи и St. Florentin, был посвящен в мае 1814 года король Фридрих Вильгельм Прусский.

При этом посвящении п. . стр. . был граф Меттерних, а вторым — фельдмаршал Блюхер.

Правительство Александра было недовольно тем, что русское ф. . м. . находится в зависимости от Швеции. Поэтому, взяв формальный повод, нежелательность высоких градусов, была учреждена в январе 1815 года в Париже под юрисдикцией Вел. . Вост. . Франции Великая Ложа Астрей (федерация пяти военно-походных лож); при этом было условлено, что тотчас по перенесении Великой Ложи Астрея в Россию Великий Восток признает за ней самостоятельность. Перенесенная в Россию Великая Ложа Астрей объединила около 40 лож; 6 лож пожелали остаться под шведской юрисдикцией, но, впрочем, скоро мало-помалу прекратили свою деятельность совершенно (так же и их Кап. . Феникс).

После 1815 года выяснилось, что ни ф. . м. ., ни правительство в России уже не смотрят друг на друга так, как было до отечественной войны. Александр, подпав под влияние баронессы Крюднер, все более удалялся в сторону реакции, в мас. . русское получили влияние привезенные из Франции идеи, и оно постепенно стало становиться в оппозицию правительству. Неожиданно, впрочем, последовавший указ 1822 года совершенно запретил ф. . м. . в России. Это мероприятие, которое было облегчено правительству изменой своему долгу гроссмейстера Астреи, Кушелева, выдавшего списки части братьев, было, несмотря на его неожиданность для русского общества, предусмотрено руководителями русского ф. . м. .; в эту эпоху внимание привлекали, главным образом, вопросы политического характера; за несколько лет до указа 1822 года были учреждены два известных тайных общества: «Южное Общество» и «Союз Благоденствия», руководителями которых были сплошь члены русских лл. . Первое из названных обществ включало много братьев киши-

невской ложи «Овидий», и здесь можно привести отрывок из письма Пушкина к князю Масальскому от ноября 1826 года из Кишинева, в каковом письме сказано так: «Живучи здесь, участвовал в ордене вольных каменщиков, и притом в той самой ложе, из-за которой все другие ложи в России закрыты»¹. После подавления восстания, главы которых все были братьями, Николай указом 1826 года подтвердил запрещение ф. м. в России. Надо полагать, что в этом была необходимость, потому что мас. соб., как можно судить из некоторых источников, в России все-таки продолжались. Так, в библиотеке Румянцевского музея в Москве имеется инструкция, данная д. м. московской л. «Коронованный Пеликан» о порядке приема в вольные каменщики в 1828 году.

После этого года доступных широкой публике документальных сведений о старом русском мас. не имеется. Только в английской мас. литературе середины XIX столетия имеются указания на то, что с 1857-го по 1865 год ложи снова официально были разрешены правительством Александра II, который, судя по многим данным, сам принадлежал к английскому масонству².

Из параллельных мас. организаций, действовавших в России в XVIII столетии, следует отметить 2:

1. Система Мелиссино. Носивший эту фамилию генерал-лейтенант русской службы, происхождения грек, был первым стр. Русской Провинциальной Ложи в 1765 году, основал в Петербурге свою собственную мас. систему религиозно-оккультического

¹ Следует напомнить, что, согласно масонским документам, кишиневская ложа «Овидий» организуется в начале 1821 года, а в конце этого года распалась, так и не начав работать (АСТМ, фонд Н. Ф. Степанова). В 1822 году масонские ложи были уже запрещены, так что Пушкин физически не мог участвовать в работе этой масонской ложи. Письмо Масальскому — не что иное, как эпатаж молодого человека. — *О. П.*

² К этой эпохе относится посв... в л... «Нептун» в Москве известного историка Пыпина и Н. Н. Беклемишева. — Прим. Л. Д. Кандаурова.

FREEMASON'S
MONITOR;
OR,
ILLUSTRATIONS
OF
MASONRY:
IN TWO PARTS.

—○○★★○○—

By A ROYAL ARCH MASON.
K. T.—K. of M.—&c. &c.

—○○★★○○—

PART I.

—○○★★○○—

PRINTED AT ALBANY,
For SPENCER and WEBB, Market-Street.

1797.

PREFACES

характера, представлявшую фантастическое нагромождение градусов (7). Была основана в Петербурге л.°. «Молчание» и, кроме того, несколько лож в провинции. Все дело держалось на обаятельной личности высокообразованного Мелиссино, могшего вести заседания на шести разных языках, и благодаря тому, что при господствовавшем в то время в русском ф.°. м.°. беспорядке, в системе Мелиссино соблюдался, напротив, строгий внешний порядок. В 1782 году Мелиссино, сославшись на полицейское распоряжение о запрещении тайных обществ, закрыл свои ложи и удалился от всякой мас.°. деятельности. Решение это, по-видимому, было вызвано тем, что русское мас.°. к тому времени усилилось и организовалось, и система Мелиссино в дальнейшем была обречена на неуспех. Умер Мелиссино в Петербурге в 1803 году.

2. Мартинисты. Этот орден, допускающий женщин в свою среду и носящий сильно выраженный религиозный характер, был основан в Лионе в 1745 году г-ном Мартинесом Паскалисом, реформирован Клодом де Сен-Мартеном в 1765 году. Около того же времени появился в России, куда был привезен графом Грабянкой и адмиралом Плещеевым; главный центр был в Москве, участвовали многие регулярные русские масоны (Новиков, Радищев), с которыми мартинисты работали в тесном единении. Когда русский мартинизм возродился при Александре I, одновременно с масонством, то принял уже совершенно другое направление, тогдашнему русскому мас.°. чуждое. Одной из представительниц мартинизма эпохи Александра I была баронесса Крюднер.

В первых годах XX столетия на ф.°. м.°. обратило внимание тогдашнее русское правительство. Произошло это в связи с ведшейся в 90-х годах XIX столетия во Франции антимас.°. пропагандой и выходом здесь в свет большого количества антимас.°. книг, подчас са-

мого сумбурного содержания. У многих еще на памяти похождения Лео Таксиля, бывшего мас.°. 1-го гр.°, писавшего такие книги, в которых, между прочим, он с самыми устрашающими подробностями рассказывал о поклонении масонов дияволу; Таксиль даже изобрел фантастическую личность, Диану Воган, стоявшую, по его словам, во главе Люциферианского мас.° орденна Палладистов. Таксиль несколько лет пользовался успехом и различными субсидиями, главным образом от римско-католического духовенства, но мало-помалу он стал внушать меньше доверия, субсидии стали соответственно уменьшаться и Таксилью стали предъявлять требования указать адрес Дианы Воган и место собраний Палладистов, на которых он якобы присутствовал. Тогда Таксиль 10 мая 1898 года созвал в зале Ваграм в Париже собрание и обещал там сделать самые подробные разоблачения; собравшейся публике, среди которой было много представителей высшего римско-католического духовенства, Таксиль объявил, что потешался над легковерием современников и что никаких палладистов на самом деле не существует. Произошел невероятный скандал и потасовка. Впрочем, образ действий Таксиля был объяснен происками [масонов]¹...

После запрещения в России ф.°. м.°. лл.°. (Высочайшим указом 1822 г., подтвержденным Императором Николаем I в 1826 г.) таковые не прекратились немедленно². Правда, лл.°. системы Вел.°. Ложи Астреи перестали собираться и от членов их были отобраны властями

¹ Так на самом деле и было. Как выяснилось впоследствии, еврейский литератор Л. Таксиль (1854—1907; наст. имя Г. Жоган-Пажес) выполнял специальное задание Великого Востока Франции по дискредитации Христианской Церкви и ее антимасонской деятельности. Кошунственные антихристианские сочинения Л. Таксиля издавались на средства вольных каменщиков (АСТМ. Фонд Н. Ф. Степанова). — *О. П.*

² С этого предложения начинается вторая часть записки, составленная, по-видимому, в другое время и содержащая некоторые смысловые повторы фактов, приведенных в предыдущей части. — *О. П.*

подписки в том, что они к ф. м. л. более никогда принадлежать не будут, принятие такой полицейской меры оказалось возможным потому, что списки членов л. были сообщены правительству гротсм. Кушелевым. Но кроме Вел. л. Астреи в России еще действовала и Вел. Директориальная л. «Владимир к Порядку» (шведское ф. м., включающее, кроме трех первых, «иоанновских», степеней, еще и высшие степени), мартинисты, розенкрейцеры и иллюминаты. Последние — лишь в губерниях Прибалтийских и в Привислинском Крае. Рассмотрим судьбу каждой из этих организаций в отдельности.

1. Ф. м. шведской системы. Л. этой системы (их было всего восемь) в 1822 году не закрылись и продолжали собираться с надлежащей осторожностью. Списки их членов в Мин. полиции не попали. Но в ближайшие годы, особенно после подавления восстания декабристов, в России установился такой военно-полицейский гнет, что всякие дальнейшие соб. прекратились сами собой. К тому же эта ф. м. система была весьма малочисленна, по составу аристократична и собрания происходили по преимуществу в С.-Петербурге и окрестностях. Соблюдение строжайшей тайны, связанной с постоянным риском для многих бб., казалось стеснительным. Последнее сведение об этой системе относится к 1828 году и состоит в инструкции, данной дост. маст. м. л. «Коронованный Пеликан» о порядке приема в вв. кк. Архив Вел. Дир. л., по крайней мере в главной его части, по-видимому, перешел во владение моск. розенкрейцеров (инструкция находится в Румянц. музее).

2. По сведениям русских мартинистов, они никогда со времени своего основания существования своего не прекращали. Без точных архивных данных проверить это, конечно, невозможно, но надо сказать, что в пользу этого утверждения может говорить то, что в

мартинизме не требуется, чтобы регулярный мартинист был посвящ.: непременно в «правильной и совершенной» л.:, как у нас. Посвящ.: может быть сообщено профану каждым мартинистом, получившим в своей системе 3-й гр.:, даже если он и не состоит больше членом какой-нибудь мартинистской л.:. Таким образом, довольно одного, пережившего всех, старца, который перед смертью посвятил бы будущего такого старца, чтобы правильная передача мартинистского посвящения смогла бы дойти до наших дней. Во всяком случае, пока утверждения русских мартинистов документально не опровергнуты, нет основания сомневаться в их правдивости.

3. Розенкрейцерских организаций всегда было много и каждая из них считала себя самой настоящей. В настоящее время [в] С. Ш. С. А. только их имеется свыше десяти, снабженных средствами и множеством сочленов. Главная роз.-крейцерская орг. ведет свое начало от Капит.: Новикова в Москве, учрежденного, вернее санкционированного, Вильгельмсбадским Конгрессом 1782 года. Преемственность, по-видимому, сохранилась в Москве и до сих пор, несмотря на советский режим.

4. Иллюминаты. В начале XIX столетия остатки лл.: этой системы, подвергнувшейся в Зап. Европе разгрому в конце предшествовавшего столетия, сохранились только в краях Привислинском и Прибалтийском. Первые не пережили событий 1830 года, вторые окончательно заглохли после того, как закрылись последние иллюминатские лл.: Германии после революции 1848 года.

Для историка ф.: м.: представляется весьма вероятным, что в России в течение всего XIX столетия то там, то тут иногда возникали и действовали ф.: м.: лл.:, преемницы указанных четырех группировок (но не Вел.: л.: Астрей). Лл.: эти не имели, однако, ни-

каких регулярных внешних сношений, не пользовались признанием иностранного ф. м. и, собственно, общественной роли не играли. Члены их, очень немногочисленные, довольствовались своей собственной средой.

Выявлять себя при господствовавших в России условиях было прежде опасно.

В английской ф. м. литературе имеется указание, что с 1856-го по 1863 год русское правительство не преследовало существовавших тогда в России лл., может благодаря тому, что Император Александр II был, кажется, посвящ. в одной из английских лл. в молодости¹. Не преследовало, но отнюдь и не поощряло. Есть сведения, что в эти годы были возобновлены раб. раб. новиковской л. «Нептун» в С.-Петербурге, где тогда и были посвящены известный историк русского ф. м. Пыпин и Н. Беклемишев, впоследствии руководивший л. «Карма» в Петрограде.

В первых годах текущего столетия на ф. м. обратило внимание тогдашнее русское правительство². Произошло это в связи с ведшейся в 90-х годах XIX столетия во Франции антимасонской пропагандой и выходом в свет большого количества антимасонских изданий, подчас самого сумбурного содержания. Собственно, такая пропаганда велась исключительно во Франции. Ничего подобного ни в Англии, где в эту эпоху ф. м. деятельно возглавлял король Эдуард 7-й, ни в Германии, где им руководил дядя императора, принц Луитпольд, не было. Но представители тех классов нашего прежнего общества, которые располагали временем, необузданной фантазией и влиянием

¹ Никаких документальных подтверждений этому утверждению не существует. — *О. П.*

² Отсюда в трех абзацах идет смысловой повтор, текст которого несколько дополняет предыдущие сведения и демонстрирует характерную для Кандаурова склонность к манипулированию информацией. — *О. П.*

на правительство, ездили преимущественно в Париж и говорили больше по-французски, чем по-английски. Европа воспринималась ими главным образом как Париж (если не Монмартр).

В Париже тогда жил и действовал известный Лео Таксиль (наст. фамилия его Гакс, умер ресторатором в Париже уже после войны)¹. У многих еще в памяти хождения этого бывшего ф.· м.· 2-го гр.·, писавшего книги, в которых с самыми устрашающими подробностями рассказывал о поклонении ф.·м.· диаволу. Таксиль даже изобрел фантастическую личность, Диану Воган, стоящую, по его словам, во главе люциферианского ордена Палладистов и которую он, Таксиль, заставил раскаться и привел обратно в лоно католичества. Таксиль несколько лет пользовался успехом и различными субсидиями, главным образом от римско-католического духовенства. Кульминационным пунктом его деятельности был созыв в гор. Тренте в 1896 году на средства Ватикана (Папа передал при этом Таксилью свое папское благословение) и некоторых одураченных франц. аристократов всемирного антимасонского конгресса.

Но на конгрессе этом присутствовали, помимо высших представителей римско-католического духовенства (два кардинала), также несколько недоверчивых американцев и немцев. Таксилью было предъявлено категорическое требование указать адрес Дианы Воган и предъявить ее паспорт (роль эту несколько раз, при свидании с разными лицами, играла его жена), а также сообщить, где именно собираются палладисты, на собраниях которых он якобы присутствовал. Так как Таксиль не торопился с исполнением этих требований, возникло недоверие, и субсидии быстро начали уменьшаться. Тогда Таксиль 10 мая 1898 года собрал

¹ Неверно, см. сноску к стр. ***

в зале Географического Об-ва публику на лекцию, обещая на ней сделать подробнейшие разоблачения. Собравшимся, среди которых было много представителей духовенства, еще продолжавшего ему верить, Таксиль заявил, что просто потешается несколько лет над легковерием своих современников и что никаких палладистов на самом деле не существует. Произошел невероятный скандал и общая потасовка. На этом антимасонская деятельность Таксиля и закончилась.

Несмотря на все эти происшествия, подобные рассказы продолжали внушать доверие малым мыслию людям. Они также вдохновляли агентов русского Мин. внутр. дел в Париже, тогдашний руководитель которого, известный Рачковский, воспользовался этими материалами для пополнения книги Нилуса «Протоколы Сионских мудрецов», появившейся первым изданием в 1905 году¹. (В Брит. музее в Лондоне хранится именно это издание, которое ничего, кроме общих мест, не содержит. Второе и последующие издания, выпущенные на Юге России в эпоху Добровольческой Армии и вызвавшие известную полемику, в несколько раз превосходят первое и украшены многими страшными подробностями².) В чрезвычайную и зловредную силу ф. . м. . . слепо верил тогдашний рос. посол во Франции, уважаемый А. И. Нелидов, в редкой из своих депеш, читавшихся по службе одним из русских фф. . мм. . , не объяснявший происходящее во Франции, особенно в отношении русских дел, влиянием международного ф. . м. . . Донесения Рачковского и Нелидова находили, между прочим, живой отклик и поддержку в вице-директоре Втор. Деп. Мин. ин. дел,

¹ Первое издание Сионских протоколов было осуществлено П. Крушеваном в 1903 году. — *О. П.*

² Ошибочные сведения, см. мою книгу «Загадка Сионских протоколов». На Бернском процессе по делу Сионских протоколов иудейским организаторам не удалось доказать причастность к ним генерала Рачковского. — *О. П.*

проф. петербургского университета бароне М. А. Таубе, имевшем в наших правительственных кругах репутацию знатока всего того, что касается международных тайных обществ, но на самом деле в этом вопросе весьма мало осведомленном. Здесь у места сообщить, что на русском монархическом конгрессе, имевшем место в г. Рейхенгалле в 1921 году, по инициативе барона Таубе, было принято постановление о том, что будущая Россия имеет право вступать в политические союзы только с теми государствами, кои не допускают у себя существования ф. . м. . организаций. Можно опасаться, что при таких условиях будущая Россия встретила бы значительное затруднение в выборе союзников.

В эпоху Русско-японской войны и последовавшей революции наши правые много толковали о ф. . м. . и газета «Русское Знамя» почти в каждом номере изобличала в принадлежности к жидомасонству то того, то другого из инакомыслящих, в том числе, например, Суворина, Гучкова и даже Столыпина (никто из них никогда ничего общего с ф. . м. . не имел: утверждение г-на Мельгунова в имеющей выйти в Париже в июне 1931 года книге о том, что г-н Гучков к ф. . м. . в России принадлежал, вполне фантастично); образчиком осведомленности наших правых в этих вопросах может послужить следующее обстоятельство: весной 1925 года в Париже был созван т.н. Зарубежный Съезд, председателем намечался первоначально уважаемый С. Н. Третьяков, который, по требованию большинства съезда, был от председательства устранен как ф. . м. ., на самом деле бр. . Третьяков тогда к нашему орд. . не принадлежал, как не принадлежал и в России, а был посвящен только в 1930 году¹; в довер-

¹ С. Н. Третьяков был не только масоном, но и агентом НКВД, прямым виновником гибели русских генералов Кутепова и Миллера, похищенных с его помощью большевистскими спецслужбами. Как агент НКВД расстрелян в годы Второй мировой войны германскими оккупационными властями. — О. П.

шение же всего съезд единогласно поручил председательство бр. Ю. Ф Семенову, который принадлежал с 1922 года к л. «Астрея», а с 1924 г. — к л. «Золотое Руно», ныне «Юпитер»¹.

Эти нападки и разговоры, естественно, вызвали в широких кругах русского общества новый интерес к ф. м. Если не считать мартинистских регулярных лл., действовавших тогда в России более или менее открыто благодаря влиятельному покровительству, которым они пользовались; филалетов; розенкрейцеровских лл., совершенно малочисленных, держащихся в чрезвычайной тайне и ничем себя в отношении общественном не проявивших; украинских политических лл., тайной организации, пользовавшейся австрийской денежной субсидией и направленной на отторжение от России малороссийской губернии; — в России в то время было только несколько регулярных бб.; наиболее известными из них были: московский профессор психиатрии Н. Н. Баженов, умерший в Бельгии в 1923 г., посв. л. в Шот. л. в Париже в 1884 году, и известный изобретатель Яблочков, основатель л. «Космос», к которой принадлежали впоследствии много русских, а также петербургский прис. повер. Е. И. Кедрин. В первой половине 1906 года в парижские лл. поступили около 15 известных русских общественных деятелей, главным образом принадлежавших к кадетской партии (Немирович-Данченко, М. С. Маргулиес, Амфи-театров, кн. Урусов, В. А. Маклаков, Лорис-Меликов, проф. Трачевский, Ключевский, гр. Орлов-Давыдов). Некоторые из них поступили в лл. Вел. Вост., но большинство — в две лл. Шот. Уст.: «Космос» и

¹ Ю. Ф. Семенов был главным редактором крупнейшей эмигрантской газеты «Возрождение», считавшейся в эмиграции правой. Таким образом, правое движение в эмиграции хотя бы частично контролировалось масонами. — О. П.

«Мон Синай». Были такие усердные братья, которые для верности посвятились в нескольких лл.˙ сразу. Это оказалось возможным потому, что все происходило без всяких анкет и переписки, в строжайшей тайне; действительно, наши франц. бб.˙ были уверены — и, как кажется, наши русские бб.˙ их в этом не разубеждали, — что если в России о посв.˙ узнают, то посв.˙ угрожает если не смертная казнь, то, по крайней мере, немедленная ссылка в Сибирь и кнут.

Эти вновь посв.˙ бб.˙, вернувшись в Россию, основали там две лл.˙ — одну в С.-Петербурге («Северная Звезда», дост.˙ маст.˙ гр. Орлов-Давыдов), другую в Москве («Возрождение», дост.˙ маст.˙ Баженов), и пополнили свой состав посвящениями. Кроме того, была организована л.˙ и в Варшаве. В мае 1908 года все три лл.˙ были торжественно установлены командированными для сего из Парижа, в строжайшем секрете, членами орденового Совета Вел.˙ Вост.˙ Франции Сеншолем и Буле.

Одновременно ими же был установлен в Москве и роз.˙ крейц.˙ Капит.˙ Вел.˙ В.˙ (пред.˙ Баженов), который фактически нигде не действовал. Для того, чтобы оказалось возможным открыть Кап.˙, бб.˙ Сеншоль и Буле возвели в России, согласно данным им полномочиям, несколько бб.˙ в 18-ю ст.˙ (в 18-й гр.˙ системы Вел.˙ Вост.˙, а не международного ф.˙ м.˙), из числа последних следует отметить всеми уважаемого и любимого бр.˙ М. С. Маргулиеса, возведение которого в 18-й гр.˙ системы Вел.˙ Вост.˙ было учинено по коммуникации упомянутыми французскими бб.˙ при особо драматической обстановке, в петербургской тюрьме (Кресты), где бр.˙ Маргулиес был заключен по обвинению в политическом преступлении. Учрежденным в России Вел.˙ Вост.˙ лл.˙ ввиду трудности и опасности сношений были предоставлены особые права: они могли в России открывать лл.˙, не испра-

шивая санкции Парижа. В силу этого права были в 1908-м и 1909 гг. открыты лл.: в Нижнем Новгороде «Железное кольцо», Д.: М.: Пред. губ. зем. управы Кильвейн (л.: эта никогда не имела больше шести членов и рит[уально] не собиралась), и л.: в Киеве, дост.: маст.: бар. Штейнгель. Всего, таким образом, имелось шесть регулярных лл.:

По имеющимся сведениям, работа этих лл.: шла вяло и малоинтересно. Участвовали лица одного и того же общественного слоя и той же политической ориентации, и без того встречающиеся каждый день. О работе собственно ф.: м.:, по недостатку образованных в этом отношении бб.:, не могло быть и речи. Работе общественной мешал страх себя обнаружить, а также малая личная влияние членов лл.:. Иностранных сношений не могло быть уже потому, что Вел.: Вост.: Франции тогда, как и теперь, почти ни одной из мировых ф.: м.: организаций не признавался. Некоторые члены лл.: с самого начала подозревались в том, что по секрету сообщают друзьям сведения об их существовании (как напр., Баженов, кн. Бебутов и др.). Вся организация фактически жила на счет д.: м.: петербургской л.: гр. Орлова-Давыдова. Происшедший после открытия л.: с последним бр.: скандал (иск к нему актрисы Пуаре о признании внебрачного ребенка), к которому так или иначе оказались прикосновенны и были вызваны в качестве свидетелей многие члены л.: «Северная Звезда», сильно повредил спокойствию всей организации.

В 1909 году до сведения Деп. полиции дошло, что в России действует ф.: м.: организация, учрежденная Вел.: Вост.: Франции (о других организациях полиция знала, но не обращала внимания, считая [их] безопасными), и из десятиmillionного фонда был назначен специальный кредит в 200 000 руб. на их обнаружение. Сведения о них было поручено собрать вышеупомяну-

тому Агентству Мин. внут. дел в Париже, возглавлявшемуся тогда Ратаевым, и специально командированному ему в помощь чиновнику Деп. полиц. Алексею. В архиве этого Агентства, с которым автор настоящих строк имел случай, по поручению Временного правительства, ознакомиться в 1917 году, имеется смехотворная переписка Департамента с Ратаевым по этому вопросу. Ратаеву удалось-таки вытянуть от Департамента 150 000 фр., предоставив за эту цену несколько фантастических рассказов, опять-таки о сатанистах, три или четыре ленты, приобретенные во ф. м. магазинах, да кипу наших еженедельных бюллетеней. Не преминул также Ратаев представить и списки русских фф. мм., разумеется, в списки вошли главным образом те лица, которые почему-либо не нравились автору или Департаменту полиции, хотя бы с ф. м. ничего общего не имели¹.

Удачнее были розыски в России. Оставляя в стороне уже известные полиции организации, с Вел. Вост. ничего общего не имевшие, полицейские скоро напали на след организации мартинистов, группировавшейся вокруг издававшегося в Царском Селе спиритического журнала «Ребус». Мартинистов, среди которых были несколько великих князей (Николай Николаевич, Петр Николаевич, Георгий Михайлович) и лиц, близких ко Двору, не тронули, но члены русских лл. Вел. Востока насторожились и в конце 1909 года — от страха ли или от скуки — было решено лл. «усыпить».

В конце 1912 года некоторые из членов этих лл. решили снова возобновить их деятельность, причем, однако, действовать с большой осторожностью, совершенно устранив от участия в новых лл. тех доро-

¹ На самом деле преобладающая часть лиц, приведенных в списке Ратаева, являлись настоящими масонами. — *О. П.*

Государственная печать США – символ дьявола и разрушений

гих бб.°, болтливость которых была с несомненностью установлена.

Создалась из пепла, так сказать, старой новая организация. Основы ее были следующие: работы производились без ритуала или с самым упрощенным ритуалом; собрания имели место на частных квартирах; были только две степени (1-я и 3-я); членом л.°. «Малая Медведица» в Петрограде Обнинским (в этой л.°. участвовали также Керенский, прис. повер. Барт и Волков, И. П. Демидов, Кроль) был составлен устав, одобренный Конвентом 1912 г. и напечатанный в виде книги о карбонариях «Итальянские угольщики»; лл.°. считали себя принадлежащими к Вел.°. Вост.°. Франции (с которым, однако, регулярных сношений не имели и от которого утверждения не получали) не только в силу преемства, но и потому, что у Вел.°. Вост.°. в России была репутация «революционности», а цель всей организации была чисто политической: ниспровержение в России самодержавного режима и установление демократического государственного строя. Ввиду такой цели в лл.°. вовсе не принимались лица, считавшиеся по своей партийной принадлежности поддерживавшими самодержавие, а именно октябристы и стоящие правее (этим самым исключалась возможность участия лидера октябристов г-на Гучкова). Военные также, в принципе, не принимались, единственным военным участником этих лл.°. был командир Финляндского полка Теплов, впоследствии ген.-майор, ныне живущий в Париже. Имелся Верх.°. Совет, но не смысле догматического учреждения, как шот.°. ф.°. м.°, а в смысле чисто административного органа, члены которого, в количестве 7—9, избирались на три года и возобновлялись выборами по третям. Главы организации собственно не было; все дело держалось на энергичном бр.°. Колюбакине и на секретаре Верх.°. Совета А. Я. Гальперне, ныне живущем в Лон-

доне, и занимавшем должность секретаря во все время существования организации. Верх.°. Совет собирался в Петрограде и контролировался ежегодным Конвентом; для разрешения же местных вопросов собирались также областные Конвенты. Ввиду политического характера организации и связанной на этот раз с принадлежностью к ней (не так, как в лл.°. 1909 г.) серьезной опасностью, посвящаемые приносили присягу в безусловном повиновении. Для лучшего сохранения тайны члены одной л.°. не могли ни знать фамилии членов других лл.°, ни посещать их собрания. Как только число членов л.°. достигало 14, она немедленно делилась на две самостоятельных лл.°, исключение в данном отношении было допущено только для т. н. Думской л.°, которая включала исключительно членов Госуд. Думы и возглавлялась за все время своего существования И. Н. Ефремовым.

В 1915–1916 годах произошло некоторое ослабление деятельности описываемой организации, вызванное тем, что после разгрома нашей армии в 1915 году в Госуд. Думе возникли резкие раздоры между прогрессистами и кадетами по вопросу об ответственности правительства за происшедшее: раздоры перешли и в лл.°, состоявшие главным образом из членов упомянутых партий, в том числе и в думскую л.°; лл.° в то время было около сорока; свыше десятка пришлось вследствие возникших раздоров временно «усыпить». Тем не менее, деятельность оставшихся лл.° продолжалась и скоро стала весьма интенсивной. Перед Февральской революцией Верховный Совет поручил ложам составить списки лиц, годных для новой администрации, и назначить в Петрограде, на случай народных волнений, сборные места для членов лож. Все было в точности исполнено, и революционным движением без ведома руководимых руководили в значительной степени члены лож или им сочувствующие.

Многие из первых вошли в состав Министерства кн. Львова и Керенского (в последнем все министры были члены лож), многие заняли места Комиссаров Времен. Пр-ва. После февральской революции описываемые мас.·. орг.·. стали приходить в быстрый упадок: действительно, политическая цель была достигнута, а новой цели руководители организации создать не умели или не могли, будучи поглощены, к тому же, повседневными вопросами и будучи масонами только по названию, ими принятому (это вовсе не мешало тому, что составлена была организация из людей, заслуживающих в отношении нравственном полного уважения). Перед большевистским переворотом в России действовали 28 лож этой организации (именовавшей себя Вел.·. Вост.·. народов России), около половины которых смогли выехать за границу. Сначала они пытались войти в сношение с иностранными ф.·. м.·. системами (со Швецией — в 1919 г., с Англией — в 1921 г.; к концу войны бр.·. Керенский был допущен к чтению доклада о русских делах в одной из лондонских лл.·., но ведь известно, что на время войны Вел.·. л.·. Англии делала много такого, что не допускала ранее и что не допускает и после войны), но попытки оказались безуспешными. Наконец, по надлежащем размышлении и примирившись с реальностями, члены этой организации, обосновавшиеся в Париже, основали в юрисдикции Вел.·. Вост.·. Франции в январе 1925 года лл.·. «Северная Звезда», в которую вошли как члены регулярных лл.·. Вел.·. Вост.·., основанных в 1909 году, в организацию «думского» ф.·. м.·. не входившие (напр., всеми уважаемый и любимый бр.·. М. С. Маргулиес, имевший на то полное право и не вошедший по собственному желанию), так многие и входившие в состав последнего. Дд.·. Мм.·. л.·. «Северная Звезда» в Париже были суть: бр.·. Авксентьев (1925—1927, 1931) и бр.·. Переверзев (1929—1930). Некоторые из членов

думского ф.°. м.°, как кажется считавшие, что оно недостаточно скрытно, все-таки в состав этой л.°. не вошли и, по имеющимся сведениям, делали попытки собраться частным порядком, в строжайшей тайне (Григорович-Барский, кн. Оболенский, Зензинов, гр. Орлов-Давыдов, И. П. Демидов, Теплов). В описываемую эпоху в России действовали и др. ф.°. м.°. организации, хотя и менее о себе заявлявшие, но, по большей части, и старшие по времени основания, чем упомянутая выше и более масонская по своему внутреннему содержанию, а именно следующие:

Иностранные лл.°. В XIX столетии постоянно возникали и закрывались, по миновании в них надобности, лл.°. разных национальностей, работавшие на иностранных языках и принадлежавшие к юрисдикциям своих стран. Русскому Прав-ву эти лл.°. были хорошо известны, но не преследовались под условием, что туда русские приниматься не будут. Перед войной в России действовали английские и итальянские лл.°. Первых было две, в Петрограде (в конце 90-х гг.) и Архангельске. Петроградские лл.°. собирались на Васильевском Острове, в доме одного анг. коммерсанта, во главе ее стоял пастор Ломбард, одно время бывший настоятелем церкви Великобрит. посольства в этом городе. В эту л.°, несмотря на вышеупомянутое условие, были приняты и несколько русских, в числе их член Госуд. Думы Басаков. Итальянских лл.°. в юрисдикции так называемой «дерианской» системы было две: «Данте Алигьери» в Одессе и «Нарцисс» (см. ниже) в Киеве. В эти лл.°, во время войны уже, были приняты многочисленные русские. В этих иност. лл.°. раб.°. шла нормальным порядком, как полагалось в их системах (в англ. — исключительно рит.°. и широкая благотворительность, итальянских — словопрения).

Мартинисты. Как известно, мартинизм, совершенно заглохший в Зап. Европе после революции 1848 г.,

был вновь вызван к жизни здесь около 1888 г. энергичными бб. Папюсом и Гаитом; в короткое время им удалось дать своей системе мировое распространение. О том, что в России в силу законного преемства сохранился (или не сохранился) в Москве ортодоксальный мартинизм, бб. эти, по-видимому, не знали. Первым пропагандистом мартинизма в России был известный Филипп, прибывший в Россию из Лиона и приобретший своими фокусами, чудесными исцелениями и т. д. сразу крупное влияние при Русском Дворе. Императрица Александра Федоровна надеялась, что его оккультное влияние поспособствует ей родить сына. В 1895 году Филипп основал в С.-Петербурге л. «Крест и Звезда», собиравшуюся сначала в Зимнем дворце, а затем в Царском Селе, на квартирах членов л. Председателем сначала был сам Филипп, а после его смерти — гр. Мусин-Пушкин (ныне живет во Флоренции; в мартинизме должность пред. л. пожизненная, участвуют лица обоего пола). В числе членов л. был Император Николай II. Собрания открывались и закрывались молитвословиями, рит. был выработан собственный, интересовалась л. главным образом вопросами религиозными. Как говорят, созвание первой Гаагской Мирной Конференции было вызвано в значительной степени влиянием этой л., но от других лл. (мартинистских) эта л. держалась в стороне, имея сношения главным образом только с л. (мартин) [так в источнике. — *О. П.*] такого же характера, собиравшейся тогда во Франции, в г. Туре.

В 1902—1903 годах Император Николай, отвратившийся от оккультизма и обратившийся к св. Серафиму Са-

¹ Заявление о принадлежности Николая II к масонству — в чистом виде масонский миф. Никаких документальных подтверждений этому утверждению нет. Я много лет занимаюсь изучением жизни Николая II. Ни в его дневниках, ни в письмах нет даже косвенных намеков на его причастность к масонству. Попытки же Филиппа и Папюса утвердиться при Царском Дворе были сразу пресечены, и шарлатанов выслали из страны. — *О. П.*

ровскому, перестал посещать л.°, которая через несколько лет (1916) и совсем прекратила свои труды под влиянием усилившегося значения Распутина.

После отъезда Филиппа из России (в 1901) в Петербург вскоре прибыл гроссмейстер орд.° март.°. Папюс (доктор Анкос), и его сотрудник Чинский почти немедленно был за свои художества выслан из России, ныне живет и действует в Варшаве. Папюс основал в России следующие мартинистские лл.°: в С.-Петербурге л.° «Аполлония» (пред.° сначала фон Мебес, а потом Антошевский), в Москве «Св. Иоанн Равноапостольный» (пред.° Казначеев, члены: фон Гейер, Рындина, П. Соколов, Хорват и др.), в Киеве «Св. Владимир Равноапостольный», в 1912 году (пред.° многоизвестный Маркотун).

Филалеты. Эта ветвь оккультического ф.° м.°, основанная в Париже Савалетом де Ланжем, в свое время процветала, но была, как и многие другие ф.° м.° организации этой эпохи, сметена событиями Французской революции. В начале 1890-х годов член одной из франц.° лл.° Шотл.° Уст.°, некий сириец Алькахест, не нашедший в своей л.° морального удовлетворения и из нее рад[иирован], задумал основать свою собственную ф.° м.° систему. Получив случайно в свое владение архив орд.° филалетов, он основал свою систему именно по этой системе. Были найдены кое-какие денежные средства, снята обширная квартира в Париже (70, Эдгар Кинэ) и привлечены сочувствующие начинанию лица, главным образом тоже из бб.°, неудовлетворенных деятельностью своих лл.°. Орден филалетов был организован в символические лл.° и в лл.° высш.° гр.°. В первых характер раб.° был примерно тот же (как и рит.°), что в совр. нам франц.° лл.° Шот.° уст.°, только рит.° соблюдался строже и выполнялся тщательней; вторые занимались исключительно вопросами оккультизма, теоретиче-

ского и экспериментального, и в некоторых из них принимались и женщины. Возобновленный Алькахестом орд.°. филаетов никогда ни одной из ф.°. м.°. систем признан не был. Вскоре после своего возобновления орд.°. этот учредил несколько лл.°. в Швейцарии, а в 1898 году — две лл.°. («Пирамида» и «Карма», фактически действовала до конца 1917 года лишь «Карма») в С.-Петербурге. Учреждение л.°. в России сделалось возможным благодаря покровительству, оказанному вел. кн. Александром Ми-чем, и по его инициативе. Как говорят, произошло это потому, что вел. князь, занимавшийся усердно спиритизмом, получил этим путем потустороннее указание на то, что в России имеет произойти революция, что ему при этом предстоит сыграть ту роль, которую играл Людовик Филипп в момент Франц. революции 1830 года, и взойти на российский престол. Для сего необходима оккультная поддержка всемирных тайных обществ, и прежде всего ф.°. м.°. В л.°. «Карма»; по-видимому, участвовал сам вел. князь, участвовали многие высшие чины Главного Управ. торг. Мореплавания, во главе которого стоял вел. князь, и т. н. Морского Союза, также возглавлявшегося им. В последние годы во главе л.°. стоял Н. Н. Беклемишев; для того чтоб облегчить собрания, вел. князь назначил его хранителем Морского музея в С.-Петербурге, в музее этом имелся обширный отдел старинных ф.°. м.°. предметов, а у бр.°. Беклемишева — большая казенная квартира; то и другое весьма облегчало собрания л.°. Каждый не только член л.°, раз в нее принятый, но и каждый единокрatный посетитель ее (гости, русские и иностранные, допускались весьма широко, раскрытия деятельности л.°. нечего было бояться из-за покровительства, которым она пользовалась) считались вошедшими в состав л.°. Взносов не было, и никого никогда не исключали. В момент большевистской революции л.°. считала по-

тому в своей среде чуть ли не тысячу членов, хотя на собраниях больше 20—25 не присутствовало никогда. Эта ф.· м.· [ложа] занималась исключительно рит.· (женщины не принимались, другой филалетской орг.· в России не было), вопросов политических и общественных не касалась, была в контакте с действовавшими в России иностранными лл.·, а также с лл.· мартинистскими и розенкрейцеровскими. Судьба орд.· филалетов вне России оказалась печальной: швейцарские лл.· были захвачены большевиками и закрылись после их отъезда в Россию, парижский же центр и лл.· через несколько месяцев после смерти Алькахеста (1910) прекратили существование в связи с тем, что оказались замешанными в крупном скандале (против нравст.).

Украинская Вел.· л.·, о которой сказано несколько слов выше, организована в 1902 году в Женеве. Эта организация уже никоим образом не может быть названа ф.· м.·, хотя представители ее всегда настойчиво и утверждали противное. Не имевшая в своем распоряжении денежные средства, она постоянно распространяла везде, где могла, фантастические о себе выдумки, как например: что в России с конца XVIII столетия и по сие время непрерывно действуют ее многочисленные лл.·, что уже при советском режиме (1926 г.) в России было активных бб.· этой системы около 20 000 и т. п. Во главе организации после 1919 года стоял Петлюра, а после его смерти и поныне стоит Левицкий, проживающий в гор. Львове, в Польше.

Организация московских розенкрейцеров. Полученные автором настоящей записки о ней сведения основаны не на документах, а исключительно на данных, сообщенных членами означенной организации; однако моральный облик этих бб.· таков, что в их словах не приходится сомневаться никоим образом. Как уже было сказано, симв.· лл.·, зависевшие от

московского розенкрейцеровского центра, продолжали работу и после запрещения ф.· м.· в 1822-м и 1826 годах. Это облегчалось тем, что Москва не была административным центром России, многие члены лл.· были людьми неслужилимыми и материально независимыми и стояли при этом далеко от правительственных кругов. Кроме того, лл.· эти связаны строгой тайной и сильной внутренней дисциплиной («равный равному повелевает», «достойный достойнейшему повинуется»). Имевшийся у этой системы духовный импульс позволил ее лл.·, хотя постепенно и сокращаясь в числе бб.·, просуществовать до начала пятидесятих годов. С воцарением, однако, Императора Александра II, несмотря на более снисходительное отношение правительства к ф.· м.· (см. выше), лл.· эти совсем захирели в связи с тогдашним настроением в России, которое можно назвать материалистически позитивистическим. Такое положение продолжалось до конца восьмидесятих годов, когда настроения эти постепенно стали меняться и лл.· постепенно вновь пробуждались к деятельности. В середине девяностых годов в России уже действовали лл.· этой системы в гг. Москве, Саратове, Казани, Нижнем Новгороде (Д.· М.· Бурегин), Полтаве (л.· «Кирилл и Мефодий»), Киеве и Феодосии (л.· «Св. Иордан»). Была также и л.· в г. Риге, по-видимому никогда не прекращавшая своего существования. Сильный импульс развития, вернее оживления, этой ф.· м.· [ложи] был дан образованием полулегальных мартинистских лл.· в девяностых годах XIX столетия, система эта с этими лл.· фактически слилась. Под ее юрисдикцией незадолго до войны была организована л.· «Люцифер» (Вал. Брюсов, Андрей Белый, Петровский, Вячеслав Иванов), впоследствии вошедшая в тесный контакт с орденом антропософов (Штейнера) и ввиду сего распоряжением московского центра закрытая (1916).

Характер раб.· этих лл.· был весьма возвышенный; с так называемым думским м.· они никаких отношений не имели и его игнорировали. Краткий расцвет их произошел, поскольку то касается лл.·, находившихся на Юге России, в эпоху правительства Скоропадского, который был весьма деятельным ф.· м.·, посв.· в 1915 году в военной л.·, действовавшей на русском Юго-Зап. фронте и принадлежащей к юрисдикции московского центра.

Во время войны в Париже пребывали несколько русских бб.·, получивших в разное время посв.· в различных франц. лл.· Бб.· эти были хорошо осведомлены о положении ф.· м.· в России, а также и в вопросах, касающихся истории русского ф.· м.· После большевистской революции они пришли к убеждению, что прискорбное состояние нашего отечества продлится долгое время и что надлежало бы в национальных интересах создать за границей организацию русского ф.· м.·, подобно тому, как таковое имеется во всех цивилизованных странах, дабы эта организация смогла, когда позволят обстоятельства, начать действовать в России, в видах морального восстановления ее, и организации образованного класса, который сам, в силу нашего характера, организовать вряд ли сможет. В видах этих, а также для последующего учреждения лл.· был образован 1 декабря 1918 года ф.· м.· комитет в следующем составе: Л. Д. Кандауров (председатель), ген.-лейт. Война-Панченко, прис. повер. Рапп, адвокат парижского суда Грюбер, гр. Нессельроде, бывший рос. консул в Нью-Кастле М. К. фон Мекк, художник Широков.

Комитет этот неоднократно изменял свой состав и направление деятельности. В настоящее время он с 13 апреля 1922 года носит название Врем.· Ком.· Российского ф.· м.· и состоит из следующих бб.: 1) Л. Д. Кандауров, предс.·; 2) Слиозберг, вице-предс.·;

3) Аитов, казн.; 4) Мамонтов, секретарь; 5) Половцов. Главной функцией Врем. Ком. является заведование финансовыми делами рос. ф. м. Шот. уст. (для облегчения этой деятельности Комитетом создана в 1930 году особая финансово-хозяйственная комиссия, независимая от Врем. Ком. и возглавляемая бр. Давыдовым. Работа этой Комиссии протекает весьма успешно); эта функция признана за Врем. Ком. постановлением Международной Конференции Верх. Советов Шот. уст., собиравшейся в Париже весной 1929 года и на которой были представлены 29 стран.

Учреждение в Париже русских лл. встретилось с большими затруднениями ввиду того, что Чека этому всячески через своих агентов противилась. Это выражалось как в распускании всяких вздорных слухов (о черносотенстве русских бб., о том, что они получают субсидию от одного иностр. пр-ва, о том, что многие из них, вследствие их деятельности в мире проф., находятся накануне привлечения к уголовной ответственности), так и в прямой обструкции со стороны членов Комитета, находившихся на службе у Чеки. Кроме того, применялся и испытанный способ ссоры русских бб. как между собою, так и с французскими бб. Однако, несмотря на эти препятствия, воздвигаемые врагами, 15 ноября 1921 года был открыт русский розенкрейцеровский Кап. Астрей в Париже, существующий и поныне (председатели: 1921—1924 гг. — Кандауров, 1925 г. — Чайковский, 1926 г. — гр. Беннигсен, 1927 г. — Половцов, 1928—1929 гг. — Нагродский, 1930—1931 гг. — гр. Бобринский). 14 января 1922 г. в Париже, в юрисдикции Вел. л. Франции, была открыта первая русская симв. л. «Астрей», учредителями которой были следующие бб.: 1) Макшеев, Д. М. рад., и выбыл из ф. м. в 1929 году; 2) Мамонтов, П. С., почетный член л. «Астрей»

с 28 года; 3) гр. Беннигсен, В.: С.:, почетный член Астреи с того же времени; 4) Скрыбин, секр.: рад.:, и выбыл из ф.: м.: в 1927 г.; 5) Соколов, орат.:, вышел из состава л.: «Астрея» в 192 году, переехав в Берлин, где состоит членом местной русской л.:; 6) Наумов, казн.:; 7) Аитов, дарод.:; 8) Кандауров, прив.:; 9) Навашин, вышел из состава л.: «Астрея», но остался членом Англо-Сакс.: л.: в Париже; 10) кн. Кугушев, рад.:, и вышел из ф.: м.: в 1928 году; 11) гр. Бобринский; 12) Путилов, вышел в отст.: из л.: «Астрея», но остался членом л.: «Юпитер»; 13) Бернштейн, вышел в отст.: из л.: «Астрея» и выбыл из ф.: м.: в 1925 году; 14) Маринович, рад.:, и выбыл из ф.: м.: в 1924 году; 15) Чайковский, умер в 1926 году; 16) Слиозберг; 17) Артамонов, умер в 1927 году; 18) Нагродский, вышел в отст.: из л.: «Астрея», но остался членом л.: «Гермес». Дд.: мм.: л.: «Астрея» со времени ее основания были следующие бб.: в 22—24 гг. — Макшеев, 25—26 гг. — Аитов, 27—30 гг. — кн. Вяземский, 31 г. — Смирнов. После л.: «Астрея» в Париже были основаны и действуют поныне еще следующие лл.: Шот.: Уст.: а) «Северное Сияние», откр. 14 января 1924 года, в состав учредителей вошли по преимуществу бывшие русские военные; ДД.: ММ.: 24—25 годы — Мамонтов А. И., 26 — Половцов, 27—28 — Лыщинский, кн. Троекуров, 29—31 — гр. А. П. Беннигсен; б) «Гермес» откр. в декабре 1924 года, л.: эта была организована в предположении, что привлеченные в ее состав (учредителей было 16) наиболее известные представители русской науки, индустрии и служилого класса смогут изложением путем докладов своих взглядов на будущее устройство России возбудить крупный интерес в тех же классах иностранной общественности и у правительств главнейших государств. Предположению этому не суждено было оправдаться: после двух или трех докладов, по содержанию весьма выдающих-

ся, но имевших атмосферу смертельной скуки, л.· эта перестала посещаться даже своими собственными членами, а с весны 25 года и собираться. За весь 1925 год в л.· был принят только один проф.·, который при этом был посв.· не в л.· «Гермес», а в другой русской л.· по поручению первой. Выборов на 26-й и на 25 год произведено не было. На все эти непорядки обратила внимание Вел.· л.· Франции, и с большим трудом, спешно, удалось в марте 26 года собрать л.· для производства формальных выборов. Тем не менее до сентября 26 года л.· «Гермес» продолжала существовать лишь номинально, но с этого времени благодаря умелому и энергичному руководству и отказавшись от первоначальной, чересчур обширной, программы, стала быстро развиваться как нормальная ф.· м.· л.· и пришла постепенно в то блестящее состояние, в котором пребывают ныне дд.· мм.·: 1925 год, март, — Макшеев и 26 г. — Мамонтов, сентябрь 26—28 гг. — Нагородский, 29—31 гг. — Тесленко; в) «Золотое Руно», откр. 25 янв. 25 года. Целью образования этой л.· было внесение ф.· м.· света в среду инородческих жителей Кавказа, дабы дать им возможность учредить впоследствии на Родине у себя собственные фф.· мм.· лл., имелись в виду следующие инородцы: грузины, армяне, горцы Северного Кавказа и азербайджанцы. Было при основании л.· установлено между русскими и инородческими учредителями (последние принадлежали по посв.· к л.· «Астрея»), что первые будут заниматься вторыми, в видах надлежащего их ф.· м.· обучения и назидания, только два года, после чего бб.· либо покинут л.· «Золотое Руно» и образуют свою самостоятельную л.·, либо все останутся в первой, из которой уйдут русские в этом случае. Дд.· мм.· были в 25 году Кандауров и 26-м Шереметев. Когда двухлетний срок истек, то оказался возможным только первый из предусмотренных случаев, т. к. члены л.· армяне от русских отделяться

не пожелали, но и тут встретились некоторые затруднения, т. к. бб.°. инородцы (не армяне), в порядке исполнения вышеуказанного условия, предъявляли разнообразные, порой противоречивые требования, и у некоторых из тех бб.°, которым пришлось с ними беседовать, получилось впечатление, что они сами не знают вполне точно, чего хотят.

Йосеф Зюсс Оппенгеймер (1698-1738), финансовый советник герцога Вюртембергского. После смерти герцога «еврей Зюсс» был арестован и приговорен к смертной казни

Однако после надлежащего бр.°. отеческого воздействия все эти бб.°. коллективно подали в отст.°. из л.°. «Золотое Руно» в дек. 26 года. Отст.°. тотчас принята л.°, которую к тому времени покинули и некоторые из русских бб.°. После сего л.°. «Золотое Руно» была переименована в «Юпитер» (ДД.°. ММ.°. Лианозов в 27 г., в 28–30 гг. — Давыдов, 31 г. — Вердеревский), а упомянутые выше 25 ушедших бб.°. с согласия и при поддержке русских бб.°. образовали в юрисдикции Вел.°. л.°. Франции л.°. «Прометей». Дд.°. мм.°.: Зильберштейн (никто из кавказских бб.°. не имел в то время установленного Конст.°. трехлетнего срока пребывания в 3-м гр.°, необходимого для занятия долж. д.°. м.°.), 28–29 годы — Хагандоков. Энергично руководимая и снабженная к тому же материальной поддержкой бр.°. Чермоева, л.°. «Прометей» в 27 году жила и развивалась успешно. Положение резко изменилось с начала 28 года, целый ряд бб.°, по преимуществу грузин, пришлось

либо рад.:, либо просто исключить. Л.: почти перестала посещаться, членские взносы не поступали. В конце 29 года Вел.: л.: Франции решила л.: «Прометей» «усыпить», что и состоялось в начале 1930 года. Этот неуспех, надо надеяться — временный, в образовании самостоятельного инородческого ф.: м.: из национальностей Кавказа был вызван, конечно, ошибочным расчетом учредителей л.: «Золотое Руно», переоценивших данные тех дд.: бб.:, которыми имели в виду заниматься только два года. Для поставленной цели требовалось, по-видимому, гораздо более продолжительное о них попечение, автор этих строк продолжает, впрочем, держаться того мнения, что такое попечение преждевременно было бы считать обреченным, во всяком случае, на конечный неуспех. В среде населяющих Кавказ национальностей имеются элементы, несомненно, которые могут подойти для восприятия ф.: м.: идей.

Помимо четырех симв.: лл.: и Капит.: Астрей, в юрисдикции Шот.: уст.: в Париже действуют еще: 1) л.: усов.: «Друзья Любомудрия», откр.: в 1925 году; председатели: 25—28 годы — гр. Бобринский, 29 г. — Веретенников, 30—31 гг. — Голеевский; 2) Консист.: «Россия», откр.: 10 фев. 27 года, председатель Кандауров. Консист.: является для русского ф.: м.: админ. органом, которому по силе постановлений упомянутой выше Конференции 29 года присвоены известные привилегии и полномочия.

Помимо различных, указанных выше лл.: Шот.: уст.:, имеются различные лл.: и объединения русских вв.: кк.:, как принадлежащие к Шот.: уст.:, так и не принадлежащие к нему, в Париже и вне его лл.:, и объединения эти следующие: 1) л.: «Северная Звезда», Вел.: Вост.:, см. выше; 2) л.: «Аврора», включающая мужчин и женщин, в Париже, сист.: «Человеческого права», никакой из дру-

гих фф.· мм.· не признаваемая; откр. в январе 26 года; председатели (ницы): 1926—1928 гг. — Нагродская, 29 г. — Сыртланова, 1930 г. — Бриль, 31 — Нагродский; 3) л.· «Великий Свет с Севера» в Берлине, системы Великой Нац. Прусской л. . . «Трех Глобусов», откр. в январе 22 года, на несколько дней позже л.· «Астрей» в Париже. В настоящее время имеет около 50 членов, фактически присутствуют на работах 25—30. Контакт между этой л.· и нашими шот.· русскими лл.· очень тесный как вследствие сходственности аполитического настроения, так и вследствие того, что целый ряд бб.·, будучи посв.· в одной системе, приобщ.· за-сим к другой (у нас их свыше десяти). В данном случае нужно отдать справедливость истинно ф.· м.· настроению руководителей как франц., так и немецкого ф.· м.· Несмотря на то, что сношения между ними после войны еще не восстановлены и что они продолжают по большей части (во всяком случае, обе указанные системы) друг друга игнорировать, они не пожелали делать русских бб.· страдающей от этих раздоров стороной. С самого начала возникновения русских лл.· в Берлине и Париже русские бб.· не только могли посещать друг друга, но взаимно к русским лл.· и приобщ.· (немецкий бр.· той же системы не может приобщ.· к франц. л.· и наоборот). Дд.· мм.· л.· «Великий Свет с Севера»: 1922—24 гг. — Веретенников, 25 г. — Давыдов, 26—27 гг. — Лаврентьев, 28—31 гг. — Элухен; 4) л.· «Астрей» при Вост.· гор. Александрии, юрисдикция вел.· л.· Египта (Шот.· уст.·). Была основана в мае 1927 года шестью русскими бб.·, проживающими в Египте, несмотря на предупреждение парижских бб.· о преждевременности и трудности начинания и о малой вероятности успеха. Все дело держалось на личности д.· м.· Билькена (русский прис. повер., умер в 1930 г.). В настоящее время из десяти входивших в состав л.· русских, кто умер, кто род., кто уехал, и

остался только один. С 1931 года л.·. пополнилась представителями других национальностей и стала работать на франц. языке; 5) л.·., образованная в Белграде, «Максим Ковалевский», 12 бб.·., собрания по-русски, на каковом языке говорят и многие сербы. Председатель — проф. Чубинский. Русское ф.·. м.·. объединение пополняется новыми кандидатами весьма медленно и с большими затруднениями в связи с настроением и духом русской эмиграции в Югославии. Настроение это черносотенное и по отношению к ф.·. м.·. очень неблагоприятное. О такой затруднительности пополнения следует тем более пожалеть, что Сербия всегда относилась к нам и продолжает относиться весьма благожелательно и что ф.·. м.·. в этой стране стоит на весьма высоком уровне и пользуется крупным общественным влиянием; 6) кружок русских фф.·. мм.·. в Лондоне. Основан в 1924 году. В состав входят около 15 бб.·., принадлежащих к различным английским лл.·. Кружок собирается не ритуально, для чтения докладов. Не раз заходила речь об учреждении русской л.·., но осуществление этого начинания, как и привлечение в английские лл.·. немногочисленных русских, живущих в Лондоне, затрудняется крайней дороговизной пребывания в анг. ф.·. м.·. и высокими сборами, взимаемыми в Англии за посв.·. в вв.·. кк.·. Председателями означенного кружка, имеющего в настоящее время около 20 членов, были в разное время бб.·. Телепнев, Б. Иванов, кн. Лобанов-Ростовский. В среде англ. ф.·. м.·. кружок пользуется большим уважением.

Кроме названных объединений имеются отдельные русские вв.·. кк.·., принадлежащие к местным ф.·. м.·. организациям, но находящиеся в контакте с парижской группой, в следующих городах: Данциг, Копенгаген, Порт-Саид, Льеж. Далее многочисленные члены русских парижских лл.·., главным образом л.·. «Астрея», находящихся с ними в сношениях, прожи-

вают в следующих странах и городах: Ницца, Монте-Карло, Канн, Лион, Фербах (Лотарингия), Варшава, Брюссель, Амстердам, Прага, Любляна (Сербия), Кишинев, Каир, Тегеран, Шанхай, Иокагама, Индокитай, Барселона, Гавр, Марокко, Капштад, Нью-Йорк, Сан-Франциско, Мексика.

* * *

Существовавшие в России по конец 1916 года ф. м. группировки можно, оставляя в стороне орд. Филалетов, не имевший серьезного характера, разделить на два рода, выражавших каждый в своем роде крайние направления: с одной стороны, такие группировки, которые посвящали себя исключительно занятиям вопросами моральными и эзотерическими, будучи совершенно чуждыми всякого соприкосновения с вопросами практической жизни (мартинисты и розенкрейцеровские лл.), с другой стороны — группировки, которые настолько связались с общественностью и политикой, что были фф. мм. только по названию приняв название фф. мм., точно так же, как могли бы принять и всякое другое название (Вел. Вост. народов России и Украинская л.). Русская группа шотл. Уст. стремится объединить, по возможности, оба эти течения, не чуждаясь ни живой общественности, ни эзотерики и стараясь при этом сохранить строго ф. м. традиции и формы деятельности.

МАТЕРИАЛЫ О РОССИЙСКОМ МАСОНСТВЕ XX ВЕКА ИЗ ЛИЧНОГО АРХИВА Б. И. НИКОЛАЕВСКОГО¹

Приводимые ниже материалы о масонстве из личного архива Б. И. Николаевского показывают сугубую политизированность, двуличие и, конечно, научную недобросовестность многих историков либерального толка. Начав собирать материалы о масонах еще в 20-х годах и поэтому прекрасно осведомленный о их преступной роли в событиях русской истории, Б. И. Николаевский скрывал от общественности эти сведения. Более того, выступая перед открытыми аудиториями, он даже высмеивал честных русских историков масонства, голословно опровергая приводимые ими очевидные факты. Особенно недостойно Николаевский вел себя на Бернском процессе по делу о Сионских протоколах. Прекрасно зная, что генерал Рачковский не причастен к созданию Сионских протоколов, Николаевский поддержал фальсифицированную версию иудейских организаций².

Материалы для книги о масонах, которые Николаевский собирал всю жизнь, он так и не осмелился опубликовать. Внутренняя цензура, а фактически страх перед теми силами, существование которых Николаевский публично отрицал, делали его и подобных ему историков заложниками лицемерного иудейско-масонского миропорядка.

После смерти Б. И. Николаевского масонские документы из его архива изучал целый ряд либеральных историков и литераторов (в том числе А. И. Солженицын), но ни один из них не решился их опубликовать. Только во

¹ АГИ, фонд Б. И. Николаевского.

² См. об этом в моей книге «Загадка сионских протоколов».

второй половине 80-х годов некоторая часть из них, с большими сокращениями, увидела свет в работах Н. Берберовой и Фельштинского. Некоторые масонские документы совсем исчезли из архива Николаевского. Так, например, сегодня в его архиве отсутствуют записка масона Л. Д. Кандаурова, доклад М. Осоргина, материалы П. А. Бурышкина, о наличии которых Николаевский сообщал в своей переписке.

Материалы Николаевского о масонах даются мною без каких-либо изъятий и купюр.

Русское масонство XX века

(из воспоминаний князя Д. О. Бебутова)

Осенью 1906 года я решил заняться специально организацией масонов в России. Я находил, что эта единственная организация, которая, если сумеет твердо основаться, в состоянии будет достичь нужных результатов для России. Но я боялся, что масонство не особенно вяжется с натурой русского человека. Мало сделаться масоном, надо им быть. Необходимо проникнуться необходимостью соблюдения тех ритуалов, тех обрядностей, того порядка заседаний, наконец, той дисциплины, без которых работа масонов немыслима. Не только работа, в смысле заседаний, а в смысле достижения той цели, которая намечается. Лишь при строгом соблюдении всех условий достигается та сила, которой пользуются масоны в Европе. Лишь при безусловном подчинении младших степеней старшим масоны достигают желаемых результатов. Весь вопрос в строгой дисциплине. Масонство в Европе достигло того, что правительства прислушиваются к решениям масонов. В Европе во всех органах управления имеются масоны. Они в курсе всего правительственного механизма, в курсе всей экономической жизни стра-

ны. Масоны были в России давно, но они всегда преследовались, так как правительство боялось упускать из своих рук власть. Александр 1-й был сам масоном и сам же в конце концов испугался их и предал их. Страх правительства настолько велик, что при Николае 1-м в присягу была введена фраза не принадлежать к масонам. Все декабристы были масонами. И если проследить историю масонов, то становится ясно — масоны представляют силу, с которой правительству приходится считаться. В чем же лежит эта сила? Только в строгом исполнении всех масонских постановлений, что заставляет людей действовать солидарно. Все, что принято рассказывать о масонах, об ужасах, происходящих на заседаниях, — все это неправда. Но заседания в строгом порядке и необходимое требование взаимной поддержки составляют всю силу масонов. К несчастью, эти главные условия составляют большую противоположность с натурой русского человека. Начиная организацию, я всегда этого опасался, и опасения мои оказались основательными.

Во время выборной работы в 1-ю Думу со мной очень осторожно заговорил Е. И. Кедрин о масонах. Заметив, что я очень заинтересовался, он признался, что сам масон и что имеются еще масоны в достаточном числе, чтобы принять новых членов. При этом он заявил мне, что и другие масоны обратили на меня уже внимание и если бы я захотел вступить в масонство, то согласны были бы принять меня, если выдержу установленный экзамен.

Прием мой был назначен на 23 апреля. В этот день заседал еще третий кадетский съезд. Мне было назначено явиться в редакцию газеты «Страна» на Невском, д. 92, ровно в 2 часа. В передней встретил меня Кедрин, чтобы я не мог больше никого видеть, и провел через коридор в одну из последних комнат. Я знал, что прием в масонство сопряжен с тайным ритуалом, но

в чем он состоял, мне не было объяснено, так как это составляет тайну для всех. Рассказывают про масонов всякие сказки о приеме, все это чистый вздор. Напротив: прием, должен я сказать, производит сильное впечатление и основан на очень логическом принципе. Он совершается тайно, вступающий не знает до последней минуты, пока он не принят, кто такие другие масоны и кто его принимает. Это чрезвычайно важно на случай, если кто не принят, чтобы он не мог никого назвать. Сам прием имеет целью узнать человека, вызывая его на полную откровенность. Оставив меня одного, Кедрин удалился и, вернувшись, передал мне лист бумаги, на котором были написаны вопросы. Я должен был письменно на них ответить. Когда ответы мои были готовы, просмотрены и найдены удовлетворительными, то мне были завязаны глаза, и какие-то двое увели меня в другую комнату. Прodelан был весь ритуал приема, который отнял два часа. Должен сказать, что сам допрос производит страшно сильное впечатление, получается какое-то особенное настроение, какое-то желание отвечать на все с полной искренностью. Настроение такое приподнятое, что разве совершенно испорченный может кривить душой и не будет искренним в своих ответах. Словами нельзя это выразить, это надо самому испытать, чтобы понять, что происходит с человеком. Такое же мнение я слышал от других, когда они принимались.

Объявив и поздравив меня по положенному ритуалу со вступлением в масонство, каждый из присутствующих трижды поцеловался со мною. Когда я увидел близко знакомые лица, то был очень удивлен, ибо по голосам я никого не мог узнать. Принимал меня М. М. Ковалевский в качестве мастера-наместника, а затем присутствовали доктор Баженов, Кедрин, проф. Котляревский, проф. Де Роберти, Маклаков и доктор Лорис-Меликов.

С открытием 1-й Гос. Думы и Клуба К.-Д. все так были заняты, что ни о никакой организации не приходилось думать и это, надо признаться, большая ошибка, что никто о дальнейшем не думал. Я твердо решил тогда, что когда все наладится и войдет в нормальную колею, заняться организацией масонства. Мне всегда представлялось, и сейчас в этом убежден, что только при надлежащей организации масонов и, конечно, при твердом решении участвующих подчиниться масонской дисциплине возможно достигнуть каких-нибудь реальных результатов. Этому могут служить примером Турция, Португалия. Без войска никакая революция, никакой переворот немыслим, а пропагандировать войско, главным образом офицеров, можно только при посредстве масонов, а не подпольной литературой, которая вовсе не в духе русского офицера.

Сейчас же после роспуска 1-й Думы я переговорил со всеми и все согласились со мной, что надо начинать действовать. Первым делом был послан в Париж список наших имен с заявлением, что мы решили действовать и принимать новых членов. С декабря 1906 года очень регулярно начали у меня собираться для приема новых членов. Были приняты профаны: Гамбаров, Иванюков, Бородин, Павлов-Сильванский, доктор Жихарев, бар. Майдель, Маргулиес, Щеголев, Немирович-Данченко, Тираспольский, Макаров, Демьянов, Переверзев, Геловани, Масловский, Аничков, Кальманович, полковник лейб-гвардии Измайловского полка Теплов, граф Орлов-Давыдов, Морозов, Колубакин, Антоновский, Гольм, Свечин, Кармин. Намечание и прием делались с большим разбором. Хотя мы всех этих лиц хорошо знали, но, тем не менее, предварительно поручалось двум навести справки и только после обсуждения добытых сведений поручалось кому-нибудь сделать намеченному лицу предварительное предложение вступить в масонство. Когда

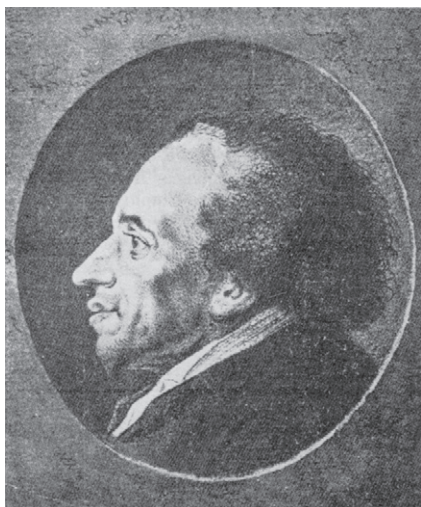
число вступающих начало увеличиваться, то был возбужден вопрос о легализации. Принадлежа к французскому масонству, нужно было просить легализации в Париже. Сделать это надо было чрезвычайно тайно и потому ждали случая, когда кто-нибудь из масонов, известных Великому Востоку Франции, поедет в Париж. Весной 1907 года предварительные переговоры было поручено вести Кедрину и Ковалевскому. Ковалевский, вернувшись осенью, привез два патента, которыми ему разрешалось открыть ложи в Петербурге и Москве, но разрешения эти были не от главного масонства Великого Востока Франции, а от единственной ложи шотландского ритта (Rite Ecossais Ancien Accepte). Имеются два вида масонства: масоны Великого Востока Франции и масоны шотландского ритуала. Великий Восток, признаваемый всюду, насчитывает 33 степени и предоставляет полную свободу веры, шотландский ритт имеет только 18 степеней и требует обязательного верования в Бога. Эти масоны никакой роли не играют и никаким влиянием не пользуются. Они же допускают и женщин в масонстве. Таким результатом поездки Ковалевского все остались недовольны. Нам было желательно, во-первых, сношений с Великим Востоком и затем приезда уполномоченных для настоящей легализации. Кедрин же ничего не мог устроить, так как Ковалевский заявил ему в Париже, что им все устроено.

Зимой в 1907 году было решено заняться Москвой, но, так как в Москве имелся один только масон доктор Баженов, а для приема требовалось заседание ложи в числе не менее семи, то решили командировать в Москву семь человек. Были назначены я, Орлов-Давыдов, Маргулиес, Макаров, бар. Майдель, Кедрин и Демьянов. В январе 1908 года мы поехали в Москву. Заседание ложи было устроено в квартире доктора Баженова. Прием совершал Баженов в каче-

стве мастера-наместника, а мне как изучившему во всех подробностях весь ритуал было поручено давать первые наставления и руководить ритуалом. К приему намечены были кн. Урусов, Оболенский (оба депутаты I Думы), присяжные поверенные Балавинский, Гольдовский и Сахаров и актер Сумбатов (Южин). Я не забуду впечатление, которое произвел на меня князь Урусов. Он был страшно сосредоточен. На мое строгое замечание, что если он явился ради любопытства или личного интереса, то должен удалиться, и на вопрос, способен ли он отрешиться от всего земного, он с полным спокойствием отвечал, и вид, и голос его были удивительно искренни. С таким же спокойствием он снял все, что было на нем ценного, и передал мне в руки. Такое же впечатление произвел на нас всех и в самой ложе. Он с полным откровением рассказал всю свою жизнь, все пережитое им во время службы в Министерстве Внутренних Дел, будучи товарищем министра. После приема всех была установлена ложа московская под названием «Ложа Освобождения». Мастером-наместником был выбран Баженов, первым братом-наставником — князь Урусов, вторым — Оболенский, секретарем — Гольдовский, оратором — Балавинский. На другой день снова все собрались, и москвичи, когда им было объяснено о различии двух существующих течений во французском масонстве, присоединились также к мнению большинства петербургских братьев о желательности принадлежать к Великому Востоку. Меня и Баженова уполномочили ехать в Париж и окончательно договориться о приезде французов, уполномоченных Верховным Советом для легализации масонства в России.

Решено было, что 2 февраля мы с Баженовым выедем в Париж. Вернувшись в Петербург, в квартире Ковалевского состоялось общее собрание всех масонов для доклада о состоявшемся открытии ложи в Москве

и о резолюциях, принятых в Москве. Нужно было утверждение и согласие всех. Тут разыгрались сцены, которые так знакомы и свойственны всем организациям в России. В председатели собрания Ковалевский, как на грех, предложил графа Орлова-Давыдова. Громадный, тучный, неуклюжий Орлов-

Моше (Мозес) Мендельсон

Давыдов, типичный дегенерат, отличается феноменальной глупостью. Страшный тяжелодум, и при этом привычка все умственные мышления излагать громко при всех. Не привычный совершенно председательствовать, он, конечно, растерялся, не мог ничего формулировать и получился такой сумбур, что он кричал на всех: даже на тех, которые не раскрывали рта, все кричали на него. Как только я доложил обо всем, что было в Москве, Ковалевский заявил, что он откалывается, а желающих быть с ним просит заявить ему. Неудачное, правда, заявление Ковалевского сразу задело многих, и Кедрин первым выступил возражать Ковалевскому и главным образом обрушился на него за призыв присоединиться к нему. Непонятно почему, но с самого начала заседания, еще до открытия многими чувствовалось что-то неладное, а как только Ковалевский с Кедриным обрушились друг на друга, то собрание сразу приняло бурный характер. Были моменты, когда все кричали, подбегали друг к другу, махали руками. При всем ужасе и тяжелом чувстве, которые

все испытывали искренне, общий смех был вызван сценой между председателем и Кедриним. Орлов-Давыдов, вскочив со своего места, тащил Кедрина к себе и, не давая говорить, кричал: «Повторите еще раз [!].» Кедрин не выдержал и так заразительно расхохотался, что все невольно начали смеяться. Несмотря на смех, все были удручены совершившимся расколом. Не знаю, как другие, но для меня было ясно, что хотя раскол и небольшой, но это не предвещало слишком большой прочности для организации. С Ковалевским остались только его близкие друзья: Гамбаров, Иванюков, де Роберти и Аничков, который, примкнув к Ковалевскому, потом шепотом говорил каждому из нас на ухо, что он будет и с нами. Это очень характерно для Аничкова, который никогда не знает, чего он хочет, но сам факт указывает, что попали люди, недостаточно проникнутые самой идеей. Как ни старались уговаривать Ковалевского, ничего нельзя было поделать; он остался тверд в своем решении. Очень неприятно было терять Ковалевского, не говоря уже о том, что сам факт получившихся двух течений с самого начала возрождения масонства был уже крайне печален для дальнейшего успеха. Как было решено еще в Москве, 2 февраля мы с Баженовым поехали в Париж. Заявление наше было принято с большим вниманием, и Верховным Советом решено было командировать двух членов Верховного Совета гг. Буле и Сеншоля. Расходы по поездке мы обязались уплатить по 1000 франков каждому. Одну тысячу принял на себя граф Орлов-Давыдов, а другую тысячу петербургская и московская ложи взяли на себя. Мы были представлены Верховному Совету. Гроссмейстером в то время был депутат Лаффер, лидер радикалов в парламенте. Баженова и меня сразу возвели в 18-ю степень и очень с нами носились. Все поздравляли нас и желали успеха в наших начинаниях. Мы имели случай присутствовать на ма-

сонской свадьбе и видеть весь обряд венчания. Надо сказать, что сам церемониал и весь обряд чрезвычайно интересен и торжествен. Приезд французов в Россию был назначен на 8 мая того же года 1908. Мы торжественно вернулись: я в Петербург, а Баженов в Москву. По моем возвращении снова начались регулярные заседания и прием новых братьев. На первом же заседании, ввиду выбывшего Ковалевского, вновь были произведены выборы должностных лиц. Мастером-наместником решили выбрать Орлова-Давыдова, в надежде, что это понудит его давать широко на нужды масонов, что при его средствах легко было бы сделать для всякого другого, но ввиду его скупости это оказалось слишком трудным для него. Он давал кое-что, но это бывало сопряжено с такими приготовлениями, что становилось противно с ним заговаривать. Самым тяжелым было для меня то, что постоянно переговоры с ним поручались мне. Взносы в ложу он делал по установленному порядку для всех, 4 проц. с квартирной платы, а в кружечный сбор, полагаемый после каждого заседания, он опускал всегда рубль. Затем он на приезд французов дал тысячу франков и впоследствии, когда был выбран он в Верховный Совет, то дал единовременно 3000 руб. Секретарем и казначеем снова был выбран я, оратором — Маргулиес, первым наблюдателем — Кедрин, вторым — барон Майдель. Заседания ложи происходили исключительно у меня. Все ведение дела поручено было мне, составление списков, выдачу денег и всякие сношения должен был делать я. Вновь вступающий мог видеть только меня, и я должен был делать первое наставление и вводить на прием. Из осторожности я не имел дома никаких списков. Все имена я старался всегда держать в памяти, а пометки о взносе каждого делал в старой телефонной книжке и не против фамилии, а по заголовным буквам фамилии. Каждые три месяца я отчитывался, чтобы не

трудно было запоминать всякую мелочь. Как было условлено, 8 мая 1908 года приехали оба француза. На вокзал встречать поехали я и Орлов-Давыдов. Отвезли мы их в гостиницу «Англия» на Исаакиевской площади. Напившись кофе и дав французам переодеться, мы с Орловым-Давыдовым отвезли их в Кресты к Маргулиесу, чтобы совершить сокращенный ритуал. О поездке этой я уже писал, когда описывал, как садились в Кресты осужденные депутаты 1-й Думы. Об этой поездке я никому раньше не говорил из масонов. Только накануне приезда масонов, когда мы вдвоем с Орловым-Давыдовым устанавливали порядок дня, то я ему открыл свой план. Он очень удивился моей смелости, но сейчас же согласился. Самому Маргулиесу я говорил за несколько дней, и он сперва был согласен и очень доволен, а через день прислал мне через жену письмо, в котором просил не делать этого сумасшествия. Но я твердо решил это сделать, и проделка удалась. Когда потом мы рассказали о нашей поездке в тюрьму, то все были удивлены моему нахальству. Только после того, что проделка мне удалась, я сам испугался моей смелости. Я думаю, что я никогда не решился бы на такую поездку, если бы я долго ее обдумывал. Это можно было сделать только при том сильном возбуждении, в котором я находился. В три часа в этот же день было назначено заседание для легализации и установления ложи. Когда мы вернулись из тюрьмы, то пришел в гостиницу Баженов. Завтракали мы в гостинице. После завтрака я поехал делать нужные приготовления, устраивать комнату, как это требуется по наказу. У меня в это время квартиры не было, так как старую квартиру я сдал ввиду отъезда дочерей, а новая еще ремонтировалась. У Орлова-Давыдова тоже шел ремонт, и мы решили воспользоваться квартирой Маклакова. Квартира его еще была тем удобна, что собрание стольких людей днем у депутата не вы-

зывало особых подозрений. Все уже были в сборе с 2-х часов дня. Я расставил столы и стулья, разложил все необходимые масонские предметы, словом, привел комнату в настоящий вид. Ровно в три часа приехали французы с Орловым-Давыдовым и Баженовым. Тут благодаря рассеянности Баженова случилось несчастье, которое могло иметь очень печальные последствия. Баженов забыл в автомобиле масонские книги и шофер увез их в гараж. В гараже легко могли их заметить, начать рассматривать, и кто-нибудь легко мог донести о странных книгах, пришлось ехать выручать книги. Французов я провел в приготовленную для них комнату. Французы облачились, в ложе все заняли свои места. В этот день были приглашены также Ковалевский и отколовшиеся вместе с ними братья. Для них были приготовлены специальные места, как это полагается для гостей, сзади председателя. Я должен был вводить французов, а в ложе, в самих дверях, встретил их Орлов-Давыдов, как мастер-наместник с двумя братьями-наблюдателями. После обмена приветствиями Буле занял место мастера-наместника, Сеншоль — место первого брата-наблюдателя, вторым наблюдателем был поставлен Баженов, я занял место секретаря, а оратором на этот день был назначен Маклаков. Начался церемониал установления ложи. По совершении ритуала я огласил привезенную французами от Верховного Совета грамоту. Ложа получила название «Полярная Звезда». После этого все присутствующие начали подписывать клятвенное обещание в двух экземплярах, один для нас, другой французы отвезли в Париж. Затем французы произнесли прекрасные речи. Им отвечал, как это полагается, брат оратор. После этого все были удалены. Остались только я, Орлов-Давыдов, Кедрин, Баженов, Маклаков и барон Майдель. Я и Баженов получили 18-ю степень, будучи в Париже. Названных лиц нужно было также

возвести в 18-ю степень, чтобы имелось нужное число для шапитра (совет этой степени). Маргулиесу также была обещана эта степень и нам было дано исполнить ритуал по его выходе из «Крестов». Совет 18-й степени необходим для решения вопросов, которые не могут быть известны ложе. Все кончено было в 7 часов, а в 8 часов все собрались на обед к Донону. У Донона метрдотель, француз, мой хороший знакомый, очень умело отвлекал прислугу, делая всякие распоряжения, когда начинались тосты. Обед прошел, так сказать, оживленно, что засиделись до трех часов ночи. На второй день мы возили французов показать город, обедали в ресторане «Медведь», и в 11 часов поездом Николаевской ж. д. французы вместе с Баженовым уехали в Москву устанавливать там ложу. С ними поехали я и Орлов-Давыдов. В Москве сам церемониал был сокращен ввиду немногочисленности членов, и, пробыв там только один день, французы уехали в Париж. Таким образом, почти на глазах Столыпина и его многочисленной охраны, при всех строгостях всяких собраний, было организовано по всем правилам, с полным ритуалом масонство. Масоны посещали тюрьму, устраивали ложи в двух столицах, а правительство со Столыпиным ничего не подозревало. Этого мало, в новой квартире я устроил настоящую ложу, как она должна быть, и мебель даже заказал специальную. Квартиру из четырех комнат я нанял над помещением бывшего клуба с тем расчетом, что не будет заметно, когда у меня будут собираться, так как внизу собиралась ежедневно думская фракция К.-Д. Комната для ложи была в конце коридора и выходила окнами во двор. Это также навсегда осталось тайной для Столыпина. Мы совершенно спокойно собирались и вначале проявляли большую деятельность. Были приняты вновь депутаты: Пергамент, Буккейханов, Черносвитов, Некрасов, Караулов, Розанов, Головин (бывший

председатель 2-й Думы), Кильвейн, Кузьмин-Караваев, кн. Максудов, генерал Субботин, Симонов, Веретенников, Буслов, предводитель дворянства Дмитриев, профессор Гордеенко, кн. Эристов, доктор Светловский, Измаилов, четыре офицера-сапера и один артиллерист. В августе на заседании были выбраны делегаты для присутствования на ежегодном конвенте масонов в сентябре в Париже. Выбраны были: я, Орлов-Давыдов, Маргулиес. Орлов-Давыдов в последнюю минуту сказался больным и не явился на конвент. Думаю, что из простой трусости. Двоюродному брату Столыпина все-таки не хотелось попасться. На конвенте были только мы вдвоем: я и Маргулиес. Конвент обыкновенно длится неделю, затем происходят два обеда: обед для всех степеней и обед для 18-й степени. На конвенте принимаются решения, делают запросы правительству, которому ставят на вид решения конвента. Заседания носят характер парламента. Мы участвовали на всех заседаниях, в дебатах же не участвовали, чтоб не попасть в прессу и тем выдать нашу тайну. Мы были также и на двух обедах. Собственно говоря, хотя мы были и легализованы, ложи наши считаются законными, но этого было недостаточно. После установления двух лож и совета 1-й степени нужно было официально обратиться ко всем масонам других стран и просить нашего признания, а затем посредством публикации объявить об этом. Ввиду же нашего политического положения сделать это мы не могли. Тем не менее, мы придумали сделать это иначе. Мы решили объехать масонов всех стран и лично заявить о нашем существовании, избегая огласки через прессу. В ноябре месяце мы собрали свой конвент, т. е. всех имеющихся масонов. Конвент длился три дня. Первый день он собирался у меня. Председательствовал Ковалевский. Второй день — у Орлова-Давыдова, председательствовал я, и третий

день снова у меня, председательствовал Головин. На конвенте, во-первых, решено было выбрать Верховный Совет. Выборы были тайными, записки должен был распечатывать только я один и я должен был сообщить трем лицам, которые получили бы большинство. Эти лица имели право кооптировать еще трех лиц. Имена лиц, вошедших в Верховный Совет, никому не могли быть известны, исключая меня, и только через меня Совет мог давать свои директивы ложам, также и ложи могли сноситься с Советом только через меня. Во-вторых, решено было произвести выборы должностных лиц в Совет 18-ти. Выборы в этот совет должны были происходить только между теми лицами, которые имели уже эту степень. Наконец, было решено устраивать масонство во всех крупных городах. В Совет 18-ти председателем был избран я, первым наблюдателем — Ковалевский, вторым — Кедрин, секретарем — барон Майдель, оратором — Маргулиес. В Верховный Совет как выбранный для постоянных сношений я входил сам собою и баллотировке не подлежал. Баллотироваться в Верховный Совет могли братья, имеющие 3-ю степень, т. е. мастера и выше. Выбранными в Верховный Совет оказались кн. Урусов, Головин и Маргулиес. Когда я увидел результаты, то у меня точно что-то сорвалось — я предвидел большие неприятности. Предчувствие меня не обмануло. Несмотря на всю идейность масонской организации вообще, а нашей в данном случае в частности, несмотря на клятвенное обещание, которое масоны всегда дают: любить друг друга, чувство тщеславия у некоторых оказалось слишком большим и очень скоро начались закулисные интриги. Баженов и Гольдовский, особенно первый, не могли мириться с тем, что они не были выбраны, а когда, вдобавок, они еще не были кооптированы, то недовольство их стало заметно проявляться. Маргулиес и тут проявил себя; попал он благо-

даря своему нахальству и умению ловко интриговать. Он сумел убедить многих и собрать себе голоса. Присутствие его в В. Совете и его пошлая наглость скоро стали невыносимыми всем остальным. На первом же заседании Совета 18-ти (шапитра) решено было возвести в эту степень Головина и Урусова, не потому, что они попали в Верховный Совет, это была тайна для всех, а ввиду их прежней деятельности вообще. Я совершил это посвящение с полным ритуалом и должен сказать, что минута получилась чрезвычайно торжественной, когда они оба, стоя на коленях, произносили присягу. Своей искренностью они произвели глубокое впечатление на всех. Когда собрался Верховный Совет, то сразу занялся вопросом устройства лож в других городах и установлением сношений с масонами других стран. Было решено озаботиться посвящением немедленно лиц, которым можно было бы поручить подготовку почвы на местах. Для намеченных задач требовались деньги и было высказано вообще желание стремиться к образованию какого-нибудь фонда на всякие нужды. Решено было кооптировать Орлова-Давыдова в Верховный Совет и поставить ему условием предоставления нужных средств. Я рассказал братьям, как мне было сказано Орловым, что на политическую работу он имел бы возможность давать по 2 тысячи ежемесячно. Было решено пригласить Орлова на другой же день и Урусову поручено обратиться к нему с просьбой. Я не находил удобным указывать Урусову слишком детально, как следует ему говорить с Орловым. Как только Урусов начал говорить, я сразу заметил в лице Орлова саркастическую улыбку, улыбку, которая часто бывает у людей недалеких. «Вот, дескать, для чего Вы меня сюда пригласили, не ради моих достоинств, а только ради моего кармана». Мне казалось, точно я читаю это в душе Орлова. Я поспешил вставить несколько слов, надеясь, что Уру-

сов меня поймет. Но Урусов продолжал и, когда он Орлову сказал, что я им передал высказанное мне Орловым предположение давать две тысячи в месяц на политику, то Орлов сразу замкнулся. Он начал объяснять, что им начаты большие постройки по сахарному заводу, которые поглощают все его средства, начал утверждать, что у него не хватает даже на личные расходы и, конечно, что он даст теперь три тысячи, а когда представится возможность, даст больше, и что делает это сам, без напоминаний. Когда же кончилось заседание, Орлов выждал, чтобы все ушли, и начал допытывать меня. Я рассказал ему все откровенно, весь мой разговор с братьями Верховного Совета и начал ему объяснять неправильность его поведения. Он, наконец, казалось, проникся моими объяснениями, потому что обещал исправить и изгладить неприятное впечатление своего объяснения в Совете. Я все ждал, что на следующем же заседании он сам заговорит и объяснит свое поведение, но я ошибся. Видимо, врожденная скупость взяла верх, и он решил ограничиться выданными тремя тысячами. На одном из ближайших заседаний ложы я предложил кандидатуру Лучицкого, депутата от Киева. Советом было решено, что если Лучицкий согласится вступить в масонство, то поручить ему пропагандировать идею масонства в Киеве. Предложение мое было принято и выбраны были двое для переговоров с Лучицким. Порядок был такой: сперва кто-нибудь предлагал кого-нибудь к принятию, тогда обсуждалось сделанное предложение и, если оно принципиально принималось, то назначались двое, которым поручалось навести возможно подробные справки о названном лице. На следующем заседании добытые сведения обсуждались всеми, и, если они оказывались достаточными, то брату, впервые предложившему, поручалось узнать, желает ли то лицо вступить в масонство. По получении утвердительного от-

вета выбирались два новых брата, которые обязаны были явиться к названному лицу, каждый в отдельности, и, не называя себя, должны были проверить предварительно его взгляды на разные вопросы по установленному опросному листу. Эти выбранные братья являлись всегда с карточкой впервые предложившего, так что намеченному к принятию лицу нечего было опасаться. По выслушании доклада уполномоченных братьев ложа решала принять или нет и в случае согласия назначала день приема. Таким образом, проходили четыре заседания, пока ложа решала вопрос о принятии кого-нибудь. Такая строгая проверка, казалось, вполне гарантировала, чтобы в масонство не проник какой-нибудь провокатор. Ввиду возможной провокации решено было просить Верховный Совет в Париже дать строжайший приказ всем ложам Франции никого из русских без предварительного запроса нас о личности желавшего вступить не принимать. Такое решение наше было встречено с полным сочувствием, и просьба наша была уважена. Быть может, такая мера нас только и спасла, что мы не были разоблачены. Затем, имея в виду, что некоторые масонские знаки могли быть известны полиции, мы решили ввести у нас кроме общих масонских знаков еще добавочные, наши специальные знаки. И было решено никому не доверять, кто только делает иностранный знак, а отвечать только после добавочного русского знака. Этим также мы себя гарантировали.

Лучицким была выражена полная готовность вступить в масонство, и он был принят. Тогда ему было поручено подготовить почву в Киеве. Он как раз в то время уезжал на Рождественские каникулы в Киев и мог заняться этим вопросом. Верховным Советом было решено не откладывать с вопросом об установлении сношений с западными масонами. Для этой цели были командированы Урусов, Маргулиес и я. Маргу-

лиес и Урусов должны были поехать в Швейцарию, Италию и Будапешт, а я должен был поехать в Киев и Одессу, чтобы проверить на месте, представляется ли возможность создать ложу, и затем проехать в Константинополь, чтобы установить сношение с тамошними масонами и младотурками, и затем дожидаться Урусова и Маргулиеса, чтобы уже вместе с ними ехать в Одессу и Киев для открытия лож.

В самых последних числах декабря 1908 года мы выехали. Урусов и Маргулиес проехали в Париж, чтобы заручиться рекомендательными письмами, а я — в Киев. В Киеве я был обрадован Лучицким, который сообщил мне, что ему удалось уже переговорить с бар. Штейнгелем, депутатом 1-й Думы, и обнадежил меня, что к нашему возвращению он рассчитывает иметь достаточное число, чтобы открыть ложу. Проехал я в Одессу. Там я должен был говорить с присяжным поверенным Ратнером, который был предварен о моем приезде Пергаментом. Так как Ратнер не был еще масоном, то я не посвящал его во все подробности нашей организации, а поручил ему прозондировать почву: найдутся ли желающие вступить в масонство, и обещал ему вернуться через две недели, чтобы подробно поговорить. На другой день отходил пароход, я уехал в Константинополь.

Прибыл я в Константинополь 3 января 1909 года, вечером. На другой же день отправился я к Нарадунгияну — это французский масон и член партии младотурок, из армян. Он очень обрадовался узнать, с какой я приехал целью, и тут же начал телефонировать приятелям. Большинство турок принадлежат к итальянским масонам. Большинство масонских лож находятся, главным образом, в Салониках. Там же раньше, до переезда в Константинополь и по возвращении из Парижа, находился и ЦК младотурок, так называемый комитет «Единение и Прогресс». В два дня Нарадун-

гиян познакомил меня с главными масонами, находящимися в Константинополе. Познакомил меня также с депутатом Карассо и Таалат-Беем. Карассо — присяжный поверенный, из евреев, депутат Салоник, он же был впоследствии выбран объявить султану Абдул-Гамиду о ниспровержении. Таалат-Бей — турок также из Салоник и был выбран товарищем председателя палаты. Молодой Энвер-Бей — красавец майор, гордость младотурецкой партии и армии, глава всего движения. Скромность его при разговоре прямо чарует, а логичность его речи поражает всякого. Также Нарадунгиян дал мне возможность переговорить с представителем дашнакцутюнов. С Ахмет-Ризой я решил не видаться до приезда Маргулиеса и Урусова. Ахмет-Ризу я знал еще, когда комитет младотурков заседал в Париже. Все собрания с младотурками происходили в ресторане Токатлиан[a]. Это единственный хороший ресторан. Хозяин г-н Токатлиан — армянин и масон. Над рестораном шла перестройка; он устраивал в то время гостиницу, а также особое помещение для масонской логи. Свидания наши происходили не в общей зале, а в потайной комнате, куда сам Токатлиан проводил каждого из нас отдельно незаметно от посетителей. Несмотря на конституцию, нужно было младотуркам быть настороже, да и я не хотел, чтобы мои свидания были известны. Приходилось быть очень осмотрительным, так как наше правительство несколько не стеснялось завести российские порядки, и на улицах можно было часто видеть русских сыщиков, которые даже в чужой стране не могли преобразиться и отречься от традиционных зонтика и галош. В гостинице я держал себя, как турист; на осмотр города брал нарочно гида, а когда отправлялся на свидание, то шел один пешком. Мне все-таки повезло: гид мой оказался итальянцем и ярым революционером; его, оказалось, хорошо знал Нарадунгиян.

Через десять дней приехали Урусов и Маргулиес. Они побывали в Швейцарии, Италии и Будапеште. Всюду они были радушно приняты и нужные отношения были установлены. Для Константинополя на имя Ахмет-Ризы они также привезли письмо от гротсмейстера масонов Лаффера. Ахмет-Риза уже знал о моем пребывании и был предупрежден Таалат-Беем и Карассо, что я жду приезда Урусова и Маргулиеса, чтобы побывать у него. Когда мы все трое отправились в парламент и отправили Ахмет-Ризу наши карточки, то моментально были приняты. Там в парламенте порядок такой: ворота парламента закрыты и охранены стражей младотурков. Являющийся посетитель передает свою карточку чиновнику, сидящему в будке у ворот, и дожидается на улице; по получению разрешения пропускается в ворота. Когда мы приехали и послали свои карточки и письмо к Ахмет-Ризе, то мгновенно были приняты. Наверху лестницы встретил нас Таалат-Бей, а в дверях кабинета — сам Ахмет-Риза. Встреча эта произвела на стражу сенсацию настолько, что, когда мы в следующий раз отправились в парламент, то уже не пришлось посылать карточки. Привратник-младотурок похлопал каждого из нас по плечу и сразу пропустил. Ахмет-Риза принял нас чрезвычайно любезно. По принятому обычаю был подан кофе. В кабинете находились Таалат-Бей и какой-то оппозиционный принц. Просидели мы полчаса, как подали Ахмет-Ризе две визитные карточки. Ахмет-Риза успел только сказать: «*Voilavousserezencompagniedesamis*», как уже входил Гучков и драгоман посольства Мандельштам. Увидав эту фигуру, мы моментально стали прощаться с Ахмет-Ризой и, не поздоровавшись с Гучковым, поспешили выйти. Выходя, я сделал Таалат-Бею масонский знак, что хочу с ним говорить. Когда мы были в коридоре, то я ему объяснил, какой друг Гучков и какой это либерал. Таалат-Бей очень

благодарил, что я это ему объяснил, и говорит мне: «Можете быть спокойны, что Гучков кофе не получит». Да и вообще прием Гучкова, несмотря на то что он явился торжественно в сопровождении драгомана посольства, был совсем другой.

Затем, когда началось заседание парламента, нас провели в ложу. Места для публики устроены довольно оригинально. Очень роскошные ложи в коврах установлены большими мягкими креслами. Вероятно, особой надобности в них нет. Публики почти нет, все только случайные иностранные посетители. Гучков тоже был проведен в ложу, и ему все время объяснял и называл депутатов Мандельштам, который тщательно нас рассматривал с удивлением, что многие депутаты снизу нам кланяются. Конечно, от Гучкова он знал, кто мы такие. Этого Мандельштама спустя год я имел случай встретить на вечере у Брянчанинова в Петербурге. Он рассказывал про организацию младотурков, и я еще раз убедился, как наши господа мало осведомлены в вопросах, которые составляют главную задачу их службы. Все младотурки — масоны, комитет младотурок — из десяти членов; каждый из десяти организует особый комитет тоже из десяти; каждый из этих десяти организует снова группу из десяти и т.д. Десять человек каждой группы знают только лицо, их сгруппировавшее. Кроме масонской организации у них имеются фидаи, организация которых напоминает организацию карбонариев. Присягают фидаи на мече и короне и никогда не знают, кто приводит к присяге и где это происходит. Согласившегося идти в фидаи ведут с маской на лице, чтобы он не мог догадаться, куда его ведут. Дорогой провожающие меняются и он, таким образом, не знает, кто его вел. Затем, при испытании и присяге, снимают маску, а приводящие к присяге лица сидят в масках. Система пропаганды в войсках у них, по словам Энвер-Бея, совсем была

иная, чем у нас. У них вербовались только молодые офицеры. Объясняется это тем, что молодого офицера легко пропагандировать, так как старшие, большей частью семейные и обеспеченные, труднее соглашались на риск. Пропаганда между солдатами строго была запрещена; с офицеров требовалось, чтобы они жили в казармах и возможно больше сближались с солдатами и, заботясь о них, настолько бы их к себе привязывали, чтобы они были готовы на всякий риск, чтобы защищать офицеров. Вот, так сказать, главные основы, на которых велась пропаганда и, судя по результатам, можно судить о правильности такой постановки дела.

Мы пробыли еще десять дней, встречаясь постоянно в потайниках ресторана Токатлиана.

Из Константинополя мы уже втроем отправились в Одессу. Присяж. поверенный Ратнер сообщил нам, что у него есть четыре человека, изъявивших желание образовать масонство. На другой день решено их было собрать в квартире Ратнера и начать прием. Для образования ложи недостаточно было пяти лиц, требуется наличность семи, чтобы образовать ложу. Поэтому мы решили принять пока имеющихся налицо, а затем уже снова приехать устанавливать ложу, когда найдутся еще желающие. Во время приема случилось маленькое замешательство, которое нас несколько смутило. Из явившихся двое, узнав, что они будут подвергнуты экзамену и должны будут подчиниться ритуалу, отказались от вступления, говоря, что подчиняться и брать на себя обязательства они не хотят. Смущены мы были потому, что нежелательно было, чтобы люди не вступающие знали о существовании организации; но ручался за них Ратнер. Кроме Ратнера были приняты: директор кредит. общества Суботкин и гласный Думы Симяков. Когда мы ехали в Одессу, то всю дорогу Маргулиес хотел нам доказать, каким громким именем он там пользуется и что его присутствие гаранти-

рует полный успех нашей миссии. Жалко было смотреть на него, когда нам в Одессе заявили, что именно присутствие Маргулиеса вредит успеху и что ни в коем случае при первой организации не хотят иметь еврея.

Из Одессы мы проехали в Киев. Тут у Лучицкого имелись 11 человек. Состав лиц здесь оказался чрезвычайно интересным: были профессора, общественные деятели и даже тов. прокурора Суд. Палаты Пахомов. Прием происходил в квартире Лучицкого. Председательствовал князь Урусов, но почувствовал себя нехорошо, передал мне председательствование, так что мне пришлось устанавливать ложу, которой было дано название «Киевская Заря». Названия для лож устанавливаются Верхним Советом. Наличие принятых лиц давала возможность сразу установить ложу. Мастером-наместником был избран барон Штейнгель, первым наблюдателем — Литвинов, вторым — Полторацкий, секретарем — Вязлов и оратором — Пахомов. Такая организация считалась очень удачной и она сразу же начала себя проявлять настолько, что месяцев через шесть приехал Пахомов в Петербург по поручению братьев просить Верховный Совет командировать кого-нибудь для открытия второй ложи. Это было летом, некого было посылать и мной было передано Пахомову — разрешаю открыть, временно, вторую ложу с тем, что осенью будет кто-нибудь командирован для легализации. Председателем второй ложи был выбран Пахомов.

Московской ложе было поручено открыть ложу в Нижнем Новгороде. Велись переговоры об открытии лож в Саратове и Курске. Приезжавшему с Кавказа Здановичу, принятому в Петербурге, поручено подготовить организацию на Кавказе. Во второй очереди поездки предполагалось посетить Лондон, Берлин и Швецию, но поездке этой не суждено было осуществиться. По возвращению нашем из поездки в феврале 1909 года

был возбужден вопрос, что слишком многолюдные и частые собрания могут быть опасны, поэтому было решено, оставляя главную ложу «Полярную Звезду» в полном ее составе, для занятий образовать несколько отдельных лож; новых братьев принимать уже в эти новые ложи, и лишь в особых случаях принимать в главную ложу. Одну ложу назвали «Северное Сияние»: мастер-наместник — Некрасов, первый наблюдатель — Караулов, второй — князь Эристов, оратор — Черносвитов и секретарь — князь Геловани. Следующая ложа — «Заря Петербурга»: наместник — Морозов, первый наблюдатель — Кузьмин-Караваев, второй — Гордеев, секретарь — Демьянов, оратор — Кармин. Наконец, было решено образовать военную ложу. Наместником был выбран полковник Теплов, первым наблюдателем — Макаров, вторым — Андреянов, оратором — Масловский и секретарем — Тимофеев.

Хотя занятия шли регулярно и все аккуратно собирались, но я лично часто бывал не удовлетворен. Мне часто приходилось замечать, что между братьями нет настоящей близости, без чего масонство обречено на смерть. Из Москвы все чаще приходили сведения, что все очень недовольны Баженовым, который недостаточно конспиративен и часто чрезмерно болтлив. Кем-то получено сведение, что Жихарев — в подозрении у социалистов-революционеров. По этому случаю был назначен суд, который не нашел ничего подозрительного и даже сожалел Жихарева, который искренне был этим потрясен. Затем многих начала пугать систематическая травля в черносотенной прессе против жидомасонов кадетов, и в этом усматривали, что, быть может, у правых имеются какие-нибудь сведения. Начали пугаться еще больше, когда в Думе правые кричали, что им известна принадлежность Маклакова к масонству. Многих испугала также появившаяся в «Русском знамени» заметка, в которой говорилось,

что могут назвать имя русского князя, которого видели в ложе в Париже. Несомненно, это был намек на меня. Между тем, у Кедрина во время обыска, когда нашли масонскую ленту и он заявил, что принадлежит к французскому масонству, то не обратили даже никакого внимания. Словом, начало создаваться какое-то неопределенное настроение, начали высказываться о временном прекращении занятий. На одном из заседаний Маргулиес и Макаров, всегда особенно подчеркивающие свой радикализм, а при малейших слухах готовые спрятаться и отречься от всей своей деятельности, потребовали, чтоб комната у меня была преобразована в жилую комнату. Затем потребовали, чтоб я показал диплом и клятвенное обещание. Только я их достал, Макаров, не дождавшись никаких решений, как зверь бросился рвать бумагу и так стремительно, что никто не успел произнести слова. Все начали кричать, кто протестовать, кто одобрять, нельзя ничего было разобрать. Самый главный документ был уничтожен. Этот день — последний день масонства в России, и я еще раз убедился, что масонство — не для русских. Должны люди быть дисциплинированы, разве мог так Макаров позволить себе такую выходку [?] Можно было находить опасным сохранять такой документ в частной квартире, но уничтожать исторический документ было преступлением, которому нет названия.

Наконец, в феврале 1910 года решено было созвать собрание из 12 братьев для выяснения всех циркулирующих слухов и обсудить, что дальше делать. Каждая ложа должна была отдельно обсудить вопрос и делегировать двух братьев, снабженных мандатами. На собрание явились Головин, Кальманович, Морозов, Гордеенко, Лучицкий, Эристов, Некрасов и я; из Москвы — Баженов, Урусов; из Киева — Вязлов, Полторацкий; из Нижнего Новгорода — Кильвейн и Каминский и от военной ложи — Масловский и Ма-

каров. Председателем собрания был выбран Головин. Сперва хотели поставить вопрос: закрыться или не [?]. Потребовав слова, я заявил от Верховного Совета, что у настоящего собрания таких полномочий нет, что собрание может только обсудить положение и высказать пожелания, предоставив каждой ложе отдельно решать самой, продолжать ли занятия или «заснуть» временно (масонское выражение). После очень долгих, горячих споров началась баллотировка. Перевес был бы на стороне желающих продолжать работу, если бы депутат Некрасов не нарушил данного ему определенного мандата его ложей не прекращать работы. Голоса разделились; решение было — предоставить ложам самим решать дальнейшую судьбу. При таком неопределенном настроении ложи предпочли временно «уснуть». Таким образом, еще раз мы доказывали полную неспособность к твердой организованности. Говорят, что многое теперь не ладится ввиду общего переутомления, но я лично не могу с этим согласиться. Я объясняю недостатком настоящей культурности всей интеллигенции. Думаю, что для идейной организации недостаточно быть ученым, начитанным; нужно еще что-то такое, чего не достает у нас. Уже одно то, что люди при идейной работе вносят личные симпатии и антипатии, — некультурно. Некультурность наша в том, что мы не умеем держать себя в известных рамках, не умеем подчиняться необходимой дисциплине, не умеем исполнять в точности принятые на себя обязательства. Не умеем относиться к себе с той строгостью, без которой работать нельзя. Всякая организация нуждается в денежных средствах, без чего и работа невозможна. Люди, вступающие в организацию, обязываются производить взносы. Люди культурные такое обязательство ставят выше всего. Что же наблюдается у нас [?] Большинство даже не думают об этом. Стоит невероятных усилий, чтобы произво-

дить эти сборы. Не платят не потому, что не желают платить; нет, по простой небрежности, халатности, потому что не хотят быть строже к самому себе. Ведь это и есть некультурность. Почему в Европе простой рабочий сам, без всякого напоминания, без предупреждения, в определенный день и час является сам и производит взнос [?] Потому что в нем сильно развито чувство долга, он сознательно относится к делу, в нем есть эта культурность. Мне казалось, при создании масонства можно было во всех центрах иметь группы, которые, разрастаясь, могли бы проникать во все отрасли государственной жизни и незаметно для самого правительства сдвинуть жизнь из стоячего болота. На масонство я смотрел, как на единственное средство объединить людей разных лагерей, конечно прогрессивных, и объединить не на политической, новой программе, а лишь на культурно-просветительной работе, на делах городского управления. Для политики могли бы существовать ложи. Ведь в Европе масоны очень различных направлений, люди с очень различными политическими программами, но это не мешает существовать и для общей работы. Есть ложи философские, культурно-просветительные, чисто благотворительные и есть, наконец, специально социалистические радикальные. Сила масонства в том, что в него входят люди различных слоев, различных положений и таким образом масонство в целом имеет возможность действовать на все отрасли государственной жизни. Если бы мы имели людей, тесно с нами связанных в разных учреждениях, мы могли бы быть лучше осведомлены, мы вовремя знали бы, что готовят господа Столыпины, Рачковские и им подобные, мы могли бы многое предупредить, многое, может быть, изменить или смягчить. За короткое время существования масонства оно уже сказалось в этом смысле. С введением Столыпиным военно-полевых судов из гвардей-

ских полков по очереди назначались судьями старшие офицеры, полковники. Имея братом полковника Измайловского полка Теплова, мы достигли того, что когда он бывал судьей, то ни одного смертного приговора не было. Сенатором Дедюлиным, ревизовавшим Киевскую губернию, делопроизводителем был взят наш брат Кармин, секретарь Сената. В то же время в Киев был переведен окончивший курс в инженерной академии наш же брат, из военной логи, Тимофеев. Узнав, что в составе ревизующих находится Кармин, Тимофеев моментально поехал к нему, дал себя знаками узнать Кармину и оказал ему чрезвычайно ценные услуги. Разве все это не подтверждает мое мнение, что при посредстве масонства можно было бы достигнуть очень многого [?] Ведь вот уже сказалось значение масонства с самого его зарождения, и притом, что мы еще были в самом тесном кружке, — а когда мы проникли бы всюду, чего бы только нельзя было сделать. А разве малое значение имело, что в Киеве мы сумели привлечь товарища прокурора Пахомова [?] Когда люди хотят служить идее, они должны уметь отречься от личных чувств. Нельзя служить идее и во всем первенствовать. Большой ошибкой было вводить людей узко партийных и непримиримых, а такие у нас были. Есть люди, которые проникнуты чувством противоречия, как например Колюбакин. Когда прекратилась настоящая работа масонов, то многие собирались у меня для общей беседы.

Союз Освобождения

(сообщение Гр. Ил. Шрейдера)

Брюссель, 6.VIII.1928

19.V.03 был арестован по делу о принадлежности к Птб. к-ту РСДРП. Основанием было то обстоятель-

Я. А. Брюс

ство, что у него на квартире было с.-д. собрание. Через 40 дней освобожден. Вскоре после освобождения его посетили Н. Н. Львов (ныне в «Возр.») и Петр Долго-руков, с которыми был раньше связан по «Праву». Они предложили Шрейдеру переселиться в Москву и взять на себя организаторскую работу по созданию москов группы «Союза Освобождения» и секретарство

в ней. Ш. посоветовался с Анненским, Пешехоновым и др. в Р. Б. Решили, что идти в Союз следует — для того, чтобы работать по его повелению, конечно, оставаясь там до известного только предела.

Осенью 1903 г., в сентябре или октябре, Ш. переехал в Москву. Группа Р. Б. в эти разговоры Михайловского не посвятила — об этом Ш. судит по след. эпизоду.

Когда Ш. уезжал, ему был дан прощальный обед; на обеде был Михайловский, кот. все время допытывался у Шрейдера, зачем он, собственно, едет в Москву. Ш. из этого вопроса понял, что Анненский и Пешехонов не рассказали М., и сам тоже не сказал ему правды, а отшутился: еду-де насаждать добрые нравы. М. это явно не удовлетворяло, и он все продолжал недоумевать.

Во главе моск. группы стоял центр в составе И. И. Петрункевича, Петра Долгорукова, Н. Н. Львова, П. И. Новгородцева, Вл. И. Вернадского, Д. И. Шаховского, С. Андр. Котляревского, Юр. Ал-др. Новосильцева, Юр. Демидова (зять Новосильцева) и др. Ш. входил в качестве секретаря. Позднее в центр вошли Ник. И. Гучков, Савва Морозов и др.

Собрания центра происходили чаще всего у Вернадского и Новосильцева. Эта моск. группа была, по мнению Ш., наиболее деятельной из всех существовавших групп Союза и играла фактически руковод. роль. Общероссийский ЦК существовал, но о нем Ш. знает мало, так как он был строго законспирирован. В него, несомненно, входили Петрункевич, Павел и Петр Долгоруковы и др.

При моск. центре существовали спец. группы:

А. Техническая комиссия в составе Ш., А. Н. Максимова и Петровского; она ведала орг.-техн. делами: получение и распространение литературы, орг. сношения и т. д.; она же потом была организатором банкетов. В 1904 г. особо важной задачей была отправка

литературы в армию; одна из больших партий была отправлена с графом Петром Мих. Толстым, кот. был одним из основателей Союза и в то время ехал на фронт как офицер. С ним отправили огромную массу книг, гл. обр. легальных известного подбора (для офицеров), кот. скупали по всем магазинам Москвы. Ш. помнит, что книги, напр. Таксила¹, была закуплена вся наличность в главных книжных магазинах Москвы.

Б. Группа молодых историков, в кот. входили Кизеветтер, Петрушевский, Покровский, Сторожев. Посетил ее собрание и Рожков, но только один раз, больше не приходил. Покровский входил в группу все время, пока Ш. был в Москве, т. е. до начала 1905 г.

В. Женская; ее вел Блеков, и подробностей о ней Ш. не знает; входило в нее человек 12.

Г. Тогда же было положено начало крест[ьянской] группе, той самой, кот. сыграла руководящую роль при создании Кр[естьянского] Союза в 1905 г. Опорной точкой для Союза в этой области был Андрей Тесленко, брат юриста, тогда служивший у Чичкина. Ш. с ним познакомил И. И. Петрункевич, прямо поставивший при этом цель знакомства: заведение связей с кр[естьянство]вом, т. к. у Т. такие связи были. Ш. вспоминает несколько первых встреч с кр[естьян]ами из подмосковных уездов. Любопытно было их настроение — очень осторожное и умеренное. Ш. задал им как-то вопрос, чего они хотят, чем точно недовольны. Один из них, уже пожилой и зажиточный, ответил: «Вот у дворян есть предводители, — мы хотим, чтобы и у крестьян были также свои выборные».

Москве же принадлежит и инициатива создания группы земцев-освобожденцев. Относится это уже к периоду после убийства Плеве. На совещаниях присутствовали вся центр. моск. группа, Аннен-

¹ О Таксиле — масоне-provокаторе — см. записку Л. Д. Кандаурова.

ский, Короленко, Пешехонов; из земцев Ш. помнит Н. Н. Ковалевского из Харькова, Петрово-Соловово из Воронежа. Совещание обсудило вопросы о программе — общей и аграрной, об общей тактике в борьбе с самодержавием и об отношении к войне. Доклад об общей программе делал Петрункевич, о тактике в борьбе с самодержавием — Шрейдер, введение к докладу последнего напечатано в [«Союзе» Освоб[ождения]] под заглавием «Как бороться с самодержавием» за подписью (греч. гамма). Большие споры вышли по вопросу об отношении к войне — по пункту к ассигнованию средств на воен. нужды из земских страховых капиталов. Совещание приняло решение о таковом ассигновании — оно и было потом проведено в жизнь на осенних губерн. зем. собраниях членами Союза. Против этого решения резко протестовал Пешехонов, из-за этого ушедший с совещания. Споры аграрные носили предварит. характер — программа еще не была выработана.

Это же совещание утвердило проект конституции, кот. был разработан особой комиссией, созданной моск. группой Союза в составе Новгородцева, Котляревского и Г. И. Шрейдера. Затем было созвано расширенное совещание — Кокошкин, Влад. Матв. Гессен, Н. Н. Львов, И. Петрункевич и члены к[омис]сии. Из споров на этом совещании Ш. помнит спор по вопросу об одной или двух палатах: Львов был за две, Кокошкин — за одну. Ш., участвуя в работах к-сии, говорил, что он по взглядам республиканец и что идет с ними только до известного предела, надеясь толкать их влево.

Совещание, создавши группу земцев-освобод., проект этот утвердило, и он был напечатан за границей в «Освоб.»

Совещание это было вскоре после убийства Плеве — прямо с него [совещания] участники поехали в

Птб. на чествование Короленко, — кажется, 50-летний юбилей.

В Союзе боролись два течения. Левыми были Новосильцев с Демидовым, Котляревский и др.; правыми — Вернадский, Петрово-Соловово. Н. Н. Львов колебался: он по настроениям склонялся влево, но боялся крестьян. Ш. помнит, что Львов приставал к нему с вопросом: «А что сделает мужик, если будет революция?» Ш. его успокаивал: «Если сделаете революцию вовремя, то вас мужик не тронет». Ш. настроения Львова формулирует так: он хотел революцию, но боялся мужика.

По вопросу о войне были два течения: одни были близки к пораженчеству, другие желали победы. Схема мышления последних была след.: они полагали, что победоносная армия, вернувшись домой, потребует реформ. Особенно ярко эту точку защищал Н. Н. Львов.

Начало банкетам в Москве положено банкетом в честь Короленко перед Птб. (К. летом был в Полтаве — на обратном пути); тема — кишинев. доклады Чикеруль-Куша и Волькенштейна. Председ. Короленко (в гостинице «Прага»).

Гольцев в Союз не входил и на идею банкетов шел с трудом. Птб. группа в центре имела Анненского, Пешехонова, Якова Гуревича, Прокоповича, Кускову, Хижнякова, Богучарского, Н. Петр. Ашешева. Киев — Железнов, Евг. Трубецкой; Харьков — Ковалевский Н. Н.; Воронеж — Петрово-Соловово.

В Москве Ш. прожил до конца 1904 г., когда уехал в Птб. для работы в «Сыне Отечества» (незадолго перед выходом последнего). В августе или сентябре 1905 г. он еще раз приезжал в Москву — его вызвали в качестве эксперта к комиссии, создан. Моск. гор. Думой для пересмотра городского положения. Таково было ее официальное назначение, на деле в центре

работ стоял вопрос об участии в выборах в Гос. Думу по закону Булыгина. В состав к-сии входили Муромцев, Н. Н. Щепкин, А. Мануйлов, Ник. И. Гучков и др.; присутствовали также трое киевлян (Евг. Трубецкой, Железнов и ?), одесский городской голова Зеленый. Из экспертов Ш. помнит еще Розенберга из «Рус. Вед.». Голицын — моск. городской голова — открыл заседание и ушел, передав председательство Муромцеву. Обсуждали вопрос точности, идти или не идти в Булыгинскую Думу. Первым говорил Ник. Гучков: надо идти. Зеленый говорил уклончиво. Ш. выступил против: предательство. Гучков еще раз — идти. Щепкин горячо высказался против участия.

Решения не приняли — все ждали земского съезда.

**Письмо о масонах (1912—1914?),
полученное Б. И. Николаевским
из архива В. Л. Бурцева**

Здравствуйте, господин хороший. Все Ваши приветы получены сполна, кроме объятия; оное отложено до личного свидания, которое, будем все-таки надеяться, произойдет в этом мире, а не в будущем.

О Петерб. вообще скажу после, а теперь поговорим об общих знакомых. Вот: Д. надо сперва отмыть основательно; вот Вы этим и займитесь. А то все ему очень рады, а все же ходят около с оглядкой, все, кроме нас да наших присных. А он, конечно, будет готов на все услуги, как и прежде: это ЕГО ЖИЗНЬ и радость. Отмывайте же, а то запоздалые комки грязи еще продолжают залетать сюда из провинции, куда попали из Парижа и даже из Италии...

На М. надо рукой махнуть: во-первых, он будет очень занят целый год, а, во-вторых, он ничем и никем, за ис-

ключением своей персоны, не интересуется и до курьера забывает даже важные факты, касающиеся других.

О телеграмме пока ничего даже не слыхали, хотя вертимся около источника.

Получили ли Вы мою работу на пишущей машинке? Знаю, что письмо мое получено, а работа была послана одновременно.

Петербург сплошь занят столоверчением; медиумам платят громадные деньги. Говорят или об этом, или о... масонах. Хоть бы одного повидать, а то пока это миф бесплотный. Впрочем, и в сферах пока, кроме М. М. Ковалев[ского], Кедрилки (имеется в виду Е. Кедрин. — *О. П.*) да... С. Ю. Витте, да Милюкова, никого из публики в масонстве не обвиняют, но несомненно в масонстве всех неудобных перед выборами людей. Витте тоже теперь опять в моде — общество делится на виттистов и антивиттистов; к первым, по слухам, принадлежит будто бы и Григорий Распутин. Гонение на него удалось именно потому, что одним ударом ахнули и его, и В.

Витте же не дают покоя лавры Юаншикая, ей-богу, но он, как человек неглупый, понимает, что он в свое время эту роль прохлопал...

Нашего приятеля пристраиваем, благодаря жене чл. Гос. Сов[ета] Денисовой, которая теперь вертит Кассо, как прежде вертела Трусевичем.

Ваш крестник продолжает свою службу и пользуется, говорят, прежней репутацией хорошего ученика Г.

Если хотите знать подробно о масонах, прочитайте статьи Ратаева в «Нов. Вр.», — это доклад, который он готовил для бедного Столыпина, но продал в газету, когда того злодейски умертвили. Я знаю, что Вы ленивы писать, но теперь можно кое-что передать иногда через мазилку. Но...

До нескорого свидания.

Неизменно и т. д.

Рассказ масона Б. Гуревича Г. Аронсону

(Бутырская тюрьма)

Узнал я об этом в августовский вечер 1918 г. Мы лежали на набитых соломой матрацах на деревянных нарах, смотрели в решетчатые окна на таящие лучи солнца и постепенно сменяющие день сумерки и мирно беседовали. Один из приятелей, спутник мой по дальнейшим тюремным скитаниям, наклонился ко мне и сказал: «Хочу поделиться с Вами небольшим секретом. Думаю, что 17-й и особенно октябрьская революция освободили меня от присяги. Одним словом, я — масон». По-видимому, этому масону давно уже хотелось расстаться со своей тайной, и, подстрекаемый моим любопытством, он рассказал мне все.

Дело происходило в Витебске. Самыми беглыми штрихами нарисую Вам тот [город] провинциальной русско-польско-еврейской общественности, где свило себе гнездо масонство. В этом городе мне пришлось провести конец 1913 г., памятный мне по процессу Бейлиса, затем всю эпопею мировой войны с той лихо... <пропуск в источнике> настроений, какую внесли в обстановку ближайшего тыла раненые, спекулянты, поезда обезумевших беженцев и выселенцев, инсценировки шпионажа, шквал смертных казней и — глухие отклики докатывавшейся из северной столицы распутинщины, вызвавшей взрыв стихии 1917 г. В 1913—16 гг. общественная [жизнь] в Витебске получала порой бурное выражение, особенно под влиянием [демок]ратических слоев: социалистической интеллигенции, рабочих, затем ... офицерской среды, занесенных сюда вихрем войны.

С объявлением войны мою газету власти прикрыли и прекратились заседания редакции, где встречалась пестрая группка наших общественников. Но с развитием событий, с интенсификацией всей жизни,

всего быта, приблизительно с поздней осени, возобновились наши импровизированные встречи. Собирались, делились новостями, выслушивали информацию приезжих, обсуждали общие и местные [новости] дня. Помню доклад студента Феодоровича о польско-еврейских отношениях; докладчик был впо-

Г. П. Гагарин

следствии расстрелян на русском фронте за симпатии к Пилсуд[скому]. Были собеседования, посвященные цензовой городской Думе, по поводу [выдвиж]ения в земско-городской комитет и пр. Был и целый ряд политических дискуссий. Кто участвовал в этих дискуссиях и беседах? В сущности, все, что только было в городе — весь «цвет» интеллигенции различных направлений. Кадеты, [социа]листы, беспартийные демократы, — да в годы реакции почти все местные [або-ри]гены, в сущности, потеряли свое партийное обличие, растеряли связи и были предоставлены своей собственной судьбе.

Приезд знатного гостя из столицы бывал событием, и мы все — без различия течений и партий — чувствовали в эти дни некий праздник духа. Помню приезд П. Н. Милюкова, после лекции которого мы целую ночь толковали с ним... Приезжал В. Д. Набоков. Был дважды А. И. Шингарев, и мы снабжали его материалами для выступления в Гос Думе по поводу мародер-

ства на фронте (о спекулятивной торговле кожей члена Государственного Совета Офросимова и председателя губернского земства Карташева были уже тогда первые сведения в печати). А когда не было приезжих гостей, но получалась информация или просто в атмосфере чувствовалось скопление электричества, которое вот-вот разрядится, то мы собирались и до поздней ночи беседовали.

Жизнь была бедная, убогая, и эти вспышки магия, зарисованные выше... освещали эту бедность и убожество. Затем то, что жизнь была политически очень слабо дифференцирована, накладывало свою печать на все ее проявления. Даже мы, социалисты, державшие связь с рабочими, имевшие свои совещания в глухом подполье, — руководившие больничной кассой, союзом печатников, обществом приказчиков, — мы, неугомонные хранители священного огня, в эти годы, каюсь, тоже часто были в достаточной мере бесцветны, поддаваясь влиянию... мимикрии.

В центре местной жизни, общественными столпами местной общественности были два старожилы: А. О. Волкович и Г. Я. Брук. Оба — члены первой Государственной Думы, выборжцы, отбывавшие тюрьму и лишённые по суду права занимать общественные и выборные должности. Брук в качестве еврея и врача мало ощущал действие судебного приговора. Но Волкович был действительно устранен с поверхности. Ни в городском самоуправлении, ни в земстве ему не оказалось места. И вот он почти до самой войны примирел и пребывал «на покое». Другие персонажи на всероссийской арене никогда не появлялись. Поэтому перечислю только участников наших бесед фактической ради полноты рассказа. Местные юристы: В. П. Бомас, В. В. Федорович, Я. Г. Юдин, Лузгин, С. М. Писаревский, врач А. Д. Бирштейн, учитель гимназии Успенский, М. С. Цейтлин, Б. Х. Гинзбург.

Из эпизодических лиц, участвовавших в наших беседах, помню еще адвоката А. Ф. Рожновского, Ш. М. Левинсона и однажды попавшего на наше собрание И. М. Квасмана.

Требовательный читатель будет неудовлетворен моей политической характеристикой участников наших бесед. О Волковиче и Бруке можно сказать: кадеты, особенно о Волковиче, который крепко держал связь со своими столичными друзьями. Брук был в двойном подданстве: он был сионист и близок к окружению Теодора Герцля, и только в первой Думе состоял в кадетской фракции. Юдин принадлежал к винаверовской «еврейской народной группе». Рожновского, Бомаса, Федоровича — весьма русифицированных представителей польской интеллигенции, правда, со значительной примесью польского национализма, — можно также с некоторой натяжкой отнести к кадетам. Как все поляки в Северо-Западном крае, они были в оппозиции к правительству, и их не пускали в городское или земское самоуправление. Один В. Федорович был городским гласным. Из бывших социалистов в наших беседах участвовали Писаревский, Левинсон, а также Гинзбург, который в 1905 г. был сионистом-социалистом, в 1917 г. вошел в Бунд, а до революции, оставаясь беспартийным, занимал самые крупные посты в местном рабочем движении: председатель больничной кассы, член губернского присутствия по делам страхования рабочих, руководитель общества приказчиков и пр. Социалистами, не порывавшими связи со своими партийными центрами, были только М. Цейтлин, впоследствии член ЦК партии с.-р., и пишущий эти строки. Квасман был слишком случайным человеком в нашей среде, чтобы стоило о нем говорить. Он был тогда плехановцем, а в 1919 г. переметнулся к большевикам. Политическую физиономию остальных еще труднее установить. Врач

А. Бирштейн, в свое время пострадавший при разгроме тверского земства, был тогда близок к социалистам, но в 1917 г. заявлял себя кадетом.

Для полноты картины упомяну, что в 1915–16 гг. начала искать с нами связей небольшая группа прогрессивного офицерства, ютившегося при штабе Двинского военного округа. Наиболее активной и общественной фигурой был в этой среде казачий есаул М. Н. Гнилорыбов. Назову еще капитана Базилева. Через посредство Гнилорыбова мы получили некоторое влияние на полковника Коренева, приближенное лицо к начальнику округа генералу Зуеву. Первые дела, по которым нам пришлось столкнуться с этой офицерской группой, — это были дела об арестах и высылках сионистов, о смертных приговорах для заподозренных в шпионаже. Но скоро в порядок дня стали другие вопросы, где мы получили неожиданное содействие Гнилорыбова и его товарищей: создание городских попечительств, воздействие на городскую Думу, создание межнационального кооператива, издание кооперативного журнальчика. Мы не раз имели общие с этой либеральной группой офицерства собрания, и чем грознее развивались события, тем теснее становились наши отношения. Но все же это были люди чужие. Они не вовлекались в те интимные собрания, о которых я говорил выше. Требовался, видимо, стаж общественности для участия в наших беседах — и офицеры не располагали этим стажем.

А теперь пора перейти к масонам. Предоставляю слово моему товарищу по тюремной камере. Передаю то, что он рассказал мне в этот августовский вечер.

Кажется, это было в начале зимы 1914 г. В Витебск приезжал член Государственной Думы А. М. Колюбакин. Но ехал из Петербурга на фронт, откуда, как известно, не вернулся. В Витебске у А. О. Волковича

состоялся обед, и к этому моменту относится основание местной масонской ложи. В жизни нашего «прогрессивного блока», в сущности, ничего после этого не изменилось. Продолжались заседания и беседы, в которых участвовали члены масонской ложи наравне с другими. Только изредка и только для заслушивания какой-нибудь особо интимной политической подробности собирались масоны отдельно, обычно улаживаясь собраться несколько ранее других приглашенных для беседы. Собрания масонов бывали тогда очень кратки. Но интересно отметить, — они говорили друг другу «ты» — эти люди разных возрастов и взглядов, лично между собой не близкие. Рассказчик не мог вспомнить какого-нибудь заседания ложи, посвященного обсуждению серьезных вопросов. Впрочем, он был сам введен в ложу лишь в 1915 г.

К этому времени относится приезд в Витебск А. Ф. Керенского. Официальная его миссия была — чтение лекции о деятельности Государственной Думы. Лекция была прочитана с огромным успехом. Были овации, публика ожидала члена Думы у здания. А он уехал в ресторан, где в отдельном кабинете его чествовал Союз приказчиков. Керенский был председателем последнего разогнанного правительством съезда приказчиков, а Гинзбург, принимавший его в Витебске, был одним из товарищей председателя съезда. Тогда же при участии А. Ф. Керенского состоялось и заседание масонской ложи. Об этом собеседник мне рассказывал следующее.

Его, рассказчика, как-то спросили, не согласится ли он вступить в масонскую ложу. Эти предварительные разговоры вел с ним д-р Брук. Осведомил он его о немногом: в Петербурге давно существует масонская ложа, куда входят по персональному признаку руководящие деятели оппозиционных партий в Государственной Думе. Девиз масонства: за истину и свобо-

ду. Цель — объединение интеллигенции на почве этих лозунгов во имя возможных событий исторического значения. Война, разложение Двора и сфер обязывают нас быть наготове. Если Вы согласны примкнуть к нам, — вы будете связаны клятвой: свято хранить тайну о масонстве. Вот и все, что предшествовало принятию моего собеседника в масонскую ложу.

Обряд посвящения происходил таким образом. Вечер. Он, рассказчик, в темной комнате, к тому же с завязанными глазами. С ним Керенский, который торжественно читает формулу присяги. В ней нет ничего особенного. Тот же девиз: за истину и свободу — и обещание хранить тайну. Рассказчик повторяет за ним формулу присяги. Затем Керенский снимает повязку с его глаз, целует его, называет его «братом» и за руку вводит в комнату, где происходит заседание ложи. Все поднимаются с мест, целуют его, говорят ему «ты», называют его «братом»...

На этом я мог бы поставить точку. Но интересно посмотреть, что стало с лицами, участвовавшими в наших политических беседах и встречах, когда пришла революция 1917 г. В течение 8 месяцев революции большая часть наших общественников держалась друг друга и представляла собою сплоченную группу, преимущественно на административных постах. А. О. Волкович — бессменный губернский комиссар Временного правительства, В. П. Бомас — его заместитель, В. В. Федорович — уездный комиссар, С. М. Писаревский — секретарь коллегии губернского комиссара. Эти лица, как и другие умеренных направлений, не пользовались большим влиянием в это бурное время. Это влияние безраздельно принадлежало социалистам; М. Цейтлин и Б. Гинзбург были товарищами председателя Совета рабочих депутатов, а М. Цейтлин — одно время комиссаром министерства земледелия (при министре В. Чернове).

Неясно, поддерживали ли в 1917 г. контакт местные масоны с центральными фигурами масонского движения в России. Приведу лишь такой эпизод. 8 марта наш местный комитет спасения (Городской общественный комитет, так он назывался) делегировал двух представителей в Петербург к Временному правительству. Поехали А. О. Волкович и пишущий эти строки. В Мариинском дворце заканчивалось заседание правительства. Нас ввели в помещение, и нам удалось поговорить с целым рядом министров. Особенно долго длился разговор Волковича с Некрасовым. Я в это время добивался разговора с Керенским и, помню, был очень удивлен тому, что А. Ф. так хорошо и дружески, как доброго знакомого встретил моего спутника. Н. В. Некрасов отнесся с особой любезностью к нашей миссии и, кстати, предоставил нам от министерства путей сообщения купе 1-го класса для возвращения в Витебск.

Не лишен политического значения и следующий эпизод, которым я закончу эти заметки. После июльских дней, после выхода к.-д. из правительства, А. О. Волкович неожиданно сообщил мне, что он выходит из к.-д. партии. Так он и поступил. И мне кажется, что это совпало с тем отколом от кадет того крыла этой партии, которое идейно возглавлялось Н. В. Некрасовым.

Запись Б. Николаевского на отдельном листке

Аронсон от [масона] Б. Гуревича.

В начале войны в Витебск приезжал Колюбакин; в честь его был устроен, как там это было принято, обед, но на последний, в отличие от прежних приездов других либер. знаменитостей, не были приглашены представители раб. и демокр. кругов. Уже после

стало известно, что во время этого обеда К. принял в масоны Брука и Волкова (члены I Гос. Думы к.-д.), поляков-прогрессистов Бомаса и Федоровича (когда-то имели связи с соц., отошли, но считали себя левее к.-д.) и Писаревского. В 1916 г. в Вит[ебск] приезжал Керенский, был тоже обед, после которого были приняты Б. Гуревич (председ. общегородской Витебской бол[ьничной] кас[сы], в 1905 г. бунд[овец], после бесп[артийный, — в 14—16 гг. не участвовал даже в меньш. страх. группе] и Мих. Сол. Цейтлин. При приеме спрашивали о согласии вступить в орг[анизацию], кот. ставит задачей борьбу «за своб[оду] и братство». Церемониал посвящения с завязан[ными] глазами, клятва тайны и готовности борьбы за своб. и братство. Деят. ложі никакой не было.

В 1917 году — Волков, губ. комисс[ар] Врем. прав.; после июльских дней В. вышел из к.-д. партии и, заявив о возможности работы на платформе циркуляров Церетели, остался на посту губ. ком[иссара]; Писаревский — секретарь губ. ком., фактически вершил делами; Бомас — пом. губ. ком.; Федорович — уезд[ный] комиссар; М. Цейтлин — с.-р. тов. предс. Совета.

Все — со слов Гуревича, рассказал это А[ронсон]у в Бутырках в 1918 г.

А. П. Кропоткина как-то раз она обвинила Некрасова в стремлении к власти. Н. сказал ей, что его идеал — «черный папа», кот. «никто не знает, но кот. все делает».

Елшин — дневники; летом 1914 г. в Сам. приезжали Керенский и Некрасов; разговоры сначала на пароходе, затем где-то еще; наконец, посвящение в масоны на квартире кн. Вяч. Кугушева.

Маргулиес был принят в масоны в 05—06 гг.; в ложе были Ковалевский Макс., Кедрин, де Роберти.

Входил в 06—10 гг. в главную ложу одним из тов. Председ.; в последн. степени посвящен специально

приехавшим из Франции членом Вел. Вост.; в это время сидел в Крестах, посвящ. шло на свидании, в присутствии начальства, кот. не понимало значения манипуляций.

Состав гл. ложи: председ., 2-й тов. председ., казначей и секретарь; 1 — умер, 2 — в эмигр[ации] и 2 — в России. Собирались в роскошном особняке, в масон. знаках. Принят был, м[ежду] пр[очим], как-то гвард. полк., клявшийся при посвящении на шпаге убить, если понадобится, царя (около 09—10). В провинции ложи были в Н[ижнем].-Н[овгороде].

Правило — никаких письменных документов. Поэтому полиция ничего не могла узнать. Около 1911 г. распустили ложи — опасались, что полиция все же проникнет. После началась новая эра в рус. масонстве — Керен. и Некр.

Кедрин рассказывал Марг[улиесу], что в 1917 г. Керенский и Некр. исключены из масонов за свою деятельность.

Аргунов. Авксентьев — масон с 12—13 гг. в Париже. Читал в одной ложе о социализации земли.

Керенский. Перед войной... ложа особая: в. кн. Александр Мих., Варв. Авчинникова, Беклемишев.

Маргулиес: рукопись его дневника: годы интервенции.

Коллекция Б. И. Николаевского

(из зачеркнутого)

Стр. 328.

«Марголин за обедом сообщил вещь, разъяснившую мне очень много; после 1910 г., когда Колюбакин начал возобновлять наши заснувшие в 1909 году ложи, в одну с Керенским вошли и Коновалов, и Гальперн (sic), и Некрасов. Вошли потом и Соколов, Барт, вероятно, Терещенко. Теперь понятна связь Керенского с

Терещенко и Некрасовым. Намеки Коновалова с 1916 года на его близость с Керенским и Н. Д. Соколовым, а также приглашение А. Я. Гальперна (sic) управляющим делами Совета Министров Временного правительства».

Стр. 329 (Среда 29 апреля 1919)

«В 9 ч. вечера у Ефремова собрание русских масонов: ф. Мекк, Кандауров, Макшеев, Авксентьев, Савинков, Иванов и двое живущих в Париже (Коновалов занят). Сонно, скучно, речь идет о волоките, канцелярщине. Не популяризирует ни моего, ни Савинкова положения. Савинков, оказывается, был только в 1917 году введен в ложу Демьянова ген. Тепловым».

Б. И. Николаевский:
записи бесед с масоном А. Ф. Керенским

(зима 1924—1925)

А. Возникновение тайных организаций с целями переворота относится к зиме 1915—16 гг. Их существовало несколько. Основных две: группировки вокруг военно-промышл. к-тов и вокруг Земгора.

Во главе первых стояли Гучков, Терещенко, Коновалов. К[еренский] не знает, сохраняли ли они преемственную связь со старыми воен. орг. Гучкова, которые созданы были в период III Гос. Думы; во главе тех стоял Гучков и Н. В. Савич; из военных — Поливанов и группа молодежи из Ген. штаба (Новицкий, ныне у больш[евиков]; цель, гл. азиат, отд. Генштаба?). Симпатии их Гучков завоевал борьбой против вел. кн. в армии, — К[еренский] видит в этой борьбе большую объективную заслугу III Гос. Думы и октябр.; о существовании тех организаций знал двор, очень их боялся и ненавидел за это Гучкова («младотурок»); входил ли в эту группу Крымов, К[еренский] не знает.

2-я группа — «земгоровская», если так говорить для краткости, возникла после; во главе были Г. Львов, Вырубов, Леонтьев, Щепкин и др. — москвичи. Главная ориентация этой группы на Алексеева, который должен был в конце 1916 г. силами, о кот. К[еренский] не знает, произвести арест Ник[олая] II в ставке и добиться устранения Александры Федор[овны] и передать власть в руки ответств. кабинета. Связь этой группы с Думой шла через Демидова, Некрасова, Коновалова. Родзянко не был посвящен. Что делать с Ник[олаем] II в случае отказа, не было решено. План не удался — Алексеев захворал и был отправлен в Крым. В свое время ходил слух, что стало известно и А. был отравлен. Думает — легенда. Демидов играл вообще большую роль связи с фронтом.

Группа воен.-пром. комитета — особо энергичн. деятельность зимой 1916—17 гг. На декабрь 1916 было назначено выступление против Ник[олая] II, но затем отложено ввиду настояний прогрес. блока. Второе выступление назначено на 1.III.1917. Должны были арестовать поезд и вынудить отречение. Эта группа вела сношения с Брусиловым, который дал согласие определенное. Убийство Ник[олая] II не входило в планы — о том, что Крымов должен убить Ник[олая] II, К[еренский] не слышал.

Кроме этих были еще организации: на западн. фронте, как К[еренский] узнал потом, группа офицеров хотела напасть на царский автомобиль и расстрелять царя.

В связи с какой-то фронтовой группой был и кн. Пав. Мих. Толстой (на зап. фронте); он, м. пр., приезжал к Мих. Ал-др. и виделся с ним. М. А. признавал, что «так дальше идти не может».

Прогрес. блок играл роль тормоза: Шульгин, Милуков, Родзянко уговаривали ждать, годить. В комиссиях блока — споры об основных законах, о правах

регента; задерживали, м. пр., и надеждами на кн. Голицына: честный-де человек.

Общ[ественные] круги не чувствовали революции. К[еренский] помнит, в Москве 21.I.1..? г. на его докладе Кускова говорила: «Вы там в Думе друг друга навинчиваете, и Вам кажется, что идет революция. Нет ее. Если она будет, мы раньше Вас услышим ее шаги».

26.II.17 на совещании в Птб. Юренев заявил: «Движение падает».

Б. Правые организации начали возникать в апреле 17 г. К[еренский] полагает, что они с самого начала были — это преимств. линия от германофильских антивоенных кругов.

IV.I.[17] в Птб. группа инж. Адикеевского(?), за спиной которого банкиры Путилов и Вышнеградский. По поручению этих кругов IV.17 Завойко ездил на фронт — искал диктатора-генерала. До революции З[авойко] — делец темной марки, но крупный. Близок к Распутину; о нем говорили как о кандидате в директоры [дворянского] или [крестьянского] банка или даже министры при ближайшей смене кабинета. К[еренский] считает, что это был немецкий агент.

IV.17 же возник союз офицеров армии и флота при Ставке, — ЦК его в конце IV.17 выделил конспиративн. инициативн. группу — Сидорин, Пронин, Лебедев, Новосильцев и др. для орг[анизации] переворота.

В середине VI.17 был такой случай: вызвали Львова Вл. Н. к Маклакову, где Шульгин и Новосильцев предложили уйти из пр-ва, ибо скоро переворот.

Вопрос о выступлении Корнилова решен окончат. на заседании в вагоне Корнилова на пути в Москву, на госуд. совещание. Присутств. Алексеев, Корнилов, 4 члена иниц. группы (указ. выше) и Завойко. Алексеев был вообще... <в источнике отступ, очевидно, пропуск> и играл самую двусмысленную роль.

Беседа с Крымовым в присутствии Самарина (нач. штаба), Туманова, Якубовича. Крымов сначала... <пропуск>, что он шел против больш[евиков]. Затем вынул из кармана свой приказ — вот.

Был вызван Шабловский; К[еренский] дал ему приказ на заключение. Шабл. страшно волновался. Видно, не хотел против Крым., но должен был.

Тогда Керенский — Крымову: [«]Теперь Вы будете говорить с прокурором[»].

Потом, обойдя стол, К[еренский] подошел к Кр. и этот иронически [: «]Теперь я вижу, Вы умный человек (в смысле, тонко обделали)[»].

Крымов спросил, — [я арестован?]

К.: [«]Вы честн. человек и явитесь на допрос[»].

Внезапно Кр. целой тирадой, убеждая К. взять диктатуру: все урем!

В записке [Крымов] писал: «Передайте К[еренскому], я честный человек».

IX.17 заговор генштабистов: убить К[еренского]. Исполнить должен был Клерус(?), кот. ежедневно рапорты о фронте <так в источнике>. Оставались наедине. Клерус (?) мог свободно сделать и уйти. По получении К. еще несколько дней, затем предложил... к.-л. другого.

Другой случай. К прокурору Карпинскому прибегает дама: у нее сын или племянник гардемарин в слезах сознался, что он член тайной орг., что на него пал жребий сегодня во время караула, кот. гардемарины несли в Зим. Дворце, убить Керенского. Карп. вместе с Сидам[оном-] Эрстовым примчался к Кер., последний решил шум не поднимать, а сменить караул Авроры, что вызвало такой шум в прессе: не доверяет офиц. и юнкерам, а матросам.

2 или 3.IX.17 перед отъездом в ставку пришел Кер..., смущаясь передал предложение о свидании с Лениным, если будет гарантия. К. обещал дать ответ по воз-

вращении, но расхворался, задержался; когда вернулся, ситуация совсем иная.

Б. И. Николаевский:
запись беседы с масоном Н. С. Чхеидзе

*24—26.VIII.1925. Марсель. Просмотрено Н. С. Чхеидзе,
по указанию кот[орого] внесены исправления
и дополнения*

Как-то раз, это было в 1910 г., ко мне пришел член Гос. Думы Степанов, левый к.-д., и спросил меня, не нахожу ли я возможным вступить в организацию, кот. стоит вне партий, но преследует политические задачи и ставит своей целью объединение всех прогрессивных элементов. Упомянул он при этом, что для вступления необходимо принятие какой-то присяги и что это вообще связано с некоторым ритуалом. О том, что это масоны, он прямо не сказал.

Я не был знаком с характером этой организации, равным образом я мало знал и о масонстве вообще, но почему-то, не припомню теперь, почему именно, сразу догадался, что речь идет о масонской ложе, и тотчас же выразил свое согласие. Степанов указал, куда я должен прийти, адреса я теперь не помню. В назначенное время я пришел. Меня ввели в отд. комнату, где Степанов дал мне анкетный листок с рядом вопросов, на кот. я должен был ответить (Ст. об этой анкете предупреждал меня заранее), и оставил меня одного. Я сел писать ответы. Насколько вспоминаю, вопросы были след., приведу, что помню, вместе со своими ответами.

— Как Вы относитесь к семье?

— Признаю ее как ячейку, имеющую воспитательный и объединяющий характер.

— Как Вы относитесь к человеческому прогрессу?

— Признаю, что человечество идет к тому, чтобы стать одной семьей, — к этому ведут общественные условия развития человечества, — и считаю необходимым всеми силами работать над этим.

— Ваш взгляд на религию?

— Считаю, что нужно быть терпимым к взглядам каждого.

— Какие пути и методы международных отношений Вы признаете?

— Считаю, что только пути мирного сотрудничества, только общечеловеческая солидарность и стремление к взаимному пониманию являются основами, на которых должны складываться международные отношения.

— Как Вы относитесь к войне?

— Считаю, что метод решения международных споров путем войны должен быть навсегда и совершенно исключен из списка допустимых.

— А если нападут на Россию?

— Мы должны стремиться ликвидировать ее [так в источнике] тем или иным способом.

— Какую форму правления Вы считаете наиболее приемлемой для России?

— Республиканскую.

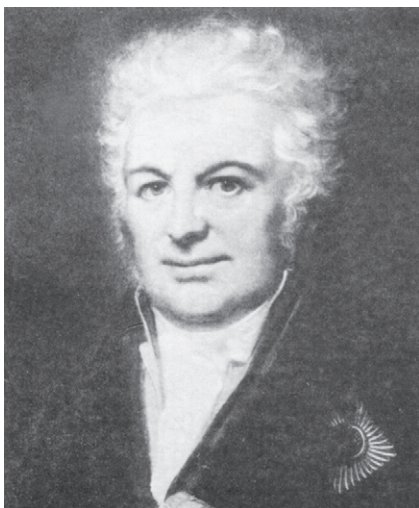
Других вопросов и своих ответов я не помню, но помню хорошо, что вопросов, имевших то или иное отношение к социализму и классовой борьбе, среди них не имелось; этих тем не коснулся и я в своих ответах.

Когда я написал свои ответы, в комнату вошел Степанов, взял их и удалился, оставив меня ждать ответ. Я знал, что в это время ответы мои были оглашены в собрании ложи. Через некот. время вошел Степ., туго завязал мне глаза и повел куда-то, где меня ждали. Здесь мне был задан вопрос:

— Знаете ли Вы, где Вы сейчас находитесь?

Я ответил: «На собрании масонской ложи».

В говорившем я тотчас же узнал Некрасова — его голос мне был хорошо знаком. Вслед за тем Некрасов задал мне вопросы, повторяющие вопросы анкеты; я отвечал в духе своих только что написанных ответов. Затем Некрасов предложил мне

В.В. Долгорукий

встать, я встал и услышал, что встали и все присутствовавшие. Некрасов произнес слова клятвы — об обязанности хранить тайну всегда и при всех случаях, о братском отношении к товарищам по ложе во всех случаях жизни, даже если бы это было связано со смертельной опасностью, о верности в самых трудных условиях. Я повторял слова. Потом Некрасов задал, обращаясь ко всем присутствующим, вопрос:

«Чего просит брат?»

Присутствующие хором ответили:

«Брат просит света!» — вслед за чем Степанов снял мне повязку с глаз и поцеловал меня, нового брата. С такими же поцелуями ко мне подошли и все остальные из присутствующих. Последними, как я теперь увидел, были, кроме Некр. и Степанова, еще член Гос. Д. Волков и прис. пов. А. Я. Гальперн; относительно последнего у меня некот. сомнения — был ли он тогда; возможно, что был и еще кто-нибудь из тех, кого я назову дальше, как членов масонской ложи; помню, что было человек 5-6.

Да, позабыл, акт приема меня был сделан от имени Великого Востока Франции.

Так я поступил в ложу. Заседания последней шли б[олее] или м[енее] регулярно, 2—4 раза в месяц; собирались на квартирах к[ого-]л[ибо] из членов; никаких ритуалов на этих собраниях не соблюдалось; состав несколько менялся, — в общем, руководствовались тем правилом, чтобы в ложе сходились люди, жившие сравнительно недалеко друг от друга, но число присутствующих обычно было 6—8.

Совещания эти носили информационный характер; определенных докладов обычно не было — каждый передавал новую информацию, — за эту последнюю я особенно ценил эти собрания. Из того, конечно, не следует делать вывод, что я не признавал пользы от этой орг. и в других отношениях: я ее ценил как орг., где могут быть выяснены те или иные общие прогр... точки зрения на разл. вопросы, — такое согласование взглядов мне казалось политически весьма полезным.

Наряду с такой информацией о событиях шла и взаимная информация об отношении к ним. Тут бывали и дебаты, причем обострения их всегда избегали: как только замечали, что разногласие не может быть сглажено, что общую формулировку отношения к данному вопросу найти нельзя, то вопрос этот устранился. Но и по тем вопросам, когда имелось сходство отношения, резолюций не выносили, голосований не производили: все, что придавало бы собраниям... связующий характер, было устранено.

В таком порядке шли обмены мнениями по всем основным вопросам, вставшим в порядок дня Гос. Думы и полит. жизни страны вообще. Помню разговоры о войне, о Распутине, о стачечном движении и др. Попыток перехода к активной деятельности, обсуждения и разработки к.-л. планов кампаний не было. Даже по такому вопросу, как выборы в Гос.

Думу, не было попыток поставить вопрос о совместной деятельности, — впрочем, тогда я входил только в ложу, — м[ожет] б[ыть], в Верх. Сов. или др. ложах вопрос и стоял.

Позднее, в период уже IV Гос. Думы, — не помню точно, при каких обстоятельствах, — встал вопрос о введении меня в Верх. Совет рус. лож. Порядок этого введения я теперь вспоминаю не совсем ясно: по-видимому, он был произведен в порядке кооптации меня В. С., но помню также, что моя ложа этот вопрос обсудила, одобрила мое введение в В. С., т[ак] ч[то] я до известной степени был ее представителем в В. С., хотя прямых выборов и не было. Я сообщал ложе о работах В. С. Никаких особых, дополнительных обрядов, присяг и посвящений при переходе в В. С. не было делаяемо.

Председателем В. С. был Некрасов, казначеем — Харитонов. В. С. состоял, помнится, из 12—14 чел.; состав его за мое время (1912—16 гг.) несколько изменялся. Я помню след.: Керенский, Некрасов, Волков (чл. Г[ос.] Д[умы]), Степанов (чл. Г. Д.), А. И. Коновалов (чл. Г. Д.), некто Харитонов, близкий к прогр[ессистам], Н. Д. Соколов, Коллюбакин, Головин (председ. II Г. Д.), Григорович-Барский (из Киева). Головин был представителем Москвы, Григ.-Бар. — Киева. Никаких обрядностей в заседаниях В. С., как и в ложе, не было.

В период работы в В. С. узнал о принадлежности к ложам след. лиц., кроме уже названных: член Гос. Думы И. Демидов, Коновалов, Ржевский, Ефремов, Орлов-Давыдов, Чхенкели, Гегечкори, Скобелев (их троих ввел я), члены I Гос. Д<умы> Лучицкий, Ледницкий (последнего я лично не встречал, но слышал, что он масон), А. И. Браудо (из Публ. Библ.), Н. Н. Суханов, В. Я. Богучарский, Швецов, Сигов (отец), Панкратов (шлисс.), Н. В. Чайковский, поляк

Венцовский... Помню, были разговоры о введении в ложу Г. А. Лопатина, но результата не помню, в ложе с ним я, во всяком случае, не встречался. Всего в Птб. было 3—4 ложи.

По составу среди членов были представители всех левых, вплоть до прогрессистов; [из] окт[ябристов] не было ни одного. О Гучкове, как члене, не слышал и не допускаю.

Были ложи и в провинции — в Москве (из членов знаю лично Головина, слышал, кажется еще и имя Бурышкина), Киеве (Гр.-Барский, проф. Иванов, прогр[ессист], член Г. Д.), Самаре (Кугушев), Саратове(?), Нижнем. На Волге вообще лож было несколько. Сам я сорганизовал ложу в Кутаисе в 1911-м; в нее вошли, кроме нас с Гегечкори, еще Г. Ф. Зданович (по процессу 50) и Петр Кипиани, старик. Общих принципов, кот. руководствовались бы при привлечении, не было; во всяком случае, я их не помню. Я лично не задавался целью особенного расширения состава, — меня, как я уже сказал, — интересовала больше информация, кот. я получал на этих собраниях, поэтому я ограничился лишь тем, что ввел Гегечкори, Чхенкелли и Скобелева, да еще привлек Кипиани, кот. считал по личным качествам подходящим и по личному же влиянию полезным для лож. Здан[ович] был введен... Во всяком случае, тот подход, кот., по Вашим словам, руководился в деле вербовки Керенский (привлечение в ложи тех лиц, кот. при перемене режима могут занять командные посты), в В. С. никогда при мне сформулирован не был.

Ни в ложе, ни в В. С. никаких протоколов не велось, — основным правилом в ложе было вообще не оставлять никаких письмен. документов об организации, поэтому и те анкетные листы, о кот. я упомянул выше, уничтожались немедленно по оглашении в ложе. Единств. документ, кот. существовал в писан-

ном виде, — это устав орг.; его давали прочесть каждому принятому члену и хранили в строгой тайне. Содержание его, даже отд. пунктов, я сейчас не могу припомнить.

Порядок работ В. С. немногим отличался от работ логи. Та же информация, тот же обмен мнениями с затушевыванием острых углов и без к.-л. резолюций, без к.-л. решений. Попыток перехода к практич. деят. — до 1915—16 гг. — не помню; только о Распутине собирали материалы и пытались издать брошюру, а когда это не удалось, распространяли ее в письменном виде... Это отсутствие активности объясняю тем, что как только мы переходили к вопросу о практич. шагах, тотчас же вставали вопросы, кот. нас разъединяли и вовне логи. Помню, напр., в 1913—14 гг. разговоры о стачечном движении, кот. уперлись в вопрос о революции. Я считал, что революция неизбежна, что мы к ней идем и должны работать для ее ускорения. Остальные (во всяком случае, большинство) подходили к этому вопросу с большой опаской, т. к. считали, что «стихия русской массы к добру не может привести», что, зная массу, нельзя увлечься мыслью о насильств. методах борьбы. (Особенно хорошо помню Волкова, кот. твердил мне: «Вы русской массы не знаете!»)

В этих условиях общая деятельность, конечно, не была возможна. К тому же я лично всегда подчеркивал, что я — член партии и фракции, связан дисциплиной и не могу и не хочу, считаю и нецелесообр. и невозможн. вести полит. работу вне моей партии. Оговарюсь, — таких прямых заявлений я не делал, — в этом не было нужды, но это было вообще как бы основной пункт наших отношений, молчаливо, но единодушно принятый с самого начала.

Расхождения заметно обострились и углубились после начала войны. Объявление последней застало меня в провинции — я был тогда в Минской губернии.

До момента объявления войны вопрос о ней, как что-то практически чувствуемое, как что-то близкое, не стоял. Поэтому те общие фразы, кот[орыми] я ответил на соответств. вопросы в анкете, удовлетворяли, по-видимому, всех, — в таком же духе, помнится, я слышал и высказывания других. В июле 1914 г. вопрос стал конкретно и остро. Я вернулся в Птб. накануне известного заседания Думы. Собрания ложи или В. С. до выступления Хаустова не было. Через несколько дней после выступления Хаустова собрался В. С. М[ожет] б[ыть], потому, что все уже знали о моей солидарности с декларацией Хаустова, — во всяком случае, общий вопрос об оценке войны поднят не был, это очевидно считали бесполезным. Вопрос встал в плоскости что делать? Колюбакин заявил, что надо идти на фронт, надо принять участие в борьбе, всячески помогать ей. Колюбакин тогда же пошел на фронт и что-то через месяц был убит. Я высказывался в том смысле, что наша задача лежит в иной плоскости, что война поставит на очередь основные общеполитические проблемы, к решению кот. надо готовиться самим и надо готовить других; надо тяжести перенести на общеполитическую работу в стране. Отношение большинства было неопредел[енное].

Но вскоре стали приезжать люди с театра военных действий; в В. С. читали доклады о настроении армии, — гл. обр., члены Думы, ездившие туда в командировку. Помню, что уже первые доклады, уже через несколько месяцев после начала боевых действий, сообщали о настроениях среди солдат, об их разговорах о земле, о будущем госуд. устройстве России и т. д. Было ясно, что полит. проблемы становятся все более заостренно, но и среди членов ложи, как и в Гос. Д. вообще, довольно долго большинство стояло на позиции невозможности «перепрыгать коней на ходу». Только позднее, после очищения Галиции, после падения

Львова и Варшавы, когда выяснилось, в какой тупик заводит страну война, и в ложах, и в В. С. встал вопрос о полит. перевороте. Ставился он оч[ень] осторожно, не сразу, — переворот мыслился руков. кругами в форме переворота сверху, в форме дворцового переворота. Говорили о необходимости отречения Николая и замены его; кем именно прямо не называли, но думаю, что имели в виду Михаила. В этот период В. С. был сделан ряд шагов по подготовке обществ. мнения к такому перевороту, — помню агит. поездки Керенского и др. в провинцию, кот. совершались по прямому поручению В. С.; помню сборы денег на нужды такого переворота. Кто руководил сбором и какие средства были собраны, я не знаю. Вообще с фин. делами орг. я не знаком, но знаю, что она имела свою кассу, казначеем был, как я уже сказал, Харитонов, о кот. ничего, кроме его фамилии, не знаю (был он, кажется, близок к прогрессистам); были и какие-то взносы, но необязательные, — я их не делал ни разу. О планах активных действий я в В. С. ничего не слышал и не знаю, были ли таковые.

Перед самым мартом 1917 г. деятельность организации еще более расширилась. По уставу отд. лож между собой общения иметь не могли — они сносились лишь через В. С. Но в январе и особ. в феврале 1917 г. было признано в целях влияния на общ. настроение устраивать более широкие собрания, — к числу именно таких созданных по инициативе В. С. собраний относятся те, о которых рассказывают Суханов, Шляпников и др. (февраль 1917 г., гл. обр. у Соколова); на эти собрания, наряду с членами лож, приглашались и посторонние, не члены.

После революции я ни в ложу, ни В. С. не ходил ни разу, — как-то сразу оборвалось: и меня туда не тянуло, и оттуда меня не звали. И была ли там к[акая]- н[ибудь] работа, я не знаю.

Ни партии (Орг. Ком. и Обл. Ком.), ни фракции я о своем участии в ложе не рассказывал; я знал, что для партии мое участие вреда принести не может, а данное обязательство и моя обычная осторожность во всем, что касалось других, заставляли быть особенно сдержанным.

Историей орг[анизации] я мало интересовался, — я знал лишь, что незадолго до моего в нее вступления в ней произошла какая-то реорганизация. Передавали, что главной причиной, побудившей провести ее, было обнаружение где-то в организации человека, кот. считали ненадежным. Кто это был, я не знал. Имени Бебутова, отвечаю на Ваш вопрос, я в этой связи, во всяком случае, не слышал, хотя и знал его: как-то раз мне Гегечкори передал, что есть такой Б. и что он хочет за чем-то со мной познакомиться. Я был у него. Он говорил о своих знакомствах с Бебелем и др., о своей библиотеке, переданной им с.-д. партии и лежавшей тогда в Берлине; попутно за чем-то упомянул, что он масон. На меня он произвел неопределенное впечатление. Помню, мы говорили после с Гегечкори и никак не могли понять, зачем Б. искал встреч с нами.

О военных в ложах я не знал ничего, — не знаю, входили ли таковые или нет. Равным образом ничего не слышал и о сношениях с масонами [последнее, короткое слово не разобрано, залито чернилами].

**Б. И. Николаевский: записки бесед с масоном
Б. И. Элькиным**

*(переговоры Хатисова с вел. кн. Ник. Ник.
накануне февраля 1917 г.)*

Со слов Гучкова: рассказ Смирнова о переговорах Хатисова с Ник. Ник. не полон в части сношений с Н. Н. Они были таковы:

Первый раз Х. явился к Н. Н. вскоре после возвращения на Святках. Надо сказать, что Х. был хорош с Вор[онцовым]- Даш[ковым], и последний, передавая должность Н. Н-у, рекомендовал последнему поддерживать связи с Х. как человеком, через которого можно иметь сношения с левыми кругами. В разговоре с Н. Н. Хатисов передал о поручении совещания лидеров Земгора, — Н. Н. ничего не ответил. На Х. это произвело странное впечатление: в конце концов, он предлагал государственный переворот и свержение монарха, — и никакой реакции, ни словом. Х. ушел смущенным.

На Новый год был прием. Н. Н. обходил всех гостей и говорил. Х-ву сказал только: «Вас я попрошу остаться — мне надо поговорить». Когда прием был кончен, Н. Н. провел Х. в гостиную, где были вел. княгиня-жена и Янушкевич, и сказал: «Я прошу Вас рассказать им все то, что Вы мне говорили». Х. чувствовал себя не совсем по себе, но повторил. Слушали со вниманием. Януш. ставил вопросы делового характера: кто за Вами? Какие генералы Вас поддерживают? Командующие какие фронтов? — По существу вопроса с принципиальной стороны — ни звука: «как будто это не вызывает сомнения и речь только о том, как это выполнить».

Еще любопытнее было поведение жены: она явно горела от сочувствия и нетерпения. Ее реплики: «что я говорила», «я давно говорила» и т. д. Когда из ответов на вопросы Янушкевича выяснилась организационная слабость планов заговорщиков, то она своими репликами стремилась смягчить впечатление и вообще вызывала себя явно сторонницей переворота.

Сам Н. Н. больше молчал, — некоторые вопросы, которые он вставлял, носили тот же характер, что и у Янушкевича.

Беседа кончилась тем, что Н. Н. обещал «подумать». Ответа Х. так и не получил, — только уж числа 26.2, —

как Хатисов после узнал, после того как Н. Н. получил первые вести о серьезности восстания в Птб., — к Х. в гор. управу позвонил Н. Н. Это было необычно, — если и бывали звонки от наместника, то говорил адъютант.

— Я Вас очень прошу сейчас прийти ко мне.

— Хорошо, Ваше Высочество, я только забегу домой переодеться.

— Нет, нет, приходите сейчас же.

— Но мне неловко, Ваше Высочество, я в будничном пиджаке...

— Прошу, приходите в чем есть.

Х. тотчас же пошел, управа была через улицу от Дворца. Когда вошел, то Н. Н. чуть ли не на пороге встретил его словами: «Я согласен».

«Увы, — прибавляет Х., — теперь было уже поздно».

— Это все Гучков рассказал до появления статьи Смирнова. Когда последняя появилась и рассказ в части о роли Н. Н. звучал иначе, то Б. И. Элькин запросил Гучкова, в чем дело? Почему такое расхождение? Гучков ответил: Хатисов поставил Смирнову условием, чтобы эта сторона была устранена.

Б. И. Николаевский:
записи бесед с масоном Н. Д. Соколовым

(Берлин, 1927)

На мой вопрос о масонстве: «Я боюсь, как бы Вы не ошиблись в оценке этого явления, а потому, хотя я сам не принадлежал, я хочу дать Вам некот. руководящие указания:

— Теперь расслоение классовое прошло так глубоко, что есть опасность, что радикал. элементы из раб. и бурж. классов не смогут с собой сговориться о к[аких]-либо общих актах, выгодных обеим сторонам, ибо если это предл[ожение] будет внесено со стороны раб., то

буржуа побоятся, что это усилит их, а если со стороны буржуа, то испугаются рабочие. Поэтому я полагаю, что в такое время создание органов, где представители таких радикальных элем[ентов] из рабоч. [и] нераб. классов могли бы встречаться на нейтральной почве, будет очень и очень полезно.

Мой друг, — продолжил Соколов, — согласился с этим мнением и пошел в масон[скую] ложу».

Этот друг — несомненно сам С[околов] или кто-то из его друзей, с кем вместе он вошел в масоны. Это ясно из дальнейшего разговора, где мысли Соколова путались с мыслями друга, местоимения первого лица с местоимениями третьего.

В общем разговоры С[околова] были явно адвокатского характера — он протяженно развивал мысль, что масон[ское] о-во ничего не давало, что все, что я объясняю масонскими связями, может быть объяснено и иначе: общение в Гос. Думе, работа общая в левой печати и т. д. Но существования мас[онства] он не отрицал и даже косвенно признавал, приглашая быть осторожным и не мешать роль масон[ской] орг[анизации] с другими, существовавшими рядом с последней. С[околов] был разговорчив. По его словам, о них он узнал впервые от Ип. Крымова (?). С последним он говорил в апреле 1917 г. в Кишиневе. Зачем С. приехал туда — не знаю. Встретили там его, говорил он, хорошо: «Старые друзья в память моей работы на процессе по погрому 1903 г. даже тот же номер в той же гостин[ице] сняли, где я остановился в тот приезд». Не успел я как следует осмотреть комнату, как мне сообщают, что какой-то офицер пришел, хочет видеть. Думаю, не убить ли? Но все равно сказал пустить. Вошел — молоденький, рапортует, что ген. Крымов хочет видеть и говорить.

М[ежду] пр[очим], я руки не подал ему — почему, непонятно, а после видел его в Крыму, он сознался — Не хотел я к Вам идти, ненавидел тогда очень Вас за

приказ № 1, но как адъютанту неловко было отказаться, однако про себя решил, если руку подадите, не дам, что бы ни вышло.

Когда сказал про Крымова, о котором я немного слышал, опять мелькнула мысль, не убивать ли, но сразу решил, что тогда не стал бы так офици[иально] через адъютанта.

Сказал, что готов видеть, только прошу немного погодя, ибо еще не успел умыться в назначенное время. Пришел. Говорил о развале армии, о том, что все гибнет, о приказе № 1. «Революцию я, — говорит, — понимаю; армия, конечно, сила и ее надо вырвать из рук врага. Поэтому я понимаю авторов приказа № 1, — делал он как бы реверанс в сторону мою, — но пр[авительст]ва я не понимаю. Как оно может терпеть то положение, которое создалось теперь?» И он просил доложить свою информацию Керенскому, подчеркивая, что так, мол, говорит ген. Крымов.

Попутно Кр[ымов] говорил, что, конечно, то, что теперь творится, наша, офицеров, вина. Мы слишком долго колебались, тянули, а когда взялись, уже поздно было. И попутно рассказал кое-что о военных заговорах. Что 9.II.17 г. в Птб., в кабинете Родзянко, было совещание лидеров Гос. Думы с генералами — были Рузский, Крымов. Решено, что откладывать дальше нельзя, что в апреле, когда Н. будет ехать из ставки, его в районе армии Рузск[ого] задержат и заставят отречься. Крымову — какая-то большая роль.

Позднее С[околов] разузнавал в кругах Гос. Думы и земских и получил сведения, что это была орг., во главе которой стояли Гучков и Родзянко, с ними был связан Родзянко-сын, полк. (?) Преображ. полка, который создал целую орг[анизацию] из крупных офицеров. Чуть ли не и Дм. Павл.

Крымов, по его словам, был намечен в ген.-губ. Птб. с тем, чтобы очистить Птб. от неблагонадежных элемен-

тов. «В момент переворота всякое новое правит[ельство] слабо, — надо ударить решительно, чтобы возможные противники испугались, а то и уничтожить».

Гучков позднее на вопрос, зачем им был нужен Крымов, ответил: «Он не постеснялся бы кого нужно без долгих разговоров вздернуть», причем по тону ответа было ясно, что речь идет о левых.

О масонах у С[околова] прорывалось мало: категорически и с элементом искренности (как бы удивлялся, как он мог не знать?) утверждал, что впервые слышит о Чх. как члене. Сомневался, чтобы были масонские организации в армии и чтобы их членом был Крымов; во всяком случае, уверен, что Кер. с Кр. до р[еволю]ции не был знаком. Когда я сказал, что февральские собрания на его, С[околова], квартире были масонские, категорически и уверенно опротестовал. Когда я заявил, что я не утверждаю, что все присутств. были масоны, что я, наоборот, знаю, что многие не были, — собрания были лишь организованы масонами, С. ответил только: «Как же их тогда можно называть масонскими?»

И тут же, как бы оправдывая свое поведение, говорил, что он давно, еще до 05 г., старался играть роль посредника между с.-д. и либ[ералами]. Как-то раз узнал от одного из друзей, что Милюков выработал крайне умеренную программу для Союза Освобождения, — не ту, которая была опубликована, и собирается ехать к Петрункевичу для переговоров. Я решил предупредить и поехал вперед. Петр. принял очень хорошо и привел меня в восторг своей умной конспирацией: у него в этот день был какой-то обед; я приехал до. Он провел меня в свой кабинет, где мы с ним проговорили часа 3. Гости заседали, потом разъехались, а я за ними.

О нар[одном] праве — «Первый год» и «сборники» составлялись С[околовым] и Миклашевским-Неведомским. Печатали в Лондоне у Пилсудского,

причем посл[едний] заявил: «Если бы Вы были соц., то я бы денег с Вас бы не взял, но так как Вы буржуа, то беру». Из литературных сношений С. имел с Богдановичем, почерк которого удивительно похож на почерк Н. К. Михайловского, так что Соколов, через руки которого прошла рукопись «Насущный вопрос», уверял Б., что автор — М-ский. «Представляю, как Б. внутренне смеялся!» С. был также связан с Венцковским.

**Б. И. Николаевский: записи бесед с масоном
Н. Д. Соколовым**

(Берлин, 18.1.1927)

По-прежнему упорно отрицает о масонах: «Если бы мне пришлось давать показания под присягой про масонов, то я сказал бы, что знал о них, через многие связи получал информацию, но членом никогда не был. После революции связи все порвались и никаких сведений не имел — сердились на приказ № 1». Но тут же заявляет, что не было постановления о закрытии деятельности.

Охотно говорит о заговорах.

Из кругов, близких Некрасову, ему в начале 1917 г. сообщали, что готовится арест царя с вынуждением отречения в пользу Михаила, что руководят Гучков и Терещенко. Когда среди военных участников назвали Крымова, то С. удивился: почему он попал? И все остальные — генералы, чуть ли не все коман[дующие] армиями, а Кр[ымов] — полковник. Н. пояснил, что по плану организаторов нужен человек на пост. команд. войсками Птб. округа: «Левые захотят воспользоваться переворотом, и необходимо в столице иметь человека, который не побоялся бы перевешать кого надо. Кр[ымов] такой — он в три дня очистит Питер от всех, кто не нужен».

Что такое представляет из себя Крымов, С[околов] узнал позже из разговоров с полк. Готовцевым, который теперь очень видный пост занимает у б[ольшевико]в. В 17 году Г. захотел уйти из строя и пришел к С[околову] просить протекции к Керенскому для назначения на пост директора к[акого]-л[ибо] военно-учебного заведения. С., чтоб узнать, с кем имеет дело, завел разговор о прошлом и о Крымове, — дело было тотчас же после истории Корнилова. Г[отовцев] рассказал, что во время войны К[рымова] считали «хорошим офицером с маленьким недостатком: не жалел солдат. На какую-нибудь пустяшную разведку, связанную с огромным риском, с легкой душой слал человек по 25, зная, что много шансов за то, что никто не вернется, а если и вернутся, то со слабым результатом. Нам это казалось “маленьким недостатком”, но когда меня разжаловали в солдаты (Г. дал пощечину сербскому наследнику, который был резок и груб с рус. офиц. Группа последних условилась, что первый, кому наследник скажет грубость, нанесет пощечину. Г. это и сделал, за что царь разжаловал его в солдаты) и попал к Кр., то увидел, что с точки зрения солдата недостаток этот не так-то уже и мал».

Из письма Б. И. Николаевского Б. П. Козьмину

от 3 мая 1927 г.:

«Большое спасибо за пересылку рассказа Чернова о саратовских масонах; поблагодарите от меня и его, если он знает, для кого он писал свою справку. Мне она очень пригодится — о том, что в Саратове ложа существовала, я знал, но ничего более конкретного добыть не мог. Тема эта у меня все разрастается и разрастается, но еще очень много не достаёт. В одном Вы, б. м., смогли бы быть мне очень полезны: в 1915

или 16 гг. в Петрограде, в издательстве «Прометей» была выпущена книга автора, подписавшегося Евграф Сидоренко: «Итальянские угольщики». Сама по себе книга эта весьма безграмотна (ее жестоко разделал тогда же Г. И. Шрейдер в «Голосе Минувшего»), но по ряду обстоятельств для истории русского масонства она в высшей степени важна, и мне иметь ее прямо необходимо. Т. к. в свое время в продажу она поступила в очень незначительном количестве, то найти ее легче всего будет в Ленинграде. Не могли ли бы Вы попросить кого-либо из живущих в Ленинграде и следящих за тамошним антикварным рынком поискать и если удастся, то и купить эту книгу? Все расходы я, конечно, тотчас же возмещу. Буду Вам очень признателен, если Вы сможете оказать мне эту услугу, и буду рад быть в свою очередь чем-нибудь полезным Вам».

Б. И. Николаевский:
записи бесед с масоном Е. П. Гегечкори
(Брюссель, 7 августа 1928 г.)

Это было, кажется, в 1909 г. У нас, с.-д. депутатов, сложились очень хорошие отношения со Степановым, Волковым, Некрасовым, с группой левых к.-д. вообще. Несмотря на общую атмосферу, очень неблагоприятную для левых, они не только не сторонились от нас, но даже как бы сознательно искали с нами связи. Причины этого я понял только после того, как Чхеидзе ввел меня в масонскую ложу. Первым разговор со мной повел на эту тему Чхеидзе, который после долгих колебаний, что чувствовалось по его подходам, сообщил мне, что именно эта группа левых кадетов предложила ему войти в ложу. Он спрашивал мое мнение и хотел, чтобы в ложу вошел и я. Я спросил, как относится к этому делу он сам. Ч. ответил, что он уже дал

согласие. Я, зная об отрицательном отношении партии ко всякого рода внепартийным объединениям, стал тогда расспрашивать более подробно о задачах масонской организации и мотивах его положительного ответа. Ч. мне объяснил, что эта организация по своим задачам носит определенно революционный характер, что она стремится к насильственному перевороту, что она представляет из себя значительную силу, будучи довольно широко распространена в интеллигентских кругах, и что с нашей стороны было бы в высшей степени нецелесообразно остаться вне подобной организации, которая в будущем сможет сыграть весьма значительную роль; наоборот, если мы в нее войдем и постараемся оказывать воздействие на эту организацию, на ее политич. мнения, в желательном для нас, с.-д., направлении, то это может быть очень полезно с точки зрения тех задач, которые станут перед нами, с.-д. При этом он сообщил, что выяснил, что в организацию не входят правые элементы (правее прогрессистов) и что и для дальнейшего им было поставлено условие о неприятии таких элементов и это условие руководителями организации принято. Эти соображения для меня решили вопрос и я дал свое согласие, после чего состоялась моя встреча с Волковым и Некрасовым. Последние подтвердили все сообщенное Чхеидзе относительно революционного характера организации, что она действительно, оставаясь организационно непартийной, стремится к тем же политическим целям, которые преследуют революционные организации.

После ряда таких разговоров произошло посвящение, процедура которого в общем совпала с тем, что стоит в Вашей записи рассказа Чхеидзе. В назначенный день за мной приехал Волков и в карете повез меня куда-то в район Морской, где меня ввели в чей-то особняк, — я до сих пор не знаю, чей он был (во всяком случае, не Набокова). Там меня оставили

в отдельной комнате, куда ко мне пришел Некрасов, принеся анкетный лист. Я его заполнил. Помнится, что на вопрос: «Как Вы относитесь к семье?», я ответил: «Считаю ее свободным союзом личностей, связанных общностью интересов и культурного уровня». На вопрос: «Как Вы относитесь к дружбе?» — «Считаю ее моральным обязательством, которое человек берет на себя по доброй воле и которое для него с этого момента является морально обязательным». На вопрос об отношении к войне я, оговорив о недопустимости изменческих действий, указал, что считал бы обязанностью стремиться к превращению войны в революцию. О религии, — что сам отношусь к ней отрицательно, считаю ее опиумом, но в то же время рассматриваю ее как частное дело каждого.

Помню, что был еще вопрос о личной храбрости, — о своей способности пожертвовать своей жизнью и интересами семьи и близких для дела, которое я считаю общественно полезным. Я ответил, что этот вопрос мне кажется несколько неудобным: сказать «да» было бы слишком смело, самонадеянно; сказать же «нет» было бы несправедливостью по отношению к себе. Такого рода самопожертвование я считаю в известных условиях, т. е. если задача, во имя которой жертва приносится, соответствует той политической работе, которой я себя посвятил, необходимым, но говорить заранее о личной способности на подобный акт нельзя; это выяснится, когда дело дойдет до действия.

Когда я заполнил анкету, за ней зашел Некрасов и забрал ее; потом через некоторое время он же завязал мне глаза и повел в комнату, где заседали члены логи. Здесь мне снова задали вопросы анкеты, на которые я отвечал устно в том же духе, что и письменно перед тем, после чего мне сказали слова клятвы, которую я повторил. В этой клятве было заявление об обязанности держать все, что относится до организации, в тайне

от всех, даже самых близких людей и от семьи; о готовности принести в жертву интересы семьи и близких в пользу тех задач, которые преследует ложа; в этой же клятве говорилось, что если по моей вине тайна ложи разгласится и это повлечет за собой ее провал, то я признаю себя подлежащим смертной казни.

Всю эту клятву я произносил стоя с завязанными глазами; в наиболее патетических местах клятвы, например, при заявлении о готовности пожертвовать собой, к моей груди приставляли шпагу. Во всей этой процедуре было что-то неприятно жуткое; меня при этом ни на минуту не покидала мысль, что я делаю ошибку, вступая в эту организацию тайно от партии, скрывая этот свой шаг от последней, но в то же время вся она в целом, со всей своей необычностью для революционной среды, я должен это признать, — действовала на меня несколько импонирующе.

После принесения клятвы и того стереотипного вопроса, который приведен в рассказе Чхеидзе («Чего просит брат?»), мне сняли повязку с глаз и все присутствующие подошли с поцелуями. Среди них были Некрасов (председ.), Степанов, Н. Д. Соколов, Г. Ф. Зданович (помню, его присутствие меня очень удивило), Чхеидзе, крупный сотрудник «Рус. Вед.» Обнинский (он был казначеем ложи), некто Харитонов, старый революционер; Орлов-Давыдов.

Собрания ложи происходили регулярно каждую неделю, и я настолько увлекся этим делом, что не пропустил ни одного из них. Недоверчивое отношение, которое у меня было вначале, быстро рассеялось. Атмосфера братского внимания друг к другу, стремление оказывать братьям помощь во всех делах, отсутствие враждебности и борьбы — все это действовало подкупающе. На собраниях ложи обсуждали политические вопросы, обменивались мнениями о положении дел, о действиях, намеченных партиями, или о том, что сде-

лать следует. Ложа сама решений не принимала — она только намечала их и вносила в форме предложений в Верховный Совет (через Некрасова). Нашей с.-д. деятельности ложа не стесняла; ее решения нас не связывали — скорее она нам помогала, так как члены ложи из других партий помогали нашим выступлениям, например, давая свои подписи под нашими запросами, даже в таких мелочах они нас поддерживали, как аплодисменты при выступлениях, создавая в Гос. Думе атмосферу успеха для наших выступлений.

Из наиболее ярких случаев, когда ложа оказывалась полезной для наших с.-д. выступлений, мне памятен следующий: после роспуска Г. Думы на 3 дня в связи с Холмским земством с.-д. фракция внесла срочный запрос о нарушении Столыпиным основных законов; этот наш шаг вызвал недовольство буржуазной, даже левой печати; к.-д. газеты писали, а к.-д. политики говорили, что с.-д. не справятся с задачей, что они должны уступить этот запрос к.-д., у которых имеются лучшие ораторские и политические силы (сами к.-д. с внесением запроса запоздали, — мы их опередили). Ответственную речь фракция поручила мне, и тогда Некрасов, который вообще в это время сидел рядом с нами и был по существу на нашей стороне, а не на стороне к.-д., посоветовал мне обратиться к М. М. Ковалевскому, обещая, что тот поможет в подготовке выступления. Я обратился, и Ковалевский действительно помог всем, чем только мог: он работал весь день, перевернул всю свою библиотеку, пересмотрел все зап.-европ. конституции, всех государствоведов и дал мне такой обильный материал, что речь вышла блестящей, и даже к.-д. вынуждены были признать, что с.-д. фракция оказалась на высоте задачи. Когда я благодарил Ковалевского за помощь, он мне ответил: «Это ведь мой долг в отношении близкого человека». Меня этот ответ несколько удивил — близким я к Ко-

валевскому никогда не был, видел его тогда чуть ли не в первый раз. Это мое недоумение сказалось и в моем рассказе Некрасову о приеме, который мне был сделан Ковалевским. Некрасов ответил в тон Ковалевского: «Иначе он (т. е. .) и не мог поступить». Из этого я понял, что М. М. К. близок к масонской организации¹.

Между прочим, М. М. К. устраивал в каждую пасху особые пасхальные приемы, на которые собиралось человек до 40. Туда стал он звать и меня после того, как я вступил в ложу. На них бывали все члены нашей ложи, я думаю, что на этих собраниях вообще бывали одни только масоны. Там я встречал еще Колюбакина, Караулова, адвоката Бернштама (высокий, которого звали «Умный Б» в отличие от другого Б.), Сидамона-Эристов.

Масонская организация была очень конспиративна, отнюдь не стремилась к большому расширению своих рамок, новых членов принимали с большим разбором, тщательно обсуждая новых кандидатов; нередко предложенные кем-либо из членов кандидатуры отвергались; в нашей, например, ложе была как-то выдвинута кандидатура Булата, но после обсуждения отклонена, т. к. его признали недостаточно конспиративным. Вообще рост организации иногда даже искусственно сдерживали сверху. Но при всем этом организация была очень активна и производила впечатление молодой, верящей в свое дело. Мы, с.-д., большой активности не проявляли — мы вообще смотрели на себя как на элемент в известных пределах сторонний этой организации, роль наша была больше созерцательной. Но главари из радикал.-демокр. интеллигенции вкладывали в свою работу много активности и энтузиазма. Сильно импонировало и то обстоятельство, что у ор-

¹ Ковалевский, по рассказу Гальперна, в русск. ложи не входил, но был масоном шотландского толка.

ганизации были значительные средства, позволявшие ей не останавливаться перед крупными расходами на объезды провинции и т. д.

В заседаниях ложи члены ее откровенно рассказывали о всех делах организаций, рассказывали о внутренней жизни с.-д. организации и мы.

Кажется, в 1913 г. я был сделан мастером. В процедуру посвящения входило произнесение речи, своего рода докторской диссертации. Я выбрал тему: «О роли масонства в революционной борьбе» и говорил о том, как масонские организации могут способствовать революции. После произнесения речи я удалился, в мое отсутствие была проверена моя работа, было констатировано, что я удачно прошел испытание и признан достойным. Звание мастера давало право приема других в ложу, посвящение мое было проведено потому, что я уезжал из Петербурга и должен был действовать в провинции. Но действовать там мне почти не пришлось. Только в 1915 или 1916 г., уже во время войны, в Кутаиси приезжал представитель Верх. Совета Урусов, и он с помощью местных братьев — Здановича, Чхеидзе и меня — создал кавказскую ложу; в нее были введены:

1. Кита Абашидзе, соц.-фед., друг Здановича; Кутаиси.

2. Ясон Бакрадзе, юрист, общ. деятель, с.-ф.; Кутаиси.

3. Петр Кипиани, с.-ф.; Кутаиси (все трое из круга Здановича).

4. Доктор Александр Диосамидзе (брат берлинского), с.-ф.; Тифлис.

Функционировала ли эта ложа и что делала, я не знаю, но приняты в члены эти лица были в моем присутствии. Я в работе ложи дальше не участвовал. Она была предоставлена собственным силам.

В 1917 г. ложи в Петербурге продолжали работать. Чхеидзе мне в марте писал: «Братья наши проявляют

большую активность». Некрасов и Чхеидзе переговоры вели как брат с братом. Мне передавали, что в марте Милуков был противником введения в правительство Керенского и Терещенко и, когда их все же ввели, говорил о «какой-то неведомой силе», которая начинает нависать над правительством. Но я, когда узнал список членов Временного правительства, сразу понял, откуда явились некоторые раньше малоизвестные имена.

Б. И. Николаевский:
записи бесед с масоном П. Н. Милуковым
у Б. И. Элькина
(Берлин, 8.1.1927)

В 1912 г., после созыва IV Гос. Думы, во фракции к.-д. наметился перелом настроения. В III Гос. Д. к.-д. приходилось все время вести работу строго в рамках обороны — только к самому ее концу наметилось некоторое оживление. Выборы дали победу к.-д. и открыли возможность перехода в наступление, хотя бы частично: увеличилось число мандатов и, что еще важнее, наметился сдвиг настроения избирателей. Поэтому, как только новая фр[акция] съехалась, был поставлен вопрос о принципах тактики и о плане работ в Гос. Думе.

Прения с участием всех членов ЦК тянулись долго, борьба была довольно серьезная. М[илуков] с самого начала почувствовал, что против него выступает довольно сплоченная и довольно сильная группа — лидером ее был Некрасов. Основная линия деления проходила, по формул[ировке] М., в отношении к революции и рев. методам ликвидации самодержавия. М. отстаивал необходимость ориентироваться на эволюцию и вести борьбу строго конституц. методами.

Н. говорил о необходимости держать курс на насильственную ликвидацию самодержавия.

По каким именно конкретным поводам выступил наружу этот общий спор, М. теперь не помнит, но он хорошо помнит, что вопрос встал именно в этой форме, и очень заостренно, даже абстрактно, что, по мнению М., и содействовало решительности поражения Некрасова, от кот. скоро отошла значительная часть его сторонников, — напр. Степанов и др. Горячо за Некрасова держался Колубакин, кот. был вторым лидером «левых». В итоге спора Н. оказался в незначительном меньшинстве.

Вторым, производным вопросом был спор об отношении к более левым группировкам. Н. и Кол. были сторонниками тесного контакта с ними, строгого согласования с ними деятельности во всех вопросах вообще «левого блока». М., не отказываясь от согласования, когда это нужно, был против блока. Он полагал, что партии к.-д. придется бороться за избирателя и с левыми партиями, и поэтому нужно стремиться возможно четче выявить свое лицо и свои положит. стороны и в отношениях направо, и в отношениях налево. Линия М. опять-таки победила значительным большинством, и принятый план намечал внесение к.-д. ряда своих законопроектов, в том числе всю серию разработанных в 06—07 гг. законопроектов о свободах и т. д.

Поражению Некрасова, по словам М., сильно содействовали выявившиеся в процессе прений антипатичные черты его характера — склонность к интригам, большое честолюбие и т. д. «Надо сказать, что ведь Н., как человек, очень неприятный — интриган, выбирающий самые извилистые пути».

Потерпев поражение во время этих общих споров, Н. не отказался от своих взглядов и в дальнейшем и все это время упорно проводил свою особую линию,

формируя внутри кадетской фракции свою фракцию. Это чувствовалось на каждом шагу, и М. приходилось постоянно вести с ним борьбу. Из конкретных споров М. (и то после моего напоминания) вспомнил спор о подписях под запросами левых. М. действительно был очень недоволен тем, что члены к.-д. партии дают свои подписи под такими запросами левых, кот. идут вразрез с общей линией фракции, обостряя без нужды отношения с октябристами и т. д., и внес во фракцию предложение о даче ее членами подписей под чужие запросы только в тех случаях, когда фракция, как целое, т. е. ее президиум, это разрешает. Несмотря на сопротивление Н., это предложение было принято, но соблюдалось далеко не всегда.

Очень ясно М. почувствовал существование особого сплоченного фронта в дни мартовской революции.

Непосредственно перед ней среди деятелей левого крыла прогр. блока усиленно разрабатывался вопрос о программе на случай револ. событий. М. М. Федоров созвал ряд собраний, кот. состоялись в помещ. торг.-пром. комитета. Присутствовали ряд членов к.-д. и прогрессистов, кое-кто из Ц[ентрального] В[оенно]-П[ромышленного] К[омите]та, из союзов земств и городов; был, м[ежду] пр[очим], Терещенко. По какому принципу производился подбор, М. не знает — этим делом ведал Федоров. На этих собраниях намечена была программа переворота: конституц. монархия, Алексей с регентом — Михаилом; кабинет во главе с кн. Львовым (кандидатура Родзянко была отведена, и Р. считал в этом виновным Милюкова, за что злился на него; так и было, но теперь М. сожалеет о том, что проводил Львова; что было бы в др. случае, не знает, но так вышло плохо) и т. д. Левых в кабинет приглашать не предполагалось — считалось, что не пойдут.

Эта программа была принята единогласно (о ней были в общих чертах осведомлены и правые члены

прогр. блока, кот. не возражали) и считалась официальной до самой речи Милюкова в полуциркульном зале. После нее М. на совещаниях Врем. к-та и др., где решались вопросы, наткнулся на сплошной фронт республиканцев во главе с Некрасовым. Этот последний набросал и первый проект заявления о республ. (?), заявление это было неудачное — «юридически неграмотно» — и было оставлено без внимания, но идея отречения Михаила победила.

О заговорах знает мало.

Кн. Львов рассказывал М-ву, что вел переговоры с Алексеевым осенью 1916 г. У Алексеева был план ареста царицы в ставке и заточения. План был совершенно не продуман; что делать в случае сопротивления царя, никто не знал. Он не был осуществлен, т. к. Алексеев захворал и принужден был уехать в Крым, — тогда ходили слухи, что Н. П. узнал и А. пытались отравить <так в источнике>.

Вырубов рассказывал М-ву, что он по поручению Г. Львова ездил тогда в Крым к Алексееву, чтобы продолжить переговоры. Но А. сделал вид, что ничего не знает и никаких таких намерений никогда не имел.

В заговор Крымова—Терещенко—Гучкова М. совершенно не был посвящен — знал только, что что-то готовится, но что именно, не знал. Никого М. не уговаривал отсрочить переворот.

Милюков П. Н. — доп.

При обсуждении вопроса о регентстве М. внес предложение переехать в Москву, где «верные полки найдутся». Перед этим в качестве аргумента за невозможность принять корону выдвигали тот довод, что с таким известием нельзя выйти на улицу, не найдется ни одной части, кот. поддержала бы.

О масонах [Милюков] ничего не знал. Правда, в период IV Гос. Д. к нему обращались с разговорами на тему о масонах, но, натываясь на его отрицательные

отзывы, дальнейшие беседы прекращали. И он сам на эти разговоры внимания не обращал, считая их несерьезными; только уже в 1917 г., узнав о существовании м[асонской] о[рганизации], вспомнил об этих попытках, но и до сих пор ничего серьезного о м. не знает¹.

Записи Б. И. Николаевского

Гр. Ил. Шрейдер (Брюссель, 5.8.1928)

В «Освобожд.» напечатал статью «Как бороться против самодержавия» или что-то вроде за подписью (греческой) гаммы. Это было введение к докладу, кот. и прочел моск. группе «Освобождение».

В «Рев. Мысли» писал за подписью Гринич.

П. Струве

Сватиков (Париж, 13.8.1928)

«Письмо к Николаю II» П. Б. Струве гектографировал в первом издании Родичев.

Терещенко в 1917 году.

Цертели (Париж, 16.8.1928)

Когда ехали в Киев VI.1917 для переговоров с Центр. Радой в царском литерном поезде, то Терещенко, м. пр., сказал: «Все я прежде мог иметь за деньги, только не свой собственный вагон на жел. дороге. Много об этом думал и очень хотел — а нельзя. Это мне дала революция».

Масон Ю. М. Антоновский.

Потресов (Париж, 16.8.1928)

Масоном был Юлий Мих. Антоновский, к.-д., мировой судья в Птб. Старый знакомый Потресова. По-

¹ Как Милюков, так и Керенский всю жизнь отрицали свою принадлежность к масонству. На самом деле Милюков был масоном самого высокого посвящения, о чем свидетельствуют приводимые документы.

степенно разочаровывался в масонстве — ничего не делают, и подходил к с.-д. Умер около 1911 г.

Б. И. Николаевский — масону С. Г. Сватикову

(26.1.1930)

Многоуважаемый Сергей Григорьевич,

Я очень извиняюсь за задержку с ответом на Ваше письмо от 30.XII. На срочную часть его я ответил тогда же открыткой, надеюсь, ее Вы получили? — а затем завертели меня текущие дела.

Спасибо за сведения о Бебутове. И все же Вы в справках о нем и в поручительствах за него будьте поосторожнее. Обвинение относительно его службы у немцев, по-видимому, тоже имеет некоторую долю основательности: я знаю человека — из эмигрантов, проводивших все время войны в Берлине, — кот. на этот счет предупреждал Макс. Гарден. Роль, кот. он сыграл в Стокгольме в деле устройства встречи Протопопова с немцами, тоже одной случайностью объяснена не может. Он, несомненно, был использован немцами и, несомненно же, сознательно шел на это. Но меня теперь интересует не это, а его сношения с Деп. пол. Я не знаю, осведомлены ли Вы о причинах, почему именно на Б. пало это подозрение? Знаете ли Вы о масонских ложах, существовавших в Питере в 1906 и сл. годах? Число членов в них было очень ограничено, тем не менее, в «Нов. Вр.» сведения о них просочились вполне точные — в фельетонах Манасевича-Мануйлова. Расследование, произведенное в этих ложах, и дало основание для обвинений против Б. Соколов — сам тоже масон — только поддерживал обвинения, выдвинутые там. Я довольно хорошо знаю эту историю; я допросил на этот счет и Соколова, и некоторых других. Их данные мне казались не вполне достаточными для решения вопроса — расследование этой части особенно трудно, т. к. масоны принципиально не

рассказывают о своей организации, даже вообще отрицают ее существование, а в этих условиях их утверждения неминуемо должны казаться висящими в воздухе. Но мне удалось найти одно свидетельство, кот. решает почти все загадки в этом вопросе, а именно указание, что Б. и еще один общественный деятель с довольно большими связями были не служащими Деп. пол., а информаторами, дававшими сведения в частном порядке Манасевичу-Мануйлову. Этим объясняется и тот факт, что Деп. пол. (помните «Дело о командировке кол. асес. Алексеева», напечатанное в «Былом»?) и питерская Охрана (об этом мне говорил Герасимов) ничего о масонах не знали. Частная информация М. была нужна для обслуживания придворных кругов и отсюда же шли деньги на оплату Б. — обо всей этой истории в печати рассказывать я не собираюсь, — если только не буду писать историю русского масонства начала XX века, — тогда ее придется рассказать. Сообщаю о ней Вам только для сведения. А знаете ли Вы вообще что-либо об этих масонах? Я подбираю все детали о них и с историей их центра знаком довольно хорошо, но все же многое мне еще неясно, а потому был бы очень благодарен за все мелочи.

Одновременно почтой посылаю Вам комплект «Революц. Мысли» и очень прошу спросить Агафонова об авторах печатавшихся в ней статей и корреспонденций. Кого бы еще могли спросить Вы? Шлю Вам также оттиск только что напечатанной статьи о Бакуanine. К сожалению, оттиски сделали без той брошюры Б., предисловием к кот. является моя статья. При чтении ее только имейте в виду, что эта статья — одна из задуманной серии статей о Бакуanine 40-х гг. У меня о нем сейчас собирается очень много материалов, в том числе и крайне интересных. Если у Вас есть какие-нибудь замечания по существу этой статьи, я Вам буду крайне благодарен за все указания.

Крепко жму руку и желаю всего хорошего. Да, чуть не забыл относительно Гуля: Вы, по-видимому, думаете, что я имел какое-то отношение к этому роману. Могу Вас уверить, что никакого, и что я ни в какой мере не несу ответственности за его содержание. Г. брал у меня книги, — я даю каждому, кто ко мне за ними обращается, какого бы лагеря он не был (у меня их брал, напр., и один из здешних кирилловцев), — если только я знаю, что он не чекист и не контрразведчик. Если считать меня ответственным за все вещи, авторы кот. пользовались книгами от меня, пришлось бы отвечать за прямо противоположные отзывы и мнения. Но [это], конечно, неправильно. Контролировать, как они используют получаемые...¹

Б. И. Николаевский: записи бесед с масонами

Тат. Ал. Бакунина.

(у нее, 11, Sq. dePort-royal; 29.3.1935)

Получает письма от Арсеньева о масонах. М. пр., А[рсеньев] слышал от Вересаева, что в присутствии последнего Степанов-Скворцов был принят Урусовым в масон[скую] ложу в Москве.

Тот же Арс[еньев] сообщал, что с мас[онами] как-то был связан Вл. Ф. Джунковский. Масоном был Зилов, в 06—07 гг. попечитель киев[ского] учебн[ого] округа.

Маргулиес М. С.

В 07—09 гг. Совет рус[ских] лож состоял из 5 чел. (На Зап[аде] состоит из 33 чел., — эта цифра мистическая: год смерти Христа). Председ[атель] С. Д. Урусов; 1-й тов. предс. — Головин, председ. II Гос. Д[умы]; 2-й тов. предс. — Маргулиес; казначей — Орлов-Давыдов;

¹ На этом текст письма обрывается. — О. П.

секретарь — Бебутов. С самого начала Совет ставил задачу «обволакивания» власти людьми, сочувствующими масонству.

О существовании шведского ритуала («Карма» [?]) слышал, но точно не знает.

В. Я. Гуревич (Берлин, 10.5.1930)

Обстановка привлечения в ложу: работал во фракции труд. группы. Как-то вышло столкновение на полит. почве с Керен[ским]. Очень острое — чуть ли не разговоры о дуэли. После того, как уладилось, на новогодней встрече 1914 г. Кер[енский] подошел и сказал, что хочет переговорить. В разговоре: существует полит[ическая] организация в масон[ских] формах; согласны ли? Г[уревич] согласился. Начались переговоры. На заседание ложи Г[уревича] привез Коровиченко. Обряд посвящения: форм. было мало, но клятва была. Заседаний до высылки было мало. Вопросы исключительно политические. На заседаниях ложи бывали член Гос. Думы Виноградов, Коровиченко, Керенский, А. А. Исаев, Барт, Знаменский.

В 1917 г. ничего не слышал, но в начале 1918 г. была попытка возобновить заседания. Инициатива А. А. Исаева. Присутствовал также Виноградов. Вопросы борьбы с большевиками.

В годы Д[альне]-В[осточной] Р[еспублики] Знаменский предлагал возобновить деятельность лож во Владивостоке. Были разговоры, но ничего не вышло.

Б. И. Николаевский — С. П. Мельгунову

14 мая 1930 г.

Дорогой Сергей Петрович,

Вашу книгу я получил, и мне очень совестно, что я до сих пор об этом Вам не написал. Причина, как во-

дится, в благих желаниях: я решил написать после прочтения, чтобы заодно сделать и фактические указания, если таковые будут. Но из-за обилия работы, кот. было особенно много ввиду только что закончившейся сессии Исп. Ком. Интернационала, я до сих пор еще не окончил Вашей книги. Совестно мне только, что Вы и мое имя упомянули в числе лиц, дававших Вам разные справки: ведь по существу я ничем полезным быть Вам не смог.

Относительно масонства: я вполне определенно знаю, что Гучков масоном никогда не был, по крайней мере, никогда не принадлежал к русскому масонству: ни в его первый период, когда это масонство носило более или менее обывательский характер, ни тем более во второй, когда это масонство реорганизовалось в карбонарскую сеть. Больше того, с масонством у Гучкова было даже столкновение, о масонской подкладке которого сам Г. не знает. Относительно В. Львова я вопроса не выяснял специально, но и его принадлежность я считаю невероятной: мои свидетели расходятся по вопросу о том, было формальное решение Верховного Совета о неприятии октябристов в ложи или такого решения не было; но все они сходятся в том, что на практике, по-видимому, ни одного октябриста в ложи принято не было. Если бы в ложи был принят октябрист-депутат, то мои свидетели знать об этом должны были бы.

По поводу Вашей книги — пока только одно: знаете ли Вы, что обстрел Кремля из пушек в октябре 17 года производил профессор Московского университета астроном Штернберг, кот. позднее был членом Реввоенсовета Востфронта и умер в начале 1920 г. от воспаления легких? Об этом рассказано в каких-то мемуарах. Ш. — один из руководителей Военно-технического бюро московской организации большевиков в 1906 и сл. годах, с тех пор готовившийся к вооруженным

восстаниям и в октябре 17 года использовавший эту свою подготовку. Он — муж Варв. Ник. Яковлевой. В мемуарах сообщалось, что ему пришлось самому производить и наводку орудий, и стрельбу, т. к. большевистские солдаты-артиллеристы годны были лишь на подсобные работы.

Желаю всего хорошего и с интересом жду следующих частей Вашей работы.

Б. И. Николаевский — С. П. Мельгунову

27 мая 1930 г.

Дорогой Сергей Петрович,

Я просмотрел 22-ю книжку «Красного Архива» и не нашел в ней того документа, про кот. Вы сообщаете. В чем дело? В какой другой книжке он напечатан? По существу: насколько я знаю, кн. Львов тоже не входил в масонскую организацию. Он несомненно был очень близок с рядом ее деятелей; я уверен, что он знал о ее существовании, но, по-видимому, и только. О существовании в 1915 г. тройки в указанном составе я ничего не знаю и думаю (почти что уверен), что такой тройки тогда не было. Я знаю, что «тройка» с планами переворота существовала с осени 1916 г. и что она готовила похищение царя, но состав ее был несколько иной. Об этом действительно пора было рассказать, но «масоны не позволяют». Чем может объясняться ошибка в публикации «архивиста», мне судить пока трудно: надо было бы прочесть эту заметку. Но, конечно, Вы правы: о сознательной со стороны этого «архивиста» фальсификации документов говорить нет основания. Я вообще не знаю случая, чтобы «Кр. Арх.» напечатал фальшивый документ, и, во всяком случае, убежден, что для дореволюционной эпохи ожидать такой фальсификации нет никакого основания. Но могла быть какая-либо описка

или ошибка, кот. позволила замечания о комитете 16—17 гг. отнести 15 году.

А в какой связи Вы интересуетесь теперь этими разговорами?

**Б. И. Николаевский — масону М. А. Алданову
(наст. фам. Ландау)**

23 января 1931 г.

Многоуважаемый Марк Александрович,

Большое Вам спасибо за Ваши поиски и письмо. Я, очевидно, неясно в своем письме выразился: ссылки, кот. делал Сиркур в своих воспоминаниях, были сделаны им на его личный архив, в кот. он оставлял копии всех своих докладов. Ныне эти копии хранятся в Национ. б-ке в Париже. Именно по ним проверял воспоминания Сиркура издатель их, Бурген, к ним относится и слово «связка». Но в этих черновиках сохранилось не все: некоторые доклады остались у Сиркура только в форме конспектов, именно их мне больше всего хотелось найти в подлинниках. Предположение директора архива, что Ламартин некоторых докладов Сиркура не передал в официальную канцелярию министерства, вполне правдоподобно: конец миссии Сиркура был таков, что Ламартин, за нее ответственный, не мог хотеть не оставить материалы. Во всяком случае, ясно, что дальнейшие поиски в этом направлении бесполезны. Еще раз большое спасибо за эту мешкотную работу. Хочется надеяться, что я смогу чем-нибудь за нее отблагодарить.

Если директор сообщит Вам про ту переписку о Бакуanine, про которую Вам передал, то я прошу Вас иметь в виду, что один документ о Бакуanine из бумаг франц. М[инистерст]ва ин. дел мне известен, а именно просьба саксонского правительства о розыске некоего кн. Гика и о допросе его о знакомстве с Бакуаниным.

Франц. М-во эту просьбу отклонило, сославшись на закон о невыдаче политических эмигрантов. Переписка эта относится к лету 1849 г. Если директор нашел какой-нибудь другой документ, то [это] представит для меня большой интерес.

В здании Департамента полиции на Фонтанке летом 1918 г. помещался архив Деп. полиции: последний раз я лично там был в июле 18 г. Архи... <пропуск в источнике> секретного и особого отделов, регистратуры, кабинет директора и т. д. Заведовал им тогда Щеголев, кот. готовил его к перевозке в Сенат. Перевозка состоялась в августе — сентябре. Что помещалось в нижних этажах, я сейчас не помню. В 17 г. там было помещение суда, перемещенного туда из сгоревшего здания на Литейном. По-видимому, в 18 г. там было какое-то из мелких учреждений наркомюста, но именно мелкое, т. к. Штейнберг, кот., как Вы знаете, был наркомюстом в начале 18 г., этого здания не помнит и там ни разу не был.

Чека помещалась только на Гороховой.

Казни осени 18 г.: мне передавали о расстрелах на море и сбрасывании трупов в воду. Но Штейнберг, у кот. я пытался это сообщение проверить, вспоминает, что ему тогда говорили, что баржа доставила арестованных на Лисий Нос, где они и были расстреляны из пулеметов. Т. к. он в этот период был уже за границей, то его сведения идут из третьих рук, но все же они вполне правдоподобны.

Статьи Мельгунова¹ я читал с большим интересом. Он ставит крайне важные вопросы. Но, поскольку я могу судить по тем разделам, кот. мне хорошо знакомы, он многого не знает и потому многое неправильно толкует. В частности, он совершенно не знает истории масонов: роспуск их в 1911 г. был фиктивным для

¹ Статьи Мельгунова в газете «За Свободу» о заговоре 1916 года.

того, чтобы устранить подозрительного Бебутова и еще одного и тех, кто с ними был лично связан. Остальные именно в этот период сплотились и создали прочную организацию, имевшую 3 всероссийских съезда, оформленный совет, организации в 12–15 городах, свыше 100 членов в одном Птб. и т. д. У меня собрано о них очень много вполне точного материала, — я даже думаю завести особую «масонскую картотеку» — но публиковать этот материал, пожалуй, еще рано: многие живут в России, а там ГПУ теперь особенно внимательно интересуется масонством и может пытаться искать непосредственные нити от прошлого к настоящему.

Еще раз большое спасибо за поиски. Крепко жму руку и желаю всего...¹

Б. И. Николаевский:
записи бесед с масоном А. Я. Гальперном

1933 г.

(Привел меня к нему, на его парижскую квартиру, А. Э. Дюбуа, предварительно предупредив по телефону, что я хочу кое о чем расспросить. Это было в среду, 15.VIII.28 г. После первых фраз я прямо поставил вопрос, хочет ли он мне рассказать о масонской организации? А. Я. сначала колебался — «я переговорю с некоторыми коллегами», — но, увидев, что я уже знаю очень многое и после того как я объяснил мою задачу и планы (публиковать сейчас не хочу, — если придется, снесусь с ним), то он согласился рассказать. Рассказ шел в четверг, 16.VIII.28, утром, и в субботу, 18.VIII.28, вечером.)

О ранних периодах русского масонства мне известно следующее: несколько русских были посвящены в масоны во Франции, в GrandOrient, еще давно; среди

На этом обрывается текст письма. — О. П.

них я знаю Серг. Дм. Урусова, гр. Орлова-Давыдова, Евг. Ив. Кедрина, доктора Баженова, М. С. Маргулиеса, Обнинского, Бебутова; кажется, был фр. масоном и Маклаков; М. М. Ковалевский был масоном шотландским. Организовали ли они в период 1906—07 гг. русскую ложу в Петербурге или просто сходились, я точно не знаю, но несомненно, что в это время они уже в России были в масон. контакте. Вскоре, однако, эти первые русские масонские ячейки пережили острый кризис; причиной его было то обстоятельство, что Кедрин и Баженов стали очень много болтать о своем масонстве и чуть ли не открыто появлялись на своих дачах в масонских знаках, в результате чего о русских масонах стали много говорить в самых широких кругах и даже стали появляться заметки в печати. С другой стороны, в отношении некоторых из масонов появилось и недоверие, основанное не на недоверии лично к ним, а к их знакомым. Речь идет о связи Маргулиеса с Бебутовым. Последнего определенно подозревали в политической неблагонадежности, а т. к. Маргулиеса считали невоздержанным на язык и многое рассказывающим Бебутову, то недоверие распространилось и на самого Маргулиеса, хотя последнего лично никто не думал подозревать. Маргулиес это отношение почувствовал и был очень оскорблен.

Все это, повторяю, вызвало первый кризис внутри русской масонской ложи, который повел к тому, что Маргулиеса и Баженова перестали приглашать на собрания, дали им знать, что их не зовут на них, и вообще от них законспирировались, а Кедрина, который был одним из наиболее уважаемых членов ложи и даже Venerable'm, не устранив прямо и не объявляя ему это решение, стали под разными предлогами не приглашать на собрания.

Я сам вошел в ложу, кажется, в 1911 г. Привлекли меня Керенский и Барт, прис. пов., сын Г. А. Лопати-

на. Во время первых разговоров речь шла о моем отношении к вопросу о желательности создания организации, которая согласовывала бы действия разных политических партий, поскольку они борются против самодержавия, и не думаю ли я, что моя принадлежность к одной из партий может явиться причиной моего вступления в такую организацию? Когда выяснилось мое положительное отношение к этим задачам и моя готовность вступить в такую организацию, мне поставлен был вопрос, не смутит ли меня несколько необычная форма новой организации, которая стремится к объединению людей на необычной в России основе — морального сближения. Попутно, — правда, очень поверхностно — было упомянуто, что вступление в ложу связано с некоторым ритуалом, и здесь же было сделано предложение вступить в эту организацию.

Ответ на этот вопрос я дал не сразу, а через несколько дней. Тогда мне объявили, что речь идет о масонской организации и что вскоре ко мне придут официальные представители для переговоров и заполнения анкеты. Этот официальный визит имел место через несколько дней — пришли ко мне тот же Барт и еще кто-то. Я заполнил анкету, после чего меня попросили прийти в определенный день на квартиру Барта. Ничего похожего на поездку в закрытой карете на неизвестную мне квартиру, — подобно той поездке, о которой Вам рассказывал Гегечкори, — со мной не было. В квартире Барта меня встретил... <в источнике отступ>, мой старый и хороший знакомый, который сказал, что моя анкета признана удовлетворительной¹, и ввел меня в зал собраний, завязав мне предварительно глаза. В зале я был подвергнут устному опросу, который был

¹ Прим. Анкетные листы, как я это узнал после, в В. С. не передавались, а уничтожались на том же заседании ложи, где решался вопрос о приеме.

фактически повторением анкеты. Голоса некоторых из спрашивающих я узнавал, другие были мне неизвестны; шпаг к моей груди не приставляли — они были отменены еще раньше. К этому времени обряд приема вообще был несколько упрощен; тем не менее обстановка произвела на меня странное впечатление и даже несколько покорила. После я видел, что на других она производила очень серьезное впечатление.

Когда с моих глаз сняли повязку, я увидел, что на собрании присутствуют: Демьянов (впоследствии тов. министра юстиции), член Гос. Думы Виноградов, Керенский, Барт, Яков Яковлевич Брусов (петерб. архитектор), А. И. Браудо, Серг. Дм. Масловский (Мстиславский), Переверзев (позднее министр юстиции), Макаров.

В организационном отношении каждая ложа имела председателя — Venerable, оратора и двух надзирателей — старшего и младшего, из которых младший исполнял функции секретаря. В нашей ложе Venerable был Демьянов, оратором — Переверзев, старшим надзирателем — Макаров, младшим — Браудо.

Все заседания открывал Venerable, который на них и председательствовал. После открытия заседания все усаживались полукругом; Venerable задавал традиционные вопросы: «Закрыта ли дверь?» и др.

Функции оратора сводились к наблюдению устава; он же и хранил устав, произносил приветственные речи новым членам и т. д.

Функции надзирателя определены в уставе, но фактически, насколько я помню, эти функции почти отмерли, кроме, конечно, секретарских функций младшего надзирателя: он заносил в записную книжку краткие записи о заседаниях.

Все члены ложи платили членские взносы, их принимал Venerable и передавал секретарю Верховн. Совета.

Н.В. Репнин

Конспирация в организации выдержана была очень последовательно и строго. Члены одной ложи не знали никого из других лож. Масонского знака, по которому масоны в других странах опознают друг друга, в России не существовало. Все сношения ложи с другими ячейками организации происходили через одного председателя ложи — Venerabl'я. Членов ложи, которые раньше состояли в различных революционных организациях, поражала выдержанность и последовательность

конспирации. Позднее, когда я был секретарем В. С. и знал по своему положению почти всех членов лож, мне бывало почти смешно видеть, как иногда члены разных лож меня же агитировали в духе последнего решения В. С., не догадываясь, с кем имеют дело.

Вновь вступивший в ложу получал при приеме звание ученика. Через некоторое время, обычно через год, его возводили в степень мастера. Право решения вопроса, когда именно следует произвести подобное повышение, принадлежало ложе. Но иногда повышение в степени производили по инициативе Верх. Совета. В этих последних случаях действовали обычно соображения политического и организационного характера, т. е. В. С. считал полезным то или иное лицо, которым он дорожил, продвинуть вперед по лестнице масонской иерархии.

Мое личное отношение к организации, поскольку речь шла о ее политических задачах и деятельности, было выжидательным, почти несколько недоверчивым. Главное, что я в ней ценил с самого же начала, это атмосферу братских отношений, которая создавалась в ложах между их членами, — безусловное доверие друг к другу, стремление к взаимной поддержке, к помощи друг другу. Это были действительно отношения братьев в лучшем смысле слова. Позднее я изменил свой взгляд и на политическую роль этой организации, так как увидел, что она дает возможность объединять действия разных политических групп там, где в других условиях это было бы невозможно, — примером этого я считаю работу думской ложи, о чем позднее.

В течение первого года своего пребывания в ложе я был совершенно не посвящен в жизнь организации, можно сказать, ни о чем даже не догадывался. Ждал только, что могут быть разные сюрпризы, например, относительно круга лиц, охваченных организацией, но какие именно — не подозревал. Приблизительно

через год моего вступления в ложу меня сделали мастером и выбрали делегатом от ложи на очередной конвент. Меня несколько удивило, почему выбор пал на меня, только после я узнал, что сделано было это по указанию Верховного Совета и какие именно мотивы руководили последним.

Конвент этот состоялся летом, кажется, 1912 г. в Москве. Выборы производились по одному от ложи; кроме того, присутствовали члены В. С. Из участников этого конвента я помню Колюбакина, Некрасова, Степанова, Виноградова, А. И. Браудо, Конст. Григ. Голубкова (член пет. гор. управы, к.-д.), кажется, Керенского — от Петербурга; Балавинского, Головина (предс. II Гос. Д.), Урусова (член I Гос. Думы), Обнинского — от Москвы; Грушевского, Василенко, Штейнгеля — от Киева; Кильвейна — из Нижнего; одного делегата из Минска (фамилию не помню, какой-то присяжный поверенный по имени Иван Иванович) и одного делегата из Одессы (фамилию тоже не помню, по профессии он был врачом и участвовал на всех конвентах, на которых я был; он вообще был самым видным деятелем организации в Одессе). Возможно, что я из этих переименованных пропустил двух-трех присутствовавших, но вообще-то перечень этот почти полон.

Собрался этот конвент очень конспиративно; все сношения по его подготовке, как и подготовке все следующих конвентов, да и все вообще сношения с провинцией, велись не путем переписки, а через специальные объезды членов В. С. или их представителей.

Председательствовал на конвенте Некрасов.

Первым в порядке дня конвента стоял вопрос о конституировании русской масонской организации. Были сделаны сообщения — докладчиком от Верховного Совета был Некрасов, — что в России имеются всего около 14-15 лож; из них в Петербурге — 5, 3-4 — в Киеве, 1-2 — в Москве и ни одной — в Нижнем, Одессе

и Минске, и что это число достаточно для выделения русских масонов в самостоятельную организацию наряду с другими Великими Востоками.

Предложение это встретило только слабые возражения. Некоторые сомневались, возможно ли совершить подобное выделение, не получив предварительного согласия от Великого Востока Франции. На это сторонники немедленного решения вопроса отвечали указанием, что санкцию от Франции можно будет получить потом. По существу, против предложения никто не возражал, и вторая точка зрения победила значительным большинством.

Зато большие споры разгорелись по вопросу о том, какое название надлежит присвоить организации: в этой связи поднялся спор между русскими и украинскими ложами. Подавляющее большинство конвента стояло за название «Великий Восток России»; Грушевский же требовал, чтобы в названии ни в коем случае не было слова «Россия». Он занимал в этом вопросе совершенно непримиримую позицию, отрицая вообще за Россией, как государственной единицей, право на целостное существование; его с рядом оговорок поддерживал Василенко.

Против Грушевского выступали все остальные, и спор, временами очень резкий, длился два дня. Самыми лучшими были выступления: Колюбакина (который вообще производил подкупающее впечатление), Некрасова и Штейнгеля, который, хотя и представлял киевские ложи, но целиком присоединился к сторонникам «российской ориентации». Крайними центристами выступали Степанов, Обнинский и я, — я тогда был против даже федерации. Я выступил с очень резкой филиппикой против Грушевского и заявил, что было бы позором подчиниться его требованию и устранить слово «Россия». Выступление мое было настолько резким, что вызвало вмешательство председа-

теля, — единственное, которое сохранилось в моей памяти от всех трех конвентов, на которых я участвовал: он призвал меня к порядку, указав на недопустимость выражений, употребленных мной, при разговорах в братской среде. В конце концов было принято название «Великий Восток народов России».

Далее было принято решение поручить В. С. выработать устав организации и разослать его для ознакомления ложам, с тем чтобы на следующем конвенте можно было его утвердить.

Закончился конвент избранием двух выборщиков, которым по статутам организации поручалось дело составления Верховного Совета. Выборы их были тайными, и фамилии избранных не оглашались. Порядок составления ими Верх. Совета был таков: эти двое выборщиков кооптировали третьего; втроем они кооптировали четвертого, вчетвером — пятого и т. д. Сами выборщики в В. С. потом могли и не входить. После я узнал, что выборщиками на этот раз были выбраны Штейнгель и Головин.

Заседания этого конвента происходили на квартирах: одно — у Балавинского, другое — у Головина; каждое тянулось целый день; из осторожности тут же и обедали и никуда в течение дня не ходили. Помню, вечером у Балавинского пили чай в гостиной, и он нам показал люстру, при свете которой в свое время Пушкин читал свои стихи. И самовар на столе в нашу честь был подан тот самый, из которого пил чай Пушкин: Балавинский был по матери внуком Олениных, от которых ему и перешли все эти вещи.

В последний день работ конвента ко мне подошел Колюбакин и сообщил, что я кооптирован в В. С. Это меня несколько удивило: я был самым молодым из участников конвента и по возрасту, и по масонскому стажу и, к тому же, принадлежал к другой партии, чем основная группа руководителей конвента, который,

как видно из данного выше перечня, почти целиком состоял из левых к.-д.

Первое заседание В. С. состоялось тут же в Москве; помнится, на нем присутствовали, кроме выборщиков и Колюбакина, также Некрасов и Урусов; на этом же заседании мы, помнится, кооптировали Керенского, Чхеидзе и Григоровича-Барского. Позднее в состав В. С. был введен еще ряд лиц, всех я сейчас не помню, равно как не помню и порядка введения их. Вообще же в разное время в В. С. побывали Браудо, Масловский, Макаров, Сидамон-Эристов, Карташев (последний уже в годы войны).

По своему строению В. С. целиком был подобен ложе, — он так и звался «ложей Верховного Совета», т. е. в нем имелись Venerable, оратор и два надзирателя. Венераблем был Штейнгель; в тех случаях, когда он отсутствовал, его заменял Урусов. Оратор в В. С. роли не играл, так как, конечно, непосредственного приема в В. С. новых членов не производили; поэтому фамилии «ораторов» В. Совета в моей памяти не сохранились.

Наиболее важную роль в жизни В. С. играл его секретарь, который был докладчиком в В. С. по всем текущим делам, а позднее, после создания Петербургского местного Совета, он же был докладчиком и в последнем; по своему положению он должен был знать всех венераблей всех русских лож; все сношения В. С. с ними велись через него или под его контролем; он один имел право требовать открытия ему имен и всех отдельных членов лож, чем, правда, на практике он пользовался редко. Вообще — он был главным организатором в масонской организации.

Таким секретарем до конвента 1912 г. был Некрасов; после этого конвента и до его отъезда в конце 1914 г. на фронт — Колюбакин; затем, до конвента 1916 г., — сначала Некрасов, затем Керенский; после конвента

1916 г. — я, до самого своего выезда за границу, когда заместителем моим стал Балавинский.

Работая в В. С., я узнал, что русские конвенты бывали и до 1912 г., всего, кажется, один, много два. Но не как верховные съезды самостоятельной русской организации, а как совещания представителей русских лож, аффилированных к Великому Востоку Франции. Существовал и В. С., опять-таки не как самостоятельное учреждение. В его состав, насколько я знаю, входили, кроме секретаря Некрасова, еще Сидамон-Эристов, Степанов и др. Душой организации — главным ее инициатором и организатором — был С. Д. Урусов, через которого, главным образом, и поддерживались ее связи с Великим Востоком Франции.

В это же время я узнал и причины, которые побуждали В. С. провести меня на московский конвент 1912 г. В ложах тогда шла борьба с Грушевским и его сторонниками; вопрос о формах будущей организации России обсуждался в ложах и я все время высказывался в крайне централистском духе. В. С. предвидел, что этот спор станет в центре работ конвента 1912 г., и стремился провести на него вполне надежных с его точки зрения людей, т. е. определенных противников позиции Грушевского.

В. С. был главным руководителем масонской организации в России. Его главными функциями были:

— Организация новых лож и контроль за приемами новых членов в старые ложи. О всех новых кандидатах в В. С. сообщали венерабли тех лож, в которые намечался их прием. В Петербурге все новые кандидатуры обстоятельно обсуждались венераблем соответствующей ложи и секретарем В. С., а иногда вопрос о них выносился и на заседания В. С.; для провинции это правило не всегда соблюдалось.

Организация новых лож целиком была в ведении В. С. Провинцию для этой цели специально объезжа-

ли члены В. С., — обычно Некрасов, Керенский, Колубакин, Урусов; несколько поездок было сделано и мною (в Москву, Киев, Витебск). Во время этих поездок представители В. С. выясняли состав местных лож, знакомились с братьями, выясняли вопросы о возможности того или иного использования их в общих интересах братства, намечались и новые кандидаты для привлечения в организацию.

Инициатива приема новых членов иногда исходила и от В. С., — последний в этих случаях исходил всегда из соображений о возможной полезности данного лица для организации. Если данное лицо шло навстречу, то прием его проводился или через какую-либо из существовавших лож, или, если подходящей ложи не находилось, то для вновь привлекаемого создавалась специальная ложа. Случаев последнего рода мне помнятся только два — оба относятся к годам войны; в одном случае речь шла о приеме Кусковой и Прокоповича, в другом — Мережковского и З. Гиппиус. В последнем случае ложа была создана из Карташева, Гальперна, А. А. Майера (религиозный философ, помощник А. И. Браудо по службе в Публичной Библиотеке) и Некрасова (кажется, также и Керенского).

Создавая новые ложи, В. С. пытался группировать их членов по роду занятий; именно таким образом были созданы ложи думская, военная, литературная. Особенно важное значение в жизни организации имела думская ложа, руководству которой В. С. уделял исключительно большое внимание. В нее входили депутаты Ефремов, Коновалов, Орлов-Давыдов, Демидов, Виноградов, Волков, Степанов, Колубакин, Некрасов, Керенский, Чхеидзе, Скобелев, Гегечкори, Чхенкели (стоял вопрос о привлечении Геловани, но его кандидатура была отклонена, так как Керенский высказался против: он считал его болтуном), — кажется, все. Задачи этой группы были во многом аналогичны

задачам прогрессивного блока 1915–1917 гг., только с левым уклоном: без октябристов, но с трудовиками и с.-демократами — в ней В. Совет стремился создать объединение левой оппозиции. Сознательного отстранения октябристов из этой группы не было, об ультиматуме Чхеидзе, про который рассказываете Вы, я ничего не знал. Если бы он был поставлен в мое время, то Совет счел бы его нарушением основных принципов организации и, несомненно, высказался бы резко против него. Говорю об этом с такой уверенностью потому, что и в мое время вопрос о привлечении октябристов в общей форме вставал и в В. С., и в думской ложе. Я сам в то время по этому вопросу склонялся к точке зрения недопустимости привлечений октябристов и горячо тогда эту свою точку зрения защищал, но был разбит, что называется, наголову, и теперь думаю, что мои тогдашние противники были правы. Поэтому, если бы подходящий октябрист типа, например, Шидловского нашелся и согласился вступить в ложу, то он, если б его анкетные ответы оказались подходящими, был бы, несомненно, принят. Фактического значения этот пункт, однако, не имеет, так как таких октябристов не нашлось и практически вопрос о приеме кого-либо из октябристов вообще не вставал.

Стремясь к объединению левой оппозиции, думская группа заботилась о сглаживании всякого рода конфликтов и трений между различными левыми фракциями в Г. Д. и к облегчению их совместных выступлений. Особенно много удавалось делать в этом направлении в к.-д. партии; выступления к.-д. массов в к.-д. думской фракции и даже в ЦК к.-д. партии были всегда координированы со взглядами В. С. и проникнуты действительным чувством братства. У с.-д. дело обстояло много хуже — это объясняется личными свойствами Чхеидзе, его большим скептицизмом в отношении к задачам организации. Цели мо-

рального совершенствования, братского сближения его, по-видимому, никогда не захватывали, — этим он отличался от Гегечкори и особенно Чхенкели, которые значительно больше сблизились с нашей организацией, в значительно большей степени прониклись ее духом. Чхеидзе же всегда оставался в наших рядах в известной мере инородным телом.

Из других специальных лож около этого времени, т. е. после 1912 г. и до начала войны, были созданы ложи литературная и военная. Первая из них, т.е. литературная ложа, была создана, кажется, зимою 1914 г.; в нее входили Масловский-Мстиславский, Богучарский, А. А. Майер, потом Карташев; кажется, в нее же входил и Н. Н. Суханов (в организацию вообще он входил несомненно). Широкого развития эта ложа не получила, а после истории с Мстиславским, о которой будет дальше, и совсем захирела. По планам, в этой ложе должны были быть объединены крупные журналисты из важнейших левых газет, но осуществления эти планы не получили. Из «Речи» в ложи никто не входил (сообщенный Вами рассказ Неманова о попытке Некрасова привлечь его, Неманова, в литературную ложу, вполне правдоподобен; этим делом занимался Некрасов, и он мог сделать подобную попытку, но мне об этой попытке ничего неизвестно), тем не менее на эту газету мы в известных пределах воздействовали, давая туда через Клячко-Львова нужную информацию: Львов, который сам в организации не состоял и о существовании ее не знал, проводил через газеты все, что нам казалось полезным и в нужном для нас освещении; особенно хорошо он это дело выполнял в 1917 г. Из «Дней» был намечен к правлению в ложу Канторович, почему-то и этот план осуществления не получил (почему именно, сейчас не помню). Позднее очень хотели привлечь в ложу А. Н. Потресова. Об этом много говорили в В. С. и все относились

с большим сочувствием, но к нему не нашли никаких ходов: я с ним был знаком очень мало; не было среди нас и никого другого, кто бы был с ним настолько хорошо знаком, что мог бы взять на себя эти переговоры. Но этот последний план относится уже ко много более позднему периоду — к концу войны или даже к началу революции.

Военная группа была создана тоже около зимы 1913—14 гг. Организатором ее был Мстиславский; входили в нее Свечин, позднее генерал, какой-то генерал и кто-то из офицеров академии. Деятельности большой она не проявляла — собиралась, если не ошибаюсь, всего 2-3 раза, а после начала войны и вообще прекратила свое существование. Вообще все разговоры о необходимости проникновения в армию, которые у нас велись очень часто и охотно, так и остались разговорами и осуществления не получили. С «усыплением» Масловского, о чем я скажу ниже, дело это и совсем затихло.

О собраниях с ген. Рузским, про которые Вы мне передаете со слов Горького, мне ничего неизвестно, но организатор этих собраний, приведший на одно из них Горького, двоюродный брат ген. Рузского, проф., кажется, политехнического института, Рузский Дмитрий Павл., состоял в нашей организации и в годы войны играл в ней видную роль: он был венераблем, членом местного Петербургского Совета и секретарем его. Собрания, которые он устраивал, формально не могли быть масонскими, — если б он сорганизовал особую ложу, то мне это в должности секретаря Верх. Сов. в 1916—17 гг. неизбежно должно было бы быть известно. Но частные попытки, организационно неоформленные в направлении установления связей с военными кругами, он мог делать и на свой личный страх, — это с точки зрения нашей организации было не только допустимо, но и желательно. Д. Рузский мог

стремиться их делать еще и потому, что он был из тех, кто особенно резко выступал против Мстиславского и требовал его устранения, а после этого устранения взял на себя в организации работу по установлению связи с военными кругами. Но все это относится уже к 1916–17 гг., когда организационно неоформленные связи с военными начали завязываться очень многими видными деятелями нашей организации.

Зима 1912–13 гг., кроме организационной работы, особенно важной тогда в новой Гос. Думе, была закончена работой по выработке устава организации. Автором его явился С. Д. Масловский-Мстиславский, много руководящих указаний ему дал С. Д. Урусов, вообще, повторяю, игравший очень видную роль в жизни организации. Разработанный проект устава был разослан по ложам для обсуждения и затем, после согласования предложенных изменений Верх. Советом, был предложен на утверждение...

Этот конвент собрался летом 1913 г. в Петербурге; собрания шли, помнится, на квартире Степанова. Особых подробностей о нем я сейчас припомнить не могу; помню только, что из новых участников на этом конвенте был В. Я. Богучарский и, кажется, Скобелев. Конвент этот после обсуждения и внесения поправок принял предложенный проект устава и поручил В. С. изыскать способ конспиративного издания его, — такой, который не вскрывал бы факта существования организации и в то же время давал бы членам возможность хранить этот устав вполне легально, не навлекая подозрений полиции. Такой способ был позднее найден, и устав в 1915, кажется, году был отпечатан в виде приложения к книге Сидоренко «Итальянские угольщики». Написана эта книга была Мстиславским в форме якобы исторического исследования об итальянских карбонариях 20–30-х гг. XVIII века; конечно, была она очень поверхностной компиляцией, к тому

же с искажениями, так как нужно было историю подгонять к нашему уставу, печатавшемуся в приложении в качестве исторического документа. Но поставленная изданием цель — опубликование устава без обнаружения тайны существования организации — была достигнута. По этому уставу можно установить организацию нашей организации.

Финансы организации составлялись из членских взносов, которые были невелики, они через венераблей сосредоточивались в руках секретаря Верх. Совета. Больших сумм в этой кассе не было — наличность обычно не превышала нескольких сотен. Но, когда деньги бывали нужны для какого-нибудь дела, мы их всегда могли достать, так как такие члены организации, как например гр. Орлов-Давыдов, всегда с полной готовностью давали требуемые суммы.

Приблизительно к этому периоду, т. е. к 1912—13 гг., относится и создание местного Петерб. Совета, — по уставу, такие Советы создавались в том случае, если число лож в каком-либо пункте достигало 5. В состав этого Совета входили венерабли всех местных лож, — я помню, что там были Богучарский, Степанов, Демьянов, Виноградов, Д. Рузский, Колюбакин, Чайковский. Секретарем был Рузский. Председателя постоянного не было — его выбирали каждый раз особо. Связь с В. С. поддерживалась через секретаря В. С., который входил в этот местный совет.

Кроме Петербурга, местный совет был создан еще и в Киеве, но уже позднее, в годы войны. Других местных советов не существовало.

Общие задачи организации, как они сложились в это время, я вкратце определил бы следующей формулой: стремление к моральному усовершенствованию членов на почве объединения их усилий в борьбе за политическое освобождение России. Политического заговора как сознательно поставленной цели в про-

грамме нашей работы не было, и если б кто-либо попытался в задачи организации такой заговор внести, то это вызвало бы протесты со стороны многих. Был, правда, целый ряд лиц, из них часть очень влиятельных, которые очень сильно к заговору склонялись, например, Мстиславский и Некрасов. Но в организации они свою точку проводили осторожно и закрепить ее в качестве официальной точки зрения всей организации не стремились (об эпизоде с Мстиславским я сейчас не говорю). Борьба за свободу, конечно, входила в задачи организации; об этом говорилось даже в клятве, но конкретно средства и пути нигде сформулированы не были. Задачи личного усовершенствования для многих тоже играли весьма значительную роль. Таких, как Чхеидзе, которые эту сторону задач организации совершенно не воспринимали, было очень мало, для некоторых же эта сторона задач организации имела главное значение; так, например, в Киеве преобладали в организации люди, для которых этические задачи стояли на первом месте.

Социалистической окраски программа организации не носила, но широким социальным реформам всемерно все члены сочувствовали и к социалистическому движению относились больше чем терпимо. Я, пожалуй, назвал бы нашу организацию последним прибежищем великих идей 1789 г.: лозунги «братство, равенство, свобода» у нас воспринимались в их наиболее первобытном, неискаженном и неусложненном, виде.

Очень характерной для настроений подавляющего большинства членов организации была ненависть к трону, к монарху лично, — за то, что он ведет страну к гибели. Это был патриотизм в лучшем смысле слова — революционный патриотизм. Наиболее сильно это настроение выступило, конечно, в годы войны, но в основе оно имелось и раньше. Конечно, такое отно-

шение к данному монарху не могло не переходить и на отношение к монархии вообще, в результате чего в организации преобладали республиканские настроения; можно сказать, что подавляющее большинство членов были республиканцами, хотя республика и не была зафиксированным догматом организации.

В Верх. Совет, как я уже указал, поступали все предложения, вынесенные в отдельных ложах; многие вопросы он и сам поднимал. Принятые им решения обычно имели характер только руководящих указаний, значение которых было только морального порядка. При вынесении их В. С. всегда стремился найти линию, приемлемую для людей всех тех взглядов, которые были объединены в ложах, — и в этом была их сила. Но в принципе мы признавали и вынесение решений, связывающих отдельных членов и формально.

Начало войны захватило меня за границей: я уехал туда в начале июля 1914 года, а вернулся только 9 сентября ст. ст. 1914 г. (через Константинополь — Одессу). Поэтому в первых заседаниях В. С. времени войны, на которых определилось отношение к войне, я не присутствовал и в выработке этого отношения не участвовал. Когда я приехал, то у подавляющего большинства членов я нашел настроения большого патриотич. (конечно, не ура-патриотического, а патриотического в хорошем смысле слова) подъема и сознание необходимости борьбы с элементами пораженчества. Между прочим, большим влиянием в это время в В. С. пользовался Мстиславский, которого считали за его военные обзоры большим знатоком военных дел. Настроен он тогда был так же, как и остальные члены В. С., т. е. в революционно-патриотическом духе. Впрочем, элементы революционности в то время в этом направлении звучали несильно — рост их относится к уже более позднему периоду.

К первой зиме военных лет относится острый конфликт в братстве на почве дела Мстиславского — конфликт, создавший очень тяжелую атмосферу и даже внесший сильное разложение в организацию. Существо этого конфликта состояло в том, что возникли подозрения относительно морально-политической благонадежности Мстиславского, — этим подозрениям большую веру давали два видных члена братства, члены Петерб. местного совета: В. Я. Богучарский и Д. П. Рузский. Основаны эти подозрения были на непонятной для многих терпимости к Мстиславскому со стороны его начальства. Он служил, как известно, библиотекарем Академии Генерального Штаба, т. е. учреждения ультраохранительного, несмотря на то что о нем широко было известно, что он сотрудничает в «Русском Богатстве». Больше того, в 1912—13 гг. он был арестован по одному из с.-р-ских дел; после кратковременного заключения в Петропавловской крепости его освободили и не только не лишили проживания в Петербурге, что тогда было общим правилом для политически неблагонадежных, но и оставили на службе в Академии, а после начала войны его, к тому же, пригласили в «Правит. Вестник» на ответственную работу — составление военных обзоров.

По существу, я считал и теперь считаю, что данных для обвинения М. в политической нечестности не имелось. Он был, несомненно, большим честолюбцем, вероятно, умел сохранять двойное лицо, прикидываясь в отношениях с академическим начальством совсем не тем, кем он выступал в общении со своими знакомыми из литературного и революционного лагеря, — но не больше. Надо сказать, что сам М. вел себя больше чем легкомысленно и давал много пищи для неблагоприятных о нем слухов.

В. С. считал, как и я, что обвинение против М. не обосновано, выступил в его защиту; это выступление

не убедило обвинителей. Богучарский вообще был очень личным и страстным человеком, и относился он к М., с которым сталкивался и в ложе, и в литературной группе, с большим озлоблением. Я это хорошо помню, так как мне по поручению В. С. пришлось с ним на эту тему объясняться — уже незадолго до его смерти, когда он лежал больным в постели. Объяснение это носило очень неприятный характер.

Развязка всей этой истории была вызвана поведением самого же Мстиславского. После возникновения слухов он на некоторое время прекратил посещение и своей ложи, и В. С.; на заседания последнего его, впрочем, и приглашать перестали. Так шло несколько месяцев, — и вот в один прекрасный день, уже осенью 1915 года, приходит он ко мне и заявляет, что хочет встретиться с братьями по ложе по одному очень важному делу. Я спросил братьев по ложе, хотят ли они встретиться? Они согласились и собрание состоялось. Помню, кроме меня, на собрании присутствовали Демьянов (который был в ложе венераблем и председательствовал на этом собрании), Макаров, А. И. Браудо, Я. Я. Брусов, Сидамон-Эристов. На этом собрании Мстиславский заявил, что считает необходимым организовать заговор на жизнь государя, что для такого заговора имеется возможность найти нужных людей среди молодого офицерства и что он хочет знать мнение братства о таком предприятии. Говорил он нервно, долго, — когда кончил, в комнате как бы холодком повеяло. Буквально все были афраппированы: кто верил в политическую честность М., был удивлен и смущен его бестактностью и легкомыслием; у кого и раньше имелось недоверие (такими на этом собрании были Брусов и Сидамон-Эристов), те, конечно, в этом предложении М. видели новое подтверждение своих подозрений. Соответственно с этим и было встречено предложение. Прений о нем совсем не было. Было

только сформулировано общее мнение, что в братском порядке говорить о такого рода делах нельзя, так как они не могут входить в задачи братства; в персональном же порядке все присутствующие братья относятся к предложению в высшей степени отрицательно. Это было последнее появление М. в братстве.

Я сообщил о выступлении М. в В. С., и тут было решено «усыпить» его, т. е. прекратить с ним всякое братское общение, не сообщая о том в официальном порядке по ложам.

Вся эта история с М. создала в братстве очень тяжелую атмосферу. Деятельность братства в 1915 году почти замерла. Ложи, которые относились с недоверием к Мстиславскому, считали, что В. С. его покрывает, и переносили известную долю своего недоверия и на В. С. Собрания лож начали происходить нерегулярно. Сношения В. С. с ложами поддерживались с большим трудом. Слухи о неладах в Петербурге проникли и в провинцию, особенно на Украину, и создали и там подобную же атмосферу. Возможно, что именно ввиду этого и не был созван конвент 1915 г., — в 1914 г. он не мог состояться из-за начала войны и мобилизации ряда братьев; конечно, эта последняя причина продолжала действовать и в 1915 году.

Исключением в вопросе об отношении к войне, если не считать Чхеидзе, была позиция части украинских лож, главным образом киевских, руководителем которых был Грушевский. Помню, что оттуда приезжал Григорович-Барский, который жаловался на пораженческую пропаганду в некоторых ложах. Почва для такой пропаганды там имелась, ибо на Украине скептицизм по отношению к задачам войны вообще значительно более развит, чем в Петербурге и других городах Великороссии. В. С. тогда откомандировал в Киев Некрасова, и он там вел разговоры с Грушевским и его сторонниками.

Рост активности В. С. в вопросах политических отношений к лету и осени 1915 г. — к периоду после поражений в Галиции. В Гос. Думе и Гос. Совете в это время возник «прогрессивный блок». В. С. был в оппозиции к политике прогрессивного блока, и основная линия его политической деятельности в это время шла в направлении усиления и заострения левой оппозиции в Гос. Думе и создания левого блока из к.-д. революционных групп. В этом смысле он и стремился воздействовать на ЦК к.-д. партии. Основное, что в моей памяти от этого времени осталось, это сообщения Некрасова в думской группе или В. С. о спорах в ЦК к.-д. и обсуждения этих сообщений. Очень стремились мы в этот период и к установлению связей с подпольными организациями революционных партий. Для нас самих вопрос о революционных методах тогда еще не стоял; мнение о том, что революция во время войны невозможна и недопустима, у нас все еще преобладало, но интерес к революционному движению все рос, и желание связаться становилось все сильнее. Связи с с.-р. нам давал Керенский, связь с с.-д. — я и Соколов; именно к этому времени относится вовлечение в ложу даже и некоторых большевиков, например И. И. Степанова-Скворцова в Москве. Впрочем, большевики в это время, после скандального для них процесса членов их фракции в IV Гос. Думе, были вообще на ущербе.

С большим сочувствием В. С. относился к Военно-промышленным комитетам и к идее привлечения в них представителей рабочих. Вопросы, связанные с этими комитетами, в В. С. обсуждались не раз; были обсуждения и вопроса о рабочих группах, но каких-либо активных шагов по проведению политики В. С. в этом последнем вопросе я не помню. Рабочих в числе братьев у нас не было.

Летом 1916 года состоялся конвент, последний из всех бывших в России. Собрался он в Петербурге, за-

седал на квартире Степанова. Длился два дня — это был предельный срок для работ наших конвентов, принятый по соображениям конспирации, так как более продолжительные работы конвента могли привлечь подозрения.

Из участников конвента этого я помню:

От Петербурга — Некрасов, Керенский, Степанов, Демидов, Виноградов, Карташев, Д. П. Рузский, А. А. Майер, Демьянов, К. Г. Голубков, я;

от Москвы — Головин, Урусов;

от Киева — Григорович-Барский, Штейнгель, Н. П. Василенко и др. — всего 7 человек (Грушевского не было);

от Екатеринбурга — Кроль;

от Харькова — (?);

от Самары — (?);

от Саратова — Никонов;

от Риги — латыш (?);

от Ревеля — эстонец (?);

от Одессы — тот же доктор (?);

от Вильны — (?);

от Витебска — мандат был передан кому-то из петербургских братьев.

Был еще один делегат из не помню какого города с Украины (не то Полтавы, не то Кременчуга — ложа там была основана сторонниками Грушевского).

Вначале были заслушаны доклады В. С. о делах на фронте, с мест. Помню, о фронте докладывал Некрасов. Доклады с мест выяснили довольно большой рост организации.

Затем конвент перешел к обсуждению вопросов общественного характера. Выступления свидетельствовали о сильном понижении политического настроения по сравнению с первыми месяцами войны. Все сильнее звучали революционные ноты, — уверенность, что это правительство не может победить, что «для победы

нужна революция». Особенно сильно эти настроения звучали в речах делегатов из провинции. Среди этих делегатов особенно крупных политических деятелей не было; выступления их внешне были совсем не яркие, часто они звучали даже несколько косноязычно, тем убедительнее были прорывавшиеся в них революционные настроения. Представители центра должны были сдерживать эти настроения провинциальных делегатов, — в этом духе выступали Некрасов, Степанов (последний вообще у нас представлял правое крыло, все время тяготея к политике прогрессивного блока); в этом же смысле говорил и я. Нам удалось убедить провинциальных делегатов ввести их настроения в желательную В. С. норму, и принятая резолюция (ее не сохранилось) была составлена в духе политики Верховного Совета.

Последние перед революцией месяцы в В. С. было очень много разговоров о всякого рода военных и дворцовых заговорах. Помню, разные члены В. С., главным образом Некрасов, делали целый ряд сообщений: о переговорах Г. Е. Львова с ген. Алексеевым в ставке относительно ареста царя, о заговорщических планах Крымова (сообщил о них Некрасов), о переговорах Маклакова по поводу какого-то дворцового заговора (Маклаков был старым французским масоном, но в русскую ложу он не входил и едва ли вообще об их существовании догадывался). Был ряд сообщений о разговорах и даже заговорщических планах различных офицерских групп. Настроение офицерства в это время было вообще очень интересно. Я присматривался к нему и сам; многое слышал от других, и основное, что меня поражало, это полное отсутствие преторианских чувств. Полный индифферентизм по отношению к царской семье. Политической активности в офицерских кругах было немного — преобладало пассивное ожидание неизбежного.

Организационно братство к этому времени достигло своего расцвета. В одном Петербурге в ложи входили 95 человек. Ложи существовали в Петербурге, Москве, Киеве, Риге, Ревеле, Нижнем, Самаре, Саратове, Екатеринбурге, Кутаиси, Тифлисе, Одессе, Минске, Витебске, Вильне, Харькове.

Из наиболее видных членов, кроме уже названных выше, я могу указать:

— по Петербургу: В. А. Оболенский, проф. ботаники Костычев;

— по Москве: Ф. Ф. Кокошкин, И. И. Степанов-Скворцов;

— по Киеву: бар. Фед. Иуд. Штейнгель (еще франц. масон), Ник. Прок. Василенко (из «Киевской Мысли»), Серг. Ник. Чебаков (тов. прокурора Судебной Палаты, по взглядам очень левонастроенный);

— по Риге: Земгал, после революции президент Латвийской республики.

Очень характерно, что в состав лож входило только очень небольшое число евреев. В момент моего вступления в В. С. в братстве было всего только два еврея — я и Браудо; позднее в петербургские ложи были введены еще Р. М. Бланк и Штернберг, бывший народоволец, недавно умерший; то же было и в провинции; в Киеве, например, и в Москве евреев совсем не было. Из евреев в провинции я знаю одного в Одессе да еще Кроля в Екатеринбурге. Может быть, были, конечно, и другие, — особенно в Северо-Западном крае, но немного. Никаких формальных препятствий для приема евреев, конечно, не было; объяснялось это естественным отбором лиц из круга знакомых. Мало в ложах было даже инославных, например, лютеран и караимов. Преобладали люди коренной русской крови — великороссы и малороссы. Много было людей религиозных в полном смысле этого слова, даже православных. Интересно отметить еще, что состав лож в Прибалтике, Риге и

Ревеле пополнялся исключительно из числа местной русской и латышско-эстонской интеллигенции и общественных деятелей; представителей немецкого населения в них совершенно не было.

В области сближения с представителями революционных организаций значительный шаг был сделан в начале 1917 г. Как известно, в январе 1917 г. большевики сделали попытку вызвать демонстративные выступления в Петербурге — в соответственном духе они распространили прокламации по заводам. По этому поводу было созвано специальное собрание В. С., на котором было постановлено вступить в сношения с революционными организациями, чтобы попытаться убедить их отказаться от подобных выступлений. Были выбраны делегаты для переговоров — Керенский, Некрасов, Соколов и я. По инициативе этих делегатов и были созваны те собрания у Соколова, рассказ о которых имеется в воспоминаниях Суханова.

Несмотря на все это, революция застала нас врасплох. Растерянность среди нас в начале ее была прямо фантастическая. Насколько мало мы понимали смысл февральских событий даже тогда, когда они начали носить очень серьезный характер, видно по следующему примеру со мной лично. Последнее собрание В. С. перед революцией было назначено на воскресенье 26/II. Должно оно было состояться на квартире Коновалова (который тогда был в В. С.), на Фурштадтской. Мне ... <пропуск> как я был на Васильевском Острове, у своей теперешней жены. Мне позвонили туда и очень просили прийти, но после некоторого колебания я все же не пошел: у сестры моей теперешней жены был сердечный припадок, и я бегал за врачом; дальше в это время уже не ходили трамваи и не было извозчиков; конечно, если б сознавал, какие события идут, все же нашел возможность добраться до Фурштадтской, но

думалось, что это будет обычное очередное собрание, если не побываю на нем, ничего не будет.

На следующий день меня разбудила в 6 часов утра по телефону жена Некрасова — она звонила по просьбе мужа, чтобы сообщить, что только что ему звонил из Гос. Думы Родзянко о получении указа о роспуске и вызвал срочно в Гос. Думу для совещания; Некрасов уже убежал туда и «муж просил Вам об этом сейчас же сообщить». Я спросил, передано ли это Керенскому? Она отвечала, что не знает. Звоню к нему сам, — поймал его уже в передней, он шел в Г. Думу, условились встретиться у Соколова тотчас же, как только он выяснит положение дел. Встреча эта состоялась в 10—10 1/2 ч. утра; Керенский рассказал и убежал обратно в Гос. Думу. Звонил он нам каждые полчаса, мы сидели и ждали. Вскоре увидели на улице под окнами беспорядочные толпы вооруженных солдат; помню, кто-то сказал: «Да это настоящий бунт». Настроение у нас было больше чем пониженное, — так лидеры русской революции готовили эту революцию.

Собраний В. С., как такового, в первые дни революции не было¹, поэтому не было в нем и обсуждения вопроса о составе Временного правительства. Но группа руководящих деятелей В. С. — Коновалов, Керенский, Некрасов, Карташев, Соколов и я — все время были вместе, по каждому вопросу обменивались мнениями и сговаривались о поведении, но говорить и о нашем сознательном воздействии на формирование правительства нельзя: мы все были очень растеряны и сознательно задачи сделать состав правительства более левым, во всяком случае, не ставили. Тем не менее известное влияние мы оказывали, и это чувствовали наши противники: помню, тогда приводили слова

¹ Прим. Первое собрание В. С. состоялось уже после опубликования состава Временного Правительства, на квартире Керенского; разговор на этом собрании шел о воздействии на левых. Чхеидзе на собрании не было.

Милюкова, который заявил, что «над правительством начинает тяготеть какая-то тайная сила».

Позднее был ряд собраний В. С. — бывал на них и Чхеидзе, хотя каждый раз затаскивать его туда удавалось только с трудом. Он еще с начала войны стал явно уклоняться от посещения Верх. Сов., а после революции в частных разговорах со мной и прямо говорил, что считает роль братства оконченной и настаивал на прекращении его деятельности; официально об этом он, однако, не заявлял, соответствующих предложений в В. С. не вносил и, хотя и с пропусками и очень неохотно, но посещал заседания В. С., — последний раз в В. С. я его видел в октябре 1917 г., на совещании с киевлянами.

Основная забота В. С. в это время состояла в воздействии на левые партии в целях удержания их в русле коалиционной политики. Значительная доля работы в этот период выпала на меня, так как все основные переговоры с Советом Раб. Деп., т. е. с Чхеидзе, в этот период вести приходилось мне. Часто Керенский, узнав о каком-либо решении Совета, просил меня съездить в Таврический Дворец. Я ехал и говорил, причем тот факт, что Чхеидзе был братом, сильно облегчало мне задачу, я мог говорить с ним совсем просто: «Чего кочевряжиться, ведь все же наши это считают правильным, надо исправить и сделать по-нашему». Историю всех этих поездок, наверное, можно будет восстановить, если просмотреть комплект «Речи», я тогда давал сведения Львову.

Большую роль играли братские связи в деле назначения администрации 1917 г. на местах. Да это и вполне естественно: когда вставал вопрос о том, кого назначить на место губернского комиссара или на какой-либо другой административный пост, то прежде всего мысль устремлялась на членов местных лож

и, если среди них было сколько-нибудь подходящее лицо, то на него и падал выбор.

Конечно, и из провинции братья говорили в сношениях с теми из членов правительства, которые состояли в братстве, совсем иным тоном. Помню, я как-то говорил по прямому проводу с Гегечкори в Тифлисе, и в том, как он ко мне обращался, явно чувствовалось, что это, помимо всего прочего, говорит брат с братом. Из вновь принятых за месяцы революции братьев я помню Н. Д. Авксентьева (и раньше бывшего масоном во Франции) и Б. В. Савинкова.

За идею коалиции В. С. держался до конца. Именно по решению В. С. я в таком духе вел собрание в Малахитовом зале, на котором я председательствовал. Поддерживал В. С. и его члены коалицию и на демократическом совещании.

Несколько раз В. С. обсуждал вопрос о войне, и большинство склонялось к мысли о необходимости форсировать заключение мира. Я был решительным сторонником активных шагов в этом направлении и помню, что в период споров о стокгольмской конференции я читал на эту тему доклад в редакции «Дней», по моим же настояниям и в к.-д. кругах ставился этот вопрос. Я считал тогда, что воевать мы не можем, — об этом говорили все доклады с фронтов, — а потому необходимо убедить союзников, что мы можем лопнуть, если они не согласятся на общие переговоры.

<пропуск> добиваться отставки Милюкова я не помню.

Ни Кишкин, ни Смирнов членами братства не были и введение их в правительство объяснялось совсем не этим. В этот период формирование правительства уже не шло по линии «масон — не масон»; масоны с охотой искали подходящих людей из буржуазных кругов вне братства.

Из остальных собраний В. С. я помню собрание в июле 1917 г. на квартире у Некрасова (на этом собрании Чхеидзе присутствовал). Вопрос стоял о преследованиях большевиков и о коалиции. Общей точкой в это время было, что левые губят коалицию, а к.-д. являются ее стержнем. Много нападков в это время в братских кругах было на Переверзева в связи с опубликованием им документов о большевиках. Вопрос этот тоже обсуждался на этом заседании В. С., — последний, хотя и с оговорками, но встал на сторону Переверзева, найдя, что в основе он действовал правильно.

Последнее заседание В. С. имело место в самом конце сентября или даже в начале октября 1917 г. в связи с приездом киевлян — Григоровича-Барского и Чебакова. Это вообще было единственное полное собрание В. С. за месяцы революции — на всех других киевлян не было. Был на этом собрании и Чхеидзе. Григорович-Барский и Чебаков приехали в Петербург, чтобы раскрыть, по их выражению, глаза правительству на подлинные вожеления украинцев, которые в это время уже стояли на позиции полного отделения от России и склонялись к немецкой ориентации, и заставить Временное правительство бороться с этим сепаратизмом. На собрании В. С. киевляне горько сетовали, что правительство так далеко идет в своих уступках. Все высказывавшиеся члены В. С., и Чхеидзе в том числе, признавали необходимость выступления Врем. пр-ва против украинских сепаратистов. В соответствующем духе и было принято решение — о воздействии на Врем. прав-во в соответственном смысле.

Это собрание было последним. Вскоре после этого совершился большевистский переворот и собрания В. С. стали вообще невозможны: Керенский и Некрасов были в нетях; скоро и я сам уехал в Финляндию,

где пробыл до апреля 1918 г. С мая по декабрь 1918 г. я жил полулегально в Петербурге, временами наезжая в Москву: скрывался от большевистских местных властей и в то же время через знакомых хлопотал о визе на выезд в Германию. Крестинский, к которому тогда по этому делу обратились, предложил мне, если я хочу, выехать за границу, занять пост эксперта в Берлине, при полпредстве. Я, конечно, отказался, тогда он отказал помочь в добывании визы.

В это время я видел кое-кого из членов В. С. — Головина, Некрасова, Балавинского.

В декабре 1918 г. выехал за границу.

Летом 1919 г. ряд членов В. С. встретились в Париже — Керенский, Коновалов, Балавинский, Волков, Демидов, я — и решили восстановить нашу организацию в эмиграции. В В. С. тогда мы ввели еще Авксентьева Н. Д. и Рубинштейна (харьковского — в России входил в харьковскую ложу, но на конвентах я его не видел ни разу). Секретарем был избран Демидов.

В дальнейшей работе В. С. я участия не принимал, так как не верил в дело. К этому же присоединилось и сильное отрицательное отношение многих братьев к Керенскому. Против него я не выступал — в конце концов, он не виноват: ведь мы же его выдвинули и вообще создали, сами мы и ответственны за него. Меня не раз пытались убедить вернуться вновь к работе, особенно часто об этом говорил со мною Чайковский, который, судя по всему, в эмиграции стал играть очень видную роль в масонстве.

С Кропоткиным дело обстояло так: знаком я с ним был очень давно и каждый раз, проводя лето в Англии, я часто бывал у него. Как-то, около 1910 г., я познакомился у него с Нисом, которого Кропоткин рекомендовал как масона и автора книги о роли масонства в

революции 1789 г. Кропоткин мне об этой книге говорил, что она очень интересная, хотя автор и преувеличивает роль масонства, и очень советовал ее прочесть. Тогда я еще не был масоном и не обратил на этот совет внимания. Но когда вступил в ложу, то вспомнил этот разговор и очень им заинтересовался. Помню, я рассказал о нем в ложе, и так как все остальные члены тоже были заинтересованы, то в следующую поездку в Англию, — а ездил я туда почти каждое лето — я сам при встрече с Кропоткиным повел разговор на эту тему и попытался выяснить его отношение к масонству. Был ли он сам масоном, я не знаю, — говорил он на эту тему очень осторожно. Смысл его ответа сводился к следующему: в русских условиях, при существовании самодержавия, организация, в основе которой лежит стремление к объединению людей на почве определенных нравственных принципов, может иметь большое значение для дела борьбы против самодержавия, так как она может создать действительное объединение разномыслящих людей, могущих понимать друг друга и всецело друг другу доверяющих.

Б. И. Николаевский:
записи бесед с масоном В. М. Шахом
(3.9.1934)

В 12 ч. мой хороший знакомый инж. Павлицкий (инженер, сочувств. с.-р.) сообщил мне о существовании масонской организации и предложил войти. Я думал долго. Давно уже я приходил к выводу, что парт[ийная] деятельность не создает того общения между полит[ическими] деятелями, которое необходимо для координиров[ания] оппозиц[ийных] и револ[юционных] сил. Идея масонства мне была симпатична, и я согласился. Церемония приема

была минимальна: опрос на собрании, куда ввели с завяз[анными] глазами.

В ложу входили К. Черносвитов (к.-д.), Брунет (н.-с., позднее тов. мин. на Укр[аине]), проф. Рузский, Мацневич (с.-д. из Киева, в 90-х гг. сидел около трех лет), Кармин (тов. обер-прокурора Сената), А. Д. Марголин (прис. пов., позднее на Украине), Павлицкий.

Приема новых членов не было. Поставлена была кандидатура Басова-Верхоянцева, но ее отвели, ввиду крайней резкости политич[еских] взглядов Басова.

Собирались 2 р[аза] в месяц, обычно у Кармина. Содержание бесед: обмен информацией и обсуждение разных текущих вопросов.

Никакой форм[альной] дисциплины не существовало. Было только общее желание сговориться и затем действовать в общем направлении. У меня такое желание имелось вполне искреннее и большое, и скажу откровенно, именно оно во многом определило мои позиции в годы войны и революции. Помню особенно мои настроения в апреле 1917 г. во время борьбы на Птб. стороне при выборах на птб. общегородскую м[еньшевист]скую конференцию. От интерн[ационалистов] тогда выступал Ерманский; я говорил от оборонцев. Ерм[анский] занял ультрадемагогическую позицию. Когда я слушал его, я думал: эта позиция делает абсолютно невозможным сговор с.-д. с демокр[атическими] группами, стоящими от нас направо. И это соображение было для меня одним из решающих.

Ложа наша собиралась до 11.1918 г.; помню, на посл[еднем] собрании был Черносвитов, с которым мы прощались: он уезжал в Сибирь.

Директив из Центра не было, только предлагали обсудить тот или иной вопрос. От нас в Центр ходил Черносвитов. Он руководил обсуждением.

Масон П. А. Бурышкин — Б. И. Николаевскому

P. A. Bouryschkine
3 rue Adolphe Cherioux
Issy ler Monlinaus
(Jeine) France
25.I.48

Многоуважаемый Борис Иванович.

Несколько лет назад, когда я работал для Вас по розыску масонских источников I Интернационала, Вы говорили мне, что у Вас имеются некоторые дневники и мемуары, связанные с русским масонством предреволюционного периода. Ныне мои друзья поручили мне составить очерки истории русс. шотл. масонства за границей (после 1917 года), но как Вы знаете, имеется известная связь между нынешним масонством и масонством недавнего прошлого. Я бы был Вам бесконечно признателен, если б Вы сообщили мне, сохранились ли эти материалы и в чем они заключаются, а также можно ли было бы их использовать.

Я очень жалею, что во время Вашего пребывания в Париже мне не удалось повидать Вас. Я знаю Вашу точку зрения, смотрю ... <неразб.> и, думаю, мог бы дать Вам беседы — некоторое подтверждение Вашим мыслям.

В ожидании Вашего любезного ответа и с пожеланием всего лучшего.

Искренне уважающий Вас ... <подпись>

Б. И. Николаевский — масону П. А. Бурышкину

5 февр. 48

Многоуважаемый Павел Алексеевич¹,
простите, если ошибся в Ваших имени—отчестве,
но за эти годы так много воды (да и не воды одной!)

¹ Бурышкина звали Павел Афанасьевич. — О. П.

утекло, что многое забылось. Но материалы, про кот. я Вам говорил, уцелели, хотя еще не в моих руках. Должен получить в близком будущем. Они довольно богаты: записи рассказов о ложах в Петербурге, Москве, Самаре, Саратове, Витебске и пр., а также книга Сидоренко, в кот., как Вы знаете, напечатаны статуты, причем один из деятелей центра мне разметил, что декорация под историю, что правда. Но я не уверен, что смогу предоставить их в Ваше распоряжение: в отношении некоторых я связан словом. Иначе сам напечатал бы, так как это крайне интересная страница из истории недавнего прошлого. Но ведь у Вас, наверное, немало и своих материалов. Кое-кто из активных участников еще жив и как раз в Париже...

В Париже был очень недолго и многих не повидал, кого видеть хотел бы... К Вам, в частности, у меня был даже специальный вопрос: слыхали ли Вы что-либо о документах, найденных большевиками о Бакуanine и его масонской деятельности? Мне об этом писали, но очень туманно. В чем дело? Я знаю, что он был масоном в Париже с 46 года и затем был снова принят Гарибальди в 65. Есть еще что-либо?

Масон П. А. Бурышкин — Б. И. Николаевскому

3^e rue Adolphe Cherioux Issy ler Monlinaus (Jeine) France
28.II.48

Многоуважаемый Борис Иванович.

Большое спасибо за Ваше письмо и сообщение свидетеля. Очень огорчен, что Ваша точка зрения не изменилась и что на близкое опубликование этих материалов рассчитывать нельзя. Я недавно перечел Вашу книгу об одном предательстве и думаю, что тот же ... [неразб.], который применили к ... [неразб.] нужно было бы применить и в данном случае. Конечно, история так называемых русских лож думского масонства менее

крупный эпизод, который знают в истории русского общественного движения, но все-таки и его нужно поставить на место. А об этом стараются только наши противники. Я считаю, нельзя литературу Двуглавого Орла оставить без компетентного ответа. Во всяком случае, пресловутые дневники масонские — плохой исторический материал. Да и всегда нужно помнить эмигрантский анекдот о маленькой собачке, которая в свое время в России была сенбернаром. Буду Вам признателен, если Вы будете держать меня в курсе Ваших работ в этом вопросе, а теперь, если дадите мне какое-либо конкретное указание по поводу сбора материалов.

По поводу Бакунина нового мне ничего неизвестно, но я лично считаю, что масоном он никогда не был, во всяком случае, регулярным во Франции до 1850 года. Все материалы G. O. D. F.¹ и большая часть (что сомнительно) GLDF² находятся в Biblitec. Nationals ... [неразб.]. В свое время G. O. ... [неразб.] все пересмотрел, ... [неразб.] свои брошюры о знаменитых людях, бывших в составе G. O. Именно Б. ... [неразб.] ни в какие мастерские этот ... [неразб.]. Мое мнение совпадает и с мнением серьезных историков нового времени (... [неразб.]). Правда, Б. относился очень положительно к ... мас. группе ... о чем и писал...

С ... Пав. Афанас. Бурышкин.

**Из переписки Б. И. Николаевского
с масоном П. А. Берлиным³**

*Б. И. Николаевский — П. А. Берлину
12 янв. 1955 г.*

...думаю, что являюсь единственным человеком в

¹ Великий Восток Франции.

² Великая Ложа Франции.

³ П. А. Берлин — по-видимому, родственник масонов Л. М. или М. Я. Берлиных, приторговывавший «масонскими тайнами».

мире, хорошо осведомленным о «думском масонстве» 1907—1917 гг. Имею записи рассказов ряда деятелей.

Б. И. Николаевский — П. А. Берлину

14 февр. 1955 г.

Получил «масонские речи». Не можете мне сообщить, кто автор? Не для печати — для архива. У меня ведь много масонских тайн; думаю, я единственный, кто имеет устав «думского масонства» Керенского — Некрасова, воспоминания Бебутова и пр. М. пр., мне передавали, что был напечатан на правах рукописи очерк Кандаурова, нельзя найти?

П. А. Берлин — Б. И. Николаевскому

23 февр. 1955 г.

Рад, что Вам пригодилась книжка о масонах. Мне ее дал видный масон, но взял с меня слово, что я не назову его имя и уничтожу номер. При этом он категорически уверяет, что он не автор, и автора не назвал.

Б. И. Николаевский — П. А. Берлину

25 марта 1955 г.

По масонской линии: я знаю, что был большой доклад Кандаурова об истории масонского русского XX века. Не был ли он где напечатан?

П. А. Берлин — Б. И. Николаевскому

16 июля 1955 г.

Я Вам продал как-то масонский доклад. Не мог Вам сообщить тогда имя автора доклада, так как масон, мне его продавший, просил ничего о ней (?) не говорить. Но теперь другой масон в разговоре со мной на-

звал имя докладчика, не наложив на меня печать молчания. Да и докладчик этот давно умер. Это Осоргин¹.

Из письма масонки Е. Д. Кусковой к Н. В. Вольскому

10 ноября 1955 г.

...Самый трудный вопрос о масонстве. Наше молчание было абсолютным. Из-за этого вышла крупная ссора с Мельгуновым. Он требовал от нас раскрытия всего этого дела. А узнал он об этом от тяжело заболевшего члена его партии (хоть убей, не помню фамилии: на П., народник, очень известный). Мельгунов доходил до истерик, вымогая из меня (еще в России) данные и заверял, что ему «все» известно. Я хорошо знала, что ему ничего почти неизвестно, как и Бuryшкину. Потом он в одной из своих книжек сделал намек, что такое существовало. Скажу Вам кратко, что это было.

1. Началось — после гибели революции 1905 г. во время диких репрессий, Вы их знаете.

2. Ничего общего это масонство с заграничным масонством не имеет. Никогда ни в какой связи не состояло на том простом основании, что это русское масонство отменило весь ритуал, всю мистику и прибавило новые параграфы.

3. Цель масонства: политическая. Восстановить в этой форме Союз Освобождения, и работать в подполье на освобождение России.

4. Почему выбрана такая форма? Чтобы захватить высшие и даже придворные круги. На простое название «политическое» они бы не пошли.

5. Изменение параграфов: а) прием женщин, впервые. В масонские ложи заграничные женщины не принимаются; б) отменить все эти фартуки, всю аму-

¹ Масонский доклад М. А. Осоргина в архиве Б. И. Никольского не сохранился. — О. П.

ницию, весь ритуал; с) посвящение состояло лишь в клятве — молчание, абсолютное. Качество — мораль, доверие. Форма — ложи по 5 чел. и затем конгрессы. Ложи не должны были знать о существовании других лож. Но по встречам на конгрессах можно было судить о размахе движения и его составе; d) выход —

М.А. Дмитриев-Мамонов

опять с клятвой: никогда и никому — просто «заснуть». Таких выходов не помню: интерес к движению был огромен и наша пробковая комната действовала всю. Характерная особенность: я знала двух виднейших б[ольшеви]ков, принадлежавших к движению. Когда произошла октябрьская революция, мы с С. Н. [Проккопович] были уверены, что все будет вскрыто. Партия ведь не терпела тайн членов. Ничего подобного! Уверена, что эти виднейшие б-ки тайну соблюли, быть может, из боязни репрессий и по отношению к себе. Людей высшего общества (князьев и графьев, как тогда говорили) было много. Вели они себя изумительно: на конгрессах некоторых из них я видела. Были и военные — высокого ранга.

Почему нельзя вскрыть это движение? Потому, что в России не все члены его умерли... А как отнесутся к живым — кто это знает? Движение это было огромное. Везде были «свои люди». Такие о[бщест]ва, как Вольно-Эк., Техническое, были захвачены целиком. Это — рецепт Союза Освобождения. Ведь еще во время его дей-

ствия в Вольно-Экон. О-ве прочно уселись его члены: Богучарский, Хижняков (секретари); С. Н. — председатель Экон. секции. То же и в Техническом О-ве: Лутугин, Бауман — в центре. В земствах — то же самое. Масонство тайное лишь продолжало эту тактику.

П. Н. Милюков, осведомленный об этом движении, в него не вошел: «Я ненавижу всякую мистику!» Но много членов к.-д. партии к нему принадлежали. Но, т. к. Милюков был в центре политики, его осведомляли о постановлениях конгрессов. Иногда и сам он прибегал к этому аппарату: надо, дескать, провести через него то-то и то-то.

Одно из правил: не обращаться за членством к людям, казавшимся непрочными в их моральном или политическом естестве. Многие кандидатуры, строго обсуждавшиеся, отвергались. Изумительно: не было там провокаторов а la Марков, кот. покойный В. А. Розенберг ненавидел и звал «косоглазым лгуном» и осуждал Сер. Ник. за то, что тот привлек его к Кабинету. Ведь и до сих пор тайна этой организации не вскрыта. А она была огромна. К февральской революции ложам была покрыта вся Россия. Здесь, за рубежом, есть очень много членов этой организации. Но — все молчат! И будут молчать — из-за России, еще не вымершей. Один только Вельмин, как-то случайно и уже под конец тут попавший, как будто пробалтывается. Но слышала об этом мельком и с ним по этому поводу в контакт не вступала. После смерти С. Н. получила несколько телеграмм, кратких: *Fraternellement a vous*. Такой-то. Какое оно «братство», было очень ясно выражено в отношениях, хотя после октября и разошлись во мнениях. Но личный контакт из-за этого прошлого всегда поддерживается. Писать об этом не могу и не буду. Без имен это мало интересно. А вскрывать имена — не могу. Мистики не было, но клятва была. А она действительно и сейчас по причинам, Вам понятным.

Много разговоров о «заговоре Гучкова». Этот заговор был. Но он резко осуждался членами масонства. Гучков вообще подвергался неоднократно угрозе исключения. А после дела Конради, в кот. он вел себя совершенно непонятно и вызвал скверные подозрения, с ним вообще старались в интимные отношения не вступать. Под конец своей жизни он близко сошелся с германским штабом и, когда приезжал к нам в Прагу, совсем больной, и просил оказать (“fraternellement”¹) услугу у чешского правительства, мы этой услуги не оказывали. Он знал, что мы знаем о его поездках в Германию и очень запутанно об этом рассказывал. Но один раз произошел инцидент. Его принял Бенеш. И он Бенешу точно рассказал о планах Гитлера — нападение на Чехию, на Россию и т. д. Бенеш, зная о наших отношениях с Гучковым, спросил у нас, что это значит, мы ему посоветовали с Гучковым дела не иметь. В следующий приезд Гучкова он его не принял. Потом — слово в слово осуществилось то, что рассказывал Гучков Бенешу и нам.

Вот Вам рассказ, очень суммарный. Через кого-нибудь историки, конечно, об этом движении узнают. Но сейчас, повторяю, писать о нем нельзя. Теперь Вы понимаете, почему здесь об этом не говорят.

Маклаков, Баладинский и др. к этому движению не принадлежали. Они принадлежали к французским ложам, совершенно открытым.

В Германии все это было не только открыто, но у них были свои дома, где происходили открытые заседания германских масонов. Мы, эмигранты, нередко снимали эти залы под наши собрания. А мы с С. Н. даже жили, приехав из России, у видного германского масона. От него многое узнали. Потом Гитлер все это движение стер с лица земли, дома конфисковал,

¹ «братскую».

часть масонов посадил в тюрьму, было, верно, и еще хуже.

Вот все, что могу сказать.

(На стр. 9 приписка сверху:) Это масонство скушало немало денег из доходов (следующее слово, в кавычках, не разобрано: «Старого Сельца»?): надо было разъезжать по России. Что мы и делали.

Масон М. Корнфельд(?) — Б. И. Николаевскому

125, Rue Notre-DamedesChamps (6e)

Dandon 64—49

8.VI.57.

Многоуважаемый Борис Иванович.

Пишу Вам по просьбе Mm Dumesnil de Gramont, которая мне сообщила о Вашем желании получить некоторые документы, относящиеся к русскому Масонству.

Во избежание недоразумений прошу Вас не отказывать сообщить мне более подробно, какого рода сведения Вам необходимы, относящиеся к какому историческому периоду?

В случае, если пришлось бы делать выписки из имеющихся в нашем распоряжении материалов, можете ли Вы взять на себя возмещение расходов по переписке.

Уважающий Вас М. Корнфельд(?)

Б. И. Николаевский — неизвестному нам адресату¹

24 июня 1957 г.

Многоуважаемый коллега.

Очень признателен Вам за Ваше любезное письмо, но я, к сожалению, не знаю Вашего имени-отчества и даже не вполне уверен, что правильно расшифровал

¹ Возможно, этот адресат — масон М. Корнфельд. — О. П.

Вашу фамилию. Конечно, я смогу возместить расходы по переписке интересных документов и все др. расходы, которые будут связаны с работой. Круг моих интересов в области истории русского масонства довольно широк, и я хотел бы предварительно задать Вам несколько ориентировочных вопросов.

1. Меня прежде всего интересует все, что относится к «Полярной Звезде» и др. ложам начала XX века. Есть ли какие-либо точные материалы об этом периоде? Мне известно, что существовал доклад Кандаурова с попыткой истории. Нет ли возможности достать его копию? Имеются ли тогдашние доклады и письма из России? Имеются ли документы о сношениях с кн. Бебутовым, М. С. Маргулиесом, Е. Кедриным?

2. Имеются ли какие-либо данные о связях с франц. ложами русских в эпоху революции 1848—49 гг.? Герцена? Ивана Головина? Сазонова? Бакунина? О последнем я знаю — на основе его заметок, — что он в конце 1846 г. вступил в какую-то ложу в Париже, но не имею никаких подробностей.

3. Имеются ли вообще какие-либо материалы о ложах филаделффов, которые были основаны около 1815 г. известным Буанаротти и к которым разновременно принадлежали Луи Блан, Прудон и др.

Я буду Вам очень признателен за возможно более полный ответ. Я сейчас выбрался на лето в деревню, адрес даю выше. С искренним уважением...

Б. И. Николаевский — Бертрану Уоллу

10 июня 1959 г.

Дорогой коллега,
сведения Войтинского не вполне точны. Милюков¹, напр., и еще целый ряд членов Врем. Прав. определен-

¹ См. сноску на стр. ***. — О. П.

но не были в составе масонских лож¹. В воспоминаниях Милюкова Вы найдете его рассказы, что впервые он о них узнал лишь в эмиграции, — он это узнал от меня. Я не уверен, что формально в ложе был и Львов. Он, несомненно, знал о существовании этой организации, но думаю, что формально в нее не входил. История «думского масонства» (так его в свое время называли) очень сложна, — я собирал эти материалы почти 40 лет, но не уверен, что все знаю. В годы войны руководящую роль играли Керенский, Некрасов и Гальперн (Александр Яковлевич, адвокат, тогда меньшевик, умер лет пять тому назад в Лондоне). Их организация раскинулась по всей России, я установил факт существования свыше 20 лож, было два всерос. съезда, существовал Совет и пр. Совет в февр. дни не собирался и состава правительства не назначал. Система работы их состояла в том, что масоны создавали сеть замаскированных организаций, которыми руководили, не вскрывая своего собственного существования. У меня имеется много материалов, гл. обр., рассказы участников. В организацию входили и большевики, через их посредство масоны давали Ленину деньги (в 1914 г.). Я все это собираюсь публиковать.

Лучшие приветы и пожелания.

М. Корнфельд(?) — Б. И. Николаевскому

125, Rue Notre-Dame des Champs (6e)

Dandon 64—49

15.XI.61.

Многоуважаемый Борис Иванович (если мне не изменяет память).

По просьбе Guy Vinatril препровождаю Вам при сем: 1) его письмо и 2) справку относительно «фила-

¹ См. примечание на стр. 275.

дельфов», которую почерпнул в Массонской Энциклопедии Ленинга, которую горячо Вам рекомендую.

Могу Вам попутно добавить, что в десятые годы Вел. Князем Александром Михайловичем была основана в Петербурге так называемая Адмиралтейская Ложа, работавшая по ритуалу «филадельфов», которых часто путают с «филадельфами».

Эта ложа существовала до самой революции и я был лично одним из ее членов, ныне ... <неразб.>.

Искренне уважающий Вас

<подпись>.

Б. И. Николаевский — М. Корнфельду(?)

27 декабря 1961 г.

Многоуважаемый коллега,

Вам память не изменила — меня зовут Борисом Ивановичем, а мне изменила, и я никак не могу припомнить Ваши имя-отчество. Простите великодушно. Большое спасибо за справку, но она бьет мимо цели. «Филадельфы», которые меня интересуют, это тайная организация, созданная Буанаротти (одним из участников заговора Бабефа) около 1816—18 гг. Это была революционная организация, принявшая форму организации масонской, включившаяся в сеть последних, но преследовавшая свои собственные цели. В нее входили Прудон, Луи Блан и др. Была закрыта франц. правительством незадолго до революции 1848 г., но возобновилась после революции. С 1850—51 гг. действовала в Англии и играла большую роль во всякого рода попытках установления международных связей. Особенно велика ее роль в создании I Интернационала. В начале 1860-х гг. издавала небольшую газету в Лондоне «...» <пропуск в источнике>. Исключена из англ. масонства. Главою в Англии был Луи Блан. Известно ли Вам что-либо о ней?

Заодно напомним свой старый вопрос: удалось ли Вам найти документы о масонах русских начала XX века, — т. наз. «думские масоны» или «русские карбонарии»?

Еще раз большое спасибо и лучшие пожелания к Новому Году.

С искренним уважением.

М. Корнфельд(?) — Б. И. Николаевскому

125, Rue Notre-Dame des Champs (6e)

Dandon 64—49

3.V.1962.

Многоуважаемый Борис Иванович.

После продолжительных и упорных розысков мне посчастливилось, наконец, разыскать Ящик, в котором в течение 22 лет хранилась оригинальная рукопись покойного Л. Дм. Кандаурова, которая Вас интересовала. В свое время я Вам послал копию, которая у меня оказалась под рукой и которая пропала.

Если эта рукопись все еще представляет для Вас интерес, я с удовольствием Вам ее отправлю заказным письмом, с условием вернуть ее обратно в том же конверте после того, как Вы снимите с нее нужные для Вас копии.

К сожалению, не могу Вам ничего сообщить об английской газете, издававшейся в начале 60-х годов.

Искренне уважающий Вас

<подпись>.

М. Корнфельд(?) — Б. И. Николаевскому

125, Rue Notre-Dame des Champs (6e)

Dandon 64—49

5.VI.62.

Многоуважаемый Борис Иванович.

При сем прилагаю рукопись покойного Л. Дм. Кандаурова. Надеюсь, что на сей раз она попадет в Ваши руки.

Само собою разумеется, что этот документ, как таковой, носит строго конфиденциальный характер и не подлежит опубликованию.

Очень прошу Вас, после того, как Вы снимите с него копию, пришлите мне его обратно заказным пакетом, тем более что я, вероятно, в это время должен буду отлучиться из Парижа.

Искренне уважающий Вас

<подпись>.

Б. И. Николаевский – М. Корнфельду(?)

18 мая 1962 г.

Многоуважаемый коллега,

большое спасибо, что вспомнили обо мне. Рукопись Кандаурова меня интересует даже больше, чем она меня интересовала раньше, и я буду превесьма Вам признателен за ее присылку. Только очень прошу сделать это поскорее, т. к. 15 июня я уеду на лето, а здесь пересылка почты в летнее время связана со всякими рисками. Ведь так было и с копией! Конечно, все верну в полной сохранности.

Еще раз большое спасибо. С искренним уважением.

Из письма Н. В. Вольского-Валентинова

Б. И. Николаевскому

8 марта 1960 г.

...Относительно масонства С. Н. Прокоповича Кускова, когда я ее прижал, написала мне, что она и С. Н. вступили в русскую масонскую организацию в 1906 (об этой организации у меня есть от нее большое письмо). Но покойный Бурышкин, сам масон и собравший огромное число всяких сведений и документов о масонстве (он мне показал целую кипу тетрадей об этом), мне сообщил, что ему доподлинно известно,

что Прокопович вступил в иностранную масонскую ложу во время пребывания его и Кусковой за границей. Кускова, видимо, в нее тогда не вступила, ибо женщины в иностр. масонские ложи не допускались. Когда я выразил некоторое сомнение относительно масонства Прокоповича еще до 1898 г., Бурышкин пожал плечами: «Зачем вам в этом сомневаться, когда вот здесь, в этой тетради, все сведения о том, как и где Прокопович вступил в ложу». Все, что после смерти Бурышкина осталось, передано в архив Колумбии, но собранный им материал о масонстве туда не поступил. Парижские масоны его оттуда извлекли. Тер-Погосян, сам масон, на мой вопрос, переданы ли в архив масонские тетради Бурышкина, сухо мне ответил: «Нет, не переданы». И на этом разговор прекратил.

Аронсон написал два очерка о русском масонстве в Февральскую революцию, на мой взгляд, очень интересные. По его просьбе я сообщил ему, что писала мне об этом вопросе Кускова. Было бы неплохо этот вопрос дальше копнуть. На мой вопрос, почему около этого столько таинственности, Кускова дала мне объяснение, но, на мой взгляд, мало убедительное. Кстати, она мне сообщила, что Гучков был масоном, но от него они отшатнулись вследствие его сношений с военным германским штабом.

Из письма Б. И. Николаевского Н. В. Вольскому

3 апреля 1960 г.

...О русском масонстве у меня имеются интересные материалы — показания Гальперна, Чхеидзе, Гегечкори (члены Верх. Совета русских лож), воспоминания кн. Бебутова (основатель) и ряда др. На целый том: устав, история обоих «конвентов», история «усыпления» ложи Маргулиеса—Бебутова (подозревали в провокации) и пр. Прокопович вошел в ложу

(бельг.) действительно в 1898 г., сразу же после того, как вышел из Союза РСД. Есть материалы о переговорах, кот. Бебутов в 1909 г. вел с Плехановым, с.-р. и т. д. Многих звеньев все же не хватает, и я ждал публикаций, надеясь получить... К сожалению, не получаю, придется публиковать так.

Статьи Аронсона очень поверхностные, ничего не дают.

Гучков масоном не был, т. е. я говорю о масонстве в России 07—17 гг. Эмиграция — дело особое, совсем неинтересное. Меня оно интересует мало; масонство российское — дело другое. В 1914 г. оно помогало большевикам. Выяснить его историю важно. Материалы Бурьшкина должны быть интересными, но после «усыпления» «Полярной Звезды» Бебутова—Маргулиеса русские масоны (карбонарии) с заграницей офиц. связей не имели. Думаю, об этом масонстве у Бурьшкина сведений было мало, так как центральными фигурами были Керенский, Некрасов, Гальперн, Чхеидзе, Терещенко, Коновалов, из которых, кажется, никто ему не рассказывал. Во всяком случае, за всякие дополнения буду благодарен.

Из письма Н. В. Вольского Б. И. Николаевскому

8 апреля 1960 г.

...Дорогой Борис Иванович, пока у Вас есть силы и возможность, обязательно разработайте и напечатайте все, что Вам известно о масонстве. Я очень рад, что этот вопрос поднял Аронсон, но, если судить по тому же материалу, о котором Вы пишете, что он в Ваших руках, тогда на Вас падает обязанность эту историческую загадку разгадать. Я передал кой-какой известный мне материал Аронсону, передам его и Вам.

Кстати, известна ли Вам книга Осоргиной «Русское масонство»[?] Я ее не знаю. Знаю только, что она печат-

талась в Бельгии, немцы тираж сожгли, но некоторые экземпляры книги остались. Один из них находится в библиотеке Базеля, другой — в Женеве. В нац. библиотеке Парижа этой книги, кажется, нет.

Кускова мне писала, что Гучков был масоном, но, цитирую ее слова, «после дела Конради, в котором он вел себя совершенно непонятно, с ним (масоны) старались не вступать в интимные отношения». Конради? Я это не понимаю — о чем Кускова говорит? Она прибавила, что отношения масонов с Гучковым совсем прервались, когда стали известны его связи с немецким штабом. По этой причине, писала она, и Бенеш не стал принимать Гучкова и передал ему приказ прекратить его приезды в Чехословакию и Прагу.

Кускова, несомненно, по масонской линии была в тесной связи с Керенским и Коноваловым. Масонами были Хитилков, Богучарский, Лутугин, из большевиков — С. П. Середа.

Из письма Б. И. Николаевского Н. В. Вольскому

17 апреля 1960 г.

Обработать и опубликовать масонские материалы я сам считаю крайне нужным и важным, и займусь этим в ближайшее же время. Тем больше буду Вам благодарен, если пришлете имеющееся у Вас. Страшно жалею, что не повидал Бурышкина до его смерти. Я с ним был связан перед войной, когда он для меня многое нашел по масонству фр. и его связям с Интернационалом. Книгу Осоргиной я знаю — в Париже имел, теперь не имею, но пользоваться ею могу. Но она для масонства «карбонарского», т. е. русского, начала XX века ничего не дает.

Гучков до революции в ложах не был, это я знаю вполне точно. В годы войны, когда было много группок, созданных масонами, но не входивших в их

офиц. сеть, по-видимому, Гучков был с ними как-то связан, но и тогда к масонам официально не принадлежал. Масоном он стал только во Франции, но русское масонство в эмиграции, на мою расценку, — вещь совсем пустяковая. Самое крупное предприятие их, это группа, издававшая в 1922 году журнальчик «Новь» (4 номера) и связанная с той тайной организацией, которая была осуждена в Киеве, кажется, как «Комитет действия». Дело Конради, о кот. Вам говорила Кускова, это дело убийцы Воровского (1923 г.), организацию защиты которого ставили масоны. Сумасшедший вздор. Связи Гучкова с немецким штабом были с 1919 г., когда Гучков вел переговоры с немцами о разрешении ему формировать для Деникина армию из военнопленных (тогда еще не возвращенных в Россию). Вздор не менее сумасшедший... Но Кускова имела в виду, конечно, связи позднейшие — начала 1930-х гг., когда нем. штаб Шлейхера-Бредова, имевший тайные соглашения со Сталиным, завел также связи и с «русским правовоемным лагерем» и... попал в руки группы Гучкова—Скоблина... Сумасшествие совсем рекордное!

Б. И. Николаевский — М. Корнфельду(?)

Многоуважаемый коллега,
спешу подтвердить получение доклада, большое спасибо! К сожалению, по вопросу, кот. меня очень интересует, а именно о т. наз. «думском масонстве» 1907—17 гг., в нем имеются только несколько строк, к тому же не вполне точных. Верно ли, присланный Вами документ является докладом Кандаурова? Не существует ли другого доклада последнего, носившего более обстоятельный характер исторической справки? У меня подобралось значительное количество различного рода материалов о «думском масонстве»,

но имеется ряд пробелов. В частности, мои сведения относительно признания «думского масонства» парижским Вел. Востоком расходятся с докладом: неизданные воспоминания Бебутова, кот. у меня имеются, говорят о таком признании и о приезде спец. представителя Вел. Востока, который выполнил соответствующие акты в 1908 г. В те ранние годы ритуал соблюдался — его упразднили после «усыпления» ложи «Полярн. Звезда» — после этого масонство действительно превратилось в форму карбонарской организации. Кстати, имеете ли Вы ее устав? Известна ли Вам книга Сидоренко «Итальянские угольщики», в кот. в замаскированном виде даны части всего устава?

Ваше указание о недопустимости печатать присланный Вами доклад принимаю, т. ск., к руководству. Но нет ли у Вас др. материалов? Я не считаю правильным замалчивание этого исторического эпизода. О нем в печать уже проникли сведения, в частности, в недавней книге Аронсона. Он ничего толком не знает, но пишет, будто что-то знает. По-моему, это самое худшее. Вы как историк масонства должны многое о нем знать.

Еще раз большое спасибо за присыл. Верну, если не возражаете, осенью: теперь я до середины августа на вакациях (адрес на обороте).

С искренним приветом и лучшими пожеланиями.

Б. И. Николаевский — М. Корнфельду(?)

29 сентября 1962 г.

Многоуважаемый коллега,
при сем с благодарностью возвращаю старый меморандум. Но, как я уже писал Вам по тому конкретному вопросу, который меня больше всего интересует, т. е. по вопросу о русских масонах 1906—17 гг., в нем почти ничего нет. Нет ли каких-либо других документов?

Имеется ли устав «Полярной Звезды»? Имеются ли к.-л. документы о масонах периода Керенского — Некрасова — Гальперна?

Существует ли библиография изданий, выпущенных русскими масонами XX века?

Еще раз большое спасибо. С лучшими пожеланиями.

СВЯЗИ МАСОНОВ С ЕВРЕЙСКИМИ БОЛЬШЕВИКАМИ

**Конвент
Великого Востока Франции
1920 года¹**

В российской истории революции 1917 года, без сомнения, будет отведено крупное место.

Не нам, современникам этого скверного момента, поправшего и уничтожившего все наше святое, дорогое и любимое, придется увидеть беспристрастное и верное описание этой безобразнейшей казни нашей Матери Святой Руси.

Наша задача, совершенно независимо от наших политических взглядов, должна главным образом заключаться в собирании материала, какого бы значения он ни был, для облегчения работы будущему историку, который, собрав все наши в этом направлении сбережения, в зависимости от своих совести и разума даст более или менее точное, более или менее честное описание этого ужасного в русской истории события.

Вместе с тем уже появляются попытки составления истории русской революции, главным образом, разнообразными политическими деятелями, замешанными лично в это нечестное по отношению к России дело, стремящимися прежде всего оправдать свое поведение, и несколькими генералами, описывающими борьбу против захвативших русскую власть врагов народа; к ним можно отнести в большой степени нежелание дать беспристрастное понятие о событиях,

¹ Convent... La Grand Orient de France. Paris, 1920. Сокращенный перевод и предисловие Н. Ф. Степанова. (см. очерк в этой книге «Из истории русского масонства»).

а по преимуществу оправдать себя, свои промахи и ошибки, одним словом, свои неудачи.

Но, как известно, истории государств фальсифицируются. Еще больше должны быть подвержены этому истории революций.

Историки левого течения обычно, и совершенно естественно, не хотят и не могут представить правду — она была бы для них неприятна; а кому охота обвинять самого себя!

Вот почему попытки составления истории революции Милюковым и его присными могут иметь значение лишь второстепенное. Главная ценность в составляемых ими историях есть ссылка на порой многочисленные документы, которые останутся навеки неоспоримыми свидетелями происшедших страшных событий.

Нужно ли упоминать, что революции, несмотря на обыкновенные объяснения их так называемыми передовыми людьми, не являются плодом выражения народного недовольства, а являются замыслом, вернее заговором, кучки людей, тем или иным способом умеющих повлиять и на интеллигенцию, и на чернь, на которых им приходится опираться в первые дни революции.

Так было и так, к сожалению, будет.

Народ остается ни при чем, его мнения никто не спрашивает и лишь именем его пользуются эти безот-

Князь А. Н. Голицын

ветственные господа, играющие словами и человеческими жизнями.

Достаточно припомнить все это недостойное фиглярничество кокаиниста Керенского, истерично вопиющего свою любимую фразу, что большевики пройдут лишь через его труп; когда же дошло до дела, то, переодевшись в женское платье, он бежал в то время, когда за него умирали женские батальоны и молодцы юнкера; этот «труп» и поныне гуляет по Парижу и другим городам Европы и Америки.

Гадко это. Когда вспоминаешь эти пережитые минуты, становится больно до невыносимости и удивляешься, как могли подобные мерзавцы хоть на короткий срок подчинять себе добрых, честных и славных русских людей.

Но это уже есть невольное отклонение от нашей задачи, заключающейся в ином.

Возвращаясь к народу, мы повторяем, что революции предпринимаются не им, а какими-то иными и в большинстве случаев тайными, силами.

Вместе с тем, знакомясь с появившимися уже описаниями русской революции, мы ни звука про эти силы не слышим. «Народное недовольство», «тяжелые условия жизни народа», «желание того или иного тем же народом» служат, обыкновенно, объяснениями событий, читая которые, недостаточно глубоко смотрящий в корень читатель понимает события как нормально исходящие и действующие все по той же народной воле.

Очень рекомендуем прочесть книгу «На путях к дворцовому перевороту» (заговоры перед революцией 1917 года), Париж, 1931 год, написанную С. Мельгуновым, с которым мы политическими лагерями, без сомнения, находимся на чрезвычайно далеком расстоянии.

Много интересного и поучительного найдет будущий историк в этой книге, но, что всего удивительнее, в ней есть глава под названием «Масоны».

Сущность этой главы не представляет особого интереса. Туманно и неясно в ней дается лишь легкий намек на то, что к русской революции как-то причастно и масонство. Но как — об этом, собственно говоря, С. Мельгунов предпочитает не распространяться.

Не хочет, так его и заставить нельзя; он делает уже полезное дело, упоминая об этой для многих таинственной организации, о которой в то же время говорить не полагается.

Говорить о масонстве могут ведь лишь «зубры», люди тупоголовые, упершиеся в «жидомасонство» и не видящие иного перед собой. «Зубров» этих много. Начиная с Маркова II и кончая автором сих строк. Гг. Любимовы из «Возрождения» и им присные из «Последних Новостей» нет-нет да и стараются смешать их с грязью.

Вместе с тем столь туманное освещение деятельности дореволюционного русского масонства в труде С. Мельгунова имеет чрезвычайную причину, объясняется им самим и оказывается очень простым.

В предисловии к своей работе С. Мельгунов, давая список лиц, им опрошенных, на стр. 7 говорит следующее:

«Трудность установления фактической канвы лежит не только в указанных психологических основаниях. Вмешивается и другая таинственная сила, скрытая от взоров профанов, — тайна русских масонов. Мы увидим несомненную связь между заговорщической деятельностью и русским масонством эпохи мировой войны. Но здесь передо мной “табу” уже по масонской линии. Современнику очень щекотливо раскрывать чужие тайны. Постараюсь быть осторожным в этом отношении».

И осторожность эту С. Мельгунов действительно проявил. Жаль. Будь он в этом смысле менее осторожен, будущий историк извлек бы из его книги больше существенных данных, которые помогли бы ему яснее разобраться в столь сложном и запутанном вопросе.

Но возвратимся к этому, для многих неожиданно, признанию, честному по своей откровенности, отдадим автору его это преимущество, но показывающему, по меньшей мере, отсутствие у него достаточного гражданского мужества.

«Современнику очень щекотливо раскрывать чужие тайны», оправдывается он, но, судя по содержанию всей книги, ему не показалось щекотливым вскрывать тайны, записанные в дневниках Высочайших Особ, без сомнения, не подлежащих опубликованию и опубликованных лишь выкравшими их большевиками.

Но важнейшее для нас в этом признании это существование «табу»; табу, не выдуманного безмозглой оравой пустивших в ход жидомасонскую опасность, а табу, признанного высоким авторитетом русской общественности, прогрессистов и человеком новых партий.

Преклонимся же, следовательно, перед этим откровением. Отныне «табу» не есть уже наша выдумка, нет — оно существует, существует безусловно; а заявление С. Мельгунова бесспорно; перед ним стоит «табу» и он ему подчиняется.

Если существование «табу» не было известно широкой публике, мы-то про него давно прослышали и, не желая с ним считаться, принялись за розыски всего того, что подлежит «табу», с целью помочь в раскрытии интереснейшей загадки выявления виновников революции.

Наши розыски, с известным трудом ведомые многие годы, дали нам исключительно интересный материал, который, если и не указывает поименно виновников крушения Великой России, является необхо-

димым разъяснением честному историку, искренне желающему найти правду.

В наше беженское время печатание трудно. Издателей нет или они почти поголовно подлежат «табу» и ему повинуются. Эта столь важная причина мешает нам издать полный сборник собранных нами документов, непосредственно исходящих из масонских источников и имеющих отношение к революции, которые дали бы возможность ярче разобраться в минувших событиях, потому мы предпринимаем публикование этих документов в случайном порядке, уверенные в том, что каждый из них принесет свою посильную помощь в выяснении многих, для обывателя непонятных причин.

Свою публикацию мы начинаем с печатания всех выдержек отчета Конвента Великого Востока Франции 1920 года, касающихся разбиравшегося на нем вопроса признания Советской Республики.

Мы согласимся, что для большинства читающих в эмиграции русских людей наша документация покажется недостаточно интересной, сенсационной, но мы не ищем и не гонимся за сенсацией. Мы будем счастливы, если забытая современниками наша брошюра через много лет случайно попадет в руки историка русской революции, который к ней отнесется достаточно серьезно, поразыщет и другие, которые даст Бог нам еще издать, и совокупностью их разъяснить себе вопрос, о котором большинство историков, вероятно, умолчат.

* * *

Что такое масонский Конвент.

Для облегчения понятия даваемого нами перевода выдержек из отчета заседаний Конвента Великого Востока Франции 1920 года мы думаем полезным дать вкратце некоторые пояснения.

Великий Восток Франции есть одно из французских повиновений, много занимающееся политикой.

Как все масонские организации, Великий Восток составляется из лож. Ежегодно выборные от лож, называемые делегатами, собираются в конце сентября в Париже на Конвент.

Граф Д.А. Гурьев

Конвент обсуждает все дела Великого Востока, вынося свои постановления и решения, являясь законодательной властью этой масонской организации.

Конвент выбирает Совет ордена.

Исполнительной властью являются отчасти Совет ордена, а главным образом его председатель и Бюро, ведающее текущими делами и выполняющее постановления Конвента.

Ежегодно Конвент назначает три вопроса или три темы, рассылаемые во все ложи для их изучения, разработки и представления докладов на рассмотрение Конвента.

Советом ордена назначаются комиссии для разработки и изучения этих докладов по каждому отдельному из вопросов; эти комиссии после тщательного изучения, сортировки и подготовки представляют Конвенту свои доклады, пополняя их заключениями.

В 1919 году Конвент Великого Востока Франции в числе ежегодно отсылаемых на изучение лож трех во-

просов нашел нужным поставить интересующий нас вопрос, разделенный впоследствии Конвентом 1920 года на два.

Основной вопрос был озаглавлен следующим образом: «Оценка пролетарских республик Восточной Европы и отношения, которые надлежит иметь с ними Французской республике».

Конвент 1920 года разделил этот вопрос на два: а) оценка внутреннего функционирования советских республик и б) оценка восстановления сношений с Советской республикой.

Как читатель увидит дальше, Конвент 1920 года не пришел ни к какому заключению и не вынес своих решений, как и все последующие Конвенты, обсуждавшие эти вопросы вплоть до 1925 года, когда было, наконец, вынесено положительное решение, иначе говоря решение, требующее признания большевиков, что и было исполнено Французской республикой в 1926 году.

Капитан Фукэ

Интерес даваемого нами перевода отчета Конвента 1920 года усиливается тем, что на нем выступил, хотя и с бесталанной, но злобной речью, делегат каннской ложи «Знание и Солидарность» б.°. Фукэ.

Капитан генерального штаба французской службы б.°. Фукэ рекомендовал себя как бывшего начальника французской военной миссии при главнокомандующем армиями Юга России ген. Деникине.

Это обстоятельство понудило нас к наиболее широкому наведению справок, дабы как можно точнее выяснить не только личность этого масона, но и прохождение им службы во время упомянутой им же должности.

Нам показалось поэтому естественным обратиться к нескольким генералам Добровольческой Армии,

близко соприкасавшимся со ставкой генерала Деникина, прося их дать нам наиболее точные сведения об имени капитана, времени его назначения, откомандирования от должности, так же как на целый ряд иных интересующих нас вопросов.

Увы, мы не получили ни одного ответа, могущего дать нам малейшее лишнее добавление к имеющимся у нас данным.

Один генерал сказал, что никогда среди начальников французской военной миссии капитана Фукэ не было. Может быть, какой-либо Фукэ и был среди военных писарей, но их генерал не знал, а генерал А. И. Деникин в своих «Очерках Русской Смуты», несмотря на подобное заявление, дает даже фотографию кап. Фукэ.

Другой генерал письменно сообщил нам, что все, что ген. Деникин нашел нужным сказать о кап. Фукэ, он сказал, и на наши вопросы отговорился неимением под рукой архивов.

И тут совершенно невольно и неожиданно у нас вернулось сомнение. Боже мой, да не «табу» ли и тут?

Вполне понятно, что ген. Деникин сказал о кап. Фукэ все, что находил нужным сказать, но ведь то, что ему не нужно было, оказывается нам очень важным.

Почему не дать нам точные или хотя бы приблизительные сведения о дне назначения и откомандирования кап. Фукэ из ставки? Кому это может помешать? Кого это может скомпрометировать? Почему подобные вопросы подлежат тайне? Целый ряд подобных вопросов оставляют нас в недоумении. «Табу!» — верить бы не хотелось этому!

«Табу», проникающее в сферы ген. Деникина, — одно это может навести на сколько размышлений. Но отгоним от себя эти грустные мысли и будем лишь настаивать на том, что не надо повиноваться «табу», не

надо ему свято подчиняться. Гг. офицеры, те, которых это слово магическое оставляет равнодушными и которые знали, сталкивались и имели сношения с кап. Фукэ в Добровольческой Армии, помогите нам, дайте нам все нужные о нем сведения и расскажите нам все те эпизоды, которым вы были свидетелями. Знайте, что выяснение этой личности может быть для истории чрезвычайно интересным.

Итак, не получив от военных властей интересующих нас ответов, мы должны считаться с теми сведениями, которые мы извлекли из существующей литературы.

П. Милюков в книге «Россия на переломе» говорит о поездке кап. Фукэ в сопровождении английского ген. Пуля в Новочеркасск для свидания с ген. Красновым 28 декабря 1918 года — 9 января 1919 года. Отсюда мы выясняем, что в конце 1918 года Фукэ уже исправлял свою должность.

Более подробно говорит о кап. Фукэ ген. Деникин в указанном нами труде.

Относя время к середине января 1919 года, он говорит: «Французская военная миссия, между тем, продолжала поддерживать иллюзии. К несчастью, во главе ее стоял некто капитан ген. штаба Фукэ, человек, мало соответствующий трудной роли представителя Франции. И начал-то он свою карьеру на юге как-то странно — представлением мне на подпись дифирамба своим заслугам, для ходатайства перед Франше-д'Эспре о производстве его в следующий чин. Окончил же совсем печально».

П. Милюков все в том же труде говорит: «В эти тревожные дни (27 января — 9 февраля) французский представитель Фукэ удивил Краснова предложением немедленно послать союзную помощь к Луганску, если он и Деникин признают над собою власть французского главнокомандующего Франше-д'Эспре и обяжутся уплатить с процентами с 1914 года все убыт-

ки французских граждан. Иначе — “ни одного солдата” и “нет выхода”».

То же событие описывается опять ген. Деникиным, но гораздо подробнее, так как он приводит полностью те два соглашения, которые Фукэ представил Краснову, обещая, что «немедленно же будет послана французская дивизия на помощь Дону в район Луганска, если атаман подпишет два соглашения».

Из первого соглашения мы приводим лишь два пункта — 3 и 5.

3. «Атаман Краснов и донские власти, выше перечисленные, настоящим принимают на себя, как выбранные и призванные представители настоящего Донского Правительства, а также как представители одной из будущих частей Великой России, обязательство удовлетворить лиц и общества французских и союзных подданных Донецкого бассейна, как на территории в пределах Донского Войска, так и союзных районов, куда могли распространиться волнения, вследствие материальных затруднений Дона. Право взыскания убытков с Украинских и других властей предоставляется Войску Донскому».

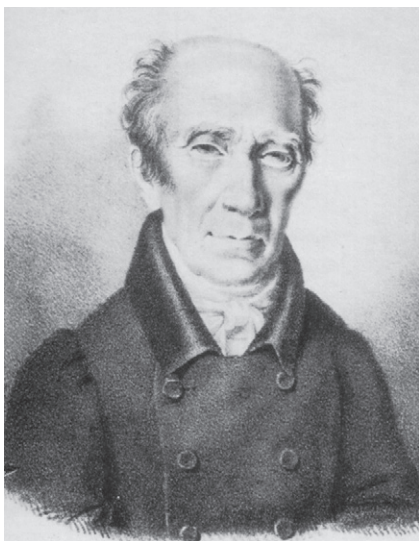
5. «Возмещение убытков, так же как и 5%-х доходов (проторий) со дня прекращения работы вследствие событий, будут уплачены потерпевшими в 10 сроков, считая со дня решения комиссии. Способы и правила уплаты будут совершенно те же, как принятые для оплаты купонов русской 5%-й ренты 1906 года».

Второе соглашение, требовавшее подписи ген. Краснова и предъявленное ему на то кап. Фукэ, имело следующий пункт под номером 2:

«Генерал Краснов, Донской Атаман, заявляет о признании полной власти генер. Деникина, а как высшего командования и власти по вопросам военным, политическим и общего порядка, обусловленным обстоятельствами, — генерала Франше-д'Эспре, коман-

дующего Армиями союзников, все инструкции которого будут исполнены немедленно по передаче их французской миссией».

Возмущенный этими требованиями ген. Краснов тотчас же написал ген. Деникину свое негодование по этому поводу, причем ген. Деникин приводит текст в тот же день

Р. С. Степанов

(30 января 1919 г.) отправленной им ген. Краснову телеграммы, из которой мы заимствуем лишь часть, касающуюся кап. Фукэ, а именно: «Поэтому предложение кап. Фукэ оказать вам помощь только при условии подписания особого соглашения сделано не только без моего ведома, но я считаю верхом цинизма подобное ультимативное требование в ту тяжелую минуту, которую переживает доблестное Донское казачество. Считаю также верхом бестактности предъявление капитаном Фукэ подобного требования вам без предварительного испрошения на то моего согласия».

Кончает ген. Деникин описание этого эпизода следующим образом: «Вместе с тем я сообщил ген. Франше-д'Эспре (телеграмма от 3 февраля) о действиях капитана Фукэ, выразил свою уверенность, что “эти не соответствующие достоинству русского имени документы... не были присланы французским командованием, а явились результатом неправильного по-

нимания капитаном Фукэ всей ответственности сделанного им по личной инициативе “выступления”.

Фукэ был отозван, но на вопрос мой ответа не последовало”».

Вот те, к сожалению, немногие данные, которые мы можем дать о капитане Фукэ, все же несколько его характеризующие.

Предлагая вслед за этим перевод выдержек отчета Конвента Великого Востока Франции 1920 года, мы просим извинить нас за прилагаемый в его конце длинный список поименного голосования, даваемый нами на французском языке. Выпустить его совершенно мы считали невозможным, а коверкать французские имена городов, фамилии, так же как переводить сложные названия лож в русской орфографии излишним.

Великий Восток Франции

**Верховный Совет
для Франции и ее колоний
Отчет
Мастерским Федерации
Работ Общего Собрания
от 24-го по 29 сентября 1920 г.**

В. В. Ф. Этот отчет не подлежит опубликованию.

Генеральный Секретариат
Великого Востока Франции
16 RueCadet 16
Париж.
3-е заседание
Суббота 25 сентября 1920 г.

Б.: Бессьер, председатель: «ББ.:, повестка дня призывает нас к обсуждению циркуляра № 18 от 21 де-

кабря 1919 года, касающегося “Оценки пролетарских республик Восточной Европы и отношений, которым надлежит иметь с ними Французской республике”».

Б.: Жак Кобен, председатель Комиссии политических и социальных исследований: «Имеются два докладчика».

Б.: Бессьер, председатель: «Я даю слово первому из докладчиков».

Б.: Десмон, докладчик: «ББ.:, мы оказались в присутствии громаднейшего дела по вопросу о пролетарских республиках; более 137 ответов были нами просмотрены. Они могут быть распределены следующим образом: 28 докладов не высказываются, указывая на нашу недостаточную осведомленность, неполнота которой мешает нам в настоящее время иметь какое-либо мнение относительно пролетарских республик; 13 Лож оказались враждебными; примерно 12 Лож просят добавочного расследования, наконец, 83 Лож оказались сочувствующими возобновлению сношений с Советской республикой.

В большинстве этих докладов мы встретили очень серьезное исследование истории русской революции и всей совокупности событий, протекавших в России со времени первой революции и падения царизма. Но, в общем, во всех докладах слишком много рассмотрено различных событий, основанных на документах, либо исходящих из русской информации, либо происхождения коммунистического, причем точность и достоверность тех и других документов очень оспоримы.

На самом деле, все те документы, которые мы могли иметь во Франции, прошли прежде всего через Союзную цензуру, цензуру, окружившую Россию санитарным кордоном, дававшую нам знать лишь то, что она находила нужным и даже не поколебавшуюся несколько раз дать разрешение распространять ложные новости, касающиеся Советской республики.

Те сведения, которые избежали эту цензуру, подвергались другой; они прошли через цензуру советского правительства. Мы видели в действительности, как советское правительство отказало во въезде в Россию Лафону, желавшему поехать туда за осведомлением, оттого лишь, что его признавали не обладающим достаточными гарантиями; Советчики хотели, чтобы те, которые отправляются за осведомлением о Советах, начинали бы с исповедания большевизма.

С другой стороны, по поводу одной союзной делегации, которая должна ехать за осведомлением в Россию, Чичерин сказал: “Нам совершенно невозможно допустить, чтобы некоторые военные члены этой делегации позволили себе приступить к обследованиям, могущим задеть наше достоинство; мы, следовательно, делегацию примем, но покажем ей исключительно то, что мы найдем нужным ей показать”.

Из этого следует, что общая масса полученных нами документов, касающихся большевистского режима, не позволяет нам иметь точное мнение о русских событиях и нам невозможно точно высказаться за преимущества и недостатки Советов.

Для того, чтобы создать себе представление о русском положении, нужно прежде всего понять, как могла утвердиться эта Советская республика. Эта Советская республика, такова как она есть, была совершенно неминуема в России, и всякая революция должна была привести Россию к этому положению, в этом мы имеем нормальный выход для русской психологии и состояния духа.

С одной стороны, мы имели в России массу, образ безграмотного народа, мистичного и поработщенного, умышленно содержимого в этом невежестве Царем, содержимого в рабстве, в самой его абсолютной форме; с другой стороны, мы имели в России интеллигентов.

Что представляли из себя эти интеллигенты? Молодые люди, захваченные любовью к своему народу, сказали друг другу: “Мы хотим улучшить участь народа” и, не видя иного препятствия для улучшения участи народа, как одно русское Правительство, решили: “Необходимо уничтожить русское Правительство”; но тут-то и произошло террористическое движение, давно уже прославляемое в России целым обществом революционеров, называвшихся нигилистами, указывая тем самым, что они не хотели сохранить ничего прежнего.

Впоследствии мы имели другую категорию интеллигентов, которые отправились образовываться за границу, были захвачены пылкими и страстными чувствами к науке, на которую они рассчитывали для реализации прогресса; они тотчас же объявили себя ревностными поклонниками Карла Маркса, теории которого они приняли так же, как аксиомы математические. Я особенно упираю на то, что они проявили себя теоретиками социализма, рассматривая социализм не в его использовании народом, а лишь в его чистой теории; это нам объясняет то, что, достигнув власти в России для создания социалистической республики и слишком идеально рассматривая русский народ, они полностью уничтожили существующий аппарат управления. Они столкнулись с недостаточно образованным народом, не способным на что-либо, и их советская пирамида тотчас же рассыпалась.

О, первоначальная мысль была блестяща, разговор шел о создании народного правительства самим народом. Когда же народ показал себя неспособным управлять собою, народные комиссары утвердили так называемую диктатуру пролетариата, являющуюся на деле диктатурой некоторых лиц. Большевики изучили вопрос теоретически; когда же его надо было применить на деле, нужно было все беспрерывно изменять.

Итак, мне кажется, что нам трудно опираться даже на такие документы, достоверность которых нам кажется несомненной, как, например, конституция Советов, опубликованная два или три раза для того, чтобы дать нам представления того, что есть в настоящий момент русское правительство. Конституция эта подвергалась постоянным изменениям.

Н. И. Тургенев

После окончательного уничтожения собственности были принуждены восстановить по крайней мере собственность крестьян, так как являлось необходимым опереться на них для прихода к власти. С другой стороны, после попытки народного управления явилась необходимость прибегнуть к тем интеллигентам, которых первоначально думали совершенно оставить в стороне; в общем мы можем сказать, что в России образовалось правительство, непрерывно изменявшее свои действия с точки зрения конституционной. Поэтому мы признаем, что в настоящее время невозможно извлечь из русского положения какие-либо наставления, могущие оказаться пригодными для Франции.

В России существует большевизм; как говорил сам Ленин, “он должен остаться в России”; в нем нет ни одного пункта, который мог бы рассматриваться как способный внести в нашу конституцию полезные изменения.

Мы подходим теперь к самому важному пункту вопроса: нам необходимо выяснить, какие отношения должны существовать у нас, французов-республиканцев, с правительством Советов.

Мы знаем, ББ.:, каковы эти отношения в настоящее время; фактически мы находимся в состоянии войны с Советами. Если с известной точки зрения мы и не сражаемся с ними непосредственно, то, поддерживая в материальном и боевом отношениях их противников, мы тем самым вооруженно вмешиваемся против Советов. Так почему же мы так относимся к Советам, почему мы отказываемся от сношений с ними и не пошли ли мы два или три раза на поддержку то Деникина, то Колчака, то Врангеля как возглавляющих русское правительство, тогда как одновременно мы отказывали правительству Советов в признании его как фактического правительства.

Мы можем сделать Советской республике несколько упреков; прежде всего нам, демократам, трудно примириться с тем, что в России советское правительство отметило свое появление разгромом Национального Собрания и впоследствии закрепило диктатуру пролетариата, т. е. правительство, не основанное на всеобщем голосовании и представительстве всего народа.

Что касается первого пункта, то им еще можно простить разгром Национального Собрания, так как это Собрание было избрано, не скажу незаконно, но также не могу сказать, что законно, оно только очень поверхностно представляло волю народа; с другой стороны, могло быть место и тому мнению, что русский народ не был еще в тот момент достаточно свободен, чтобы высказаться, посылая своих делегатов на Собрание.

Большевики не признают избирательного права; они признают лишь выборы урезанные, выборы, осно-

ванные на труде. Наше положение не дает нам права, ББ., утверждать, что из-за этого мы отказываемся от вхождения в сношения с русскими. Когда мы начали наши сношения в Россией, существовавшее тогда Царское правительство также не было выбрано избирательным правом; это была власть самодержавная; Думы даже не было еще тогда, когда мы трактовали с Россией как с союзницей. Мы были достаточно либеральными, чтобы допустить, что всякий народ имеет право управляться как ему угодно, и терпели Царское правительство в России. Кажется даже, мы особенно напирали на свободном выборе народов располагать самим собою и выбирать себе желательные им Правительства; сегодня мы вправе сказать: “Мы признаем за русским народом право сохранить правительство Советов, если таковое ему подходит”.

Два важных вопроса могут иметь значение при восстановлении отношений с Россией: во-первых, поведение русских во время войны, заключивших Брест-Литовский договор. Нет сомнения, что русские, бывшие нашими союзниками, заключили тогда сепаратный мир, и мы продолжали войну одни. Но можем ли мы возложить эту ошибку на народ? Я этого не думаю, так как еще до того, что Россия заключила Брест-Литовский договор, даже еще когда и революции не было, Царь также готов был заключить сепаратный мир.

Керенский обещал русскому народу мир, и он пал, потому что этого мира он не заключил. Русский народ хотел мира, и он в особенности его хотел оттого, что он не обладает тем национальным чувством, которым обладаем мы, французы, и потому еще, что он был голоден. Трудно требовать от людей: “Идите драться”, когда они у себя страдают от голода. Не забывайте, что когда русские заключили Брест-Литовский договор, в Москве уже два месяца не было ни куска хлеба.

Второй вопрос состоит в обязательствах, принятых на себя Россией ранее по отношению своих союзников и не признанных Советами. Нет сомнения, что мы перевели в Россию громаднейшие капиталы либо в частные предприятия, либо в коммерческие и промышленные, либо в Государственные займы; множество французских миллиардов переведено в Россию; это долги, которые мы должны требовать и которые Советы не хотят признать. Они отказываются, или, вернее, делают вид, что отказываются, так как, и на этом я настаиваю, два или три раза они давали понять, что по вопросу русских долгов Франции можно, быть может, сговориться: “Поговорим сначала, а там уже и посоветуемся и о долгах” — такова была линия, принятая представителями Советов, когда поднимался вопрос о восстановлении сношений с ними. Французский народ по совету крупных банков нес свои мелкие сбережения на покупку русских фондов; мы не можем допустить, чтобы он не был бы возмещен.

Какие преимущества получим мы от восстановления сношений с Советами?

Прежде всего, с точки зрения экономической, нам обещали с момента восстановления этих сношений горы золота, говоря: “Восстановление сношений с Советами представит для Франции хлеб и сырье, не хватающее у нас”.

Вместе с тем, многочисленные документы как бы говорят о том, что на самом деле это сырье не существует в настоящее время в России и что даже ежели оно и существовало, то способы передвижения не способны их нам доставлять. Я, следовательно, не думаю, чтобы в настоящий момент можно было извлечь крупные интересы от восстановления сношений с Россией. Когда я говорю “в настоящий момент”, я понимаю сегодняшний день, так как, если мы займемся вопросом, отчего в России отсутствует в настоящий

момент сырье, отчего способы передвижения настолько плохи, что один из народных комиссаров признал сам вопрос железных дорог катастрофическим, то мы увидим, что независимо от многочисленных ошибок правительства Советов, неспособного к организации, это также результат санитарного кордона и блокады, учрежденных вокруг России и поставивших ее в невозможность приобретения минимально необходимого ей снабжения для возможности производить самой, добывать и перевозить сырье, которое она могла бы нам продавать.

Мы поставили Россию в условия полной невозможности производить, и нужно предвидеть, что в тот день, когда будет снята блокада или экономические сношения с нею будут восстановлены другими европейскими или мировыми государствами, Россия, даже большевистская, сможет снова поставлять Европе хлеб и все прочие сырые продукты, которые она поставляла Европе и всему миру до войны.

Вместе с тем мы единственные не согласившиеся на вступление в сношения с Советами, и, когда мы решимся на заключение торговых сделок с Россией, мы найдем рынки занятыми теми государствами, которые заключили коммерческие договоры ранее нас, и тогда только через посредство торговцев этих государств проявится наша национальная торговля.

Наконец, с точки зрения интернациональной, изоляцией русских мы увеличиваем риск сближения России с Германией; по-видимому, если мы будем продолжать рассматривать Россию как противника, так же как мы не по-дружески относимся к Германии, можно опасаться, что наши противники объединятся между собой против нас.

Мне ответят, что мы не являемся врагами русского народа, что мы враги лишь существующего в данный момент в России правительства; я этому охотно

хочу верить, но для русского народа результат один. По каким бы причинам мы не окружали бы Россию санитарным кордоном, жители ее — жертвы, а следствием этого санитарного кордона есть прогрессивное развитие голода в России.

П. Я. Чаадаев

В последних докладах, представленных в этом году, даже со слов социалистов, побывавших в России для осведомления о Советах, признается, что русский народ в настоящий момент страдает от голода; люди умирают от голода в России; многие умирают от разнообразных эпидемических болезней — гигиенические условия ужасны. Для нас, ББ.°, это вопрос гуманности — прекратить борьбу с русскими и пойти на помощь страждущим, даже если мы и признаем, что их поведение в отношении нас было не таково, как оно должно было быть, и не признаем принципов, ими руководящих. Мы должны помнить лишь одно: старики, женщины и дети — жертвы блокады — умирают с голода. Будем слушаться лишь нашего сердца, ББ.°, пойдем им на помощь.

Ввиду этого я предлагаю вам голосовать за предложение Комиссии, которая находит нужным признание Французской республикой Советского правительства как правительства в России фактического и которое делает лишь оговорки, касающиеся наших интересов в России.

Заметьте, что, сделав этот жест по отношению русского народа, наша задача облегчится, когда мы ему предъявим требования уплаты его долга. Вот почему, ББ.:, мы вам предлагаем следующую формулировку:

“Конвент 1920 года выражает пожелание, чтобы Французская республика признала правительство Советов как фактическое правительство в России...”

Я настаиваю на словах “фактическое правительство”... при условии признания последним прежних обязательств, принятых на себя Россией».

Б.: Дево: «Я должен вам отметить, ББ.:, что из представленных Ложами в Генеральный Секретариат докладов очень мало ответов придерживаются объективной оценки, большинство исходят от предвзятого решения, вместо беспристрастного изложения вопроса; Б.: Десмону и мне пришлось сделать, с чем мы легко справились, классифицировку докладов, стоящих за возможность восстановления сношений с Советами и докладов, определенно этому враждебных.

Докладов, враждебных возобновлению сношений с Советами мало, но один из них мне показался особо осведомленным; это доклад нашего Б.: Воронова; его труд, обнимающий пятьдесят страниц, не легкий для заключения оттого, что документы взяты им из самого источника, т. е. из официальных изданий большевистского правительства.

Чтобы выявить мысли Б.: Воронова, я позволю себе прочесть вам его заключения с тем, чтобы дать вам материальную возможность обсудить предложение Комиссии политических и социальных исследований.

“Полностью дезорганизованная и разоренная правительством Ленина Россия не имеет сырых продуктов, на которые рассчитывают; к тому же, допустив даже наличие этого сырья в центре России, оно не может быть перевезенным ввиду полного расстройтва всех путей сообщения.

Никакой долг, заключенный с Царской Россией, не будет уплачен настоящим правительством; мы слишком хорошо знаем независимость принципов Ленина, Красина и Троцкого, чтобы предполагать обратное...”

Я считаю здесь своим долгом указать вам, ББ.:, что по крайней мере двадцать докладов просили, чтобы В.: В.: организовал бы следствие, чтобы следователи были посланы в Россию.

“Никакая следственная комиссия не даст никакого результата, так как нельзя допустить, что большевистское правительство допустит иностранцев изучать современное отчаяннейшее положение Республики”.

Это также вытекает из ответов, данных большевистской комиссией Верховного экономического совета в Лондоне, где сказано в ответ на шестой вопрос: “До тех пор, пока не будет подписан общий мир, советское правительство может разрешать въезд, проживание и выезд исключительно тем иностранцам, въезд которых в Советскую Россию будет признан нужным центральному правительству и переход коих через линии фронта и границу не вызовет возражений со стороны высших военных властей Советской республики”.

Это означает, что беспристрастные осведомители, не являющиеся сторонниками Советов, имеют мало шансов быть допущенными до производства следствия, они сильно рисковали бы разделить участь Лафона и других.

ББ.:, я думаю, что необходимо также обсудить и долг России; этот вопрос, по моему понятию, есть ключ к разрешению задачи, так как неблагоприятные для возобновления сношений с Советами доклады имеют особенно ввиду спасение мелких французских сбережений от разорения — оттого, что, вы сами это знаете, главным держателем большого количества русских фондов являются мелкие французские сбережения». (Аплодисменты.)

Б.: Лебей, оратор: «ББ.:, я хотел бы кратко и не утруждая вашего благосклонного внимания постараться разобрать перед вами вопрос о том, что такое большевизм.

Мне кажется, что для того, чтобы вынести постановление по предлагаемому вам вопросу, необходимо прежде всего знать, в чем заключается смысл большевизма. Нам только что говорили, что политические судьбы этой страны развивались в зависимости от вложенных нами в Россию капиталов, образовавших республику Советов. Нет, ни один довод не будет правдоподобным; тут кроется вопрос моральный, намного превосходящий все материальные вопросы; я искренне сожалею держателям русских бумаг, но перед тем, чтобы действовать нам как масонам, нам необходимо вспомнить, что мы собой представляем. Мы не финансовое предприятие, не правительство, а только им двум — защищать интересы французских ценностей и требовать уплаты долгов. К тому же, плохая честь русским властям, которые к моменту сведения счетов оказываются несостоятельными. Французская Революция более честная, более реальная, уплатила долги Монархии. Что касается нас, мы занимаемся другими вопросами, заключающимися в том, чтобы по возможности точнее выяснить на реальной почве точность сведений, качество людей и истину событий. Необходимо выяснить, не откажется ли сегодня старая революционная французская и социалистическая доктрина, доктрина нравственности и республиканской свободы от нового зародыша, совершенно противоположного и не имеющего в своем основании ни свободу, ни нравственность. (Аплодисменты.)

Я великолепно понимаю, ББ.:, соблазн, который может быть внедрен настоящим русским уклоном в умы некоторых наших, вполне основательно недо-

влетворенных настоящим, друзей, и я это тем более понимаю, что для того, чтобы бороться против этого соблазна, наша политика не была истинно демократичной и социалистической, которая одна только могла допустить, часто законному энтузиазму, возможность оправдаться. Чем более вывешивают они флагов на большевистском горизонте, тем менее знают цвета их надежд; эти цвета тем более яркие, чем горизонт дальше и в конце известного времени, все более и более возбужденные, вследствие ошибок и несправедливостей, замечаемых у нас, они принимают ими же самими набросанную картину за близкую и благожелательную реальность.

Но что касается чести служить передовым идеям, за которые из всех сил борешься, то тут является настоящий долг, как бы ни тяжело было говорить правду, в особенности тем, кого более всего любишь, для того чтобы идеи, которым служишь, не оказались бы скомпрометированы; ведь недостаточно еще, на самом деле, иметь одни лишь рассуждения в области идеальных истин для того, чтобы этот идеализм необходимо и автоматически мог бы без промедления обратиться в действия.

Мы сейчас увидим, так как мы все здесь уже опытные ББ., изучившие русские события с начала революции, из чего создан большевизм и что он в себе заключает. Я вам не представляю своего личного взгляда, он не имеет никакого интереса; это взгляд, опирающийся на логическое рассуждение, мотивы которого, так же как и причины, вы можете сами проверить. Я опять повторяю, что здесь мы все ББ., я, следовательно, не борюсь против чьих-либо взглядов, или точнее, я стремлюсь к необходимой истине, которая одна лишь может уничтожить наше неравенство, находясь выше всех личных предпочтений, каковы бы они ни были. Я прошу всех просветиться, и я несу им свою братскую

мольбу — отдать уважение откровенности и осторожности моих слов. Нам нужно отделить ложь от истины не для того, чтобы достигнуть состояния, унижающего сомнения, удобного тем, которые не обладают мужеством, но для того, чтобы извлечь большую сумму точных доказательств и твердых убеждений для воз-

Ф. П. Ключарев

можности судить. Искать в путанице часто противоречивых различных рассказов настоящую душу формул и действий — такова роль историка прошедшего; находить реальность всего из путаницы событий и их объяснений — роль историка-созидателя собственной истории и истории его времени или, по крайней мере, истолкователя того и другого, каковым является политический деятель. Жонглер, истый игрок в руках случая, будет тот, кому эти ревностные хлопоты, кому этот существенный долг не дадут преобладания в его действиях, когда он их будет приводить в порядок. И в границах лучшего понимания реальности, на которую он опирается, он может с большей пользой вести мир с целью направить его на настоящий путь.

Русская революция произошла естественно; она родилась из деморализации Империи. В маленькой брошюре, которую я издал с одним старым приятелем и которая всем давала возможность познакомиться с великолепной конференцией, данной Жоресом в Ту-

лузе о Толстом, указывалось, что разложение старого поколения приводило к необходимости реформ, а то, что подобный взгляд исходил из-под пера русского писателя, неодолимое предвидение которого он исследовал, давало ценное наставление, правильность которого признали события. Русская революция, следовательно, вспыхнула благодаря войне, и притом вполне законно, но с какими чувствами? Первоначально она вспыхнула одновременно и в смысле революционном, и в смысле национальном. Это означает, что в то время она совершилась наперекор всем империализмам, и что двойное чувство, национальное и революционное, ее вдохновлявшее против внутренних и внешних неожиданностей, оградило ее от возможных эксцессов, ставя ее одновременно на правильную почву, лучшую, самую точную и самую верную. Она еще более укрепляла Россию в нашем общем деле, она еще более сближала нас с Россией, делая ее республиканской, и вот почему мы всегда старались, чтобы ее первоначальная цель была бы сохранена. Большевизм, наоборот, резко покончив в самой его глубине с корнем революции, отделил нас от России, и все согласится со мной, признав, что Брест-Литовский мир был затмением даже с точки зрения национальной. Договор, за ним последовавший, позорен. Он указывает на то, что подписавшие его, Ленин в первую голову, делали свою ставку на разгроме своей родины. Нужно было, чтобы страна их была побеждена для того, чтобы достигнуть власти, и они ускорили это падение, чтобы ее захватить; одним словом, они предпочли себя своим идеалам и своему долгу. Вот преступление, да, преступление, которое осуществилось, которое было средством большевизма.

Итак, в основе русской революции — глубокое патриотическое чувство и надежда на возрождение; потом, вследствие большевистских мероприятий или,

по крайней мере, с их помощью, отказ от этих необходимых зачатков и отклонение вразрез с интересами русского народа и с его революционными надеждами. Наши ББ., ездившие туда, это признали, часто убеждая нас в том рядом конференций.

Итак, ББ., на этой почве национальной свободы, оставшейся верной нашему союзу и Антанте, если даже у Керенского и его товарищей были кое-какие слабости в борьбе с громаднейшими затруднениями, каково было поведение тех, что пошли дальше? Смею вас уверить, что оно было крайне странным, действительно двусмысленным. Их право было внести более революционный дух или, по крайней мере, воображение такового — дух более смелый, но нужна была откровенность и желание связи, а не простой расчет захватить все равно как место тех, которых хотели заменить, потому что, когда в революции политические друзья обращаются во враждующих братьев, это всегда служит на пользу реакционным идеям; когда они убивают друг друга, это всегда служит преимуществом для противников понятия свободы; когда поля сражения завалены их трупами, идея прогресса, которой уже не находится более приверженцев, в конце концов отпадает и уменьшается. Большевики же, Ленин и его последователи, ударили в спину тем, которые открыли русскому народу пути освобождения. Поступая так, они, как-никак, достигли своего идеала и вольно или невольно, но ему изменили. Если вы в этом сомневаетесь, прочтите великолепную маленькую книжку неоспоримого борца Грюмбаха: «Брест-Литовск». Не входя в рассмотрение многих обвинений, находящихся вне моей компетенции, я не могу не признать, что их поведение послужило на пользу делу прусского империализма и, задержав окончание войны, было причиною смерти тысячи французов. Что особенно удивительно, это то, что те, которые не

переставали хулить союз с Россией, которая, несмотря на свои недостатки, все боролась за нас, начинают ею восхищаться, как только она меняется в пользу неприятельского движения и борется против нас. В настоящий момент европейскому миру мешает большевизм. Это он поддерживает войну между белым и черным царизмом, — ибо, по-моему, большевизм пользуется цветами революции, не будучи их достоин и которые служат ему лишь как личина, — Россия найдет свое воскресение и даст возможность установить столь необходимый мир, так как большевизм не созидателен и живет, лишь растрачивая приобретенные и созданные ранее ценности. Он представляет из себя паразита-узурпатора, пользующегося исключительно в своих интересах и в ущерб стране остатками, сохраненными от капитализма, которые он растягивает, сохраняя для себя, так как с их иссякновением он погибнет. Большевизм есть анархия и, как всякая анархия, приводит к деспотизму, тем более сильному, чем более распространился беспорядок.

Если большевизм появился для того, чтобы создать новую свободу для этого народа, для того, чтобы действительно провести в жизнь марксистские принципы, я был бы согласен в некоторой степени признать его законным, но ничего подобного: русская революция, отклонившаяся от своего первоисточника, бывшего верным и правильным, взявши старое оружие своих противников, ею уничтоженных, обратилась, как-никак, при помощи Ленина, Троцкого и всех объединившихся около них, в царизм наизувет и восстала культ власти. Что касается меня, то я утверждаю, со всей силой построенного на опыте происшедшего убеждения и обожая истину правую, что они сделали это против интереса русского народа. Все этому доказательство. Результаты столь шального предприятия бросаются всем в глаза. Достаточно всмотреться и по-

размыслить, чтобы дать себе ясный отчет в том, что большевизм — лицемерие. Он так далеко зашел в этом направлении, что рискует потушить в понятиях масс всякий социалистический идеал и в будущем поставить его в невозможное и невыполнимое положение оттого, что всякий революционный дух, пребывая в созданном им разочаровании, убедит в его неуспехе трагичном, жестоком, как только он укрепится, навяжется и установится, увы, на долгие годы.

В своем “Общественном договоре” Руссо, с его здравым смыслом, от которого слишком легко открещиваются и который отрицают наши современные учителя, говорил еще ранее революции: “Петр Великий вместо создания русских, вместо освобождения русской национальности создал англичан, немцев...” Вместо создания русских, — а мы всегда питали к русскому народу глубокую симпатию, известное влечение и, несмотря на все происшедшее, мы всегда остаемся их верными друзьями — Ленин, как бывший Царь, но в другом плане, создал большевиков. Он ошибся, и я не убежден в том, что он этого не признает сам; наши товарищи, за ним следовавшие, также ошиблись; они ошиблись по доброй совести; не мы за это бросим в них камень; мы не будем ратовать за их отлучение, несмотря на то, что, правда, вне этих стен они требовали его и добились для нас; нет, мы их лишь просим — в интересах наших общих идей, и даже коммунистических, — признать ныне свою ошибку с целью засвидетельствования того, что так сильно подчеркнул говоривший передо мною Б.: что большевизм есть дело исключительно русское.

Прийти и сказать: “Вот идеал”; предложить волнующейся, страдающей и часто заблудшей толпе этот неопределенный и кровавый туман, к тому же творить это в часы, когда реакция все более и более усиливается и готовится, подстерегая вашу ошибку и толкая

вас в нее, дабы лучше вас сразить; разбить вас всех, вместе с идеями, нами защищаемыми; говорить так, подражая Италии, где распространялась медаль с надписью: “Свет приходит с Востока”, — что, между прочим, есть абсурд, так как Россия вовсе не Восток, а находится посередине, между Востоком и Западом, — я думаю,

А. Ф. Лабзин

что это ошибка, и те, кто ее делают, — хотя и по доброй совести, я, конечно, никого не обвиняю — не отдают себе даже отчета в тех крупных последствиях, которые они могут вызвать, но, с другой стороны, вынести так легко решение со столь малыми сведениями, которыми мы обладаем, — недопустимо. Оба говорившие передо мною ББ.: это уже сказали; получение сведений немыслимо, так как сам Ленин не хочет, чтобы их имели. Вы, так же как и я, знаете, что если так старательно прикрывают свой дом, то это, вероятно, оттого, что то, что происходит за его стенами, не очень красиво. Поразмыслите сами: наши товарищи, без всякого сомнения социалисты, как Лафон, не могли проникнуть в обетованную землю, даже окрасившись в большевизм, потому что они отказывались преклониться заранее. Лонге, скорее озлобленный в революционном смысле, исключен. Вот идеал. Тем хуже, если он вам нравится, но я в этом сомневаюсь. Так же как и я, вы чувствуете отчаяние, царящее в московской Республике. Мы

чувствуем, что народ настолько исстрадался, что он не может даже оправиться. Посмотрите в корень: мы все думаем, что большевизм — фальшивый маневр, удар по нашим верованиям, которые столько людей стараются обесценить раз и навсегда, и, если бы я спросил, есть ли среди вас хоть один, желающий Франции, столь уже испытанной самой ужасной из войн, участь большевистской России, никто из вас не поднялся бы, чтобы заявить себя таковым.

В таком случае, было ли бы достаточно осторожным взять это направление и неужели масонство должно двигаться столь сомнительными путями?

Конечно нет, вы не сделаете этой ошибки. В особенности в такое время, когда не сегодня-завтра вам вдруг станет ясно, что нужно именно бороться против большевизма, так как он не представляет собой ни Свободу, ни Социализм, ни Революцию. И в один прекрасный день вы увидите, что только в границах распыления большевистского кошмара вырастет Социализм.

Спасая своих друзей, недостаточно разделять их ошибки из одного лишь страха их потерять или прослыть за реакционеров, без конца вторя им “Аминь”. ББ.:, нужно спасти русский народ; нужно, разделяя то, что говорившие передо мною ББ.: так правильно указывали, чтобы Французская республика, представляющая собою в настоящее время гарантию здравого смысла и рассудка среди бесконечных ошибок мира и защитницу свободы среди монархии других народов, могла бы сказать русскому народу: “Мы ничего против тебя не сделали, мы, которые не ошиблись; и только оттого, что мы удержались на почве рассудительности, на почве жесткой, но плодородной, на правосудии, среди путаницы прочих, а также часто и против их слишком заинтересованных личных расчетов,

мы сегодня можем раскрыть тебе наши распростертые братские объятия”.

Такова истина, такова и реальность, по которой должно было бы высказаться масонство».

Б.: Сератский: «ББ.:, вы только что слышали из уст Б.: Лебея выражение его чувств в пользу русского народа, но неблагоприятное для Советского режима.

Он, вероятно, не предполагал, что высказанными им утверждениями он, может быть, идет вразрез с благополучием России; он, вероятно, не воображал, что, провозглашая моральное превосходство республиканского режима современной Франции, он тем самым, может быть, идет в настоящее время на помощь контрреволюции, еще борющейся против существования Правительства Советов.

Я позволил себе вмешаться в этот спор не для того, чтобы убедить вас в добре или зле большевизма, которого я не знаю, которого я знать не хочу, а для того лишь, чтобы оспаривать предложенную Комиссией резолюцию. Я замечаю в представленной на ваше усмотрение резолюции, что заключение ее грубо, простите мне это выражение, оно безнравственно.

Вам говорят следующее: “Мы охотно соглашаемся признать за друга правительство Советов, мы согласны протянуть ему братскую руку, вступить с ним в коммерческие дела, завязать экономические сношения, но при условии признания прежних долгов Царской России”.

Как хотите, ББ.:, но в этом кроется денежный вопрос, который я признаю несовместимым с масонским духом. Вот почему я позволяю себе вмешиваться и критиковать предложенную вам резолюцию Комиссии политических и социальных исследований.

Вам говорят: “Существовали прежние обязательства, Франция давала в долг, главным займодавцем был мелкий капиталист, завтра его принесут в жерт-

ву”. Отсюда вывод — признайте долг, а мы признаем Правительство Советов.

ББ.:, я не знаю, если в вашем воображении не представляется тотчас же положение заемщика и займодавца. Разве в 1793 году наши революционеры могли признать все моральные или иные долги Королевства и уплатить все эти обязательства?..»

Несколько ББ.: с мест: «Да, да. Именно. Они приняли актив, но признали пассив».

Б.: Серафский: «Если достаточно одного признания пассива, то я с вами согласен, но существует еще реализация платежа. И вне денежного вопроса, кажется, вы не видите никакого другого. Однако в настоящее время мы находимся в периоде революционном. Преобладающая на Востоке большевистская идея есть идея освобождения особо поработанных народов, поработанных не личностями, а режимами политических, экономических и моральных притеснений. Идея, выношенная русскими революционерами, в настоящее время проникла в умы миллионов людей, и притом в такой степени, что уже ни в чьей власти остановить это движение.

Необходимо выяснить, должно ли масонство, должна ли Французская республика поддерживать революционные идеи, идеи мирового прогресса или, наоборот, они должны против них бороться. Если сегодня вы вынесете пожелание, говоря: “Мы завяжем экономические и политические сношения с Советами, мы признаем этих бандитов при условии, чтобы они начали уплату своих долгов”, вы сделаете дело безнравственное и абсолютно вредное. (Возражения.)

Дайте мне, ББ.:, сказать вам, что в настоящее время заполняет умы рабочей среды, не думайте, как говорил один из наших ББ.:, что там любят или осуждают систему Советов, нет; ни вы, ни я, мы не знаем точно, что там происходит.

Я не буду спорить о добре и зле Советов; как я вам только что сказал, я оспариваю вопрос, поставленный вам Комиссией политических и социальных исследований, заключающийся в том, что нужно ли завязать сношения с Советами при условии, что они признают старые долги России. Я говорю, что если вы эту резолюцию примете, то вы тем самым поддержите режим разложения, ныне замечающийся во всех странах, где господствует капитализм. Я не знаю, ББ.:, все ли вы в курсе экономического положения, но в настоящее время есть лишь одно слово, коему все повинуются: обогащаться; оказалось недостаточно то, что в продолжение четырех лет мы платили нашей жизнью, нашей кровью, нашей усталостью, нашими бедами во время войны, которую мы вели во имя будто бы освобождения и как последнюю из войн, нужно нам сегодня прийти к закреплению той власти, которая более чем когда-либо стремится к войне и военным прибылям. Надо еще делать дела и обогащаться всеми доступными средствами, даже войной.

Мне возражают, что не в этом дело; мне же кажется, что кроме того, что только что доказывал Б.: Лебей, находя тут вопрос морали и свободы, что тут еще есть вопрос сделок и экономических сношений.

В настоящий момент во Франции и Англии организуются известные анонимные русские общества с целью возобновления коммерческих сношений с Россией; все эти анонимные общества имеют во главе, в качестве акционеров, большинство крупных банкиров, собравших все обязательства раньше существовавшего русского Правительства. Англия в настоящее время готова снабжать Россию своими товарами, уже два года накапливаемыми, и она ждет лишь случая, чтобы завязать сношения с Советами и начать выгодные дела.

Мы же поступим с Россией, как мы поступили с Германией: Англия делает дела с Германией, она у

нее купила значительное количество товаров по дешевым ценам, и она нам продает золин-геновские ножи, скобяные и другие товары с прибылью размена и высоких расценок, принимаемых французами. А пока что, что делают французские торговля и промышленность?

С. С. Ланской

Я извиняюсь перед торговцами и промышленниками и отличными коммерсантами, здесь присутствующими, но в настоящее время промышленное и торговое большинство во Франции преследует лишь одну цель: доход, лишь одну мысль: выигрывать и уменьшать производство, чтобы зарабатывать наиболее высокие барыши. (Аплодисменты.) Но для того чтобы приступить к рациональному обмену со всеми странами, в том числе и с Россией, то тут: нет. Если же мы поставим Францию на низшую ступень с точки зрения возобновления сношений с Россией, мы способствуем расцвету крупных обществ, о которых я только что говорил; мы будем покровительствовать американцам и англичанам, которые больше уже не думают о войне и только желают делать дела.

Думаете ли вы, ББ., что было бы действительно морально, столь же как и дружелюбно, а для нас еще и выгодно, сказать русским: “Мы хотим вас признать, торговать с вами, но сперва потрудитесь уплатить долги, наделанные царским режимом”. А этот царский

режим был самым гнусным и самым печальным из всех режимов. Если война произошла, то вне ее первоначальной причины, состоящей в желании Германии воевать, существовал фактор и царский.

Те, кто прочел великолепную книгу “Последний из Романовых”, знают, каково было поведение царя до и во время войны. Поэтому накладывать ошибки царского режима на народ, находящийся в революции, на народ уменьшенный, придавленный, голодающий, требовать от него, чтобы он платил ошибки царизма, есть ли дело гуманное или общественного возрождения? Думаете ли вы, что это действительно братский язык и мыслите ли вы возможность русского народа платить долги гнусного царизма, народа, находящегося уже в своей трехлетней борьбе, имеющего против себя силы всего мира, страдающего от блокады, режима проволочных заграждений, против которого объединяются всевозможные авантюристы: Колчак, Деникин, Врангель и другие, которым помогают в высших сферах? И эта поддержка ведется лишь с целью добиться концессий на рудники, на керосин и т. д., а англичане уже начали свои поиски на Кавказе для того, чтобы приобрести все почвенные богатства.

Верьте нам, ББ., что со стороны масонства было бы братским жестом протянуть русскому народу руку, постараться его поднять, не занимаясь режимом, который им управляет, исключительно интересуясь ужаснейшим положением этого голодающего народа. Народ революционный, скажут мне; да, но который, без сомнения, старался создать республику не только в политической плоскости, но и в экономической, народ, который хотел создать «Республику Труда», постаравшийся создать действительное народное образование, как в прошлый раз говорил Олар в одной из статей — “L’EreNouvelle”, тогда как у нас образование

ни светское, ни даже воодушевленное самым малым духом республиканства. (Аплодисменты.)

Мне говорят, ББ.:, что мы более образованны, чем в России; естественно, если Россия была бы несколько более образованна, мы не имели бы войны, так как мы не имели бы царского режима, мы не имели бы царских займов.

Но было время, когда мы хотели, мы, революционеры, протестовать против союза с Россией, против русских займов и каждый раз мы были обвинены в отсутствии патриотизма. Жорес произвел грустный опыт в Палате.

А вместе с тем он был прав...»

Б.: Лебей: «ББ.:, позвольте мне напомнить вам одну речь Жореса, которая на меня произвела сильное впечатление. Он говорил, обратясь лицом к реакционерам, по их привычке старавшихся исказить его мысль: “Вы меня обвиняете во враждебных действиях против России, против согласия с Россией, против русского союза? Нет, милостивые государи, да нет же, я лишь против тех иллюзий, которые вы создаете себе о русской реальности”, и, когда вспоминаешь столь пророческие фразы, замечаешь еще раз, каким истинным патриотом был тот, который видел реальность вместо призрака.

Но, Б.: Серафимский, как реакционеры ошибались в царизме, я опасаясь сегодня, что, не видя также теперешней русской реальности, наши друзья социалисты ошибаются в большевизме. Во время войны, как и после нее, мы пленники миража. Если вы мне позволите добавить еще одно слово, я скажу, что все эти последовательные ошибки происходят оттого, что мы живем слишком у себя и недостаточно читаем; мы еще меньше путешествуем.

С другой стороны, наши дипломаты, слушавшие все, что говорилось, и тотчас доносившие слышанное

или виденное в салонах, пренебрегая серьезным сбором сведений отовсюду и ото всех, уверяли, что знают Россию. Желая понравиться, они прислуживались своему начальству. Редки те мужественные люди, доносящие события в том виде, как они действительно бывают, пренебрегая тем, нравится ли это или нет, но еще реже те, кто их слушают. Вспомните Стоффеля до 1870 года. Несмотря на это, широкий расцвет книг позволил бы нам, за недостатком официальных путешественников, разобраться во всем... После 1815 года многие тома подробно и последовательно изучали Империю Царей.

Особенно, если прочесть историю Карамзина, переведенную с 1816-го по 1820 годы и которую можно найти в Национальной Библиотеке; великий русский патриот кончает историю своей страны Царем Петром; если перелистать труды, освещающие действия Священного Союза, а затем другие, выводящие из последних свои заключения; если поразмыслить над прекрасной книгой Мишле “Демократические легенды Севера”, которую я рекомендую всем моим друзьям демократам и социалистам, то увидели бы, с какой верностью взгляда великий историк объясняет, что если Польша есть народ без правительства, то Россия есть правительство без народа. Кинэ пошел еще дальше, предвидя почти все, что происходит сейчас в России, говоря, что она еще находится в варварском состоянии, не обладает глубокой нравственностью и практикой свободы и что она еще нам даст двойную карикатуру Христианства и социализма, которая явится опасностью для мира. Итак, одним словом и для того чтобы вынести заключение: если бы мы изучили русскую реальность, то перед войной не было бы места иллюзиям реакционеров, так же как и теперь иллюзиям наших товарищей, и тогда в полном единомыслии мы могли бы вести в России свою политику,

не задевающую ни правых, ни левых — политику социального центра, ту самую, которая нужна была русской революции, дабы ее спасти.

Я вспоминаю, как в начале русской революции один из наших карикатуристов сделал рисунок, в котором маленькая, еще молодая русская республика стоит перед американской и Французской республиками; он сделал надпись: “Послушай все же двух твоих старших сестер”. Так вот я хотел бы, чтобы остановились на этом добром совете». (Бурные аплодисменты.)

Б.: Серафимович: «ББ.:, я согласен с Б.: Лебедем, но при условии, чтобы республика-сестра не снабжала бы оружием противников русского народа и потянула бы ему братскую руку, вместо политики сжатого кулака.

Возвращаясь к вопросу, нам предстоит, ББ.:, осуществить акт не только нравственный, но равно и акт практической политики. Со времени окончания войны мы видим наших вчерашних союзников, англичан и американцев, старающихся задушить нас; они как бы заменяют наших вчерашних врагов немцев, хотевших, в свою очередь, задушить нас всевозможными мерами.

Неужели, действительно, Франция допустит, чтобы над ней насмеялись? Допустит ли, чтобы некоторые капиталисты продолжали в мирное время политику военных барышей?

Дозволят ли некоторым богачейшим и влиятельным спекулянтам душить русскую революцию для достижения скандальных прибылей и для установления в этой несчастной стране товарообмена на фантастических доходах при помощи реакционной денежной олигархии, желающей восстановить довоенное самодержавие?

Что и говорить, мировое положение ультрареволюционно. Есть ли в том вина трудящихся всего мира? Это разве они искали и вызвали войну?

Если положение революционно, то в том вина капиталистов, будь они французы, англичане или американцы. А нам говорят: “Мы будем помогать посредством французского оружия взыскивать русские капиталы, потерянные во время войны; мы будем продолжать эту гнусную политику капиталистов; мы будем повсюду под-

В. А. Лёвшин

держивать этот реакционный дух, который есть дух Франции; вместо того чтобы помочь России возродиться, освободиться, мы тоже примемся ее душить, говоря ей: “Мы союзники””. Вот что предлагает вам постановление Комиссии. Итак, я восстаю против этого постановления.

Мне хотелось, чтобы масонство объявило бы: “Мы протягиваем России братскую руку. Мы не хотим знать, что происходило при царском режиме, бывшем причиной, или одной из причин, мировой войны и, как ее следствие, нынешней Революции”. Но, если мы протягиваем руку помощи, нам нечего более предъявлять России свои требования; мы поможем русским подняться, и тогда, когда Россия действительно станет демократической республикой, республикой свободы, русские сами поймут, что они обязаны сделать.

Нам все же надо встать на почву текущих событий. Разве Б.: Лебей не знает, как знаем мы все, что мы переживаем период самой грубой реакции?..»

Б.: Лебей: «Я это говорил».

Б.: Сератский: «И что эта реакция имеет одну лишь цель — уничтожить большевизм. Великий народ произвел свою революцию, так же как мы сделали свою...»

Один Б.: с места: «Она не та же».

Б.: Сератский: «Они ее сделали согласно своему мышлению».

Б.: Лебей: «Они ее сделали, капитулируя перед противником».

Б.: Сератский: «Я вас не перебивал, Б.: Лебей. Я знаю... я знаю, так же как и все бывшие на войне, что, когда мы узнали, что такое траншея, мы поняли полную неспособность военных начальников, управлявших Францией, и мы поняли, что русские, брошенные в огонь без снаряжения, без оружия, без продовольствия, восстали против войны и ее более не хотели. (Аплодисменты.)

И мы, братски боровшиеся в Ложях со специальным состоянием духа некоторых из нас, не веривших в возможность победы, мы, старавшиеся исполнить свой долг при всевозможных обстоятельствах, со все возрастающей надеждой, мы, никогда не отчаявшиеся в победе права, мы вам говорим: “Не надо больше войн, мир всем народам”.

Итак, мы все же дрались, зная, что мы плохо управляемы, но я вас уверяю, что, будь мы в положении русских, я не знаю, чего бы мы не сделали... Вот почему в настоящее время это уже не партийный вопрос, нам не приходится защищать идеи Ленина или других, которых я знать не хочу, даже не большевизм; дело обстоит в помощи народу, желающему освободиться не только от уз русского самодержавия, но и от капиталистического притеснения, встречающего чудовищные затруднения и в таковых размерах, что, если бы мы, Франция, были бы поставлены в одинаковые условия, давно уже Французская революция капитулировала

бы. Русская же революция все еще держится. Она совершает ошибки; наши революционеры 1793 года тоже их делали, но осудите ли вы ее так же, как осудили бы вы революцию 1793 года? Да или нет, протяните ли вы ей руку в зависимости от того, уплатит ли она или не уплатит денежные долги? Вот в чем весь вопрос. Есть и другое дело. Б.: Лебей говорил про немецкий дух. ББ.: да будет дозволено тому, который, как вы, дрался и долго оставался бедным солдатом, сказать, что немецкого духа, во всяком случае в том виде, как его рисуют, не существует, сказать, что мы должны постараться завязать братские сношения с немцами. (Протесты и разные движения.)

Не только мы должны попробовать в масонстве сделать нравственное дело, но мы должны также попробовать способы возрождения нашей страны. В настоящее время нет иного выхода для будущности Франции как постараться завязать политические и экономические сношения с русскими и немцами. Нужно иметь смелость произнести это. Ведь не из-за того, что мы дрались, не из-за того, что немцы произвели, порицаемые нами, жестокости — мы должны оставаться на положении войны.

Мы должны приступить к разговорам; нет причины оставаться нам врагами и нужно, чтобы масонство оказалось первым пытающимся попробовать уменьшить ненависть, которую известное количество французов разжигают ради своих интересов. (Протесты.)

Вам стоит лишь познакомиться для примера с соглашением, происшедшим в производстве снаряжения и орудий между Шнейдером и английской компанией “Wickers” в Польше.

Вы тогда узнали бы, что в настоящее время эта могущественная компания, с огромнейшим капиталом, организовалась с целью снабжать поляков снаряже-

нием и тем дать ей возможность продолжать войну с Россией. Следовательно, нужно поощрять войну.

Правда кроется в том, что во Франции, как и в других странах, существуют в настоящее время капиталисты, заинтересованные в войне с Россией. Этим капиталистам наплевать на то, что будут ли

П. И. Пестель

уплачены те несколько незначительных миллиардов, которые были одолжены России; они достаточно нажили денег, и они будут продолжать достаточно наживать, производя орудия войны и издеваясь над русскими займами.

Я кончаю, просто прося вас, ББ.:, изменить вашу резолюцию в моральном смысле, прося Комиссию политических и социальных исследований согласиться с редакцией, говорящей, что независимо от всяких обстоятельств, масонство, готовое служить помощью слабым народам, народам — еще вчерашним рабам, даст русским свою братскую поддержку.

Я заканчиваю, напомнив вам один факт. Б.: Лебей только что говорил, что мы недостаточно путешествовали... Тотчас же после перемирия я видел русских, русских купцов, русских интеллигентов; знаете ли вы, что делали богатые русские, покинув Одессу?

Выгнанные жителями Одессы, русские приехали в Константинополь. В Одессе был голод; за товары, стоившие торговцам 10 рублей, платили 500 рублей.

Голодные русские проходят однажды вечером мимо большого колбасного магазина, хозяин которого, ежедневно отказывавший говядину и продовольственные продукты, работал у себя в конторе. Несмотря на это, в его освещенных подвалах находились тысячи кусков сала, ветчины и иных съестных продуктов; голодные русские начали расхватывать все эти продукты и вы, вероятно, читали в газетах, что произошло после.

Когда эти русские приехали из Одессы в Константинополь с женами, покрытыми бриллиантами, они начали кутить. Они пили всю ночь шампанское и несколько не задумывались об оставшихся там. Так вот, я понимаю, что в столь развращенной среде произошли волнения жестокого возмущения. Они будут день ото дня уменьшаться и, если вы хотите, чтобы русская революция завершилась бы в интересах русского народа, который мы все любим, а равно и в интересах Французской республики, нужно помочь русской революции, выказать ей доверие, выразить ей нашу симпатию и не объявлять ей войны, голосуя за предложенную вам резолюцию. Будем настоящими масонами».

Б.: Бессьер, председатель: «ББ.:, меня просят перенести прения на понедельник. С другой стороны я слышу просьбу прекратить эти прения. Наконец, мне представлен Б.: Виньером проект следующей резолюции:

“Дабы дать возможность Конвенту решить поставленные на повестку дня важные вопросы, гарантировав ясность, необходимую для прений, Собрание постановляет, что, кроме оратора и докладчика, всем другим ораторам слово будет ограничено пятью минутами”».

Собрание отвергает это предложение.

Б.: Жак Коеп: «Комиссия политических и социальных исследований, дабы дать возможность высказаться всем мнениям, просит, чтобы прения продол-

жались, прося перенести их на понедельник». (Одобрения.)

Переноска прений на утреннее заседание в понедельник постановлена.

Работы прерваны в 18 ч. 30 м.

4-е Заседание

Понедельник 27 сентября 1920 года (утро)

Б.: Бессьер, председатель: «Повестка дня призывает нас к прениям по поводу Циркуляра № 18. У меня есть предложение ограничить ораторов, предоставив им слово на пять минут. Это не в Мас.: традициях противопоставлять столь решительные ограничения, но, со своей стороны, я позволяю себе обратить внимание ораторов на интерес быть наиболее кратким».

Слово предоставляется Б.: Фуке.

Б.: Фуке: «ББ.:, если я поднимаюсь на эту трибуну, то лишь оттого, что считаю моим долгом француза, после полностью исполненного долга солдата, принести вам несколько разъяснений о России, которая, считаю своим долгом указать, к сожалению, почти совершенно неизвестна во Франции.

В субботу я слышал двух ББ.:, докладчиков этого вопроса; я слышал Б.: Лебея, возможно говорившего от полноты своего сердца, но, к несчастью, я обязан это сказать, имеющего вид много в этом вопросе не знающего.

Я один из первых французских офицеров, вошедших в Константинополь и также первый, увидевший после пяти лет войны русскую армию; я был начальником французской военной миссии при генерале Деникине, главнокомандующем Русской армией на Юге России; на основании этого я позволю себе сказать вам, что такое Россия и что я в ней видел; это, следовательно, сведения не понаслышке, это то, что я видел.

Я прошу Б.: Председателя и вас, ББ.:, извинить меня за то, что я задержу на несколько минут ваше внимание, обещаясь сократить, насколько возможно, свой доклад, который я вам представляю в трех частях:

1. Сведения о России.
2. Почему не хотят возобновить сношения с Россией.
3. Почему их нужно восстановить.

По первой части я уже говорил с несколькими ББ.: и вкратце изложу вам свое мнение так: “Россия еще не открыта”. До войны французы совершенно не знали России, и мы ее еще и по сию пору не знаем благодаря войне, не позволяющей нам восстановить с ней сношения. Россия — страна исключительно сельскохозяйственная и горнопромышленная, следовательно, это страна не фабричная, не мануфактурная, и когда, например, вы читаете в газетах рассуждения реакционной оппозиции, как: “Транспорт бездействует” — это натяжка и на это есть очень простой ответ: если транспорт бездействует, так это оттого, что вы помешали паровозам проникать в нее. Русские дадут вам продукты земли или руды, керосин, дерево и т. д., но не продукты фабрик; наоборот, необходимо импортировать им все те фабричные продукты, которых у них нет.

Но мало того, что Россия — исключительно сельскохозяйственная и горнопромышленная страна, нужно еще не забывать и другое обстоятельство, дабы иметь возможность с пользою обсудить вопрос; это то, что в России нет или очень низко стоит образование; интеллигентов не более 5%, все остальное — неграмотные мужики и рабочие. Следовательно, вы не можете требовать от этой страны того, что вы требуете от Франции в смысле политических и социальных направлений и эволюции, а отсюда насильственно и вы-

текают все современные затруднения управления этой страной.

Кроме того, в порядке осведомления, я уже говорил вам, ББ.:, что в сущности революция не была сделана русскими, этого во Франции не знают; русская революция была проведена англичанами, в интересах Англии. Лорд Бьюкенен, английский посол в Петрограде, нашел в один прекрасный день, что Россия не отвечает более надеждам Англии, заключающимся в том, чтобы обратить ее в замаскированную колонию, и он решил свергнуть Царя. Это было выполнено при содействии Керенского. В это время русские патриоты, настоящие патриоты, не захотели принять английско-го империализма, замаскированного Керенским, так же как они не мирились с царизмом, и русская республика, таким образом, создалась. Она еще и сейчас в периоде своего преобразования, сравнимого с нашим периодом Террора и нашей Конвенцией, но, несмотря на все, она — истинная русская республика будущности, безо всяких реакционных стеснений.

Я хотел бы дать вам несколько разъяснений, касающихся большевизма и Советов. Настоящее положение России абсолютно сходно с положением нашей Франции в 1789-м и 1793 годах и чрезвычайно обидно, что эмигранты Коблентца и Майенса, представляемые ныне русскими реакционерами и капиталистами, после Колчака и Деникина подчинившиеся Врангелю, поддерживаются нами, республиканской Францией.

ББ.:, я теперь скажу вам, почему не хотят восстановить сношения с Россией. Из того, что я мог видеть и отдать себе отчет, на то есть причины двух видов: причины социальные и причины материальные. Причины социальные зависят от нашей нынешней реакционной политики, к тому же со времени ноябрьских выборов положение все ухудшается; мы не только более не сохраняем тень нейтралитета, т. е. положения, су-

ществовавшего до ноября месяца, но с тех пор полностью и без оговорок мы приняли враждебное России положение, признав Врангеля, реакционера... к тому же генерала балтийской расы, немца.

К сожалению, нет сомнения, что слишком чистые республиканские идеи русских стесняют, может быть, современное Французское правительство. К тому же, с точки зрения социальных идей, я должен сказать вам мимоходом, что современный русский режим не признает никакой религии и эта причина служит еще на помощь реакции для вящего остервенения против русской республики».

Один Б.: с места: «Это не относится к русским, это касается их правителей».

Б.: Фуке: «К тому же русский режим вовсе не таков, как его представляют газеты; я вам на то дам кое-какие доказательства. Одна французская газета — “Le Petit Parisien” в одном из своих номеров начала июня 1920 года, в котором разбиралось польское донесение занятия Киева, говорила следующее (1-я колонка 3-й страницы): “Мы вошли в Киев, наши войска прошли ряд деревень, наполненных прекрасным урожаем, крупными стадами, мы изобилуем продовольствием”. Но, взяв первую страницу той же газеты, вы увидите на двух колонках доклад частного корреспондента “LaPetitParisien”, оказавшийся там по забавному недосмотру редактора, и гласящего: “Мы лишены всего в России, у нас ничего нет, хлеб стоит 500 рублей кило и т. д.”; я указываю на это исключительно с целью позволить вам судить; к тому же, подумайте только, что уже пять лет существует революция, а еще тем не менее не все русские умерли с голода, несмотря на то что им не хватает всего; эта газетная кампания есть кампания, оплачиваемая крупными финансовыми синдикатами для обмана общественного мнения.

Теперь я укажу вам материальную причину, которая объяснит вам современную ловкость известных лиц в отношении России. Россия до сих пор почти неизвестна, это громадный капитал, никогда еще не превращенный в ценность. До войны Россию держала под своей пятой Германия и мешала ей развиваться, так как иначе она стеснила бы Германию, хотевшую затопить мир своими товарами; ей не нужно было, чтобы Россия производила; своими низкими ценами она бы раздавила Германию. Значит, развитие России было не нужно. В настоящее время, если сельскохозяйственные и металлургические, древесные и другие продукты могли конкурировать с продуктами, ныне находящимися на французском рынке, нужно было бы немедленно понизить их цену по крайней мере на 50% и, как следствие, они способствовали бы борьбе с дороговизной жизни. Но этого не хотят, так как крупные синдикаты действуют и не позволяют нашим властям разрешить русский ввоз, послуживший бы им разорением; по мнению некоторых, лучше, чтобы разорялись мелкие. С другой стороны, когда вам говорят: “А русские долги?”... Так вот, я не скажу вам ничего лучше, как, поразмыслите, — эти русские долги ничтожны по сравнению с тем, во что оценивается Россия, и я вам всем желаю как единственное несчастье иметь в ваших сейфах большое количество русский акций.

Я вам покажу, до какой степени не хотят восстановления экономических сношений: я видел, как Россия задыхается от своих ископаемых продуктов, пригодных для экспорта; когда я там был, я просил, чтобы они экспортировали многочисленные продукты, оценивающиеся там, по крайней мере, на 50% ниже цен Франции, например поташ...»

Один Б.: с места: «Его там нет, вы не назовете ни одного месторождения поташа в России».

Б.: Фукэ: «Очень возможно, что ошибаюсь указываемой рудой, но поташ продавался по 50 сантимов кило, тогда как во Франции он стоил 5 франков; его не позволяли экспортировать. К тому же, сегодня вечером я вам дам точное имя руды, о которой я говорил. (См. далее исправление, указывающее на то, что речь шла именно о поташе.)

Следовательно, нужно восстановить сношения с Россией, невзирая на ее нынешнее состояние, которое будет постепенно улучшаться, потому что, несмотря ни на что, Россия восстановит свою жизненность, она займет свое место в Европе и, если к этому времени мы не будем в союзе с ней, другие это сделают и мы окажемся одни против англичан и немцев; у нас никого не найдется, чтобы уравновесить серьезное и опасное со всех точек зрения положение, как с военной, так и с коммерческой, перед которым мы окажемся.

Итак, я полагаю, что, во-первых, с точки зрения гуманности, Франция не может отречься от своих принципов 1789 года и что мы обязаны признать Русскую республику. Во-первых же, если вы любите вашу Францию, если вы хотите быть республиканцами, вы обязаны исполнить ваш долг французов, гарантируя будущность нашей дорогой Франции, прося лишь, единственно, выполнение нашего прекрасного республиканского девиза, приняв следующую резолюцию, которую я представляю нашему Б.: Председателю:

“Конвент В.: В.: Франции в своем заседании 27 сентября 1920 года объявляет, что Франция, гордая своим революционным и республиканским прошлым; проникнутая чистым идеалом Долга и Разума, клеймя предательство и оскорбление Родины некоторыми капиталистическими и реакционными группировками, по долгу, как перед всемирным человечеством, так и перед самой собой, должна признать Русскую республику”».

Б.: Жак Кюен:
«ББ.: я имею честь
говорить от имени
Комиссии полити-
ческих и социальных
исследований, кото-
рая отныне находит
нужным сделать со-
общение Конвенту,
дабы, если понадо-
бится, осветить пре-
ния.

А. О. Поздеев

Комиссия поли-
тических и социаль-
ных исследований
напоминает вам, что,

согласно циркуляру Совета ордена, предложенная вам
задача двойственна: во-первых, есть вопрос: “Оценка
пролетарских республик Восточной Европы”, и затем
“Отношения, которые должна поддерживать с ними
Французская республика”.

Мы полагаем существование двух различных задач,
и мы говорим следующее: что касается оценки вну-
тренних условий существования советского режима,
мы должны признать, что в этом вопросе мы недо-
статочно осведомлены. Все Ложи, ББ.:, засвидетель-
ствовали это отсутствие точных технических знаний,
которые нам необходимо иметь, точно так же, как
здесь, с этой трибуны, высказались все ораторы. Итак,
раз масоны признают себя недостаточно осведомлен-
ными, необходимо, чтобы они всеми способами доби-
лись добавочного осведомления. Потому, что, ББ.:,
рассуждая здесь как масоны (а мы все истые масоны),
Комиссия политических и социальных исследований
имеет честь предложить вам отсылку вопроса рассмо-
трения внутренних условий действий Советской ре-

спублики на изучение Лож. Вот даже в каких выражениях представляется просьба этой отсылки:

“Конвент 1920 года,

Принимая во внимание, что сведения о внутреннем режиме Советской конституции не обладают точными данными и что их изучение не могло быть окончено Ложами с достаточной ясностью,

Постановляет:

Вопрос изучения условий применения Советской конституции и оценки, вытекающей из него для французского масонства, отослать на изучение Лож”.

Я прошу Б.: Председателя поставить этот первый вопрос на голосование.

2-й вопрос: я следую за повесткой дня, указанной нам в своем циркуляре Советом ордена; нужно выяснить, какие дипломатические и иные отношения должна поддерживать Французская республика с Советской и различными русскими республиками. По этому вопросу я также представляю вам мнение, единогласно принятое Комиссией политических и социальных исследований, за исключением одного лишь Б.: Вот его принцип, вы его обсудите; я же объясню вам, как мы пришли к соглашению.

Мы находим, что национальный интерес требует признания режима, фактически управляющего Россией, независимо от того, каков этот режим; мы не должны вмешиваться в рассмотрение внутренних условий функционирования Советов; нам нужно признать лишь фактически режим и нам показалось скандальным, что Французская республика нашла возможность признать Врангеля только оттого, что он занимает несколько незначительных городов в Крыму, — и отказалась признать режим, управляющий 140 миллионами населения; нам кажется, что в национальном интересе выгоднее нам не следовать политике отсутствия в Москве, а наоборот, политике присутствия. Необходимо,

дабы защищать интересы наших соотечественников, с которыми так худо поступили, иметь там людей, имеющих право говорить от имени Франции.

Вот почему Комиссия политических и социальных исследований думает, что мы должны признать все русские республики, но, вместе с тем, единогласно — и это единогласие должно вас поразить — она указывает, что необходимо принять во внимание, что признание одного государства другим обязывает восстановление ранее связывавших эти государства обязательств, как политических, так экономических или финансовых. Мы хотим вести в отношении России братскую политику, но, принимая в соображение, что в этой политике признаются понятия честности. Это наше желание, ББ.°, и я надеюсь, что, когда вскоре мы приступим к голосованию, вы увидите, что мы стали на мас.° и республиканскую почву братства, искренне стараясь добиться между собой согласия и единомыслия.

Сказавши это, вот, ББ.°, наше постановление:

“Конвент 1920 года,

Принимая в соображение демократические чувства, служащие основанием нашего ордена; желая как можно скорее видеть прекращение войны, удручающей человечество и рискующей быть бесконечной; отрицая всякую политику захвата и авантюры;

Принимая во внимание, что восстановление официальных сношений с Государством ни в коем случае не требует сочувствия или не сочувствия внутренним правилам конституции этой страны, зависящей исключительно от законов сей страны, безо всякого вмешательства чужого Государства и все это в силу принципов свободного самоопределения и верховной власти Государства;

Но принимая в соображение, что восстановление сношений обязательно принуждает, с одной стороны

и с другой, выполнение прежних обязательств, заключенных между означенными Государствами;

Принимая во внимание, наконец, что официальные сношения усилят Французскую республику в смысле защиты на месте законных интересов своих подданных;

Выражает пожелание:

Дабы Французская республика признала фактическое Государство советской, русской республики, так же как и всех образовавшихся в России государств; а в силу восстановления официальных сношений, обязательства, принятые последовательно Россией в отношении Франции и Францией в отношении России, с трех точек зрения: дипломатической, экономической и финансовой, — вступили бы на их нормальный путь, согласно правилам закона, нравственности и справедливости, не забывая соблюдение, по отношению этих несчастных народов, характера и духа благожелательства, каковые она им должна, как наследница традиции революции 1789 года”».

Б.: Лебей: «ББ.:, несмотря на поздний час, я хотел бы самым кратким образом предостеречь вас против только что сделанных Комиссией и ее почтенным председателем Б.: Коен[ом] предложений. К тому же оба предложения, которые он подверг вашему голосованию, противоречат друг другу в такой странной форме, что, если бы они были поставлены рядом, безразлично перед кем, но вне нашего собрания, пришлось бы удивиться, как второе предложение может просить у вас признания в некотором роде правительства, относительно которого в первом предложении вы признали, что не знаете даже его составных частей, ибо, не зная их, вы просите вернуть вопрос на изучение Лож. (Аплодисменты.)

С другой стороны, вы разрешите мне, в высшей степени по-братски, заметить вам, что первое пред-

ложение допущено — это признание Республики Советов — только, чтобы заставить вас проглотить второе — вопрос финансовый; если я нахожу нормальным, я это повторяю, что собрание финансистов или политических деятелей, говоря от своего имени, признает необходимость гарантировать национальный долг, стараясь заставить признать его правительством, заменившим прежнее, то я полагаю, со всей силой определенного убеждения, что масонство, организм моральный, быть может, даже последний остающийся таковым в разлагающемся обществе, дискредитировало бы себя самым ужасным образом, если завтра вне наших стен могли бы сказать: оно из русского вопроса сделало вопрос финансовый...»

Один Б.: с места: «Экономический прежде всего».

Б.: Лебей: «Останемся, ББ.:, на нашей моральной почве, это наша основа существования; в тот день, что мы станем достаточно неловки, чтобы сойти с нее, с той почвы, которая составляет нашу силу, разрешите мне сказать вам, — мы нанесем крайний вред самим себе.

Вопрос не в том, чтобы из-за этого предложения вновь начать спорить о большевизме. Я могу повторить тем, которые сегодня так восхищаются современной Россией, правительство которой не с нами, что они-то именно и были первыми порицавшими ее ранее, когда, несмотря на царизм и его недостатки, она все же боролась за общее дело Антанты, дело, бывшее идеей Правосудия и Свободы.

Я не хочу продолжать эти дебаты; я также не хочу, преувеличивая сверх меры большевизм, дать тем самым козыри в руки реакционеров — вспомните человека с ножом во рту; но в интересах Конвента мы должны найти точку соприкосновения и мне кажется, что в собрании философов, нравственность которых должна выявляться, мы легко можем найти эту точку

соприкосновения. Извините меня, это равносильно защите своего дитяти, защищать постановление, которое я представляю Собранию. Оно выражает наши действительные тенденции. Оно может, оно должно нас объединить. Смирненно я позволяю себе, из глубины моего сердца и моего разума, просить вас его принять. (Бурные аплодисменты.)

О. А. Поздеев

Французское масонство Великого Востока Франции, верное своей мысли, побудившей его приветствовать, с первых дней ее появления, русскую революцию, хотело бы, чтобы демократические и социальные данные, представляемые ею, были бы сохранены против всяких уклонений, откуда бы они ни шли. Оно просит, чтобы ничего не делалось вне необходимого духа Правосудия, Свободы и Нравственности, духа, поднявшего русский народ, когда он порвал свои узы, и позволившего ему это исполнить. Оно считает, что необходимое освобождение России может совершиться лишь на демократической и социальной почве. В интересах Европы, так же как самой России и общего Мира, оно шлет свои пожелания о возрождении русского народа».

Продолжение прений отложено на послеобеденное заседание.

Работы окончены в полдень.

5-е Заседание

Понедельник 27 сентября 1920 года (вечером)

Б.: Монье: «Повестка дня призывает к продолжению прений по поводу циркуляра № 18. Я даю слово Б.: Лессеру».

Б.: Лессер: «ББ.:., Совет ордена предложил вам вынести решение по двум пунктам: один, касающийся оценки, которую вы должны сделать русскому правительству, другой — о сношениях, которые Французская республика могла бы поддерживать с этим правительством. Это очень ясно. Вы поставлены перед двумя постановлениями: одно — предложенное Комиссией политических и социальных исследований, другое — предложенное Б.: Лебеем; нужно между ними выбрать».

По первому пункту Комиссия заявляет, что мы еще не в состоянии высказаться. Мы находим, что, дабы формулировать мотивированную оценку русского правительства, было бы желательно иметь более значительные документы, чем находящиеся в нашем распоряжении; следовательно, наша Комиссия совершенно логично просит, чтобы этот вопрос был отослан на рассмотрение Лож.

По второму пункту, считаясь с экономическим положением и вдохновляясь масонским духом, она вам говорит: “Желательно прекратить войну, желательно, чтобы одна половина Европы не дралась бы с другой. Мы просим вас, наконец, прекратить это положение вещей; мы обращаемся к вашему масонскому духу и мы вас просим, чтобы на земле кончилось бы это бесконечное разорение. Сейчас мы увидим, отклоняемся ли мы, рассуждая подобным образом, от истых чувств нашего Ордена”.

Я приступаю теперь ко второму пожеланию; я только что его перечел и мне кажется, что оно особенно

напирает на вопрос оценки. На самом деле оно говорит: “Если в настоящий момент вы протяните руку России, то тем самым вы займете враждебное положение по отношению первых русских революционеров”. Б.: Лебей, говоря это, как бы заранее выносит приговор положению русских, с политической точки зрения.

Однако в Комиссии мы не нашли нужным высказаться по этому пункту, находя, что у нас отсутствуют необходимые данные. Если Б.: Лебей ими обладает, я чрезвычайно хотел бы, чтобы он изложил нам их с трибуны... Время, к тому же, еще есть, и мы все будем в восторге услышать эти разъяснения.

С другой стороны, Б.: Лебей говорит, что было бы почти противомасонски возобновить отношения с Россией. Противомасонски? Да почему же? В субботу в прекрасных словах мы приписывали нашему ордену наследие якобинцев. Однако, если память мне не изменяет, чего хотели якобинцы, по словам великого историка, каковым был Эдгар Кинэ? Перенесемся мысленно ко времени открытия Конвенции в сентябре 1792 года: “Вот наш символ веры, говорили они; мы деспотично хотим популярную Конституцию”. Нам не отречься от этих слов, не нам судить прошлые времена. Период революции не есть нормальное время, это бесспорно, в нем не всегда делают, что хотят. Немного времени спустя ворчливая Коммуна наводнила Парламент. Друг против друга там находились две партии: жирондисты, желавшие управлять в порядке, методично, как при мирном режиме, проникнутые искренним чувством свободы, и с другой стороны — якобинцы. И мы видим, как якобинское меньшинство предало Жиронду народу, оставшись управлять в обезглавленной Конвенции.

Такие события, может быть, и достойны сожаления, но они ничего не отнимают от величия нашей ре-

волюции. Так протекают события, и никто из нас не в состоянии укротить бурю — это невозможно.

А в настоящее время мы позволим себе сказать, что мы формально осуждаем то, что происходит в России. Мы не имеем права на это, поскольку мы масоны.

Что же произойдет с момента, когда отбросите пожелания вашей Комиссии? Боже мой, случится вот что: в глазах профанного мира масонство прослышет как поддерживающее реакцию. Мы должны иногда мысленно отлучаться из наших Храмов для того, чтобы видеть последствия, которые произведет на население пожелание, которое мы примем. К тому же прислушаемся хотя бы к декларациям нашего Правительства, когда в позавчерашнем заседании Парламента г. Б... запросил Правительство, говоря: “Что вы рассчитываете делать? Рассчитываете ли вы продолжать настоящую блокаду России?”, правительство ответило, что ни за что на свете оно не хочет входить во внутреннюю политику России; оно это заявило формально, и тогда мы, масоны, мы окажемся *plusroyalistesqueleRoi*.

Предложение, представляемое вам Комиссией политических и социальных исследований, есть предложение здравого смысла. Первоначально, в первой редакции, оно казалось кладущим на чашу весов денежный вопрос. Масонство не должно высказываться в таком виде, оно рассматривает вещи с более высокой плоскости. Эта часть была отвергнута, но тогда что же остается? Вы предполагаете, что оттого, что вы сегодня восстановите сношения с Россией, вы как бы окончательно проголосуете ваше одобрение Советам? Нет, вы ничего подобного голосовать не будете, вы просто скажете, что вы желаете прекращения войны. Мне кажется и логично, и нормально.

Некоторые из вас полагают, что можно быть с Россией и не в войне и не в мире; это невозможно, нуж-

но выбрать. ББ.:, я вас прошу самым категорическим образом ответить “да” или “нет”, но я вас еще также прошу не голосовать предложения Б.: Лебея, несмотря на все уважение, которое я питаю к доброте его сердца и его братским чувствам, так как его пожелание не говорит ровно ничего. Необходимо как-нибудь да высказаться». (Аплодисменты.)

Б.: Метуа: «Я просил слово по двум причинам: первая — чтобы иметь возможность высказаться против постановления Комиссии, членом которой я состою, так как меркантильный характер этого постановления мне казался недостойным масонства; Комиссия сняла с очереди свое постановление, я более и не настаиваю. Тем не менее я должен добавить, что вновь представленное вам постановление недостаточно выявляет отказ от того меркантильного характера, в котором я упрекал первоначальную редакцию. Вот причина, помешавшая мне присоединиться к большинству Комиссии.

Второй мотив моего выступления заключается в произнесенной здесь одной фразе, в которой ставился вопрос о борьбе с большевизмом. Бороться с большевизмом, если кто-либо хотел установить его во Франции, было бы делом правительства, существующего для охраны закона, и мне кажется, что в этом отношении мы можем на него вполне рассчитывать: оно скорее имеет тенденцию превышения мер, чем их невыполнения.

Бороться же с большевизмом пером и словом есть право каждого из нас, так же как и поддерживать большевистские взгляды, буде они нам подходят.

Я добавляю, что касается меня лично, я не поклонник Советского режима и, следовательно, когда я настаиваю на праве его защитников защищать его, я исключительно доказываю свою внепартийность. Но

бороться с большевизмом в России, на русской территории, — это война, и тогда перед нами, ББ.:, ставится вопрос, хотим ли мы, чтобы страшнейшая бойня, длящаяся с 1914 года, продолжалась бы еще[?]

Если вам угодно войны, то мне не остается ничего иного, как сойти с этой трибуны и взяться за оружие, так как я офицер, но я добавлю, что она удовлетворяется режимом, вам не нравившимся, я, который не большевик, я возьмусь за оружие, но с целью защищать большевизм. (Аплодисменты.)

Я не большевик, я это повторяю, но я нахожу, что русские имеют право быть ими, если это им нравится и, возможно, они не только вправе, но их долг даже быть ими, оттого, что они более ничем иным быть не могут. Вы только что слышали одного из наших Б.:, долго прожившего в России; вчера вы слышали Б.: Лебея, говорившего вам, что мы мало или вовсе не путешествуем... Так вот, я извиняюсь за это личное указание, но я из тех, которые путешествовали и, если я никогда не был в России, я достаточно путешествовал за счет Французского Государства для изучения социальных условий иностранных народов; во время этих исследований я приобрел абсолютное убеждение, что, если и не существуют низшие или высшие расы, то существуют все же расы различные. Расы же восточные, будь то славяне, будь то татары, будь то арабы, отмечены особым мышлением, в которое входит невежество, наивность и мистицизм; в силу именно этого, совершенно личного характера восточные расы могут лишь колебаться между тиранией и анархией, а в настоящее время, хотя я очень опасаясь, что это еще на многие века, никто не способен остановить маятник их часов на том промежуточном поле, каковым является организованная демократия.

Что касается меня, то я убежден, что при желании установить в России демократию, подобно нашей, в

скором времени получилось бы полное банкротство, так как она погибла бы в неизбежной анархии. Нужно всегда помнить, что восточный народ легко поддается мистическому кризису, происходящему иногда под простым влиянием прохожего, и что этот мистический кризис тогда сметает все. Вследствие этого всякий режим, кроме самодержавного, будь то Самодержавие, практикуемое Царем, Лениным или другим, не имеет шансов на существование. Но не нам, французам, заниматься этим, и я возвращаюсь к вопросу: если мы будем бороться с большевизмом в России, — это война, неизбежная война.

Принцип, называемый ныне правом народов самоопределяться, не есть новый принцип, он очень стар; чтобы привести хоть один пример, укажу, что де Жирардин с 1836 по 1849 год в своем журнале “La Presse” — в эти годы чрезвычайно интересный — не переставал просить о невмешательстве, и он говорил и повторял почти в каждом номере: “Вмешательство — это война, невмешательство — это мир”.

Нам нечего заниматься тем, что происходит у нашего соседа, нам следует заниматься лишь тем, что происходит у нас. Я не хочу настаивать, ББ.:, я не хотел бы выйти из предоставленного мне времени. Я просто представлю предложения, которые, с вашего позволения, я прочту и которые отвечают вопросам, поставленным Советом ордена, не становясь в то же время в противоречие с постановлением Б.: Лебея. Эти две редакции, к тому же, повторяют в очень близкой форме общие идеи постановлений Комиссии и, если я их не принимаю в форме, предложенной Комиссией, то лишь только по причине, только что мной указанной, т. е. оттого, что постановления Комиссии еще недостаточно очищены от меркантильного духа и тем самым обесчестили бы масонство.

Вот первое постановление:

“Конвент,

Утверждая лишний раз демократическую волю масонства,

Свидетельствует, что система республики Советов не удовлетворяет своим принципам:

1) оттого, что она не осуществила полностью всеобщее избирательное право;

2) оттого, что она не применяет разделение власти;

Но признает русский народ единственным вправе высказаться по этому поводу в России”». (Аплодисменты.)

Один Б.: с места: «Это не есть оценка Советской республики».

Б.: Метуа: «Это достаточная оценка для того, чтобы мы могли сказать, что мы не согласны с подобным режимом у нас.

Что касается вопроса о сношениях, то я предлагаю:
“Конвент,

Ставя выше всех интересов, каковы они ни были бы, принципы прав Человека и прав Народов, а также утверждая непоколебимое желание масонством мира,

Приглашает Правительство Французской республики объявить, что оно признает в России Правительство Советской республики и что оно ничего не предпримет против этого правительства на территории России”». (Новые аплодисменты.)

Б.: Фонтени: «ББ.:, вас старались остеречь по поводу оценки, которую мы должны были вынести относительно Советской республики, против возможного установления подобного режима во Франции. Я считаю своим долгом, хорошо ознакомленный с вопросом, сказать вам, что никогда, ни в прошлом году во время забастовки металлургов, ни в этом году до 1 мая, вопрос об установлении во Франции режима, похожего на существующий ныне в России, не поднимался.

Мы знаем, что между фактически существующим нынешним капиталистическим режимом и коллективистским, нами желаемым и являющимся идеалом, должна находиться спайка, но Франция, не будучи Россией, тот режим, который явится этой спайкой, во Франции не может быть тем, что он есть в России. Считаю своим долгом сказать вам это, ББ., так как признаю за благо, чтобы мнения и пожелания передовых людей не были известны исключительно из утверждений их противников, но также и из заявлений самих заинтересованных.

Что касается оценки республики Советов, мне кажется, что все до сих пор высказанные суждения имеют основанием громаднейшую ошибку. Французская республика была создана на принципах Свободы, Равенства и Братства. Всякая революция имеет целью обеспечить общее благополучие; когда наши предки провозгласили принципы Свободы, Равенства и Братства, они имели в виду осуществление этого благополучия. Через сто тридцать лет мы видим их дело — оно не блестяще; свобод у нас более не остается; равенства нет; братства никогда не было...» (Протесты.)

Один Б.: с места: «Вы преувеличиваете».

Другой Б.: с места: «Не нужно впадать в подобные преувеличения».

Б.: Фонтени: «Русская революция приняла за основание совершенно иной принцип, который, впрочем, заметьте, масонский, так как он фигурирует в 4-м пункте нашей конституции, совершенно так же, как принцип Свободы, Равенства и Братства фигурирует в пункте 1-м. Русские посмели объявить аксиому очевидной истины: «Собственность не кормит своего владельца, собственность кормит ее обрабатывающего», и отсюда они сделали вывод: «Кто не работает, тот не ест». Русские посмели сделать из труда (признаваемого нами как главный долг человека) долг, а из этого долга они

постарались сделать обязательство.

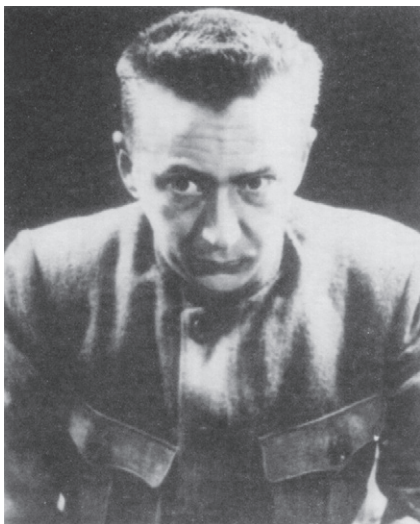
Итак, ББ..., это не так легко сделать, когда предполагают обязать всех работать, находятся люди, этого не желающие, и вполне возможно, что в такой момент необходимо нарушить и свободу, и равенство, и братство.

Если мы возьмем, ББ., Советскую Конституцию,

то в ней мы не найдем и признака желания установить в России свободу, равенство и братство, по этому поводу она нема, но она имеет целью уничтожить эксплуатацию одним человеком другого. Она употребляет средства, которые она находит подходящими, как наши предки принимали меры, которые они считали полезными для укрепления во Франции принципов равенства, свободы и братства...

Вот моя оценка республики Советов. Что же лично касается меня, то я ей чрезвычайно благодарен за то, что она сказала, что кто не работает, не ест; я желал бы то же самое для Франции.

Что касается сношений, которые мы должны иметь с вышеназванной республикой, то, уверяю вас, что, быв союзником Царя, теряешь право на излишнюю щепетильность, и раз мы были союзниками подобного тирана, мы можем поддерживать нормальные дипломатические сношения с народом, претендующим быть самым диктатором». (Аплодисменты.)

А. Ф. Керенский

Б.: Шовин: «ББ.:, я хотел сказать лишь одно слово с надеждой пролить некоторый свет на настоящие прения.

Если я не ошибаюсь, в настоящее время вопрос идет о трех резолюциях: на первой очереди — резолюция Комиссии политических и социальных исследований; она разделяет два поставленные вопроса; отвечает на первый временным *non possumus*, говоря: “В настоящее время у нас нет достаточных оснований, дабы иметь возможность составить себе окончательное понятие о республике Советов”.

Вторая часть говорит: “Мы согласны с восстановлением сношений между французским правительством и фактическим правительством в России, надеясь, что вследствие этих сношений долг России по отношению Франции будет признан и может быть уплачен”.

Следующий оттенок отличает настоящую резолюцию Комиссии от ее первоначального предложения: в первом предложении признание советским правительством долгов России было первенствующим условием восстановления сношений; наоборот, во втором — мы просто высказываем пожелание, надежду и мы ставим выше всего восстановление сношений без всяких условий.

Вот, не правда ли, очень ясный анализ предложений Комиссии.

Вторая резолюция была предложена Б... Лебеем. Если я хорошо ее усвоил, она заключается в утверждении симпатий французского народа по отношению к русскому и указаний, что мы высказываем самые горячие пожелания, чтобы идеи свободы и правосудия, которые являются основанием нашего учения, восторжествовали бы в русском народе; но мне кажется, что Б... Лебей не дал исчерпывающего ответа на второй вопрос, именно: нужно ли признать фактическое правительство Советов и на каких условиях признать его?

Наконец, третья резолюция, только что представленная тем из наших Б.:, который только что имел слово: он просит, чтобы признание советского правительства было бы принято обязательно абсолютно, и, если я не ошибаюсь, он даже включил в свой текст следующие, исключительно энергичные слова: “Правительство Республики должно признать правительство Советов”.

Вот, ББ.:, каково истинное положение.

Что же нам делать? И что голосовать?

Я остерегусь повторять все, что уже было сказано; прекрасные слова, проникнутые всем, что наиболее чисто и наиболее глубоко в масонском учении, были произнесены. Лично я был глубоко растроган могуществом идей и красноречием Б.: Лебея, но, напоминая их вам, я заставляю вас терять время.

Будем же спешить голосовать. Вопрос ставится следующим образом.

Прежде всего, должны мы или нет ответить на заданные нам вопросы?

Мне представляется, что ответить на них — наш долг.

Но есть два способа ответа: либо мы действительно достаточно осведомлены по первому вопросу, либо нет; но в последнем случае надо высказаться откровенно. Поэтому, принимая во внимание все заявления, сделанные всеми ораторами, я, в свою очередь, замечая, что предоставленные нам сведения о внутренней организации Советского режима недостаточны. Мне, следовательно, кажется, что мы поступим опрометчиво, — а эта опрометчивость могла бы иметь как следствие исключительные неприятности, — если выскажемся сегодня “за” или “против” этого режима. Итак, я прошу вас высказаться так, как предлагает вам Комиссия: “Мы не знаем”, и так как мы исключительно люди совести, то мы отложим нашу оценку. Нам не

дали достаточно точных сведений и мы отвечаем: этот вопрос — “Оценка организации и даже принципов советской республики” (их цену мы не знаем), этот вопрос мы оставляем под молотком, и на будущий год мы его решим. (Аплодисменты.)

Но пусть это не помешает нам, ББ.:, послать выражение нашей горячей симпатии принципам, которыми, мы думаем, руководится советская республика... Если верно то, что говорят ее поклонники, если правда то, что эта республика стремится к развитию идей правосудия, свободы, братства, мы это желаем, лишь бы это было правдой... но, потому что я сам в настоящее время об этом ничего не знаю, то я прошу и вас не высказываться в окончательной форме.

Следовательно, что касается меня лично, я не встаю против голосования предложения Б.:. Лебея; я буду голосовать за него, потому что оно указывает направление, приветствует принцип и, если я хорошо еще помню, не содержит в себе никакого определенного и точного одобрения. Я буду голосовать за него, потому что в нем кроется вся высота и благородство нашего ордена, защищающего подобные идеи.

Перейдем теперь ко второму вопросу: нужно ли возобновить сношения? Нужно ли еще оставить колющие проволочные заграждения или их нужно уничтожить?

Мне мыслится, вам следует голосовать за предложение Комиссии, утверждающей необходимость восстановления сношений. Почему? По одной только причине, ББ.:, которую, может быть, полезно вам указать. Действительно, нужно прийти к заключению, что советское правительство появилось на свет и до сих пор удерживается исключительно и особенно оттого, что русские патриоты в настоящее время все объединены против враждебных действий иностранцев.

Русский патриотизм дает в настоящее время в помощь советскому правительству людей, которые в тот

день, что будет налажен русский мир, обратятся в худших и самых опасных противников советизма. Такие люди, как Брусилов, идут рука об руку с Советами, потому что они считают, что прежде всего остального их долг — защищать свое отечество от внешних нападений.

Из этого вытекает, что, если Французское правительство согласится на восстановление сношений, произойдет следующее: день, в который Россия заключит мир с внешними врагами, будет началом конца советизма.

Вы меня спросите, ББ.:, откуда у меня подобные сведения? Это заверение было вчера мне сделано одним членом Парламента, членом социалистической группы, г-ном депутатом Бартом; он мне сказал, что г-н Марсель Кашен имеет в настоящее время в руках доклад русского социалиста, утверждающий, что он находится в полном разногласии с советизмом в буквальном смысле этого слова и в тот день, когда защита границы перестанет служить связующим цементом для всех русских сил в один могучий союз, советизм рухнет.

Я, следовательно, обращаюсь, не говорю — к правому крылу этого Собрания, так как здесь нет ни правого, ни левого, а есть только одно доверие и братство (аплодисменты); но я говорю, ББ.:, смущенный выводом, который могла бы сделать из нашего голосования известная крайняя политическая партия: будьте осторожны; лучший способ уничтожить большевизм в России — это прекратить в России состояние войны, и в тот день, когда вы вернете ей внешний мир, вы исполните самое крупное действие — уничтожение большевизма.

И в этом случае я, ББ.:, глубокий противник советского режима, я, который голосовал в Комиссии, буду голосовать здесь постановление, защищаемое мною,

но вовсе не с мыслью, что советский режим найдет в нем новую силу, а как раз наоборот, с мыслью, что я точу оружие его разрушения, его исчезновения и восстановления истинной свободы и всеобщего голосования в России.

Не буду настаивать, ББ.:, так как я думаю, что многие из вас знают, так же как и я (это было уже высказано самым красноречивым образом с этой трибуны), о том, что советизм все еще держится силой и необходимостью вести внешнюю войну. Итак, я вас прошу исполнить от нас зависящее, дабы восстановить в России мир, потому что, сделав это, одним ударом вы убьете искусственный и самодержавный режим советизма. Вот почему я буду голосовать за постановление Комиссии.

Что же мы должны теперь делать с точки зрения вопроса финансового? Должны ли мы из этого вопроса создать неприемлемое условие для признания фактического правительства Советов? Должны ли мы, наоборот, выразить одну лишь надежду?

Я думаю, ББ.:, что мы только и можем выразить надежду, потому что, если мы логичны, если мы хотим подчинить наши действия разуму и если мы желаем сделать из признания долгов неприемлемое условие, то это будет означать, что в случае невыполнения этого условия мы будем принуждены объявить России войну. Мы не можем поступить иначе, потому что сказать: “Мы вас признаем как фактическое правительство, если вы сами признаете ваши долги”, не будет ни окончательным, ни разумным положением.

Если бы нам предстояло признать советизм как законное правительство, я мог бы еще понять это условие, но в таком случае оно имело бы и иное заключение: “Если вы не признаете вашего долга, я объявляю вам войну”.

Но в настоящее время не об этом идет речь.

Сейчас предстоит лишь признать чистое происшествие, так как признать существование фактического правительства — то же самое, что сказать: “Я признаю, что сейчас светло”.

Следовательно, нужно оставить в стороне вопрос условий, имеющий смысл лишь как угроза войны и ничего не имеющий общего с признанием случившегося.

Хотя противники России и говорят, что вокруг нее проведен только санитарный кордон, но правда в том, что это есть враждебное действие.

Следовательно, вам нужно выбрать и сказать, что признаете вы желательным — войну или мир.

С точки зрения международного права я не понимаю положение, которое могло бы быть ни миром, ни войной. А так как мы не хотим войны, я прошу вас хотеть мира, а для этого нужно только признать то, что уже произошло. Заметьте себе как следует, что это вовсе не означает сочувствия режиму, это обозначает лишь признание факта.

ББ.: у меня создается впечатление, что я защищаю заранее уже выигранное дело. Действительно, что говорилось вчера в Палате Депутатов, что говорил председатель Совета Министров, который, я предполагаю, далек от подозрений в крайней левизне? Он сказал: “Мы ни в коем случае не вмешиваемся во внутренние дела России”. На это г-н Браке, приняв к сведению заявление г-на Лейга, сказал: “Это означает, что блокада России прекратится”. Разве председатель Совета Министров возразил что-либо? Он не произнес ни одного слова; его молчание было бесспорным согласием с этой формулировкой».

Один Б.: с места: «А посылать снаряжение продолжают».

Б.: Шовин: «Если продолжают, то делают ошибку... Но я говорю лишь о том, что знаю; я говорю, что

вчера председатель Совета Министров в Палате занял определенное положение. Во-первых, и это бесспорно, он формально заявил: “Мы не позволим себе вмешиваться во внутренние дела России”; во-вторых, когда ему сказали “Я принимаю это заявление во внимание и нахожу, что оно означает окончание блокады России”, он на это не протестовал.

Разве логика не побуждает меня сказать, что эти два заверения между собой связаны и даже, вероятно, неразрывно? Если мы действительно не допускаем вмешательство во внутренние дела России и если впоследствии мы примем меры или произведем действия, продиктованные лишь злобой и презрением, применяемые к внутренним группировкам России, разве эти два положения не были бы определенно противоречивыми?

Итак, ББ., мне кажется, что в подкрепление поддерживаемого мною положения я могу сослаться на поведение председателя Совета Министров на вчерашнем заседании Палаты, и я прошу вас высказаться о том, что мы не можем быть противниками Советизма более самого г-на Лейга. Мне кажется, что в нем мы найдем достаточно гарантий умеренности наших взглядов. Вы видите, что для защиты постановления Комиссии я становлюсь на точку зрения, диаметрально противоположную большинству тех, которые будут его голосовать; многие из вас будут его голосовать, говоря: “Оно дает удовлетворение самым передовым взглядам, признание без условий фактического правительства; нам это нравится оттого, что мы социалисты”.

Как раз наоборот, я прошу вас голосовать за это постановление из совершенно других чувств, из чувства осторожности и политики; я вам говорю: “Нужно завязать сношения с Советским правительством без того, чтобы это вызвало какое-либо одобрение этого

правительства; его нужно рассматривать только как фактическое правительство; нужно иметь в России представителей, чтобы защищать французские интересы; нужно одновременно и одним ударом высказать то, что мы не воюем с русским народом”.

И я прибавляю: поступая так, мы обезглавливаем Советизм.

ББ.:, на следующем заседании я вам назначаю свидание, заключая, с вашего разрешения, пари, что в тот день, когда Россия не будет более в войне со внешним миром, разум и свобода восстановятся в своих правах и Советизм исчезнет.

Вот отчего я настойчиво прошу вас голосовать за постановление Комиссии».

...Б.: Бессьер, председатель: «Прения по поводу циркуляра № 18 возобновляются. Я предоставляю слово Б.: Шатиру».

Б.: Шатир: «ББ.:, я приехал из Константинополя, а это означает, что я видел пятьдесят тысяч русских беженцев всех классов и различных положений. Я имел возможность, благодаря друзьям и знакомым, долго разговаривать с людьми добросовестными, незаинтересованными, могущими выражать внепартийные взгляды на все то, что произошло в России, и на тот вопрос, который, разделенный на две части, нами сегодня обсуждается: во-первых, можем ли мы одобрить восточные пролетарские республики и, во-вторых, должны ли мы признать советское правительство России, — я вам дам некоторые указания, могущие вам быть полезными.

Пока мы не будем иметь точных данных, как говорил Б.: Шовин, пока мы не будем точно знать дух советской конституции и как она применяется, мы не будем способны ее оценить, а не имея возможности оценить ее в принципе, — я утверждаю, что второй пункт, тесно связанный с первым, также не может быть нами

разрешен, — мы не можем произвести голосование по вопросу признания республики Советов.

Советское правительство, ББ.:, ничего не потеряет от признания его Францией, но много выиграет, так как это поднимет его престиж и расширит его способности действия против всех создавшихся вокруг России республик, которые оно мечтает раздавить...».

Один Б.: с места: «А Польша?»

Б.: Шатир: «Польша — демократия... (Протесты.)

Сговоримся о понятии слова “демократия”; если вы говорите про передовую демократию, то она не существует и в России. Настоящее состояние России есть известный вид терроризма, диктатура, опирающаяся на силу: нет правосудия, отсутствие свободы, нет уважения ни к чему, ни одна гуманная идея не уважается. И подобное состояние вещей вас просят сегодня официально признать, дав ему моральный престиж, который оно приобретет от признания его Французским правительством.

Что произойдет тогда? Я отклоняю грубый денежный вопрос, оставленный уже с обеих сторон, этот вопрос не имеет никакого значения, так как правительство Советов примет на себя все желательные вам обязательства, заранее готовое не выполнить ни одного.

С другой стороны, большевистское правительство нуждается в войне, для того чтобы удержаться, и оно никогда не прекратит воевать: сегодня оно воюет с поляками; завтра будет — с грузинами; для того чтобы удержаться, оно, по мере возможности, будет вызывать войны со всеми своими соседями. В тот день, когда оно кончит воевать и нападать на своих соседей, русское национальное чувство, ныне его поддерживающее, ему помогающее и на которое оно, в свою очередь, опирается для того, чтобы иметь армию, это чувство от него ускользнет, и оно развалится.

Если Французское правительство признает сегодня правительство Советов, это будет немецкое господство: существует, ББ.:, немое согласие между империалистической Германией и русским большевизмом; в настоящее время под республиканским флагом военная партия Германии вас подстерегает и, когда она найдет нужным, она отставит ширму и вы ее увидите такой, какова она есть; а с другой стороны, подойдет русский большевизм, принявший республиканский облик, но у которого нет ни духа, ни буквы этого правления и который он вовсе не применяет.

Нам не следует давать нашу моральную поддержку Советской республике, дабы позволить ей совершать еще более зла, чем она до сих пор сделала». (Аплодисменты.)

Б.: Лебей: «ББ.:, несмотря на столь братское выступление Б.: Лессера, слишком уже поздно, чтобы я мог сказать, даже поддержанный новыми доводами, в чем мне представляется истина; но, если бы я спросил хотя одного из членов этого Собрания, даже из среды самых крайних, которые будто меня не слышали, вероятно, с целью легче меня оспаривать, — я знаю, что несмотря на представляемые мною с трибуны взгляды, я все же пользуюсь их симпатиями, — если еще лишний раз я спросил их, кто из них желает своей собственной стране участь большевистской России, я почти убежден, что ни один из них не поднялся бы. (Аплодисменты.)

Вот почему, ББ.:, вопрос заключается в том, чтобы выработать текст, который, ставши известным извне, не мог бы компрометировать моральный авторитет масонства, представляющий точный отзыв наших мыслей.

Нам вовсе не надлежит указывать правительству: “Вы восстановите или нет сношения с Советской республикой”; нам нечего говорить и повторять финан-

совым организациям: “Вы будете защищать французские сбережения”. Нам, на моральной почве, которая, я повторяю, есть почва масонства, надлежит указать, как мы понимаем революционную мысль и средства для ее господства.

Так вот, я еще раз позволю себе перечесть вам текст, предложенный мною Собранию. Один из ББ.:, только что говоривший, после бесконечных усилий для того, чтобы его отвергнуть, объявил текст несуществующим... Если он дал себе столько труда, чтобы его отвергнуть, то это есть знак того, что текст жизнен и ясно выражает свою мысль; я прошу вашего разрешения его перечесть:

“Французское масонство Великого Востока Франции, верное своей мысли, побудившей его приветствовать с первых дней ее появления русскую революцию, хотело бы, чтобы демократические и социальные данные, представляемые ею, были бы сохранены против всяких уклонений, откуда бы они ни шли. Оно просит, чтобы не делалось вне необходимого духа Правосудия, Свободы и Нравственности, духа, поднявшего русский народ, когда он порвал свои узы, и позволившего ему это исполнить. Оно считает, что необходимое освобождение России может совершиться лишь на демократической и социальной почве. В интересах Европы, так же как самой России и общего Мира, оно шлет свои пожелания на возрождение русского народа”.

ББ.:, представляете ли вы крайние политические течения или нет, вы знаете, что в нашей стране, как и во всех других, революции производились против разложения общества. Это не мой взгляд, это еще говорил Бланки в 1849 году, представ перед окружным судом города Бурже. Вы признаете вместе с ним, что, если совершаемая против разложения общества революция имела бы несчастье вторгнуться в окружные суды, — которые она должна была уничтожить для того, чтобы,

в свою очередь, воспользоваться ими, приняв все их обычаи за свои, — она дискредитировала бы самым ужасным образом самую революционную идею. (Аплодисменты.)

Я позволяю себе предложить вам эти размышления, столь ясные, столь точные, потому что мне кажется, что в этот поздний час — я обе-

Е. Д. Кускова

щал быть кратким и таковым я буду — они указывают нам наш долг». (Новые аплодисменты.)

Несколько ББ.: с мест: «Просим прекращения прений».

Б.: Сератский: «Я прошу слово против прекращения прений».

Б.: Бессьер, председатель: «Я даю слово Б.: Сератскому против прекращения прений».

Б.: Сератский: «Несколько минут назад, ББ.:, мы все слышали здесь масонское наставление: Б.: Дебьер говорил нам от всего своего сердца и уверен, что его слова врезались в сердца всех масонов.

Если я позволил себе выступить против прекращения прений, то это объясняется тем, что Б.: Оратор, Б.: Лебей, которого вы слышали три раза вчера, прерывал меня, хотя и с моего разрешения, в течение нескольких минут и еще говорил сегодня утром; я тоже просил слова, но не мог его получить; Б.: же Лебей выступил еще раз. Если вы думаете, что мы должны подчиниться высказанным несколько раз мнениям, я

преклонюсь, но, если, по вашей масонской совести, вы думаете, что мы должны выслушать и другие мнения, хотя они, может быть, вам и не нравятся, — несмотря на то что правда только и проявляется из подобного столкновения — вы выскажетесь против прекращения прений и выслушаете еще несколько ораторов».

Прекращение прений постановлено.

Б.: Бессьер, председатель: «Я поставлю Собрание в известность о различных предложениях постановлений. Вот сперва заключения Комиссии:

1. “Конвент 1920 года,

Принимая во внимание, что сведения о внутреннем режиме Советской Конституции не обладают точными данными и что их изучение не могло бы окончено Ложам с достаточной ясностью,

Постановляет:

Вопрос изучения условий применения Советской Конституции и оценки, вытекающей из него для французского масонства, отослать на изучение лож”.

2. “Конвент 1920 года,

Принимая в соображение демократические чувства, служащие основанием нашего ордена; желая как можно скорее видеть прекращение войны, удручающей человечество и рискующей быть бесконечной; отрицая всякую политику захвата и авантюры;

Принимая во внимание, что восстановление официальных сношений с государством ни в коем случае не требует сочувствия или несочувствия внутренним правилам Конституции этой страны, зависящей исключительно от законов сей страны, безо всякого вмешательства чужого государства и все это в силу принципов свободного самоопределения и верховной власти государства;

Но, принимая в соображение, что восстановление сношений обязательно принуждает, с одной сторо-

ны, выполнение прежних обязательств, заключенных между означенными Государствами;

Принимая во внимание, наконец, что официальные сношения усилят Французскую республику в смысле защиты, на месте, законных интересов своих подданных;

Выражает пожелание:

Дабы Французская республика признала фактическое государство советской, русской республики так же, как и всех образовавшихся в России государств, а в силу восстановления официальных сношений, обязательства, принятые последовательно Россией по отношению Франции и Франции по отношению России, с трех точек зрения: дипломатической, экономической и финансовой, вступили бы на их нормальный путь, согласно правилам закона, нравственности и справедливости, не забывая соблюдение, по отношению этих несчастных народов, характер и дух благожелательности, каковые она им должна как наследница традиции революции 1789 года”.

У меня также находится постановление Б.: Лебея, чтение которого вы только что слышали.

Вот теперь постановление Б.: Метуа, составленное следующим образом:

“Конвент,

Утверждая лишний раз демократическую волю ма-
сонства,

Свидетельствует, что система республики Советов не удовлетворяет своим принципам:

1) оттого, что она не осуществила полностью всеобщее избирательное право;

2) оттого, что она не применяет разделение власти.

Но признает русский народ единственным вправе высказаться по этому поводу в России”.

Б.: Фуке представил следующее предложение:

“Конвент В.: В.: Франции на своем заседании 27 сентября 1920 года объявляет, что

Франция, гордая своим революционным и республиканским прошлым; проникнутая чистым идеалом Долга и Разума, клеймя предательство и оскорбление Родины некоторыми капиталистическими и реакционными группировками, по долгу как перед всемирным человечеством, так и перед самой собой должна признать русскую республику”.

Наконец имеется еще одно предложение — переход к очередным делам, представленное Б.: Пералди.

Кроме того, мне представлена основательная просьба, касающаяся общего голосования, редактированная следующим образом:

“По предложению, внесенному Б.: председателем Комиссии политических и социальных исследований, в защиту поддержания сношений с русской республикой Советов, ниже подписавшиеся ББ.: просят раздельного и поименного голосования”.

Б.: Гебен: «ББ.:, во избежание какого-либо недоумения при голосовании, я вам дам одно уточнение.

Председатель Комиссии политических и социальных исследований внес два предложения, одно — предлагающее возвращение вопроса формулировки оценки советской республики на изучение лож; по этому вопросу мы не просим поименного голосования. Мы просим поименное голосование и разделение по второму вопросу, внесенному Комиссией, именно: должна ли Французская республика поддерживать сношения с республикой Советов».

Б.: Бессьер, председатель: «ББ.:, в первую очередь я спрошу мнение собрания по постановлению перехода к очередным делам».

Б.: Пералди: «ББ.:, вот почему я прошу голосовать за переход к очередным делам. Я нахожу, что что бы

вы сегодня ни сделали, каково бы ни было ваше голосование, в том или ином смысле вы нанесете крупный ущерб всему французскому масонству. Вам предстоит разрешить вопрос, который во всех своих подробностях не знаком ни мне, ни кому-либо из присутствующих. Если бы было необходимо и нужно вынести на трибуну Конвента советский вопрос, было бы величайшей и опаснейшей неловкостью принять резолюцию, которая, какова бы она ни была, будет всегда обращена против нас.

Вот почему постановление, которое я вам предлагаю, составлено следующим образом:

“В.: В.: Франции, верный своим принципам и традициям, отвергая всякий империализм, все диктатуры и тирании, переходит к повестке дня”». (Аплодисменты.)

Б.: Бессьер, председатель: «Я позволю себе заметить, Б.: Пералди, что это не есть формула перехода к очередным делам, а мотивированное постановление. Мы сейчас посмотрим, в каком порядке мы приступим к голосованию. Есть ли настаивающие на формуле перехода к очередным делам?»

Б.: Лебей, оратор: «Если вопрос заключается в только что прочитанном предложении, то я к нему присоединяюсь».

Б.: Бессьер, председатель: «Ставлю на голосование формулу перехода к очередным делам, предложенную несколькими ББ.:, а не только что прочитанное вам постановление».

Формула к очередным делам принята поднятием рук.

Работы прекращены в 16 часов 15 минут и возобновлены в 16 часов 30 [минут].

Б.: Бессьер, председатель: «Я даю слово Б.: Берне по вопросу о порядке прений».

Б.: Берне: «ББ.:, в только что вынесенном голосовании поднятием рук произошло недоразумение; большинство ББ.:, голосовавших за формулу перехода к очередным делам, были уверены, что вслед за ним будет другое голосование, могущее выяснить, должны ли мы восстановить сношения с республикой Советов. (Ропот.) Основываясь на регламенте, можно считать, что голосованное предложение принято, но выше регламента находится еще что-то: это Дух Масонства, и никто из нас не хотел бы воспользоваться голосованием, произведенном в сомнении.

В бюро была представлена просьба поименного голосования. Мы просим, чтобы собранию было предложено произвести подобное голосование, потому что мы стоим за то, чтобы Конвент не имел вида желать скомкать вопрос. Нам не назвали лож, согласных на восстановление сношений с Советами или, наоборот, с этим несогласных; я считаю, что это голосование должно быть повторено в интересах чистоты масонского Духа».

Б.: Груссье: «ББ.:, во время перерыва заседания некоторые из вас, голосуя “за” или “против” постановления, явились в бюро и довели до сведения свои чувства, уверяя, что голосование было недостаточно ясно освещено; одни думали, что после этого первого голосования могло бы быть другое, касающееся принципов восстановления сношений; другие, составляющие большинство, думали, что даже после голосования формулы перехода к очередным делам можно будет вернуть вопрос на изучение лож. (Одобрения.) Следовательно, необходимо, чтобы смысл формулировок, на основании которых мы голосуем, был бы уточнен.

С другой стороны, ББ.:, подавшие просьбу о поименном голосовании, думали, что оно будет применено к только что осуществившемуся голосованию. К

сожалению, просьба поименного голосования была совершенно ясна; ее авторы определяли, что она будет применена лишь ко второй части заключений Комиссии... было бы совершенно достаточно, чтобы один из них с места просил бы применения просьбы о поименном голосовании. Этого не было. По существу и по праву, нет сомнения, что голосование было произведено правильно; я прошу всех ББ.: признавать, что голосование было произведено в условиях наивысшей лояльности, но, как мне кажется, среди нас находится известное количество ББ.:, недостаточно схвативших значение голосования, так что, я думаю, было бы желательным его переголосовать способом, могущим прекратить всякую критику и поддержать между нами добрые, братские чувства, которые должны всегда нами руководить.

Если некоторые из наших ББ.: голосовали постановление, предполагая, что вопрос может быть возвращен для изучения лож, я им напоминаю, что этого не может быть. Следовательно, чисто по-братски положим это дело под молоток и переголосуем снова безо всяких прений, показав тем самым полное доверие лояльности тех и других, и тем самым еще более укрепятся нас связующие узы». (Аплодисменты.)

Б.: Бессьер, председатель: «Существует вопрос законности и вопрос масонского братства. Во время перерыва ББ.:, опираясь исключительно на устав, высказались за сомнительность голосования и находили, что он должен быть перебаллотирован. Спрошенное мною Бюро было единодушно в признании голосования вне сомнительности и в том, что оно не могло быть повторено. Следовательно, с точки зрения устава голосование принято.

Но есть ББ.:, думающие, что затронут вопрос совести и масонского братства. Во время перерыва мне указали, а Б.: Берне вам это только что высказал, что

в умах некоторого числа из нас по разным причинам могло произойти смущение. Некоторые ББ.: голосовали, думая, что даже в случае принятия формулы перехода к очередным делам вопрос мог быть возвращен на изучение лож. Однако, если формула перехода к очередным делам проголосована, ничто не может быть более поставлено на голосование. При этих условиях, имея в виду происшедшее недоразумение, я прошу вас из братских чувств и дабы с этим покончить, разрешить мне вопрос перебаллотировать.

Если мы произведем новое голосование, моим долгом будет предупредить вас, что мне подана просьба поименного голосования; мы, следовательно, должны будем произвести перекличку... и совершенно ясно, что баллотировка будет произведена при таких условиях, что все наши ББ.:, даже временно отсутствующие, смогут в ней участвовать».

Б.: Груссье: «Нужно, чтобы вопрос был поставлен ясно. Мы будем голосовать формулу перехода к очередным делам, но предварительно необходимо знать, поддерживается она или нет».

Б.: Пералди: «ББ.:, перед нами стоит вопрос совести; я не хочу быть ставленником никакой партии. Я вам только что высказал правду, я не хочу, чтобы мое предложение могло бы служить какой-либо хитрости, в каком бы это ни было смысле. Так как я только что просил вас встать на масонскую почву, я вас вновь прошу выказать ваше единодушие в представляемом вам постановлении».

Несколько ББ.: с мест: «Нет, нет». (Протесты.)

Б.: Пералди: «В таком случае я возвращаюсь к формуле перехода к очередным делам».

Б.: Бессьер, председатель: «Итак, будет произведена перекличка. Я прошу заключений Б.: Оратора».

Б.: Лебей, Оратор: «Благоприятное для формулы перехода к очередным делам».

Переключка произведена по голосованию формулы перехода к очередным делам.

Переключка дает следующий результат:

Голосующих	275
За	155
Против	118.

Следствием этого, формула перехода к очередным делам принята.

Заключение

Приведенные выдержки из отчета Конвента Великого Востока Франции 1920 года, касающиеся вопроса признания советского правительства, интересны со многих точек зрения, особенно с масонской, но этого рода разбор мы оставляем в стороне, исключительно коснувшись того, что может представить исторический интерес для историка революционного периода в России.

Особенно бросается в глаза при чтении этого отчета то проявленное единодушие в ненависти по отношению всего, что связано с русским Самодержавием и Царской властью.

Среди всех выступавших ораторов не нашлось ведь ни одного, пожелавшего сколько-нибудь смягчить всю ту пену злобы, вылитую за время прений на старый русский режим.

Нам, русским, всегда приходилось считаться с «развесистой клюквой», так любимой иностранцами, особенно французами, и к ней мы привыкли. Из политических «клюкв» многие нам давно известны и перестали уже удивлять нас; на них мы не будем останавливаться, отметив лишь, что все то, что касается Самодержавной Верховной Власти, на этом Конвенте рядом «клюкв», ближе подходящих под понятие «клеветы», оплевано, запачкано и страшно посрамлено.

Эта власть масонству всегда была невыносима; нет тех слов, которые удовлетворили бы его для ее очернения и, наоборот, все подходящее под понятие все более и более разлагающейся демократии, все это им мило, прекрасно, сердцу приятно.

Патриотами считаются люди, приведшие Россию к гибели; реакционерами и авантюристами — желавшие ее спасти от «социалистического рая».

Святая Русь, одним словом, была ненавистна масонству; все, что ее представляло, было негодно.

Необычайный цинизм проявился на Конвенте из уст нескольких братьев, но превзошел все допустимое в устах французского офицера Б. Фонтени, осмелившегося договориться до того безобразия, вылившегося во фразу: «Быв союзником Царя, теряешь право на излишнюю щепетильность», причем слова эти встречаются собранием аплодисментами.

Становясь исключительно на реальную почву, нужно признать, что в 1920 году французскому офицеру совестно забыть, что в течение минувшей войны Париж дважды был спасен Царской Россией и что Антанте изменила Россия революционная, а Россия большевистская завершила эту измену предательским актом — заключением Брест-Литовского договора.

Не нужно думать, что такая страшная ненависть всего, связанного с именем русского Царя, есть случайно вылившееся явление на приводимом нами Конвенте Великого Востока Франции. Нет, это не случайность, это общемасонское чувство, независимо от государств и различных в них повинований. Мало того, собранные в нашем архиве документы, исходящие, например, исключительно от русского масонства и созданные перьями русских масонов, показывают нам совершенно тот же дух, то же направление и даже составлены почти что в тех же типичных выражениях.

Можно ли в таком случае, работая над описанием русской революции и причинами, ее вызвавшими, умалчивать о существовавшей в предреволюционные годы в России масонской организации, поддержанной в своих антигосударственных замыслах мировым масонством?

Если, по мнению С. Мельгунова, «щекотливо раскрывать чужие тайны», то тогда современнику вообще не следует братья за перо, делая вид одолжения в освещении причин, погубивших нашу Родину.

Без всякого чувства «щекотливости» раскрывали мы эту тайну, черпая свои сведения не из частных и интимных дневников и писем, а приводя напечатанный официальный отчет, профану, правда, почти недоступный, составленный хранителями тех же тайн, с той разницей, что С. Мельгунов пользовался рядом дневников, большинство которых было выкрадено из письменных столов их писавших, тогда как нам к этому способу прибегать еще не приходилось.

Мы отнюдь не претендуем на то, что приводимый нами отчет даст какое-либо исчерпывающее разрешение загадки русской революции, но признаем, что для каждого прочитавшего его обывателя, а тем паче историка, возникнет вполне логичное и естественное сомнение.

Рассуждения вдумчивого лица сведутся к следующему: «Не знаю, как масонство в своей совокупности относилось и относится к памяти Царской Власти в России, но из только что прочитанного отчета мне ясно, что, во всяком случае, Великий Восток Франции, страны нам союзной и опиравшейся на этот союз полностью, до очевидности проявил к ней свою единодушную ненависть. Это настолько очевидно по данному отчету, что, казалось бы, случайный голос в защиту Царской России вызвал бы бурю негодований и эксцессов. Если же такая злоба у организации, счи-

тающейся как будто сильной, без сомнения, таится, то не предпринимала ли она когда-либо каких-либо действий для свержения этой Власти в России?»

Придя к такому исключительно логичному выводу, историку уже не пройти мимо вопроса масонства закрыв глаза, а нужно в этом направлении искать и искать, что, без сомнения, приведет к неожиданным, полезным и раскрывающим тайну революции объяснениям.

Вся наша цель в этом именно и заключается; нам хотелось рядом подобных публикаций заставить русское общество серьезно считаться с силой, охраняемой «табу»; нам хотелось побудить историка искать именно в этом направлении, а читателя, знакомящегося с историей русской революции, убедить отбросить все те труды, которые, трактуя об этих печальных временах, умалчивают о масонстве. Подобные труды не должны претендовать на труды серьезные.

С. Мельгунов честно заявил, что он «табу» подчиняется; другие, менее честные, об этом молчат; обществу же нужна правдивая история, свободная от каких бы то ни было ограничений, оттого что только тогда она будет ценной.

* * *

Следующим интересным фактом для нас, русских вообще и историков русской революции в частности, является выступление на Конвенте капитана Фукэ.

В плохо построенной речи (ораторство — удел не всех), утверждая, что он говорит лишь об увиденном и в полном знании вопроса, приведя несколько обычных для европейца рассказней, он почти всю свою речь, проникнутую ненавистью к национальной России, переводит на материальную почву.

Если бы мы не имели указаний ген. Деникина, построение его речи было бы менее понятным; она легко

разъясняется при сопоставлении ее с представленным Фукэ ген. Краснову соглашением.

Предлагаемое им к голосованию постановление совершенно невероятно, настолько оно противоречит всем понятиям службы того рода представительства, которое нес на себе кап. Фукэ. До очевидности ясно, что назначение его при ген. Деникине имело целью, помимо осведомления французского правительства, оказание помощи и поддержки антибольшевистскому движению. Тут двух мнений быть не может и, следовательно, с особой ясностью в нашем понятии должны выявиться эти двуличные действия представителя Франции. Если слово «измена» не может абсолютно подойти как оценка подобного поведения, то «предательство» займет, вероятно, свое надлежащее место.

Что могло руководить кап. Фукэ?

Может быть, готовя свое выступление, вспоминал он отказ ген. Деникина от представления его к производству в следующий чин; может быть, мстил он за хлопоты генерала о его отозвании с неплохо оплачиваемого места, на котором он думал играть роль, создавая свою собственную политику; может быть, причины его выступления на Конвенте, так же как и его действия при Добровольческой Армии, имели более глубокие корни; лучше всех наших военачальников знал и оценивал он представляемую им среду, давно уже находящуюся под масонской пятой, почему был уверен в том, что предательская игра, ведомая им по отношению русского дела, заранее будет оправдана властью, его пославшей. Все это — дело его личной совести; нам важно знать, что начальник французской военной миссии при главнокомандующем армиями Юга России ген. Деникине кап. генер. штаба масон Фукэ мог, присутствуя на Конвенте Великого Востока Франции, предлагать для голосования постановление, направленное против того главнокомандования, при

котором он состоял, требующее признание противников всего главнокомандования — советского правительства.

Масонский дух победил в нем долг офицера.

Сообщения парижской газеты “Libre Parole” (1920)¹

В октябре 1920 года в парижской газете “Libre Parole”, г. Луи Тернак напечатал протокольные сообщения о заседании масонского Совета Великого Востока Франции. Приводим наиболее существенные выдержки из этих масонских протоколов.

ЗАСЕДАНИЕ 20 ДЕКАБРЯ 1919 ГОДА, В ПАРИЖЕ:

Брат Карно, председатель, признает крайне доброжелательное отношение большевиков к Великому Востоку, указывая все-таки причины крайней обоюдной осторожности при ведении переговоров.

Брат Милле высказывает от чистого сердца приветствие большевикам и, со своей стороны, как председатель общества недвижимостей Великого Востока высказывает им особую признательность за их великодушные, которое дало возможность восстановить храм на RueCadet. Но общее мнение, что Великий Восток не должен заходить слишком далеко и компрометировать себя, а должен считаться и с отрицательным отношением к большевизму связанных с масонством купцов и мелких промышленников.

Брат Гюарт признает, что большевистское движение в франмасонстве оказало значительные услуги ордену в критические моменты ликвидации войны, он стоит за энергическое, но осторожное действие Совета ордена.

¹ Из архива Н. Ф. Степанова.

Брат Водекар, генеральный секретарь Великого Востока, напоминает, что брат Магальхаэнс Лима, Великий Мастер португальского масонства, при своем последнем посещении RueCadet высказал свое благожелательное отношение к русской республике, не говоря этого открыто. Этот осторожный образ действия дал хорошие результаты без того, чтобы непосвященное общество могло догадаться об источниках этого движения.

Председатель Карно заявляет, согласно всему сказанному, что орденский Совет сочувствует распространению большевистских идей, однако требует, чтобы о них говорили как о «советских» идеях, дабы не оттолкнуть тех братьев, которые враждебно относятся к большевистским положениям.

ЗАСЕДАНИЕ 18 ФЕВРАЛЯ 1920 ГОДА:

Брат Ланкин сообщает о происшествиях в России и на Балканах. Он заканчивает пожеланием большевизму окончательной победы.

Брат Лаи предлагает послать приветственную телеграмму зависящим от Великого Востока масонским ложам в России. Составление телеграммы поручается ему.

ЗАСЕДАНИЕ 21 АПРЕЛЯ 1920 ГОДА:

Брат Ланкин предлагает схему циркулярного письма ложам об отношении к «советам». Он говорит об ошибках прежнего министерства (французского) и министерства того времени, допущенных в отношении России, благодарит орденский Совет за то, что он не изгнал большевиков из лож и разрешил им развить всемирную деятельность. Далее брат Ланкин говорит о своем циркулярном письме, в первой части которого заключается история большевизма; во второй — особенно обращено внимание на заинтересованность

Франции завязать тесные сношения с большевиками; в третьей же — высказывается пожелание свергнуть министерство Мильерана и создать кабинет, благосклонно настроенный к переговорам с Лениным...

ОСОБЫЙ АРХИВ КГБ СВИДЕТЕЛЬСТВУЕТ¹

Беседа Олега Платонова с корреспондентом газеты «Подмосковные известия».

Ю. Сазоновым

— *Что побудило Вас заняться изучением масонства?*

— Я обратился к Особому архиву КГБ для того, чтобы собрать материал о причастности масонов к уничтожению монархии в России, и просидел в нем безвылазно несколько лет. Один за другим я находил редчайшие документы, о которых никто раньшедаже не слышал. Выстраивались доказательства того, что история убийства Царской семьи напрямую связана с международными организациями. Их тайны оберегались так надежно, что, не случись Вторая мировая война, мы так и не узнали бы о них ничего до сих пор. Бесценное достояние — десятки, сотни тысяч секретных папок (протоколы заседаний тайных обществ, циркулярные письма, инструкции, финансовые отчеты, переписка с середины XVIII века по 1939 год, которые Гитлер собрал по всей Европе и поместил в секретный центр в одном из замков Нижней Силезии) после нашей Победы оказались в руках Красной Армии. Трофей этот хранили под строгим секретом в Москве, вплоть до 1991 года. О существовании его не знали даже архивисты, кроме непосредственно причастных к нему.

Его материалы помогли доказать, что к убийству последнего русского государя были причастны «кузницы всемирного счастья» — масоны. В это трудно поверить, но документы свидетельствуют, что на Нико-

¹ Печатается по: Платонов О. А. Русский путь еще не пройден. М., 2015..

лая II готовили целый ряд покушений — и с самолета, и с подводной лодки. Князь Давид Бебутов (один из учредителей первых масонских лож в России) не пожалел 12 тысяч целковых для эсеров за убийство Николая II.

— *Олег Анатольевич, простите, но князя Бебутова разоблачили не Вы, а Нина Берберова в книге «Люди и ложи».*

— Правильно, Берберова работала с архивом Бебутова в Гуверовском институте, и я уже шел по ее следам.

— *Берберова пишет, что настоящих масонов в России не было, а под видом, мол, масонства в России работала политическая революционная организация.*

— Все суждения Берберовой разбиваются сходу, когда находишь подтверждение тому, что эти так называемые «ненастоящие» масоны российские, переехав за границу, вошли в самые настоящие масонские ложи.

В Гувере находится и архив самой Берберовой, в который мне тоже довелось заглянуть. На фотографиях она — с Керенским и близкими ему людьми. Тут же ее муж Федор Макшеев, один из секретарей Керенского. И тот и другой были масонами. По оставленным ею письмам, запискам видно, насколько близко она была связана с масонским подпольем. После знакомства с архивом Берберовой совсем иначе воспринимаются «Люди и ложи». Вы можете со мной, конечно, не соглашаться, но я убежден: главная цель ее книги — увести читателя от истины. Ведь многое тайное в последнее время становилось явным, просачивалось в печать. Скрыть его уже нельзя, но можно перетолковать, изменить акценты.

Как теперь выясняется, почти все члены Временного правительства были масонами. А часть из них входила даже в так называемый Высший Совет Великого Востока народов России. Оказывается, за год-два до

за ним следили. Сопровождавшие государя Н. Макаров и В. Вершинин тоже оказываются масонами. Для них вопрос о царе и царской власти носил принципиальный характер. Они считали, что царь должен быть уничтожен, но так, чтобы на самих масонов тень не пала.

Масонские ложи действовали почти во всех крупных городах России: в Петрограде и Москве, Киеве и Риге, Самаре и Саратове, Екатеринбурге, Кутаиси и Минске, в Одессе, Тифлисе, Витебске, Вильно. Ядро российского масонства составляли 28 лож ордена Великий Восток Франции. Масоны проникали во все жизненно важные государственные и общественные центры страны, происходило «обволакивание власти людьми, сочувствующими масонству».

— *Олег Анатольевич, в своей книге «Тайная история масонства» Вы причисляете к масонам таких известных писателей, как Амфитеатров, Мережковский, Немирович-Данченко, Вересаев. Это были все не глупые люди. Неужели они стали бы работать на разрушение России?*

— Что касается писателя Вересаева, автора хороших книг, некоторых других честных и порядочных людей во все века, то они записывались в масоны, скорее, по неведению, и это легко доказать в каждом конкретном случае. А вообще большинство простых людей вынуждено было так или иначе подчиняться масонству. Причем многие даже не знали, что работают против России, ибо их нелегальная деятельность шла под крышей разных легальных общественных организаций, которые толкали их на это.

— *К числу разрушителей государственного строя дореволюционной России Вы относите и лидеров патриотического движения, например В. Шульгина.*

— Да. Ведь все они вошли в так называемый Прогрессивный блок.

А задача Прогрессивного блока состояла как раз в отстранении от власти законного правительства, в формировании нового совета министров, «облегченного доверием страны». Как теперь выясняется, почти все руководители Прогрессивного блока состояли в масонских ложах. Совершенно очевидно, что деятельность этого блока направлял Верховный Совет российских масонов.

Масоны, я бы сказал, становились как бы законодателями общественной жизни интеллигенции и чиновничества в России.

— *А может, это происходило оттого, что всем хотелось перемен?*

— Но каких? Россия не эксплуатировала другие страны, как Запад, и ей было не угнаться за европейским уровнем жизни. Народ был доволен царем и жил несравнимо богаче, чем при советской власти и тем более теперь. Его молчание воспринималось «образованным обществом» как рабская стихия. Просвещенные господа с пренебрежением относятся к народу, оплевыывают все исконно русское, обливают грязью царя и тем самым вместе со всеми антирусскими силами стремятся к превращению Первой мировой войны в революцию. Но во имя чего? Сочувствующие масонству и не догадывались, что Верховный Совет российских масонов не имел во Всемирном Масонском Совете даже права самостоятельного голоса. Интересы Верховного Совета представляла французская делегация. И уже одно это делало их изменнической организацией.

Со временем открылось, что масонами были великие князья Николай Михайлович, Александр Михайлович. Постоянно сотрудничал с масонами и великий князь Дмитрий Павлович. Среди царских министров и их товарищей (заместителей) на сегодня уже известны имена восьми членов масонских лож, скорее всего, их было больше. В Госдуме их было более сорока.

Они образовали даже специальную думскую ложу. Заместителем председателя Думы был сам секретарь Верховного Совета российских масонов Н. Некрасов. В минуту откровения он признавался, что его идеал — «черный папа, которого никто не знает, но который все делает».

Из писем и дневников Николая II видно, как одиноко чувствовала себя его семья в придворной среде. Царя окружали интриганы, желавшие угодить ему ради своей выгоды, а в случае неудачи бессовестно клеветавшие на него. Императора предавали и близкие и родственники, которым он казался чужим.

— *Олег Анатольевич, уж не хотите ли Вы сказать, что Россией перед революцией правил не царь, а некие тайные силы?*

— Правил-то царь, но масонство в России вовсе не было тем безобидным явлением, как пытаются его теперь представить.

В Особом отделе департамента полиции масонская тема была выделена в специальное делопроизводство. До нас дошло более трех тысяч листов машинописных и рукописных документов, свидетельствующих о том, что за масонами вели наблюдение в том числе и за рубежом. Русская разведка сумела проникнуть в самые сокровенные тайны масонских лож.

— *Выходит, царь знал о заговорщиках?*

— Разумеется, знал. И его это сильно тревожило, как и главу правительства Столыпина. По распоряжению Столыпина департамент полиции усиливает деятельность по сбору сведений о масонстве. Готовится доклад Его Величеству и отдельная аудиенция (совещание) по масонскому вопросу, чтобы обсудить программу борьбы с этой преступной организацией. К тому времени товарищ министра внутренних дел П. Курлов уже представил в «высшие сферы» докладную записку о деятельности масонов. И она,

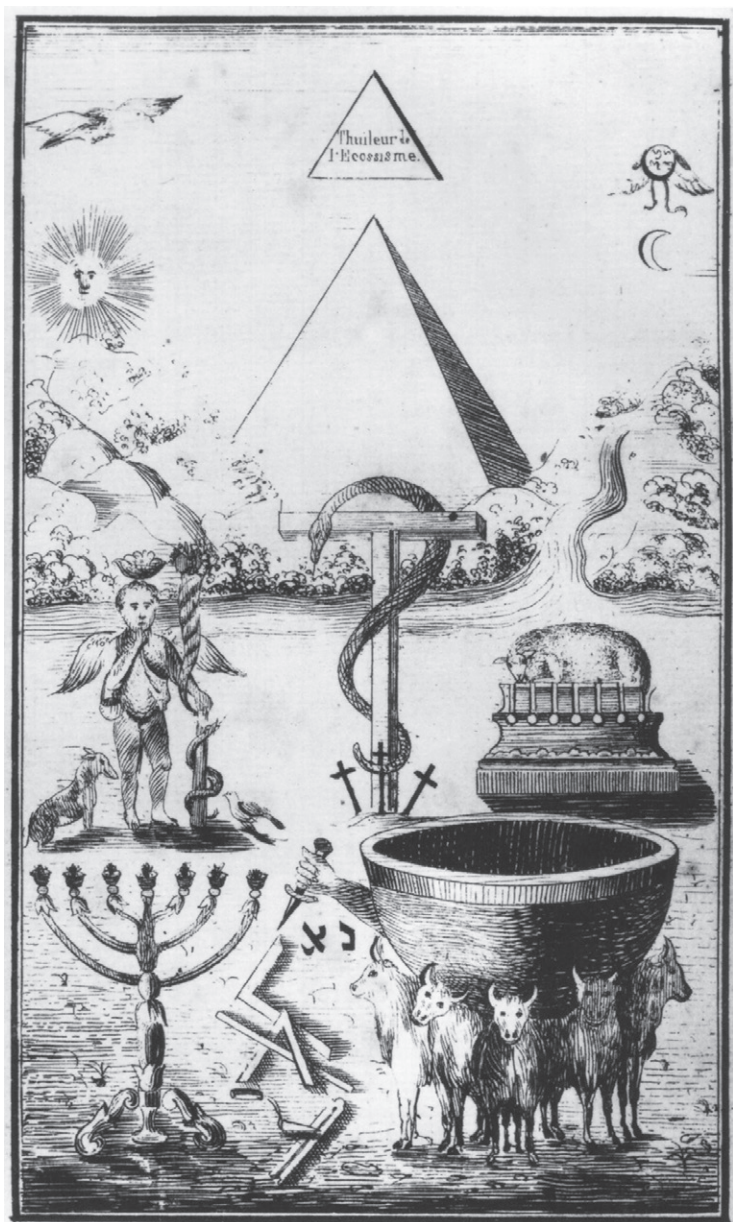
надо сказать, вызвала большое беспокойство в кругах «вольных каменщиков». Судя по всему, Столыпин собирался предпринять решительные меры против них в сентябре 1911 года по возвращении из Киева, где он присутствовал на царских торжествах. Но планам не суждено было осуществиться. Там, в Киеве, с ним расправился Л. Богров. Убийство Столыпина повлекло к отставке его ближайших сотрудников по министерству внутренних дел, и прежде всего, Курлова. Борьба с масонством была отложена на неопределенный срок, а фактически так и не развернулась.

— *Олег Анатольевич, а в каких отношениях находились масоны и большевики?*

— Большевистская власть была облеплена представителями мирового масонства. Его эмиссары посещали Россию, встречались с Лениным, Троцким, Бухариным, Петровским, Луначарским и прочими видными большевиками, еще за границей вступившими в масонские ложи.

Международное масонство с большой заинтересованностью изучает большевистский опыт по разрушению Русского государства. В декабре 1919 года в парижской ложе «Эфор» с докладом «Эволюция? Революция? Большевизм?» выступает один из главных руководителей ордена Великий Восток Франции Лан. Документально зафиксировано участие в 1919 году в масонской ложе «Единое трудовое братство» председателя Петроградского ЧК Глеба Бокия. Придя к власти, сам Ленин налаживает тайные связи с зарубежными масонскими ложами и, прежде всего, выделяет значительные суммы на ремонт главного масонского храма ордена Великий Восток Франции на улице Каде в Париже. А в это время в России люди умирали с голоду прямо на улицах.

Масоны, по-видимому, надеялись на открытое сотрудничество с большевиками, предлагая «облагоро-

Масонская символика

дить» их своими идеями и вместе с тем вынудить поделиться властью. Однако большевики меньше всего хотели этого. К концу 20-х годов преобладающая часть масонских лож приостановила свою работу. Ушла в подполье, переметнулась за границу.

К концу 30-х годов деятельность масонских организаций России в основном прекращается.

— Полвека спустя в наше время масонство в России возрождается во всей красе. Причем делается это почти открыто. Российского Президента Бориса Ельцина в ноябре 1991 года посвящают в степень командора Мальтийского ордена, и он позирует перед фотокамерами репортеров в полном масонском облачении.

— Более того, почти год спустя, в августе 1992 года, Ельцин подписывает Указ № 827 «О восстановлении официальных отношений с Мальтийским орденом». Масонские ложи растут у нас как грибы. В том же 1992 году в Москве открываются ложи «Гармония», «Свободная Россия», масонский орден Великий Восток России. Газета «Московские новости» печатает сообщение о регистрации у нас «Великой Национальной масонской ложи», возникшей при содействии Великой Национальной ложи Франции.

Для того чтобы завлечь под свое влияние как можно больше политиков, предпринимателей, лиц свободных профессий, масонские правители открывают более широкие, динамичные, не ограниченные ритуальными обрядами организации (так называемое белое масонство). Чаще всего в форме клубов, фондов, комиссий, комитетов. Самый распространенный в западных странах масонский клуб «Ротари интернэшнл» у нас открылся еще при Горбачеве. Обращает на себя внимание то, что в клубе преобладают люди, которые в свое время были в окружении Ельцина. Под стать «Ротари» и «Международный Русский клуб».

— *Итак, два политических лидера — Горбачев и Ельцин. Оба симпатизируют Западу, но не ладят. Или это только кажется?..*

— Надо всегда иметь в виду, что у масонов, как и у других международных организаций, претендующих на ту или иную сферу влияния в мире, идет жестокая борьба за власть. Бывает, они готовы друг друга сожрать для преобладания в той или иной структуре, чтобы получить реальную власть. Они могут идти друг на друга войной как фракции одной партии. Но и за масонскими организациями стоят структуры, о которых мы знаем гораздо меньше, чем о них.

— *Они стремятся к абсолютной власти?*

— Но их у нее нет. В Японии, Китае, странах арабского мира, да и у нас в России немало мест, которые они никак не контролируют. Иногда их охватывает мания величия, они увлекаются, выдавая желаемое за действительное, чувствуют себя сверхвладыками, какими на самом деле не являются.

— *Как бы мы ни относились к мировому масонству, но это — сила, с которой нельзя не считаться, как с тем же Международным валютным фондом.*

— Масонство — очень важная тема для осмысления истории всего человечества. Немало исследователей привлекают внимание к этой проблеме в тех же Соединенных Штатах, Германии, например. Практически в каждой стране существуют довольно влиятельные организации, которые в той или иной мере противостоят масонству. Они доказывают, что масонские организации играют, безусловно, разрушительную роль. Они разрушают национальные культуры и главное — души людей, поддерживают антигуманные режимы, ставящие своей целью овладение человечеством любой ценой.

Ведь что бы ни говорили о торжестве демократии, гуманизма в Америке, ее цель остается прежней — господство над миром. Эта цель была задана задолго до

Клинтона теми американскими президентами, которые нарекли себя масонами. На совести Гарри Трумэна — главы масонства Америки, которое считает себя доброй филантропической организацией (президентом Трумэн стал позже), один из самых чудовищных актов в истории человечества — бомбардировка японских городов Хиросимы и Нагасаки.

— *Неужели время не научило масонов быть гуманнее, не разрушать, а созидать?*

— Дело в том, что «хороших масонов» в лучшем смысле этого слова нет. Бывало так, что в масоны записывали людей честных и порядочных, заслуживающих всяческого уважения, и они, поняв, с кем и чем имеют дело, выходили из тайных организаций. Но истинный масон, посвященный в какие-то тайны, как правило, — человек, связанный с различными преступными организациями против людей, национальных культур. И это доказывается многими документами, которые я привожу в своих книгах.

Масонство сыграло особенно трагическую роль в русской истории на самых разных ее этапах: в семилетней войне, убийстве Павла I, в заговоре декабристов. В той или иной степени масонское влияние прослеживается во всех революционных организациях. Масоны всегда считали революцию одним из главных инструментов своей деятельности, своего учения и постоянно поддерживали революционеров и даже воспитывали их — взять тех же Нечаева, Бакунина. Князь Кропоткин вообще говорил, что каждому революционеру полезно быть масоном, чтобы объединить людей.

— *После того как наш Президент провозгласил курс на сближение с Западом, страна не может жить в изоляции от его ценностей. Чтобы убедиться в этом, достаточно включить телевизор, пройтись по московским улицам — всюду иностранные этикетки, надписи на английском, иномарки, бестселлеры об убийствах...*

— Да, это бросается в глаза прежде всего. Но ведь помимо сатанинской литературы выходит немало и хороших книг исторической, патриотической, духовной направленности. И книги эти читает в том числе и молодежь. Читает даже не потому, что сама пришла к этому. Просто ее жизнь прибила к живому источнику. И этот источник великий. Пусть таких молодых людей не так много, но они не питались тем балластом, которым мы были отравлены. И нам труднее прийти к православным истинам, чем молодежи.

Наша цель — уберечь и взрастить эту молодежь на всем том лучшем, что мы издаем и пишем о России. Посмотрите, сколько церквей открывается. Это же великое дело! Каждая церковь — против мракобесия, чужебесия, масонства, чего угодно.

Мы сейчас можем писать и говорить гораздо больше, чем в Америке. Попробуйте издать там что-либо, обличающее масонство, — это просто не прошло бы. Здесь, в России, — пожалуйста. Широкие массы американцев о наших разоблачениях не знают. И в этом отношении они как дети.

Мне пришлось исколесить по Америке многие тысячи километров. И представьте, там нет ни одного городишка или даже поселка, у въезда в который не висел бы указатель, где какая масонская ложа располагается. Никто плохого о масонах там не скажет, потому что знает: иначе никакой карьеры ему сделать не дадут. Он будет изгоем, парией, его будут преследовать. И никакой другой работы, кроме черной, ему не видать.

Сегодня масонство на Западе — разветвленная, всесторонняя, всеохватывающая организация по контролю над общественным мнением, над важнейшими политическими позициями. Я бы сравнил ее с КПСС. Сейчас масонов в Америке больше, чем у нас было коммунистов в советское время. У них есть свои обкомы, райкомы, очень строгая иерархия. Масоны в от-

личие от коммунистов нигде себя не афишируют, хотя и не таятся.

— *Олег Анатольевич, во всех Ваших книгах Вы занимаете непримиримую позицию по отношению к «вольным каменщикам», бросаете вызов обществу. Неужели Вам не страшно, что они могут ополчиться против Вас? Что Вас хранит?*

— Вера и молитва. Мы выпустили трехтомник «Терновый венец России» о тайных масонских силах благодаря владыке Иоанну, митрополиту Санкт-Петербургскому и Ладожскому, к сожалению, почившему в Бозе 2 ноября 1995 года. За десять дней до своей кончины он во второй раз благословил этот труд, сказав, что эту книгу «надо издать как можно большим тиражом и на все деньги». Он же дал ей название «Терновый венец России».

— *И все же соблазн посвящения в масоны сегодня велик.*

— Всем, кого влечет к себе Запад, мне хотелось бы поставить в пример великого русского ученого, просветителя Андрея Тимофеевича Болотова. Когда его хотели заманить в масонскую ложу, он ответил: я православный человек, и дай Бог мне исполнить все православные заповеди. Зачем мне еще какая-то масонская ложа, когда в церкви я найду все, что нужно порядочному человеку. Под его словами мог бы подписаться каждый человек, считающий себя русским.

Беседу вел Юрий Сазонов

ПОСЛЕСЛОВИЕ

Масонство во всех его проявлениях — тайное преступное сообщество, преследующее цель достижения мирового господства на началах иудаистского учения об избранном народе, главная цель масонства — разрушить христианский миропорядок путем кровавых революций. .

Русская Православная Церковь всегда осуждала масонство, справедливо считая его проявлением сатанизма. Миллионы православных христиан ежегодно предают анафеме всех лиц, состоящих в масонских ложах или связанных с ними организациях. В 1932 году на Всезарубежном Соборе Русской Православной Церкви принимается решение о том, что участие в масонских ложах «несовместимо со званием христианина — члена Христовой Церкви, что таковые должны или решительно отказаться от масонства и сродных с ним учений, или, при дальнейшей нераскаянности, будут отлучены от Святой Церкви».

Масонство всегда было злейшим врагом человечества, тем более опасным, что пыталось свою тайную преступную деятельность прикрывать завесой лживых рассуждений о самосовершенствовании и благотворительности. Однако страшные, зловещие преступления, которые оно совершало, ставили его вне закона. Практически во всех странах масонство постоянно законодательно запрещалось как преступная организация. Вот некоторые факты:

1725 г. — запрещение масонства во Франции.

1737 г. — французская полиция запрещает собрания масонов.

1738 г. — запрещение масонства в Голландии (возникло в 1734 г.) и Швеции (возникло в 1735 г.).

1740 г. — король Испании Филипп V издает Указ против масонства (возникло в 1728 г.).

1740 г. — масонство на острове Мальта запрещается.

1745 г. — правительство Республики Берн запрещает масонство специальным указом.

1748 г. — Османская Порта запрещает масонство в Турции.

1749 г. — лорд Дервентвотер, первый великий мастер масонского ордена во Франции, казнен на эшафоте за преступления.

1751 г. — Фердинанд IV Испанский запрещает масонство в своих государствах.

1801 г. — император Франциск II запрещает масонство в Австрии.

1823 г. — масонство запрещено в Португалии.

Тем не менее, несмотря на запреты, масонская идеология постепенно распространялась в общественном сознании, отравляя его христианское содержание. Чтобы вызвать доверие у непосвященных в преступную деятельность масонского ордена, вольные каменщики маскировались за фасадами филантропических организаций, заявляли о своей любви к человечеству, благочестии и добропорядочности. На самом деле деятельность масонства обуславливалась иудейской идеологией «избранного народа», якобы имевшего особые права господствовать над всем остальным человечеством. В отношении всех немасонов вольным каменщикам разрешалось лгать, клеветать, убивать, стравливать людей друг с другом, класс с классом, народ с народом. Масонское влияние было одним из главных факторов возникновения всех крупных войн, революций и иных потрясений XVIII–XX веков.

К концу XIX века масоны стали оказывать уже не опосредованное, а прямое влияние на политику за-

падных стран. К середине XX века масонские ложи и связанные с ними организации масонского типа в этих странах стали доминирующей государственной силой, осуществляя ключевую роль в формировании правительств и парламентов. Масоны пришли к власти и получили возможность безо всяких ограничений проводить свои масонские принципы в жизнь. В результате зла, насилия и несправедливости в мире стало больше, чем прежде.

Оплотом сегодняшнего западного миропорядка являются Соединенные Штаты Америки, которые вольные каменщики всего мира считают «масонским государством», «великой масонской сверхдержавой». Президент и правительство США состоят из высокопоставленных членов масонских лож. Бывший президент США Б. Клинтон — член элитарной масонской ложи «Череп и кости». Его предшественник Дж. Буш — член нескольких лож шотландского и йоркского ритуалов. Один из самых уважаемых американских масонов (33°) президент Г. Трумэн заявлял, что «строит свою государственную деятельность на принципах масонства» и желает, чтобы эти принципы «распространились на весь мир».

Руководствуясь своими масонскими принципами, в 1945 году он отдает чудовищный приказ об атомной бомбардировке двух мирных японских городов — Хиросимы и Нагасаки, в результате которой погибли 200 тыс. жителей.

Опираясь на масонские принципы, американские президенты-масоны только после Второй мировой войны совершили столько военных преступлений против человечества, что их деяния заслуживают военного трибунала:

1948–1953 гг.: участие в карательных действиях против филиппинского народа. Гибель многих тысяч филиппинцев.

1950–1953 гг.: вооруженное вторжение в Корею около миллиона американских солдат. Гибель сотен тысяч корейцев.

1964–1973 гг.: участие 50 тыс. американских солдат в карательных операциях против Республики Лаос. Снова тысячи жертв.

1964 г.: кровавое подавление панамских национальных сил, требовавших возвращения Панаме прав в зоне Панамского канала.

1965–1973 гг.: военная агрессия против Вьетнама. Уничтожение свыше полумиллиона вьетнамцев. По примеру Гитлера полностью уничтожались мирные деревни, напалмом выжигались целые территории вместе со всеми обитателями. Массовые убийства женщин и детей.

1970 г.: агрессия против Камбоджи. Со стороны США – 32 тыс. солдат. Многочисленные жертвы среди мирных жителей.

1982–1983 гг.: террористический акт 800 американских морских пехотинцев против Ливана. Вновь многочисленные жертвы.

1983 г.: военная интервенция в Гренаду около 2 тыс. морских пехотинцев. Погублены сотни жизней.

1986 г.: вероломное нападение на Ливию. Бомбардировки Триполи и Бенгази. Многочисленные жертвы.

1989 г.: вооруженная интервенция в Панаму. Погибли тысячи панамцев.

1991 г.: широкомасштабная военная акция против Ирака, задействованы 450 тыс. военнослужащих и многие тысячи единиц современной техники. Убиты не менее 150 тыс. мирных жителей. Бомбардировки мирных объектов с целью запугать население Ирака.

1992–1993 гг.: оккупация Сомали. Вооруженное насилие над мирным населением, убийства гражданских лиц.

1999 г.: агрессия против Югославии, тысячи жертв мирного населения, сотни тысяч беженцев.

2003—2015 гг. — вторжение и террористические акты американо-американского правительства и его сателлитов против Афганистана, Ирака, Ливии, Сирии. Миллионы убитых и раненых.

Но это только открытые агрессии. А сколько десятилетий США вели необъявленную войну против Сальвадора, Гватемалы, Кубы, Никарагуа, Афганистана, Ирана, Египта, вкладывая огромные средства для поддержания марионеточных проамериканских режимов или инспирированных Америкой повстанцев, выступавших против законных правительств, не признававших американского господства в своем регионе.

Общий итог жертв преступных приказов американских президентов-масонов только за 1948—2015 годы составляет миллионы человек, не считая раненых и обездоленных.

Человечество вправе предъявить «масонской сверхдержаве» счет и судить американскую масонскую администрацию и масонские администрации ее сателлитов по НАТО как военных преступников на новом Нюрнбергском процессе. Подобно идеологии фашизма масонская идеология должна быть объявлена вне закона, а ее носители подвергаться суровому уголовному преследованию. Масонские ложи должны быть справедливо приравнены к фашистским организациям и запрещены.

В России масонские ложи запрещались трижды особыми Императорскими Указами — при Екатерине II, Павле I и Александре I. Последний запрет существовал вплоть до февраля 1917 года.

Тем не менее, несмотря на запрет, масонские ложи продолжали «работать» тайно. Преступные следы их деятельности прослеживаются и в XIX, и в XX ве-

ках (и даже при советской власти). Новый «расцвет» масонских лож произошел во время так называемой «перестройки». Специальными указами М. С. Горбачева, а чуть позднее — и Б. Н. Ельцина масонство было снова легализовано и сильно расширило сферу своей деятельности за счет масонских клубов и других организаций, созданных для достижения масонских целей. В существующем виде масонство представляет огромную угрозу русскому обществу. Перед Россией, как и в начале прошлого века, стоит задача полного уничтожения и запрета масонских организаций.

СОДЕРЖАНИЕ

Предисловие	5
-----------------------	---

СТРАСТЬ К РАЗРУШЕНИЮ ХРИСТИАНСКИХ ОСНОВ

ВОЛЬНЫЕ КАМЕНЩИКИ И РЕВОЛЮЦИЯ.

Н. Ф. Степанов

Из истории русского масонства.	14
Из отчета Конвента Великого Востока Франции за 1906 год	40
Русское масонство в XX веке	45
Статьи о русском масонстве аббата Ж. Турмантена	50
Пропаганда и успех распространения идей масонства в русском обществе перед войной 1914 года	58
Как я чуть не сделался масоном (<i>свидетельство князя Д. Д. Оболенского: 1883—1884 годы</i>)	65
Откровения Е. Д. Кусковой	69
Мое пребывание в масонской ложе. А. Амфитеатров . . .	72
Устав Великого Востока народов России (<i>1912 г.</i>) . . .	84
Военная ложа. Н. Ф. Степанов	91
Таалат и Гучков. М. Маргулиес	102
Масоны в русской политике. Г. Аронсон	108
Русские масоны и революция. Н. Первушин	139

ОФИЦИАЛЬНАЯ МАСОНСКАЯ ИСТОРИЯ

Записка по истории российского масонства. 1731—1936. Д. Д. Кандауров	149
---	-----

МАТЕРИАЛЫ О РОССИЙСКОМ МАСОНСТВЕ XX ВЕКА ИЗ ЛИЧНОГО АРХИВА

Б. И. НИКОЛАЕВСКОГО	197
Русское масонство XX века (<i>из воспоминаний князя Д. О. Бебутова</i>)	198
Союз Освобождения (<i>сообщение Гр. Ил. Шрейдера</i>) . . .	225

Письмо о масонах (1912–1914?), полученное	
Б. И. Николаевским из архива В. Л. Бурцева	231
Рассказ масона Б. Гуревича Г. Аронсону	
(<i>Бутырская тюрьма</i>)	233
Запись Б. Николаевского на отдельном листке	240
Маргулиес: рукопись его дневника: годы интервенции.	
Коллекция Б. И. Николаевского (<i>из зачеркнутого</i>) . . .	242
Б. И. Николаевский: записи бесед с масоном	
А. Ф. Керенским (<i>зима 1924–1925</i>).	243
Б. И. Николаевский: записи бесед с масоном	
Н. С. Чхеидзе	247
Б. И. Николаевский: записки бесед с масоном	
Б. И. Элькиным (<i>переговоры Хатисова</i>	
<i>с вел. кн. Ник. Ник. накануне февраля 1917 г.</i>)	256
Б. И. Николаевский: записи бесед с масоном	
Н. Д. Соколовым (<i>Берлин, 1927</i>)	258
Б. И. Николаевский: записи бесед с масоном	
Н. Д. Соколовым (<i>Берлин, 18 января 1927</i>)	262
Из письма Б. И. Николаевского Б. П. Козьмину	
(<i>3 мая 1927</i>).	263
Б. И. Николаевский: записи бесед с масоном	
Е. П. Гегечкори (<i>Брюссель, 7 августа 1928</i>)	264
Б. И. Николаевский: записи бесед с масоном	
П. Н. Милюковым у Б. И. Элькина (<i>Берлин,</i>	
<i>8 января 1927</i>)	271
Записи Б. И. Николаевского	275
Б. И. Николаевский — масону С. Г. Сватикову	
(<i>26 января 1930</i>)	276
Б. И. Николаевский: записи бесед с масонами	278
Б. И. Николаевский — С. П. Мельгунову	
(<i>27 мая 1930</i>)	279
Б. И. Николаевский — масону М. А. Алданову	
(<i>23 января 1931</i>)	282
Б. И. Николаевский: записи бесед с масоном	
А. Я. Гальперном (<i>1933</i>)	284

Б. И. Николаевский: записи бесед с масоном	
В. М. Шахом (3 сентября 1934)	316
Масон П. А. Бурышкин — Б. И. Николаевскому	
(25 января 1948)	318
Б. И. Николаевский — масону П. А. Бурышкину	
(5 февраля 1948)	318
Масон П. А. Бурышкин — Б. И. Николаевскому	
(28 февраля 1948)	319
Из переписки Б. И. Николаевского с масоном	
П. А. Берлиным (1955)	320
Из письма масонки Е. Д. Кусковой к Н. В. Вольскому	
(10 ноября 1955)	322
Масон М. Корнфельд (?) — Б. И. Николаевскому	
(8 июня 1957)	326
Б. И. Николаевский — неизвестному нам адресату	
(4 июня 1957)	326
Б. И. Николаевский — Бертрану Уоллу	
(10 июня 1959)	327
М. Корнфельд (?) — Б. И. Николаевскому	
(15 ноября 1961)	328
Б. И. Николаевский — М. Корнфельду (?)	
(27 декабря 1961)	329
М. Корнфельд (?) — Б. И. Николаевскому	
(3 мая 1962)	330
М. Корнфельд (?) — Б. И. Николаевскому	
(5 июня 1962)	330
Б. И. Николаевский — М. Корнфельду (?)	
(18 мая 1962)	331
Из письма Н. В. Вольского-Валентинова	
Б. И. Николаевскому (8 марта 1960)	331
Из письма Б. И. Николаевского Н. В. Вольскому	
(3 апреля 1960)	332
Из письма Н. В. Вольского Б. И. Николаевскому	
(8 апреля 1960)	333
Из письма Б. И. Николаевского Н. В. Вольскому	
(17 апреля 1960)	334

Б. И. Николаевский — М. Корнфельду (?)	335
Б. И. Николаевский — М. Корнфельду (?)	
(29 сентября 1962)	336

СВЯЗИ МАСОНОВ С ЕВРЕЙСКИМИ БОЛЬШЕВИКАМИ

Конвент Великого Востока Франции 1920 года	338
Сообщения парижской газеты «Libre Parole» (1920) . . .	429

ОСОБЫЙ АРХИВ КГБ СВИДЕТЕЛЬСТВУЕТ

Послесловие	445
------------------------------	------------

Платонов Олег Анатольевич

МАСОНСТВО И РЕВОЛЮЦИЯ

Издательский дом «Кислород»

Редактор Д.И. Кузнецов
Корректор Н.С. Иванова
Верстка А.Е. Успенский

127254, Москва, проезд Добролюбова, дом 3, стр. 3

тел: +7(985)768-02-56

сайт: kislod-books.ru

e-mail: redaktor@kislod-books.ru

Подписано в печать 15.04.2016.

Формат 84x108 1/32.

Печать офсетная. Усл. печ. л. 14,5.

Тираж 2000 экз. Заказ №

ISBN 978-5-901635-52-0

9 785901 635520